

A
A
0
0
1
2
2
1
4
7
9
7

UC SOUTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY

THE LIBRARY
OF
THE UNIVERSITY
OF CALIFORNIA
LOS ANGELES

6696

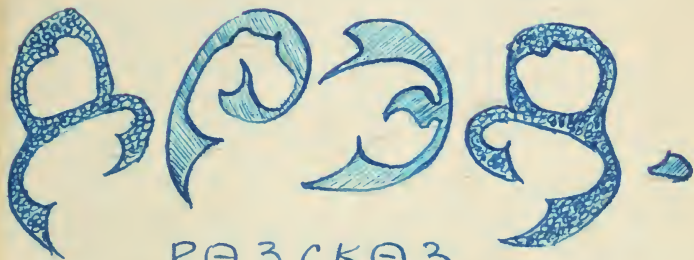
100
—
x

Г. БИЧЕР-СТОУ

6696

1258

РАЗСКАЗ

О ВЕЛИКОМ И МРАЧНОМ

БОЛОТЕ.

Томсон

FIRST POPULAR
PUBLIC LIBRARY
31 NORTH 1ST STREET
— SHARON —

L. P. N. 43 B - 2102

OFFICE OF THE SECRETARY OF THE

STATE

ДРЭДЪ.

Разсказъ о великомъ мрачномъ болотѣ.

I. Нина.

— Ты спрашиваешь счеты, Гарри?—Боже мой, гдѣ же они?—Тутъ!—
Нѣтъ. Здѣсь?—Ахъ, посмотри! Какъ тебѣ нравится этотъ шарфикъ? Не
правда ли онъ хорошенькій?

— Да, миссъ Нина, шарфикъ прекрасный—но...

— Ахъ, эти счеты!—Здѣсь?—Можетъ быть здѣсь—тутъ—не въ этомъ
ли ящикѣ?—Нѣтъ—здѣсь моя шляпа. Между прочимъ, что ты скажешь
объ этой шляпѣ? Не правда ли, серебряная кисточка на ней очень красива?
Подожди минутку, я ее примѣрю.

Съ этими словами маленькая тоненькая фигурка такъ подпрыгнула,
какъ будто бы у нея были крылья и, подпрыгивая, пронеслась черезъ всю
комнату, подскочила къ зеркалу и надѣла на свою маленькую веселую го-
ловку шляпу, повернулась на одномъ каблучкѣ и воскликнула:

— Что ты скажешь на это?

Эти слова были обращены къ очень хорошо одѣтому молодому чело-
вѣку, лѣтъ тридцати пяти. У него были черные волосы и выразительные
голубые глаза. Было что-то особенное въ строеніи его высокаго лба и въ
тонкихъ чертахъ его лица, указывающихъ талантливую и способную на-
туру. Онъ посмотрѣлъ на маленькую очаровательную фею съ выраженіемъ
глубокой почтительности и восторга. Затѣмъ легкая тѣнь пробѣжала по его
лицу, и онъ разсѣянно отвѣтилъ:

— Все, что ни надѣто на васъ, миссъ Нина, все очаровательно.

— Ты знаешь, Гарри, что на этой шляпѣ сначала было безобразное
перо. Я сама передѣлала всю шляпу въ тотъ вечеръ, когда поѣхала в
ней въ оперу, гдѣ я дала слово одному господину.

— Какъ, вы дали слово, миссъ Нина?

— Конечно!—Что въ этомъ удивительнаго?

— Вѣдь это очень серьезная вещь, миссъ Нина.

— Серьезная!—Ха! ха! ха!—засмѣялась маленькая красавица, усѣв-
шись на ручку дивана и отбросивъ на затылокъ свою красивую шляпку,
весело сказала:—я думаю—это было очень серьезно. Во всякомъ случаѣ
для него. Я заставила его быть серьезнымъ, ручаюсь тебѣ въ этомъ!

— Неужели это правда? Неужели вы, дѣйствительно, помолвлены?

— Конечно, помолвлена—съ тремя; и буду ихъ невѣстой, пока я не приду къ убѣжденію, что одинъ изъ нихъ мнѣ нравится больше другихъ! Но, можетъ быть, никто изъ нихъ мнѣ не понравится.

— Вы помолвлены съ тремя джентльменами, миссъ Нина?

— Конечно!—Что ты не понимаешь по-англійски, Гарри?

— Но развѣ это хорошо, миссъ Нина?

— Хорошо?—Почему нѣтъ?—Теперь я не знаю, кого изъ нихъ брать, а потому я взяла ихъ всѣхъ трехъ на пробу.

— Скажите, пожалуйста, миссъ Нина, кто они такіе?

— Хорошо, во-первыхъ, мистеръ Карсонъ—богатый, старый холостякъ—чрезвычайно любезный, одинъ изъ тѣхъ франтоватыхъ людей, у которыхъ всегда бѣлоснѣжные воротники и манжеты, блестящіе сапоги и туго обтянутое платье. Онъ страшно влюбленъ въ меня, онъ не хотѣлъ и слышать объ отказѣ. Ну, я и сказала: да.

— Кто же слѣдующій?

— Следующій—это Жоржъ Емонсъ; онъ—адвокатъ, изъ хорошей семьи; говорятъ, что онъ очень талантливъ; но этому я—не судья; я знаю только одно, что онъ постоянно мнѣ надоѣдаетъ своими вопросами: прочитала ли я то-то и то-то, указываетъ наиболѣе интересныя мѣста тѣхъ книгъ, которыя я никогда не читала.

— Ну, а третій?

— Третій, онъ мнѣ совсѣмъ не нравится—я въ этомъ совершенно увѣрена, онъ—противвѣйшее созданіе! Его нельзя назвать красивымъ, но онъ гордъ, какъ Люцеферъ. Я право не знаю, какъ ему удалось вырвать у меня согласіе. Это произошло совершенно случайно. По правдѣ сказать, онъ хорошій человѣкъ, слишкомъ хорошій для меня, и я немножко боюсь его!

— Какъ его фамилія?

— Клайтонъ.—Мистеръ Эдвардъ Клайтонъ. Въ его глазахъ есть нѣчто байроновское. Онъ высокъ ростомъ, хорошо сложенъ; у него прекрасные зубы, красивый ротъ и, когда онъ изрѣдка улыбается, тогда, дѣйствительно, очарователенъ. Кромѣ того, онъ совсѣмъ не похожъ на другихъ молодыхъ людей! Онъ добрый, но совсѣмъ не обращаетъ вниманіе на свою одежду, носить отвратительные сапоги и совсѣмъ не любезенъ, онъ не говоритъ, чтобы поднять вамъ платокъ или ножницы, и нужно ждать чуть не десять минутъ, чтобы онъ подаль вамъ стулъ; онъ—совсѣмъ не дама кавалеръ. Ну, и, конечно, разъ онъ не ухаживаетъ за бабышками, бабышки ухаживаютъ за нимъ, желая обратить на себя его вниманіе. Но, когда за нимъ не стала ухаживать, наоборотъ, я дразнила его, смѣялась надъ нимъ, относилась къ нему свысока и привела его въ залъ что-то непріятное обо мнѣ, я сказала еще худшій о немъ серьезно поспорились. Тогда я показала ему свое лицо. Онъ увидѣлъ, какъ это это умѣемъ дѣлать, и это привело его къ тому, чтобы хотѣть II. значеніе

онъ такъ горячо и серьезно говорилъ, что заставилъ меня плакать — противное созданіе! Я все общала, что онъ хотѣлъ.

— И вы переписываетесь со всѣми тремя?

— Да. — Не правда ли это забавно?

— Знаете что, миссъ Нина, мнѣ кажется, что ваше сердце принадлежитъ послѣднему.

— Глупости, Гарри. Я не интересуюсь ни однимъ изъ нихъ. Каждый изъ нихъ надобѣлъ бы мнѣ до смерти черезъ шесть недѣль.

— Но позвольте васъ спросить, миссъ Нина, имѣете ли вы право играть такимъ образомъ чувствами этихъ людей?

— Почему нѣтъ?—На войнѣ все дозволено. Развѣ они не поступаютъ такъ же? Вотъ, напримѣръ, этотъ противный Жоржъ Эммонсъ, онъ ухаживалъ за Мери Стефенсъ, такъ что всѣмъ это бросалось въ глаза, а потомъ взялъ, да и повернулся къ ней спиною. Ну, теперь благодаря мнѣ, бѣдная Мери будетъ отомщена.

— Ну, а третій?

— О, ему слѣдуетъ немножко поспить спѣсь, это ему не повредить.

— Но что вы сдѣлаете, миссъ Нина, если вдругъ они всѣ трое придутъ къ вамъ сразу?

— Вотъ такъ идея!—Какъ было бы смѣшно. Только подумать объ этомъ! Вотъ была бы потѣха, я себя воображаю, какія бы происходили сцены.

— Позвольте мнѣ сказать вамъ, какъ другу...

— Нѣтъ, такъ люди говорятъ всегда, когда хотятъ сказать что-нибудь неприятное. Я сказала Клайтону, чтобы онъ никогда не смѣлъ говорить со мной, какъ другъ.

— Какъ онъ ко всему этому относится?

— Покоряется!—Ему приходится покоряться: онъ гораздо больше дорожитъ мною, чѣмъ я имъ.—При этомъ она слегка вздохнула.—Я люблю поддразнивать его. Онъ принадлежитъ къ тѣмъ людямъ, которые любятъ принимать отеческій тонъ и давать совѣты молодымъ дѣвушкамъ. Нужно замѣтить, что онъ предъявляетъ очень высокія требованія къ женщинамъ. И представь себѣ, что ему приходится постоянно становиться въ тупикъ передъ мною!—Не правда ли, это смѣшно?

Тутъ маленькая фея, снявъ свою шляпу, начала вальсировать, потомъ она остановилась и воскликнула:

— Видишь, что я съ нѣкоторыми подругами училась танцевать какъ у меня есть кастаньеты. Ахъ, да, кстати, гдѣ онъ?

При этомъ она опрокинула одинъ изъ ящичковъ, изъ котораго посыпались разные вещи: браслеты, записочки, французская грамматика, карманникъ, конфеты и т. п. вещи, какія обыкновенно бываютъ у институтокъ.

— Боже мой, вотъ эти счеты, о которыхъ ты спрашивалъ. На, возьми ихъ. И при этихъ словахъ она бросила молодому человѣку связку бумагъ.

— Миссъ Нина, повидимому, это—не счеты.

— Ахъ, Боже мой, это письма отъ моихъ влюбленныхъ.—Счеты гдѣ-нибудь здѣсь.

И маленькія ручки разбрасывали вещи въ разныя стороны.

— Ахъ, они, вѣроятно, въ коробкѣ изъ-подъ конфетъ; береги голову, Гарри!

При этихъ словахъ позолоченная коробка была брошена маленькой ручкой по направленію къ Гарри. Налету коробочка раскрылась и оттуда высыпались скомканныя бумажки.

— Ну, теперь они всё у тебя, кромѣ одного, который я употребила на папиюльки.—Ну, и нечего хмуриться!—Теперь, Гарри, ты не можешь сказать, что я не сохраняю счетовъ.—Ты видишь, съ какимъ стараніемъ я сохранила ихъ. А вотъ и письмо, которое Клайтонъ написалъ мнѣ однажды послѣ нашей ссоры. Вполнѣ характерное для этого созданія.

— Пожалуйста, расскажите объ этомъ, миссъ Нина,—сказалъ молодой человѣкъ, смотря съ восторгомъ на свою маленькую собесѣдницу.

— Дѣло было такъ. Однажды Софи Елліотъ процитировала нѣсколько строкъ изъ Донъ-Жуана.—Я никогда не читала его. Но въкоторые говорятъ, что это—неприличная вещь.—И вотъ, господинъ Клайтонъ, услышавъ, что цитируетъ Софи, посмотрѣлъ на нее въ упоръ и сказалъ:—неужели вы читали Донъ-Жуана, миссъ Елліотъ?

Она, подобно всѣмъ барышнямъ, покраснѣла, смутилась и сказала, что братъ прочелъ ей только нѣкоторыя мѣста изъ Донъ-Жуана. Это меня возмутило, и я сказала, «что же тутъ дурного, если она читала. При первомъ удобномъ случаѣ я прочту эту книгу!» Всѣ посмотрѣли на меня съ такимъ возмущеннымъ видомъ, какъ будто бы я собиралась кого-нибудь убить. Клайтонъ казался весьма озабоченнымъ и, обратившись ко мнѣ, сказалъ внушительнымъ тономъ:

— Миссъ Нина, будучи вашимъ другомъ, я убѣжденъ, что вы не прочтете этого произведенія. Я бы потерялъ всякое уваженіе къ той молодой дѣвушкѣ, которая бы прочла подобное произведеніе.

— А вы, мистеръ Клайтонъ, читали его?—спросила я.

— Да, миссъ Нина,—отвѣтилъ онъ.

— Почему же вы читаете такія скверныя книжки?—замѣтила я даивно.

Тогда начался общій шумъ и толки. Мужчины заявляли, что они никогда не позволяютъ своимъ женамъ и сестрамъ читать что-нибудь неприличное.—Они хотятъ, чтобы мы были чисты, какъ бѣлый снѣгъ. Они съ нафосомъ заявляли, что не женятся на такихъ-то и такихъ-то. И эти разсужденія продолжались до тѣхъ поръ, пока я не заявила имъ: «Господа, мы очень вамъ благодарны, но мы женщины не намѣрены выходить замужъ за тѣхъ лицъ, которые читаютъ неприличныя книги. Вы знаете, конечно, что снѣгъ отъ дыма чище не становится!»

— Разумѣется, я говорила это несерьезно, мнѣ хотѣлось только вступить за своихъ и побить спицы у этихъ господъ. Но Клайтонъ принялъ это въ серьезъ: онъ покраснѣлъ, потомъ поблѣднѣлъ, былъ страшно взбѣшенъ.— Ссора продолжалась три дня. Затѣмъ я заставила его сознаться, что онъ не правъ. Не правда ли, Гарри, мужчины должны быть не менѣе чисты, чѣмъ мы.

— Я не думаю, миссъ Нина, что вы всегда будете это утверждать такъ положительно.

— О, если бы я хоть немного интересовалась кѣмъ-нибудь изъ нихъ, можетъ быть, я говорила бы иначе.

— Это такъ, миссъ Нина, но вѣдь рано или поздно вамъ придется выйти замужъ. Вѣдь нужно, чтобы кто-нибудь взялъ на себя заботы о вашемъ имѣніи.

— А, вотъ что? Тебѣ надоѣло возиться со счетами въ то время, когда я только трачу деньги. Я этому не удивляюсь. Я всегда жалѣю тѣхъ людей, которымъ приходится возиться со счетами. Не правда ли, Гарри? Ахъ, эти противныя конторскія книги. Ты знаешь, что мадамъ Арданъ хотѣла, чтобы мы въ пансіонѣ научились вести хозяйственныя книги. Я попробовала этимъ заняться въ теченіе двухъ недѣль, у меня разболѣлась голова, ослабѣли глаза, и я чуть-чуть совсѣмъ не заболѣла. Ну, и бросила эту затѣю. Если деньги истрачены, то онѣ истрачены. И какой счетъ ты имъ не веди, все-таки ты ихъ не возвратишь обратно. Отчего ты не смѣешься, Гарри?

— Я смѣюсь.

— Нѣтъ, твое лицо смѣется, но самъ ты не смѣешься. Что съ тобою? Я думаю, что это оттого, что ты слишкомъ много читаешь и занимаешься науками. Папа говорилъ, что онъ въ этомъ не видитъ ничего хорошаго...

Она оборвала фразу, замѣтивъ грустное выраженіе на лицѣ своего собесѣдника.

— Вашъ папа, я думаю, говорилъ о слугахъ?

Нина съ присущимъ женщинѣ тактомъ замѣтила, что она задѣла болную струну въ душѣ своего вѣрнаго управляющаго и поспѣшила переимѣнить тему разговора со свойственною ей легкостью и беззаботностью.

— Знаешь, Гарри, занятіе науками ужасно и для тебя, и для меня, и для всякаго другого, кромѣ сморщенныхъ стариковъ, которымъ ничего другого не остается дѣлать. Развѣ кто-нибудь въ такой прекрасный день захочетъ сидѣть дома и заниматься науками? Станетъ ли птичка или пчела заниматься изученіемъ! Онѣ не изучаютъ—онѣ живутъ. И я не хочу заниматься, а хочу жить. Ну, Гарри, приготовь верховыхъ лошадей, поѣдемъ въ лѣсъ. Я хочу набрать букетъ изъ жасминовъ и другихъ полевыхъ цвѣтовъ, какъ я когда-то дѣлала до отъѣзда въ школу.

II. Клайтонъ.

Въ большомъ кабинетѣ у открытаго окна сидѣли два молодыхъ чело-вѣка. Передъ ними стоялъ столъ съ серебрянымъ кофейнымъ приборомъ. На серебряномъ подносѣ стояли блюда съ мороженымъ и фруктами.

Объ одномъ изъ этихъ молодыхъ людей мы уже говорили. Это—Эдуардъ Клайтонъ, единственный сынъ судьи Клайтона. Онъ принадлежалъ къ одной изъ наиболѣе почетныхъ фамилій Сѣверной Каролины. Внѣшній видъ его былъ описанъ довольно вѣрно Ниной въ предыдущей главѣ. Онъ былъ высокаго роста, хорошо сложенъ, но одѣтъ съ нѣкоторою небрежностью, что могло произвести неблагоприятное впечатлѣніе, если бы не тонкое, умное выраженіе его лица. Его лицо, а въ особенности глаза поражали своєю вдумчивостью и силой. У него былъ маленькій женскій красивый ротъ и очаровательная улыбка. Но онъ улыбался только ртомъ, верхняя половина лица оставалась спокойной и задумчивой.

Другой молодой челоѣкъ—Франкъ Руссель—былъ полной противоположностью Клайтона. Онъ также принадлежалъ къ одной изъ наиболѣе почтенныхъ и богатыхъ фамилій Виргиніи, въ настоящее время пришедшей въ упадокъ.

Обыкновенно предполагается, что дружба основывается на сходствѣ характеровъ. Но наблюденія надъ жизнью указываютъ обратное, всего чаще дружба завязывается между противоположностями. Каждого изъ друзей притягиваетъ къ другому то, чего не достаетъ въ немъ самомъ. Клайтонъ по своимъ способностямъ и склонностямъ былъ челоѣкомъ, живущимъ главнымъ образомъ своимъ внутреннимъ міромъ, былъ непрактиченъ въ житейскихъ дѣлахъ, а потому онъ былъ склоненъ переоцѣнивать въ другихъ активность и практичность, которыя всегда вели къ успѣху въ жизни, которому онъ придавалъ большую цѣну, но самъ не умѣлъ достигнуть. Свободными манерами, быстрой находчивостью во всѣхъ случайностяхъ, умѣньемъ пользоваться обстоятельствами рѣдко обладаютъ глубоко-вдумчивыя натуры, и поэтому онѣ склонны переоцѣнивать эти качества. Руссель съ своей стороны былъ однимъ изъ тѣхъ людей, которые умѣютъ цѣнить высшія челоѣческія способности въ другихъ. Онъ былъ практиченъ всегда владѣлъ собою и всегда зналъ, что ему нужно дѣлать. Еще въ дѣтствѣ онъ обращалъ вниманіе своимъ тактомъ и умѣньемъ на все быстро отвѣтить. Въ школѣ онъ былъ добрымъ гениемъ своихъ товарищей, и не разъ своею заботливостью выручалъ ихъ изъ бѣды. И Клайтонъ, который по своимъ душевнымъ качествамъ былъ гораздо выше, любилъ его и въ практическихъ дѣлахъ прибѣгалъ на него. Клайтонъ и Руссель были друзьями съ дѣтства и провѣли вмѣстѣ университетскіе годы. Несмотря на различіе характеровъ, они всегда жили въ большомъ согласіи.

Руссель былъ средняго роста, хорошо сложенъ и во всѣхъ его движеніяхъ проявлялась живость и энергія. У него было открытое лицо съ

голубыми глазами, высокимъ лбомъ, обрамленнымъ вьющимися черными волосами; его губы часто складывались въ добродушно-саркастическую улыбку. Хотя онъ и не обладалъ очень глубокими чувствами, но его легко можно было растрогать до слезъ или заставить смѣяться, но при этомъ онъ никогда не терялъ власти надъ собою.

Но мы не будемъ болѣе останавливаться на описаніи вѣншности и духовныхъ качествъ друзей, а предоставимъ имъ говорить самимъ за себя.

— Знаешь, Клайтонъ,—говорилъ Руссель, облокотившись на спинку кожаного кресла и держа сигару въ рукахъ,—это было очень любезно съ ихъ стороны уйти на сборъ каштановъ и оставить насъ здѣсь однихъ! Ну, скажи, братъ, какъ идутъ твои дѣла?—Изучаешь законы? Приготовляешься быть судьей—Клайтономъ вторымъ! Да, если бы у меня были такіе же шансы, если бы я такъ же, какъ ты, могъ бы занять должность своего отца, я былъ бы счастливый человѣкъ.

— Я съ удовольствіемъ уступлю тебѣ все мои шансы въ этомъ случаѣ,—сказалъ Клайтонъ, растягиваясь на кушеткѣ, такъ какъ убѣжденъ, что самъ не сумѣю воспользоваться ими.

— Въ чемъ дѣло? Развѣ тебѣ не хочется заниматься изученіемъ законовъ?

— Заниматься изученіемъ, пожалуй, но не примѣненіемъ ихъ на практикѣ. Теорія всегда величественна и великолѣпна. «Законъ въ рукахъ Божьихъ», «законъ устанавливаетъ гармонію въ мірѣ», помнишь, какъ мы всегда толковали объ этомъ, но что мы видимъ на практикѣ? Развѣ судебное слѣдствіе похоже на розыскъ правды? Развѣ каждый изъ адвокатовъ не становится безусловно на одну изъ тяжущихся сторонъ и совершенно не принимаетъ во вниманіе, что есть правильнаго на другой сторонѣ. Если бы я сталъ заниматься судебной дѣятельностью, то меня выгнали бы изъ суда черезъ недѣлю.

— Это опять все та же старая исторія, Клайтонъ, все твоя неугомонная совѣсть, которая приносила тебѣ немало зла и тогда, когда ты еще былъ мальчикомъ. Я никакъ не могъ убѣдить тебя, что все это—вздоръ. Эта неугомонная совѣсть всегда мѣшаетъ тебѣ поступать такъ, какъ другія. Я думаю, что ты не станешь заниматься и полигнейю, а это очень жаль, въ тебѣ бы вышелъ хорошій сенаторъ, ты сдѣланъ изъ такого тѣста, что могъ бы быть настоящимъ римскимъ сенаторомъ, однимъ изъ древнѣйшихъ доблѣтельныхъ мужей Рима.

— Ну, а что дѣлали бы, по-твоему, теперь древніе римскіе мужи въ Вашингтонѣ?—Насколько были бы умѣстны тамъ Курцій и Муцій Сцевола?

— Конечно, политическая жизнь съ тѣхъ поръ нѣсколько измѣнилась. Если бы въ настоящее время были тѣ же политическія требованія, какъ въ прошлыя времена, и въ Вашингтонѣ раскрылась бы пропасть, то ты, вѣроятно, прыгнулъ бы въ нее вмѣстѣ съ лошадыю для блага респу-

блики, или если бы понадобилось сжечь правую руку, то ты сжечь бы свою. Всё эти старые способы политическихъ дѣйствій какъ разъ подходятъ къ твоему характеру, а вотъ если бы тебя послать представителемъ республики въ Парижъ или въ Лондонъ, то ты надѣлалъ бы тамъ дѣлъ. Но мнѣ все-таки казалось, что ты могъ бы заниматься судебной практикой — вести тяжбы, усащая ихъ ссылками на классиковъ, однимъ словомъ, показать свои знанія, жениться на богатой дѣвушкѣ и обзавестись дѣтьми, не затронувъ своей неугомонной совѣсти. Но ты поступилъ совсѣмъ иначе, судя по тому, что я слышалъ?

— А что ты слышалъ?

— Что? Не строй изъ себя невинности! Я слышалъ о твоихъ похожденияхъ въ Нью-Йоркѣ — ты подхватилъ эту маленькую кокетку, миссъ Гордонъ.

На это обвиненіе Клайтонъ отвѣтилъ радостной улыбкой, не только скользнувшей по его губамъ, но и озарившей все его слегка вспыхнувшее лицо.

— Знаешь, Клайтонъ,—продолжалъ Руссель,—мнѣ всегда казалось, что я буду ненавидѣть ту женщину, въ которую ты влюбишься. Она мнѣ представлялась чудовищной комбинаціей всѣхъ тѣхъ достоинствъ, которыя ты мечталъ найти въ женщинѣ. Помнишь, ты хотѣлъ, чтобы эта женщина совмѣстила въ себѣ всѣ познанія мужчины и всю грацію женщины. При этомъ, по-твоему, она должна была быть практичной, поэтической, скромной и т. п., а вмѣстѣ съ тѣмъ элегантною и пылкой, обладать глубокими и широкими взглядами на жизнь—однимъ словомъ какая-то полу-Мадонна, полу-Венера; но Боже мой, какія мы ничтожныя существа! Появляется маленькая кокетка, помахивающая своимъ вѣромъ, подхватываетъ тебя, какъ щепочку, бросаетъ въ корзинку вмѣстѣ съ другими обожателями, и идетъ дальше, приплясывая и кокетничая. Не стыдно ли тебѣ?

— Нѣтъ, въ этомъ случаѣ я похожъ на нашего стараго священника, который женился на хорошенькой Полѣ Питерсъ, когда ему было 60 лѣтъ и который, на вопросъ старѣйшихъ членовъ общины, имѣетъ ли эта дѣвушка качества, необходимыя для жены священника, отвѣтилъ такъ: «нѣтъ, по-моему, она ими не обладаетъ, но, дорогіе братья, я и не говорилъ, что она святая, она маленькая, хорошенькая грѣшница, и я люблю ее». То же самое могу сказать и я.

— Все это очень сентиментально, и знаешь что? — я въ восторгѣ, и, знаешь, почему? потому что въ данномъ случаѣ ты поступилъ, какъ поступили бы другіе люди. Но, мой милый, скажи мнѣ — увѣренъ ли ты въ прочности твоихъ отношеній съ этой маленькой Венерой, вышедшей изъ пѣны? Не похоже ли это на то, что ты помолвленъ съ проходящимъ облакомъ или съ бабочкой? Нужно все-таки имѣть нѣкоторую увѣренность относительно того лица, съ которымъ ты, къ добру или худу, хочешь связать себя. У тебя имѣется ли она, Клайтонъ, и тебѣ нужна жена,

которая понимала бы разницу между тобою и другими существами, которая ходитъ, носить платье и называется людьми!

— Слушай,—отвѣтилъ Клайтонъ, вставая съ кушетки и говоря съ энергіей,—вотъ что я тебѣ скажу: Нина Гордонъ, если хочешь, кокетка, балованный ребенокъ, она совѣмъ не то, о чемъ я мечталъ, она необразована, не начитанна, не умѣетъ мыслить, но въ ея душѣ есть какія-то струны, что-то звучитъ въ ней, что нравится мнѣ; въ ней какая-то смѣсь энергіи, лукавства и самостоятельности, она болѣе пикантна и привлекательна, чѣмъ какая-бы то ни была изъ женщинъ, съ которыми я встрѣчался до сихъ поръ. Она никогда не читаетъ, ее почти невозможно заставить прочесть что-нибудь, но если тебѣ удастся привлечь ея вниманіе, хоть на пять минутъ къ какому-нибудь вопросу, тебя поражаетъ свѣжесть и правдивость ея сужденій, и такъ по отношенію ко всевозможнымъ вопросамъ, если только ты сможешь къ нимъ привлечь ея вниманіе. Что касается до ея сердца, то оно, по-моему, еще не пробудилось; она жила только свѣтской жизнью, полной пустыхъ развлеченій, а потому основы ея души до сихъ поръ остаются незатронутыми; только два или три раза мнѣ удалось замѣтить проявленіе ея истинной натуры, просвѣчивающей въ ея глазахъ—и я увѣренъ—что пока только мнѣ одному удалось затронуть ея истинную природу. Я далеко не увѣренъ, что она меня любить теперь.

— Говорять,—сказалъ небрежно Руссель,—что она одновременно считалась невѣстой двухъ или трехъ человекъ.

— Это возможно,—отвѣтилъ Клайтонъ,—я даже думаю, что и теперь такъ, но это меня нисколько не беспокоитъ, я знаю всѣхъ тѣхъ, которые окружаютъ ее и увѣренъ, что никѣмъ изъ нихъ она нисколько не интересуется.

— Все это такъ, но какъ же твоя строгая мораль примиряется съ подобнымъ поведеніемъ миссъ Гордонъ?

— Конечно, мнѣ это не нравится, но въ данномъ случаѣ я въ томъ же положеніи, какъ и старый священникъ, о которомъ я тебѣ говорю. Я люблю маленькую грѣшницу, и что же мнѣ дѣлать? Ты подумаешь, что это парадоксы влюбленнаго, но все-таки я скажу тебѣ, что она обманываетъ, не будучи обманщицей, она поступаетъ эгонистично, не будучи эгонисткой. Дѣло въ томъ, что она еще ребенкомъ осталась безъ матери, и росла, какъ наслѣдница, окруженная слугами. Затѣмъ она воспитывалась въ великосвѣтскомъ пансіонѣ, который хорошему не могъ ее научить—вотъ смягчающія обстоятельства ея поведенія.

— Ну, а каково ея имѣніе?

— Не особенно большое. Номинально оно находится подъ управленіемъ ея стараго дяди, но въ дѣйствительности, имъ управляетъ очень умный квартиронъ, оставленный ей въ наслѣдство ея отцомъ. Этотъ квартиронъ получилъ нѣкоторое образованіе и обладаетъ талантами, рѣдко встрѣчаю-

щными въ его средѣ. Онъ является настоящимъ управителемъ плантаціи и, по моему мнѣнію, весьма честный и преданный человѣкъ.

— Слушай, Клайтонъ,— замѣтилъ Руссель,—вѣдь это дѣло серьезное, не очень-то увлекайся.

— Ты слишкомъ запоздалъ со своимъ совѣтомъ, Руссель, дѣло сдѣлано.

— Ну, что-жь, мнѣ остается пожелать тебѣ счастья, и знаешь, что я также помолвленъ. Ты, вѣроятно, слышалъ о миссъ Бенуа изъ Балтиморы, она моя невѣста.

— Ты рѣшительно помолвленъ.

— Все кончено, и свадьба будетъ на Рождествѣ, но что ты намѣренъ дѣлать, Клайтонъ?

— Конечно, я не буду тѣмъ, кого въ мірѣ принято называть удачникомъ. Передъ моимъ взоромъ всегда будутъ стоять слова: какая выгода человѣку въ томъ, что онъ завоюетъ весь міръ, но потеряетъ душу свою.

— Я не понимаю тебя, Клайтонъ.

— Мнѣ кажется все это очень просто. Принимая во вниманіе, какъ обстоятъ у насъ дѣла на родинѣ, приходится выбирать одно изъ двухъ — или отказаться отъ своихъ убѣжденій, отъ своихъ правъ и чести, отречься отъ всѣхъ своихъ высокихъ чувствъ или отказаться отъ успѣха въ жизни. Нельзя сдѣлать ни одного шага по пути къ успѣху безъ обмана, фальши или лжи.

— Почему жѣ ты не дѣлаешься священникомъ, Клайтонъ?

— Потому, что я увѣренъ, что и тамъ найду то же самое. Мнѣ не дадутъ говорить ни съ одной кафедрой, пока я не дамъ обязательства говорить то или другое. Если бы не это, то я предпочелъ бы скорѣе говорить съ церковной кафедрой, чѣмъ въ судѣ.

— Боже мой, что-жь ты намѣренъ дѣлать? Поселишься на своей плантаціи, будешь собирать хлопчатую бумагу и торговать неграми? Мнѣ кажется, ты скоро подпинешься на «Освободителя» ¹⁾ и превратишься въ аболиціониста ²⁾.

— Я, дѣйствительно, думаю поселиться на своей плантаціи, но моею главной цѣлью не будетъ ни сборъ хлопка, ни негры. Я получаю «Освободителя», потому что я свободный человѣкъ, и имѣю право получать, что хочу. Я не согласенъ съ Гаррисономъ ³⁾, потому что, мнѣ кажется, благодаря своему положенію, я болѣе его понимаю въ этомъ дѣлѣ, но онъ имѣетъ право, какъ и всякій другой честный человѣкъ говорить, что думаетъ, и я на его мѣстѣ поступалъ бы такъ же; если бы мнѣ и

¹⁾ Журналъ, ратовавшій за освобожденіе негровъ.

²⁾ Такъ называли людей, проповѣдовавшихъ уничтоженіе рабства въ Соединенныхъ Штатахъ.

³⁾ Гаррисонъ — одинъ изъ вождей аболиціонистовъ.

ложевіе дѣль представлялось такимъ же, какъ и ему, то, конечно, я сталъ бы аболіціонистомъ, но я не аболіціонистъ.

— Ну, это еще слава Богу. Но что же ты намѣренъ дѣлать?—спро-

— То что сталъ бы дѣлать каждый истинный христіанинъ, у котораго находились бы въ полномъ подчиненіи четыреста человѣкъ мужчинъ и женщинъ. Я буду воспитывать ихъ и готовить къ свободѣ. Нѣтъ болѣе высокаго долга, возложеннаго Богомъ на человѣка, чѣмъ тотъ, который возложенъ на насъ, владѣльцевъ рабовъ. Чудесныя и прекрасныя свойства скрыты въ афіонской расѣ, и человѣку стоитъ посвятить свою жизнь тому, чтобы вызвать къ жизни эти свойства. Сборъ хлопка для меня будетъ второстепеннымъ дѣломъ; главной моею задачей будетъ стремленіе воспитать мужчинъ и женщинъ и показать способности негритянской расы.

— Вздоръ!—сказалъ Руссель.

Клайтонъ посмотрѣлъ на него сердито.

— Прости меня, Клайтонъ, все это прекрасно, восхитительно,—но все это совершенно неосуществимо.

— Все великое и хорошее всегда считалось неосуществимымъ.

— Позволь мнѣ сказать тебѣ, Клайтонъ, чѣмъ все это кончится. Ты попадешь между двухъ огней—съ одной стороны, ты вооружишь противъ себя всѣхъ своихъ сосѣдей, такъ какъ будешь поступать съ неграми лучше, чѣмъ они; съ другой стороны, ты настояно разовьешь своихъ негровъ, что противъ нихъ возстанетъ все общество, и въ то же время ты не расположишь къ себѣ аболіціонистовъ. Эти послѣдніе будутъ называть тебя разбойникомъ, пиратомъ и т. п. дестными наименованіями, которыя служатъ украшеніями ихъ статей, и создашь у себя на плантаціи такое положеніе вещей, съ которымъ никто не управится, кромѣ тебя самого, да и то съ трудомъ. А когда ты умрешь, все пойдетъ къ чорту. Вѣдь ты не удовлетворишься сдѣлать дѣло на половину, ты не остановишься на томъ, чтобы обучить своихъ негровъ катехизису и псалмамъ, которые они будутъ пѣть, какъ попугал; ты захочешь ихъ всѣхъ научить читать, писать, мыслить и говорить. Меня не удивитъ, если я узнаю, что у тебя пойдутъ въ ходъ школьныя черныя доски и грамматики. Ты захочешь устроить у себя лицей для негровъ и литературный клубъ. Какъ относится ко всему этому твоя сестра Анна? Она разумная дѣвушка, но я убѣжденъ, что ты успѣлъ втя-

нуть въ свое предпріятіе. Анна очень интересуется всѣмъ этимъ, но она обладаетъ болѣе широкимъ, чѣмъ я, смысломъ, и будетъ мнѣ очень полезна тѣмъ, что скорѣе сумеетъ опредѣлить тѣ трудности, которыя придется встрѣтить. У меня есть одинъ прекрасный человѣкъ, котораго я назначу управляющимъ и дамъ ему пай въ дѣль. Мы установимъ правильное распредѣленіе работъ и будемъ платить жалованье. Наша система распредѣленія работъ и платы будетъ имѣть въ виду вызвать у людей сознаніе права собственности, приучить ихъ къ труду и воздержанности, предоставивъ каждому изъ нихъ

возможность приобретать соответственно своему труду и хорошему поведению.

— Ну и къ чему все это приведетъ? Будутъ ли они жить для тебя или ты для нихъ?

— Я буду служить имъ примѣромъ, живя для нихъ, и надѣюсь этимъ пробудить въ нихъ хорошія чувства. Сильный долженъ жить для слабаго, образованный для невѣжественнаго.

— Ну, помогай тебѣ Богъ, Клайтонъ, меня все это очень интересуетъ.

Въ это время вошли въ комнату отецъ, мать и сестра Клайтона. Судья Клайтонъ высокій, пожилой человекъ, представлялъ собою джентльмена стараго закала. Съ виду онъ казался холоднымъ, суровымъ человекъ, но подъ этой внѣшней холодностью скрывалась высоко чувствительная душа. Онъ глубоко и нѣжно любилъ свою семью, хотя рѣдко выражалъ это на словахъ, онъ отличался безпристрастіемъ, не стѣснялся говорить правду и всегда сознавался въ своихъ ошибкахъ. Между отцомъ и сыномъ существовала глубокая привязанность, но не было согласія во взглядахъ; сынъ былъ крайнимъ идеалистомъ и во всемъ руководился своей идеальной моралью, а потому, какъ мы сказали выше, чувствовалъ отвращеніе къ судебной практикѣ. Отецъ его былъ практической дѣятель.

Анна Клайтонъ, старшая изъ трехъ сестеръ, была въ большой дружбѣ со своимъ братомъ, не смотря на разницу характеровъ. Она не была идеалисткой, но обладала большимъ здравымъ смысломъ и упорствомъ и была, какъ говорится, человекомъ дѣла. Она восхищалась поэтическими и героическими свойствами своего брата, какъ вообще молодыя дѣвушки восхищаются героями, такъ какъ у этихъ героевъ онѣ находятъ тѣ свойства, которыхъ нѣтъ у нихъ самихъ. Клайтонъ ничѣмъ мнѣніемъ не дорожилъ такъ, какъ ея мнѣніемъ, но онъ до сихъ поръ, какъ это ни покажется страннымъ, не сообщилъ ей о своей помолвкѣ. Ему какъ-то трудно было сообщить ей это извѣстіе самому, какъ будто бы въ лицѣ своей невѣсты онъ вводилъ соперницу своей сестрѣ, и онъ поручилъ это матери.

При первомъ же взглядѣ, брошенномъ на сестру, когда она вошла въ комнату, онъ замѣтилъ, что она чѣмъ-то разстроена и недовольна. Она недолго оставалась въ комнатѣ, не принимала участія въ разговорѣ и вскорѣ вышла въ садъ, гдѣ стала ухаживать за цвѣтами. Клайтонъ вышелъ вслѣдъ за нею, нѣсколько минутъ молча, постоялъ около нея, наблюдая, какъ она обрываетъ засохшіе листья у гераній и, наконецъ, спросилъ:

— Мать сообщила тебѣ?

— Да,—отвѣтила Анна.

Наступило молчаніе. Анна продолжала нервно собирать сухіе листья.

— Анна,—сказалъ, наконецъ, Клайтонъ,—я хотѣлъ, чтобы ты могла повидать ее.

— Я слышала о ней отъ Ливингстона,—отвѣтила Анна.

— Что ты слышала о ней?—спросилъ съ жаромъ Клайтонъ.

— Не то, что мнѣ бы хотѣлось слышать о ней, Эдвардъ; не то, что я ожидала услышать о той женщинѣ, которую ты выберешь себѣ въ жены.

— Скажи, что ты о ней слышала, что говорить о ней въ свѣтъ?

— О ней говорить, что она вѣтреная, легкомысленная кокетка. По всему, что я о ней слышала, я прихожу къ заключенію, что она безпринципная дѣвушка.

— Это слишкомъ сурово, Анна.

— Правда всегда сурова,—отвѣтила Анна.

— Неужели, дорогая сестра, ты потеряла довѣріе ко мнѣ?—воскликнулъ Клайтонъ.

— Я думаю, скорѣе можно заключить, что ты потерялъ довѣріе ко мнѣ,—отвѣтила Анна,—такъ какъ я послѣдняя узнала о томъ, что ты женишься. Развѣ я поступила бы съ тобою такимъ образомъ? Вѣдь я всегда и во всемъ открываю передъ тобою всю свою душу.

— Послушай, Анна, не сердись, скажи мнѣ откровенно, если бы ты полюбила человѣка и была бы увѣрена, что онъ мнѣ не понравится, рѣшилась-ли бы ты немедленно мнѣ сказать объ этомъ? Не стала-ли бы ты колебаться и выжидать, откладывая объясненіе изъ дня въ день, и тебѣ все труднѣе и труднѣе становилось бы приступить къ нему.

— Я не знаю,—отвѣтила Анна съ горечью,—я никогда никого не любила больше тебя—въ томъ-то и горе.

— И я не люблю никого больше тебя, Анна, моя любовь къ тебѣ полная и чистая, и ты можешь это постоянно видѣть въ проявленіяхъ моей преданности къ тебѣ. Теперь мое сердце открылось для другой любви, для любви совершенно другого характера, которая не можетъ поколебать моихъ чувствъ къ тебѣ. Дорогая Анна, милая сестра, если бы ты могла полюбить ее ради меня.

— Я бы хотѣла, если бы только могла,—отвѣтила Анна нѣсколько смягчившись,—но я о ней слышала такъ много дурного, она нисколько не похожа на ту женщину, о которой я мечтала для тебя. Болѣе всего я презираю женщинъ, которыя играютъ чувствами мужчинъ.

— Но послушай, моя дорогая, вѣдь Нина еще не женщина, она ребенокъ—веселый, прекрасный, еще не сложившійся ребенокъ.

— Возможно,—отвѣтила Анна,—но мнѣ кажется, всѣ вы, мужчины, похожи другъ на друга и хорошенькое личико очаровываетъ васъ. Я думала, что ты въ этомъ отношеніи составляешь исключеніе. Ты восхищаешься обыкновенной кокетливой институткой и вкладываешь въ нее свои собственные идеи, а затѣмъ начинаешь преклоняться передъ нею и обожать ее.

— Допустимъ, что это такъ, но почему же я не идеализи-

говалъ никого до сихъ поръ, почему я не любилъ встрѣчаемыхъ мною прекрасныхъ женщинъ? Можетъ быть, именно потому, что въ нихъ не могла отразиться моя фантазія; у нихъ не хватало именно того, что есть у Нины; она похожа на маленькій рококущій каскадъ, бѣгущій въ бѣлыхъ горахъ, въ которомъ солнце отражается цвѣтами радуги, а какъ приятно любоваться радугой! Зачѣмъ ты хочешь меня разочаровать, когда я могу еще очаровываться?

— Вспомни,—отвѣтила Анна,—того человѣка, которому феи дали золото и брилліанты въ уплату за услуги, и что же? когда этотъ человѣкъ перешелъ обратно черезъ ручей, онъ увидѣлъ, что золото и брилліанты превратились въ простые кремни. То же самое и бракъ: онъ очень похожъ на этотъ ручей; многимъ людямъ, перескочивъ черезъ этотъ ручей, пришлось убѣдиться, что ихъ брилліанты превратились въ простые камни, я слишкомъ сильно люблю тебя, и мнѣ непріятно передать тебя въ руки подобной женщины.

— Я думаю,—сказалъ Клайтонъ,—что въ ней много жизненности, свѣжести, оригинальности, которыхъ хватитъ на всю ея жизнь, чтобы не превратиться въ заурядную женщину, а живя съ нами, она научится симпатизировать всѣмъ нашимъ стремленіямъ.

— Не надѣйся, братъ, что тебѣ удастся поднять эту дѣвушку до своего уровня.

— Я и не думаю объ этомъ, я женюсь не затѣмъ, чтобы воспитывать свою жену, я не хочу, чтобы моя жена была простымъ зеркаломъ, отражающимъ мои взгляды и чувства. Я хочу жениться, чтобы внести разнообразіе въ свою жизнь. Прелесть жизни заключается въ разнообразіи; но, конечно, разнообразіе должно быть гармонично. Напримѣръ, въ музыкѣ никому бы не понравилось повтореніе одной и той же ноты, но нѣсколько нотъ, составляющихъ аккордъ, услаждаютъ слухъ. Иногда необходимъ даже диссонансъ для полной гармоніи. И вотъ, мнѣ кажется, что различіе нашихъ характеровъ составитъ полный аккордъ. А всѣ наши маленькія ссоры, — ихъ уже было не мало и, я увѣренъ, будетъ еще много — явятся не болѣе, какъ хроматическими пассажами. Я погруженъ въ самого себя, склоненъ къ ипсихондріи, часто бываю мраченъ, и вотъ, мнѣ необходима ея живость, ея острота; она пробуждаетъ и приподымаетъ меня, она побуждаетъ меня къ дѣятельности. Ея быстрое соображеніе стоитъ не ниже моей способности мышленія. Я уважаю этого ребенка, и несмотря на ея недостатки, она научила меня многому.

— Ну, — воскликнула Анна, засмѣявшись, — если такъ, я уступаю. Разъ ты заговорилъ объ уваженіи къ Нинѣ Гордоу, то значитъ все кончено, и, волей-неволей, я должна примириться. Я буду надѣяться, что ты не ошибаешься, и получишь больше, чѣмъ ожидаешь. Во всякомъ случаѣ, я приложу всѣ свои усилія къ тому, чтобы ты былъ счастливъ въ своей новой жизни.

— Это вполне похоже на тебя, дорогая сестра, ты облегчила мою совесть и сделала все, что могла. Нина, наверное, полюбит тебя, и, если ты не будешь давать советов Нине и стараться повлиять на нее, ты будешь иметь на нее громадное влияние. Когда впервые я познакомился с Ниной, я имел глупость давать ей советы, и убедился, что это не приносит пользы. Единственное, что ты и мама можете сделать для Нины, когда она поселится с нами, это быть ласковыми с ней и продолжать жить так, как вы жили до сих пор, тогда Нина сама исправит во себе то, что требует исправления.

— Хорошо, — сказала Анна, — раз дело обстоит так, я бы хотела повидать ее.

— Может быть, ты ей напишешь несколько строк, и тогда через некоторое время можно будет подумать о ее приезде к нам.

— Я сделаю все, что ты хочешь, Эдвард, — отвечала Анна.

III. Семейство Гордоновъ.

Прошло уже около двух недель с тех пор, как мы представили читателю Нину Гордонъ. За это время она успела познакомиться со всеми подробностями своей домашней жизни. Номинально она стояла во главе всего управления, как хозяйка, как королева по праву рождения. Но благодаря своей молодости, неопытности, незнанию хозяйства, она, в действительности, была в руках тех, которые были ей подчинены.

Управление плантациями южных штатов — гораздо более трудное дело, нежели управление плантациями северных штатов. Здесь каждую отдельную вещь, употребляющуюся ежедневно в хозяйстве, нужно держать под замком, и каждый раз вынимать по мере надобности. Так как все прислуга и рабочие негры представляют собою взрослых детей недержанных, беззаботных, постоянно ссорящихся между собою, и подразделенных на ряд кружков, враждующих друг с другом, их очень трудно сдерживать, и надо постоянно присматривать за ними. Хозяйке приходится заботиться обо всех мелочах, нужно наблюдать, чтобы каждая часть одежды нескольких сот человек была бы во время куплена, сшита и сшита, к этому нужно прибавить заботы о детях всей плантации, так как их матери, благодаря своей детской безопасности, не умеют ни ухаживать за ними, ни воспитывать их. Поэтому можно судить, насколько сложны и разнообразны обязанности хозяйки на южных плантациях.

Наши читатели видели, что представляла собою Нина, возвратившись домой из Нью-Йорка, и они, конечно, легко могут понять, что она не была склонна взять на себя подобные тяжелые обязанности.

Со смерти матери Нины номинальной хозяйкой на плантациях считалась тетка Нины, миссис Песбитъ. В действительности же, все хозяй-

ство вела мулатка, по имени Кэти, которую приучила къ хозяйству мать Нины. Хотя вообще негры похожи по своей беззаботности на взрослыхъ дѣтей, но между ними часто можно найти весьма практичныхъ людей. Когда собственнику плантанціи приходится, по необходимости, выбрать кого-нибудь изъ принадлежащихъ ему негровъ, и приучить его къ обязанностямъ, которыя обыкновенно выполняются свободными людьми, тогда у этихъ негровъ проявляются тѣ же способности, какъ и у свободныхъ людей. Мать Нины, будучи очень слабаго здоровья, по необходимости должна была возложить обязанности домоправительницы на тетку Кэти. И эта послѣдняя, подъ руководствомъ своей госпожи, сдѣлалась прекрасной домоправительницей, была очень высокаго мнѣнія о своихъ обязанностяхъ, и съ нею всѣмъ приходилось считаться.

Тетка Кэти относилась съ глубочайшимъ уваженіемъ къ своей молодой госпожѣ и обыкновенно спрашивала ея приказанія. Конечно, само собою подразумѣвалось, что это дѣлалось только для соблюденія этикета, и согласіе молодой хозяйки было такъ нужно для нея, какъ согласіе королевы для конституціоннаго министра, и Нина, которая не особенно была склонна обременять себя заботами о хозяйствѣ, охотно взяла на себя роль конституціонной королевы и не вмѣшивалась въ распоряженія тетки Кэти.

Во главѣ управленія самой плантаціей стоялъ квартеронъ ¹⁾ Гарри, съ которымъ мы познакомили читателя въ первой главѣ. Теперь мы скажемъ нѣсколько словъ о его происхожденіи и о его положеніи на плантаціи.

Среди первыхъ эмигрантовъ, поселившихся въ штатѣ Виргинія, былъ и полковникъ Томасъ Гордонъ, отпрыскъ знатной семьи Гордоновъ, не безызвѣстной въ исторіи Шотландіи. Онъ обладалъ большей энергіей. Старый Свѣтъ показался ему тѣснымъ, онъ не могъ найти тамъ возможности приложить свою энергію и добыть достаточныя средства, чтобы жить соотвѣтственно семейнымъ традиціямъ, и потому рѣшилъ переселиться въ Виргинію. Онъ приобрѣлъ большой клочекъ земли на берегу рѣки Шавинъ, гдѣ земля была плодородная, дѣвственная, и здѣсь занялся устройствомъ плантаціи. Скоро онъ былъ вознагражденъ за свои труды. Гордонъ далъ своимъ плантаціямъ названіе Канема, имя индѣйскаго происхожденія, которое носилъ индѣецъ, бывший его довѣреннымъ слугою. Имѣніе переходило цѣликомъ отъ отца къ сыну, и въ теченіе долгаго времени увеличивалось въ доходности. Усадьба въ имѣніи была полнымъ воспроизведеніемъ англійской дворянской усадьбы. Для постройки ея, цѣною большихъ расходовъ, были выписаны изъ Англій плотники и столяры, а для украшенія своего дома Гордонъ съѣздилъ въ южную Америку и привезъ оттуда лучшіе образцы розоваго и чернаго дерева, растущаго на берегахъ Амазонки.

¹⁾ Сынъ бѣлаго и мулатки. По цвѣту кожи и по строенію квартероны почти не отличаются отъ бѣлыхъ.

Въ этомъ домѣ жили три поколѣнія семейства Гордоновъ, благосостояніе которыхъ все увеличивалось. Но при отцѣ Нины начали появляться признаки нѣкотораго упадка, какъ и у многихъ другихъ извѣстныхъ виргинскихъ семействъ, впоследствии разворившихся. Работа рабовъ, наименѣ производительная изъ всѣхъ работъ, истощала плодородіе дѣйственной почвы, а собственники плантацій изнѣживались, утрачивали ту энергію, которою обладали ихъ отцы—первые колонисты, все хозяйство велось спустя рукава, при чемъ и господа и рабы, казалось, соперничали другъ съ другомъ въ растрачиваніи природныхъ богатствъ плантацій.

Полковникъ Гордонъ завѣщалъ все свое имѣніе дочери и оставилъ ей въ качествѣ управляющаго своего раба квартерона Гарри, очень способнаго человѣка и вполне преданнаго интересамъ Нины.

Гарри былъ сыномъ своего господина. Благодаря этому, онъ получилъ воспитаніе и образованіе, не соответствующее людямъ, находящимся въ его положеніи. Онъ сопровождалъ своего господина во время путешествія по Европѣ, что еще болѣе содѣйствовало развитію его способностей, и онъ сталъ человѣкомъ образованнымъ и имѣлъ изящныя манеры. Полковникъ Гордонъ не освободилъ своего сына, а оставилъ его въ рабствѣ. Въ этомъ случаѣ онъ руководствовался страстной любовью къ своей дочери, онъ боялся, что послѣ смерти имѣніе можетъ попасть въ руки безсовѣстнаго управляющаго, если Гарри, получивъ свободу, найдетъ болѣе выгоднымъ для себя уйти въ другое мѣсто, и онъ рѣшилъ оставить Гарри навсегда прикрѣпленнымъ къ имѣнію.

Будучи человѣкомъ справедливымъ, твердымъ и зная человѣческую натуру, Гарри пользовался авторитетомъ и уваженіемъ всѣхъ работавшихъ на плантаціи. Ему безусловно подчинялись все: кто изъ страха, кто ради дружбы. Попечитель Нины, ее дядя Джонъ Гордонъ, почти не вмѣшивался въ управленіе плантаціей, и Гарри управлялъ всѣмъ, какъ вполне свободный человѣкъ. По всей округѣ его знали и уважали, и онъ, можетъ быть, былъ бы вполне счастливъ и не вспоминалъ бы о томъ, что цѣпи рабства тягостѣютъ надъ нимъ.

Но ему приходилось чувствовать себя рабомъ въ присутствіи Тома Гордона, законнаго сына полковника Гордона—отца Нины. Съ самаго дѣтства существовала вражда между братьями, которая съ годами усиливалась. Каждый разъ, когда молодой Томъ Гордонъ пріѣзжалъ на плантацію, Гарри приходилось переносить обиды и оскорбленія, на которыя онъ не могъ отвѣчать тѣмъ же, благодаря своему безправному и беззащитному положенію. Это такъ на него дѣйствовало, что онъ было рѣшилъ не жениться до тѣхъ поръ, покуда не станетъ свободнымъ человѣкомъ и не сможетъ свободно распоряжаться собою и своею семьею. Но онъ не устоялъ передъ прелестями хорошенькой французской квартеронки и женился на ней.

Исторія Тома Гордона, брата Нины, есть повтореніе исторіи многихъ молодыхъ людей, выросшихъ въ рабовладѣльческомъ государствѣ. По при-

родѣ не бездарный, страстный и нервный онъ при другихъ обстоятельствахъ, при другомъ воспитаніи могъ бы сдѣлаться полезнымъ и краснорѣчивымъ общественнымъ дѣятелемъ. Но онъ съ дѣтства росъ окруженный слугами, подчинявшимися всѣмъ его дѣтскимъ капризамъ. Онъ былъ чрезвычайно красивымъ и граціознымъ ребенкомъ и, благодаря этому, его баловали и исполняли всѣ его прихоти. Въ юношескомъ возрастѣ онъ продолжалъ жить на плантаціи, окруженный рабами и въ моральной атмосферѣ, господствовавшей на плантаціи. Благодаря этому, его дурныя страсти развились еще въ очень раннемъ періодѣ его жизни. Когда отецъ замѣтилъ, что мальчикъ идетъ по дурной дорогѣ, и принялся за его воспитаніе, то было уже поздно. Одинъ воспитатель смѣнялъ другого, и никто изъ нихъ не могъ добиться благопріятныхъ результатовъ. Его товарищами были или рабы, или надсмотрщики, самый испорченный, безпринципный народъ, или живущіе въ окрестностяхъ бѣлые, если можно, еще болѣе испорченные и развращенные. Всѣмъ этимъ лицамъ по тѣмъ или другимъ причинамъ было выгодно льстить ему, поощрять его недостатки и помогать ему обманывать своихъ родителей. И онъ сталъ крайне испорченнымъ мальчикомъ. Въ отчаяніи отецъ послалъ его на сѣверъ въ школу, но онъ въ первый же день пребыванія въ школѣ ударилъ по лицу учителя и былъ, конечно, исключенъ. Его помѣстили въ другую, гдѣ онъ съ грѣхомъ пополамъ прошелъ свое образованіе. Изъ школы онъ перешелъ въ коледжъ и былъ отданъ подъ надзоръ одного изъ профессоровъ. Благодаря деньгамъ и покровительству, онъ кое-какъ получилъ дипломъ. По окончаніи курса онъ числился адвокатомъ, но занимался главнымъ образомъ пьянствомъ, скачками, игрой въ карты; отецъ все-таки не терялъ надежды, что онъ когда-нибудь исправится и оставилъ ему половину своего состоянія.

Томъ Гордонъ ненавидѣлъ свою сестру и постоянно занимался тѣмъ, что дразнилъ и раздражалъ ее, онъ завидовалъ, что она была любимицей отца. Это-то и побудило ея опекуна, Джона Гордона, помѣстить Нину на полный пансіонъ въ великосвѣтскую школу въ Нью-Йоркѣ. По выходѣ изъ школы она провела нѣсколько мѣсяцевъ въ семьѣ родственницы своей матери и жила великосвѣтской жизнью.

Къ счастью, Нина не успѣла испортиться въ вихрѣ великосвѣтской жизни. Въ ней сохранилась истинная любовь къ природѣ, такъ что жизнь въ деревенской тиши имѣла для нея свою прелесть, несмотря на то, что было очень мало сосѣдей. Плантація ея дяди была верстахъ въ семи отъ Канамы, другія семейства жили еще дальше, на разстояніи 20—30 верстъ. Нина любила въ своемъ муслиновомъ платьѣ и соломенной шляпѣ бродить по плантаціи и болтать съ неграми. Ее развлекали ихъ странности, которыя, вслѣдствіе долгаго ея отсутствія, для нея имѣли прелесть новизны. Иногда она верхомъ на лошади, въ сопровожденіи Гарри, ѣздила въ лѣсъ собирать дикіе цвѣты, которые тамъ росли въ изобиліи. Иногда она ѣздила на день—на два на плантацію къ своему дядѣ.

Благодаря относительному спокойствію ея теперешней жизни, ея мысли стали принимать болѣе серьезное направленіе. Теперь ея не окружала толпа поклонниковъ, весь день ея не былъ занятъ свѣтскими удовольствіями, и теперь она приходила къ заключенію, что во многихъ случаяхъ она поступала весьма легкомысленно. Нѣсомнѣнно, что на этотъ ходъ мыслей не оставались безъ вліянія и письма, получаемыя ею отъ Клайтона. Тонъ этихъ писемъ, серьезный, искренній и вмѣстѣ съ тѣмъ почтительно мягкій, имѣлъ на нее болше вліянія, чѣмъ она предполагала. Въ дѣйствительности, Нина жила одинокой, такъ какъ, не имѣя ни матери, ни сестры, ей не съ кѣмъ было посовѣтоваться.

Ея тетка миссисъ Несбитъ принадлежала къ числу тѣхъ лицъ, единственная обязанность которыхъ, казалось, заключалась въ томъ, что онѣ занимаютъ опредѣленную комнату въ домѣ, сидятъ въ опредѣленные часы въ опредѣленныхъ креслахъ и дѣлаютъ опредѣленные замѣчанія черезъ соотвѣтственные промежутки времени. Когда-то она считалась красавицей, вышла рано замужъ, имѣла много дѣтей, которыя одинъ за другимъ перемерли; послѣ смерти мужа, оставшись съ очень маленькими средствами, и поселилась въ семьѣ сестры. Она считала себя очень религіозной, но для нея религія служила только какъ бы средствомъ пріобрѣсть входной билетъ въ рай. Христіанство для нея заключалось въ томъ, чтобы въ опредѣленное время посѣщать религіозныя собранія, читать библію и псалмы въ назначенные часы, выдавать опредѣленную сумму денегъ на благотворительность и относиться ко всему въ мірѣ съ полнымъ равнодушіемъ. Ей казалось, что, выполняя все это, она отрывается отъ міра и открываетъ себѣ доступъ въ небесамъ. Она, какъ и вообще большинство узкихъ людей, не сознавала, что вся ея жизнь, въ концѣ концовъ, была сосредоточена только въ заботахъ о себѣ самой и что она проявляла гораздо болше эгоизма, чѣмъ даже тѣ, которые увлекаются внѣшностью и веселятся. Конечно, миссисъ Несбитъ смотрѣла на Нину и, вообще, на всю молодежь съ грустью и какъ бы съ сожалѣніемъ, какъ на представителей мірской суеты. Было очень мало взаимной симпатіи между смѣлой, живой и веселой маленькой Ниной и мрачной, сѣдой фигурой, тихо бродившей въ ея отцовскомъ домѣ. Миссисъ Несбитъ по временамъ считала необходимымъ читать наставленія своей племянницѣ и предупреждать ее, что увлеченіе мірской суетою ведетъ къ погибели. Нина въ свою очередь любила подразнивать свою старую тетку. Въ настоящую минуту происходила именно одна изъ подобныхъ сценъ въ комнатѣ старой тетки.

— Я все это пережила сама, Нина, — говорила миссисъ Несбитъ, меланхолически покачивая головой, — и я знаю цѣну всему этому.

— Да, тетя, но вы вѣдь это пережили, а я еще вѣтъ.

— Да, моя милая, когда я была твоихъ лѣтъ, я ѣздила на балы, ходила въ гости и думала только о костюмахъ и ухаживателяхъ. Я прошла черезъ все это и убѣдилась, насколько подобная жизнь пуста.

— Да, тетя, и я тоже хочу пережить это и убѣдиться въ пустой суетности міра, а затѣмъ сдѣлаюсъ такой-же мрачной и серьезной, какъ вы. Но раньше я хочу пожить свое время. Посмотрите, тетя, какая прекрасная розовая матерія.

— О дитя мое! какъ можно въ этомъ смертномъ мірѣ тратить столько времени на заботы объ одеждѣ!

— Какъ же, тетя, вы сами вчера въ теченіе двухъ часовъ обдумывали, какъ устроить свой черный чепчикъ, перевернуть его верхомъ внизъ или низомъ верхъ, а вѣдь это все вы дѣлали въ томъ же смертномъ мірѣ, и я не понимаю, почему можно думать о черномъ шелкѣ и нельзя думать о розовомъ.

Очевидно, старая леди раньше объ этомъ не думала.

— Ну да развеселитесь, тетя, посмотрите, какіе чудные искусственные цвѣты въ этомъ ящикѣ, я привезла ихъ изъ Нью-Йорка.

— Ахъ, убери ихъ прочь! Я не хочу ихъ видѣть! — воскликнула миссисъ Несбитъ, закрывая глаза и качая головой.

— Почему же, тетя, вы считаете искусственные цвѣты такимъ грѣшнымъ дѣломъ?

— Эта грѣшная трата времени и денегъ отвлекаетъ нашъ умъ отъ болѣе серьезныхъ вещей.

— Отчего же тогда, тетя, Богъ создалъ цвѣты, а не создалъ весь міръ сѣрымъ? Выйдите въ садъ, посмотрите, какіе тамъ чудные цвѣты распустились, это было бы полезно для васъ.

— О, нѣтъ, я, навѣрно, простужусь, я очень склонна къ простудѣ.

— Во всякомъ случаѣ, если бы Богъ не хотѣлъ, чтобы мы украшали себя розами и другими цвѣтами, онъ бы ихъ не создалъ.

— Нѣтъ, дитя, суетность выражается въ томъ, что ты хочешь украшать свое смертное тѣло—въ этомъ вся бѣда.

— Конечно, я хочу выглядѣть какъ можно болѣе красивой.

— Повидимому, ты высококаго мнѣнія о своей красотѣ.

— Я знаю, что я красива, конечно, не такъ, какъ греческія статуи, не приведу весь міръ въ восторгъ своею красотой; я просто хорошенькая дѣвушка, люблю цвѣты, кружева и все прочее, и буду ихъ любить, я не думаю, чтобы это хоть сколько-нибудь противорѣчило религіознымъ правиламъ.

— Я когда-то говорила то же самое, моя милая, но теперь я поняла, насколько была тогда легкомысленна.

На этомъ разговоръ былъ прерванъ появленіемъ молодого курчаваго мальчика, мулата, принесшаго на подносѣ завтракъ миссисъ Несбитъ.

— А вотъ и Томтъ,—воскликнула Пина.

Мальчика звали Томъ, но Пина передѣлала его имя на Томгитъ, находи, что эта кличка болѣе подходитъ къ живому, шаловливому, вѣчно подвижному мальчишкѣ.

Томтить передалъ два письма Нипѣ. Нина взяла письма. Въ комнату вошло новое лицо—горничная миссъ Несбитъ.

Тетка Мили, такъ называли горничную, была высокая, широкоплечая, высокогрудая африканка, она двигалась и стояла съ какою-то особою важною, ея кожа была прекраснаго мягкаго чернаго цвѣта и походила на черный бархатъ. У нея были широкіе, черные глаза съ томнымъ выраженіемъ, обыкновенно свойственнымъ глазамъ этого цвѣта, ротъ у нея былъ большой, негритянскій, но въ очертаніяхъ ея губъ сказывалось что-то рѣшительное, энергичное. Выраженіе энергіи еще усиливалось, благодаря складу ея подбородка. На ея лицѣ обыкновенно свѣтилась чисто-сердечная улыбка, раскрывавшая два ряда прелестныхъ бѣлыхъ зубовъ. Ея волосы, хотя и не были похожи на волосы англо-саксонской расы, но и не были шерстистыми, какъ у большинства негровъ, они были блестящаго чернаго цвѣта и вились мелкими локонами.

Родители Мили были взяты въ плѣнъ въ Африкѣ на войнѣ. Она была прекраснымъ представителемъ одного изъ тѣхъ воинственныхъ, могучихъ племенъ Африки, членовъ которыхъ очень рѣдко можно встрѣтить среди рабовъ въ южныхъ штатахъ. Голову Мили обыкновенно украшалъ тюрбанъ, сдѣланный изъ мадраскаго платка яркихъ цвѣтовъ, которые такъ любятъ темныя расы, остальная ея одежда состояла изъ темнаго простаго платья, сшитаго изъ матеріи лучшаго качества, чѣмъ у остальной прислуги. Накрахмаленный бѣлый батистовый платокъ покрывалъ ея плечи и былъ заколотъ на груди; чистый бѣлый фартукъ дополнялъ ея костюмъ.

Смотря на нее, никто не рѣшился бы сказать, что бѣлыя лица всегда бываютъ красивѣе черныхъ. Характеръ Мили вполне соответствовалъ ея интересной внѣшности. Небо наградило ее широкой благородной душой, страсти кипѣли огнемъ въ ея сердцѣ, она обладала острымъ умомъ, благодаря чему рѣчь ея отличалась живостью. У нея было развито самоуваженіе, и она была безукоризненно вѣрной служанкой; она всегда держала слово и исполняла разъ данное обѣщаніе, ея владѣльцы знали, что на нее можно положиться и поэтому на Мили смотрѣли, какъ на очень цѣнную, почти незамѣнимую служанку.

Несмотря на то, что Мили была фавориткой, ей пришлось перенести очень много горя. Ей позволили выйти замужъ за красиваго мулата со-сѣдней плантаціи. Она имѣла отъ него очень много дѣтей, которые все были похожи на мать, унаслѣдовавъ отъ нея физическія и душевныя качества. И представьте себѣ чувство любящей матери, которая знала, что дорогія ея сердцу дѣти со дня ихъ рожденія были предметомъ купли и продажи и чѣмъ они были лучше, тѣмъ выше была ихъ цѣна, и тѣмъ легче ихъ можно было продать. Къ несчастью Мили, ея владѣльцы были люди небогатые и часто нуждались въ деньгахъ, и имъ приходилось продавать то одного, то двухъ изъ своихъ негровъ. Дѣти Мили, благодаря своимъ качествамъ, легче всего могли быть проданы за хорошую цѣну. И

вотъ, одинъ за другимъ они всѣ были проданы въ чужія руки. Продажа дѣтей доводила Мили до бѣшенства, но ударъ слѣдовалъ за ударомъ—и ея чувство нѣсколько притупѣло, а тутъ еще приспѣло христіанство и внушаемая имъ покорность страданію въ этомъ мірѣ—и она съ разбитымъ сердцемъ покорилась, возлагая всѣ свои надежды на одного Бога.

IV. Гарри и его жена.

Въ нѣсколькихъ миляхъ отъ имѣнія Гордоновъ на старой, пришедшей въ упадокъ плантаціи, стояла маленькая, очень чистенькая бревенчатая избушка, внѣшность которой говорила, что у ея обитателей много вкуса. Она вся обросла вьющимися растениями съ желтыми, голубыми и розовыми цвѣтами, рѣзко выдѣлявшимися на темномъ фонѣ стѣнъ избушки. Хорошенькій садикъ, разбитый вокругъ избушки, былъ огороженъ живою изгородью съ красными ягодами, красиво выглядывавшими изъ темной зелени.

Въ этой маленькой избушкѣ, такъ выгодно отличавшейся своей чистотой и изяществомъ отъ обыкновенныхъ хижинъ южныхъ штатовъ, жила жена Гарри, Лизета. Она была рабыней французской креолки, которой недавно досталась въ наслѣдство эта плантація. Лизета была нѣжное, маленькое существо,—въ ея жилахъ текла смѣсь французской и африканской крови. Благодаря этой смѣси, она обладала живой, тонкой натурой и чисто дѣтскимъ, веселымъ, беззаботнымъ характеромъ, наслаждалась настоящимъ и не заботясь о будущемъ.

Лизета стояла въ саду, разглаживала утюгомъ разныя принадлежности женскаго туалета и весело напѣвала. По временамъ она оставляла работу и, подбѣжавъ къ изгороди, озабоченно поглядывала на дорогу, прикрывъ глаза рукою. Увидавъ приближавшагося всадника, она выскочила на дорогу и побѣжала ему навстрѣчу.

— Гарри! Гарри! Наконецъ-то ты пріѣхалъ, какъ я рада! А что это у тебя въ бумагахъ? Это мнѣ?

Онъ поднялъ руки со сверткомъ къ верху, покачалъ головою и весело сказалъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, это не для тебя, скверная дѣвчонка!

— Я знаю, что это для меня,—сказала она съ капризной гримаской.

— А почему ты знаешь, что это для тебя, маленькая шалунья?

— Ахъ, ты скверный мальчишка, я знаю, что это для меня, подыми меня на сѣдло, я хочу прокатиться.

Гарри протянулъ ей руку, и она, ставъ къ нему на ногу быстро вскочила на шею лошади и вырвала у него изъ рукъ свертокъ.

— Вотъ женское любопытство!—сказалъ онъ.

— Я хочу знать, что это такое. Боже мой, какъ крѣпко завязано!

я разорву веревку. Ахъ, я чувствую, что это шелковая матерія. Правда, это для меня, злой мальчишка!

— Нѣтъ, это мнѣ на костюмъ.

— Мужской костюмъ! Ха-ха-ха! попался,—поѣдемъ!

Гарри далъ шпоры лошади, и они поскакали. Они проѣхали вокругъ сосновой рощицы и, возвратившись къ хижинѣ, вѣхали въ ворота. Гарри соскочилъ, въ одно мгновеніе снялъ свою маленькую жену и поставилъ ее на землю. Лизета все еще не могла распутать веревки. Гарри, подойдя къ ней сзади, выхватилъ у нея свертокъ, разрѣзалъ веревку и распустилъ матерію.

— Что ты скажешь объ этомъ?

— Ахъ, что за прелесть! Ахъ, какъ красиво! Боже мой, Боже мой, какъ я счастлива!

— Это тебѣ привезла миссъ Нина изъ Нью-Йорка.

— Знаешь, Гарри, я съ трехъ часовъ на ногахъ, все время занята глаженіемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ все ждала тебя. А теперь, пока я готовлю ужинъ, поиди къ колодцу и умойся; у меня все будетъ готово черезъ минуту.

Когда Гарри возвратился, все было готово. Маленькій столъ былъ поставленъ около дверей, покрытый безукоризненно чистой скатертью. На немъ были разставлены блюда и тарелки, красиво выложенныя мохомъ и виноградными листьями, изъ которыхъ выглядывали персики и земляника. Было поставлено два кувшина—одинъ со сливками, а другой съ сывороткой—и маленькія тарелки съ кѣксомъ, бисквитами и масломъ.

Лизета стояла, отступивъ нѣсколько шаговъ отъ стола и осматривала его со вниманіемъ, стараясь замѣтить, все ли въ порядкѣ и производить ли должный эффектъ. Когда она услышала шаги Гарри, то быстро захлопнула дверь, вышла въ садъ и, обратившись къ нему, весело спросила:

— Ну, что, Гарри, есть ли у кого-нибудь еще такая жена, какъ я? Подумай только, вѣдь помимо своей обыкновенной работы, я выгладила твой бѣлый полотняный костюмъ! Поди и надѣнь его. Нѣтъ, нѣтъ не ходи туда, пока ты не долженъ входить туда, и она побѣжала по дорожкѣ сада, весело напѣвая.

— Бѣдное дитя,—подумалъ Гарри,—зачѣмъ я буду обременять ея головку ученіемъ?

Черезъ нѣсколько минутъ она возвратилась обратно съ фартукомъ, наполненнымъ цвѣтами. Она выбросила цвѣты на столъ для глаженія и стала сортировать ихъ на два букета.

— Это я тебѣ, Гарри, готовлюю букеты, и знаешь почему?

— Развѣ можно знать, почему женщина дѣлаетъ то или другое.

— Подумаешь, какой важный господинъ! Вѣдь сегодня день твоего рожденія. Ты думаешь, что такъ какъ я не знаю чиселъ мѣсяца, то прощущу этотъ день, нѣтъ, я уже въ теченіе четырехъ недѣль каждый день

отмѣчала мѣломъ черточку. И вотъ, видишь, сегодня съ двухъ часовъ утра готовилась встрѣтить тебя. Однако, чайникъ уже кипитъ. Ахъ, Боже мой, какая горячая ручка! Я обожгла себѣ пальцы.

— Дай я снесу чайникъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, я все сдѣлаю сама, пойдемъ теперь въ комнату.

Лизета пошла впередъ, раскрыла таинственную дверь и устремила свой взглядъ на Гарри, наблюдая, какое на него произведетъ впечатлѣніе приготовленный парадный столъ.

— Великолѣпно, прекрасно, настоящій королевскій столъ! Откуда ты все это добыла?

— Все изъ нашего сада, кромѣ персиковъ. Ихъ мнѣ дала старая Мистъ, они привезены изъ Флориды. Прошлое лѣто ты смѣялся надо мною, что-то ты скажешь теперь?

— Теперь я скажу, что ты маленькое сокровище—настоящая волшебница.

— Ну, садись теперь сюда и расскажи мнѣ все о миссъ Нинѣ, какъ она выглядитъ?

— Она, попрежнему, красива и изящна, такая же очаровательная и своевольная.

— Показала она тебѣ свои костюмы?

— Да, всѣ.

— О, какъ бы я хотѣла ихъ видѣть. Какъ ты думаешь, Гарри, позволить она мнѣ ихъ посмотреть?

— Конечно, я не сомнѣваюсь въ этомъ, и я избавлюсь отъ обязанности рассказывать тебѣ обо всѣхъ этихъ костюмахъ.

— Когда ты меня сведешь къ ней, Гарри?

— Можетъ быть, завтра, моя дорогая. А теперь угадай, что миссъ Нина привезла мнѣ.

— Правда! Что?—воскликнула Лизета, вскочивъ съ мѣста.

— Терпѣніе, терпѣніе,—сказалъ Гарри,—преднамѣренно долго роюсь въ своемъ карманѣ и забавляюсь нетерпѣніемъ Лизеты. Наконецъ, онъ вынулъ изъ кармана подарокъ Нины. Невозможно описать удивленіе и восторгъ, выразившійся въ черныхъ глазахъ Лизеты, когда она увидѣла мужскіе золотые часы. Она всплеснула руками и стала подпрыгивать съ ризкомъ опрокинуть столъ и все, что было на немъ.

— Мнѣ кажется, Гарри, что мы самые счастливые люди на свѣтѣ, всѣ наши желанія исполняются.

Гарри не выразилъ такой увѣренности въ своемъ счастьѣ, какъ его жена. Это удивило послѣднюю.

— Что съ тобою? Чѣмъ ты огорченъ? Отчего ты не радуешься? Ты, вѣроятно, слишкомъ много работаешь. Вотъ я тебѣ кое-что спою.

Лизета схватила банжо, сѣла на порогъ двери и запѣла любимую пѣсню Гарри, аккомпанируя себѣ на банжо. Она пѣла такъ весело и съ та-

кимъ увлеченіемъ, что было радостно на нее смотрѣть. Казалось, что душа веселой птички поселилась въ тѣлѣ женщины и поетъ свою беззаботную, веселую пѣсню.

Спѣвъ пѣсню, Лизета отбросила банжо, вскочила на колѣни къ своему мужу и ласково спросила его.

— Скажи мнѣ, что съ тобою. Я ясно вижу, что тебѣ тяжело, но не понимаю, почему.

— Ахъ, милая Лизета, и этотъ хорошенькій домыкъ и нашъ садъ, все это виситъ на воздухѣ до тѣхъ поръ, пока мы остаемся рабами. Достаточно малѣйшей случайности, чтобы мы лишились всего. Теперь Нина помолвлена и можетъ выйти замужъ за одного изъ влюбленныхъ въ нее молодыхъ людей. Я могу ему не понравиться, онъ возстановитъ ее противъ меня, что тогда будетъ? Я надѣялся, что до ея свадьбы я соберу достаточную сумму денегъ, чтобы внести за свое освобожденіе и буду самъ себѣ господиномъ. Но теперь нѣтъ денегъ въ кассѣ и приходится уплатить по счетамъ миссъ Гордонъ пятьсотъ долларовъ, я далъ на это свои деньги, и она не должна знать объ этомъ. А въ то же время я увѣренъ, что она выйдетъ скоро замужъ, и я не успѣю собрать нужной мнѣ суммы денегъ.

— Почему ты думаешь, что она скоро выйдетъ замужъ, у нея всегда было много поклонниковъ, какъ и у меня, помнишь, до моей свадьбы?

— Да, но теперь есть среди нихъ одинъ человѣкъ, котораго она очень критикуетъ, но которымъ вмѣстѣ съ тѣмъ очень интересуется, и все старается меня убѣдить, что она его совсѣмъ не любитъ. И вотъ, этотъ человѣкъ, женившись на ней, сдѣлавшись моимъ хозяиномъ, можетъ не согласиться на мой выкупъ, и тогда всѣ деньги, которые я уже выплатилъ, пропадутъ даромъ.

— Но, конечно, Гарри, миссъ Нина никогда на это не согласится.

— Ахъ, Лизета, теперь миссъ Нина одно, а когда станетъ миссисъ Клайтонъ, она будетъ представлять собою совсѣмъ другое. Я видѣлъ много подобныхъ перемѣнъ. Намъ, живущимъ въ зависимости отъ другихъ людей, приходится поневолѣ ко многому присматриваться и наблюдать. И весьма возможно, что именно, благодаря тому, что миссъ Нина относится ко мнѣ хорошо, ея мужъ не влюбитъ меня.

— Но послушай, Гарри, если все это такъ, то зачѣмъ ты платишь свои деньги за миссъ Нину? Она вѣдь ничего не знаетъ и не просила тебя платить за нее. Возьми деньги, внеси ихъ за свою отпускную. Отчего ты ей не расскажешь всего?

— Нѣтъ, Лизета, я ве могу. Я всю жизнь заботился о ея спокойствіи и не могу теперь ее разстраивать. И знаешь что? Если бы она узнала обо всемъ, то, можетъ быть, поступила бы совсѣмъ не такъ, какъ мы думаемъ, а потому я и не рѣшаюсь говорить ей все.

— Гарри, почему ты такъ ее любишь?

— Ты знаешь, Лизета, что мистеръ Томъ былъ въ дѣтствѣ ужас-

нимъ мальчикомъ и доставлялъ очень много горя своему отцу: всегда былъ грубъ съ миссъ Ниной и обижалъ ее. Я не могу понять, почему онъ ее обижалъ, такъ какъ она всегда была чрезвычайно милымъ, добрымъ ребенкомъ. Она всегда дѣлала очень много для него, отдавала ему свои деньги, свои драгоценности, чтобы помочь ему выйти изъ затрудненія. Мнѣ же приходилось расхлебывать все это. Онъ ее не любилъ, а я ее люблю. И знаешь, Лизета, почему я люблю Нину? Я тебѣ скажу съ тѣмъ, чтобы ты никогда никому не говорила объ этомъ: Нина Гордонъ—моя сестра.

— Гарри!

— Да, Лизета, ты можешь сколько-угодно удивляться, но это—фактъ. Я старшій сынъ полковника Гордона.

— Гарри, кто сказалъ тебѣ объ этомъ?

— Онъ самъ, когда былъ при смерти и поручалъ мнѣ заботиться о ней, и я исполнилъ это. Я никогда не говорилъ объ этомъ миссъ Нинѣ, и никогда не скажу. Узнавъ, что я—братъ ей, она не полюбитъ меня, а скорѣе будетъ восстановлена противъ меня. Мнѣ не разъ приходилось видѣть, какъ продавали людей только за то, что они слишкомъ были похожи на своего отца, на своихъ братьевъ или сестеръ. Меня отдали миссъ Нинѣ, а мою сестру и мать взяла тетка Нины, живущая въ штатѣ Миссисипи.

— Я никогда не слышала отъ тебя, Гарри, объ этой сестрѣ. Она была красива?

— Она была прекрасна, граціозна и обладала громаднымъ талантомъ къ пѣнію. Я слышалъ много знаменитыхъ пѣвцовъ, которые, несмотря на свое музыкальное образованіе, не могли пѣть такъ, какъ она пѣла никогда не учась.

— Что случилось съ нею?

— То, что обыкновенно бываетъ съ такими женщинами изъ нашей среды. Ее воспитали, баловали, ласкали, сдѣлали элегантною дѣвушкой, и сынъ миссисъ Стюартъ, сестры полковника Гордона, взялъ ее къ себѣ въ любовницы. Послѣ смерти матери онъ прожилъ съ нею года два или три и заболѣлъ оспою. Ты знаешь, какой панической ужасъ вызываетъ оспа, никто изъ его бѣлыхъ пріятелей не рѣшался приблизиться къ плантаціи. Негры, по обыкновенію, были до смерти перепуганы, а надсмотрщики разбѣжались. Тогда она взялась за дѣло, ухаживала за нимъ, и поставила его на ноги. Мало того, она сумѣла восстановить порядокъ на плантаціи и побудила негровъ собрать урожай хлопка, такъ что, когда надсмотрщики возвратились обратно, то нашли все въ такомъ же порядкѣ, какъ будто бы ничего не случилось. У молодого Стюарта оказалось больше благородства, чѣмъ это обыкновенно бываетъ у хозяевъ плантацій, выздоровѣвъ, онъ уѣхалъ вмѣстѣ съ нею въ Огіо, женился на ней и поселился тамъ.

— Почему же онъ не остался жить съ нею на своихъ плантаціяхъ?

— Тамъ онъ не могъ дать ей свободы—это было бы противъ зако-

повь того штата. Впослѣдствіи я получилъ отъ нея письмо, въ которомъ она мнѣ писала, что Стюартъ умеръ и оставилъ все свои владѣнія ей и своему сыну.

— Значитъ, она теперь богата?

— Да, если ей удастся воспользоваться духовнымъ завѣщаніемъ. Но есть много способовъ лишить ее права наслѣдства. Теперь вернемся ко мнѣ. Мнѣ довѣрены владѣнія миссъ Нины—и она мнѣ довѣряетъ, и я исполнялъ добросовѣстно свои обязанности. Но что же изъ того? Я остаюсь рабомъ. Отцы дѣтей, подобныхъ намъ, не любятъ ихъ, какъ своихъ бѣлыхъ дѣтей, они наполовину стыдятся насъ. Пока мы дѣти, они забавляются нами, даютъ намъ подарки, даже обучаютъ насъ. Но, если въ комъ-нибудь изъ насъ проявятся какія-нибудь незаурядныя способности, то приходится слышать такія рѣчи: «какъ жаль, это совсѣмъ не соотвѣтствуетъ его положенію». Въ насъ говоритъ семейная кровь, семейная гордость—а что мы можемъ сдѣлать. Я чувствую себя Гордономъ, я знаю, что я—Гордонъ, поэтому-то, вѣроятно, Томъ Гордонъ и ненавидитъ меня. Развѣ не тяжело, имѣя такую сестру, какъ Нина, чувствовать, что она тебѣ сестра и не осмѣлится сказать ей объ этомъ. У меня вѣдь есть глаза и уши, вѣдь я могу сравнивать себя съ Томомъ Гордономъ. Онъ никуда не годный человѣкъ, никогда ничему не научится, и я помню, насколько быстрее и легче я учился всему у тѣхъ учителей, которыхъ нанимали для него. А между тѣмъ онъ пользуется всеми преимуществами и уваженіемъ, а каково мнѣ слышать, когда миссъ Нина говоритъ: «знаешь, Гарри, вѣдь онъ единственный мой братъ». Полковникъ Гордонъ далъ мнѣ образованіе, имѣя въ виду сдѣлать изъ меня управляющаго Нины, онъ весь былъ поглощенъ ею. Онъ сдѣлалъ только одно въ мою пользу, онъ распорядился, чтобы мнѣ предоставлено было право выкупиться на свободу передъ свадьбой миссъ Нины. Нина согласилась на это, согласился также и Джонъ Гордонъ, я опекунъ, и у меня есть договоръ, подписанный имъ, а также и расписки, которыя онъ выдалъ мнѣ на уплаченныя мною суммы, такъ что въ этомъ отношеніи есть нѣкоторая гарантія. Ты знаешь, Лизета, что я не хотѣлъ жениться, пока не стану свободнымъ человѣкомъ, но ты совсѣмъ очаровала меня—и я женился, и поступилъ очень нехорошо.

— Глупости! глупости!—воскликнула Лизета,—я не хочу больше слушать. Что пользы въ разговорахъ, все обойдется благополучно, ты увидишь—мнѣ вездѣ и всегда будетъ везти.

Здѣсь разговоръ былъ прерванъ громкимъ стукомъ лошадиныхъ копытъ. Гарри посмотрѣлъ въ окно и увидѣлъ скачущаго по дорогѣ Томтита. Томтитъ подвѣхалъ къ домику, соскочилъ съ лошади и сказалъ Гарри, что миссъ Нина велѣла ему немедленно явиться къ ней, такъ какъ онъ ей очень нуженъ.

V. Дилемма.

Для того, чтобы понять, зачѣмъ такъ поспѣшно Нина вызвала Гарри, вернемся опять въ Канему. Получивъ письма и начавъ ихъ читать, Нина возвратилась въ комнату Несбитъ и, усѣвшись тамъ, углубилась въ ихъ чтеніе. По мѣрѣ того, какъ она читала, она все болѣе и болѣе волновалась, нервно теребила письма и нетерпѣливо топала ножкой по ковру.

— Боже мой, что я буду дѣлать, тетя,—обратилась она къ миссъ Несбитъ. Я попала въ ужасно глупое положеніе.

— Я тебѣ всегда говорила, что ты не сегодня-завтра попадешь въ бѣду.

— Вы мнѣ всегда говорили! Ничего нѣтъ противнѣе, когда повторяютъ это. Но теперь, тетя, дѣло серьезное. Я получила письма отъ двухъ джентльменовъ, которые извѣщаютъ меня о своемъ приѣздѣ; значитъ они здѣсь встрѣтятся; я не знаю, что мнѣ дѣлать.

— Поступай, какъ обыкновенно, по-своему,—отвѣтила миссъ Несбитъ равнодушнымъ тономъ.

— Но, тетя, я положительно теряюсь и не знаю, какъ поступить.

— Мои и твои взгляды на вещи совершенно противоположны, такъ что я не могу давать тебѣ совѣтовъ, и ты видишь теперь послѣдствія своего кокетства.—Эти слова тетя Несбитъ произнесла съ чувствомъ глубокаго удовлетворенія.

— Я не прошу васъ читать мнѣ проповѣди, я прошу васъ, какъ чело-вѣка болѣе опытнаго въ жизни, помочь мнѣ, дать совѣтъ, что написать одному изъ этихъ господъ, чтобы онъ не приѣхалъ,—придумать какое-нибудь извиненіе. Я еще никогда не была хозяйкой дома и мнѣ не хотѣлось бы на первыхъ же порахъ оказаться негостеприимной, вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя, чтобы они приѣхали одновременно.

Послѣдовало продолжительное молчаніе. Нина сидѣла и волновалась. Она то краснѣла, то блѣднѣла, кусала свои губки и нетерпѣливо вертѣлась на стулѣ.

Миссъ Несбитъ сидѣла величественно спокойно, и у Нины возникла надежда, что она обдумываетъ положеніе вещей.

Подъ конецъ тетка взглянула на Нину и спокойно спросила:

— Который теперь часъ?

Нина, подумавъ, что тетка нашла способъ, какъ выйти изъ затрудненія и какое написать письмо, быстро вскочила и подбѣжала къ часамъ.

— Теперь половина второго, тетя,—сказала она, поглядывая на тету.

— Надо сказать Розѣ,—проговорила послѣдняя, что это блюдо съ лукомъ совсѣмъ не годится для меня, у меня дѣлается отъ него изжога, но теперь уже поздно.

Нина даже затопала ногами отъ злости.

— Тетя Несбитъ, вы—самое себялюбивое созданіе, какое когда-либо жило на свѣтѣ.

— Нина, ты меня удивляешь,—замѣтила тетка равнодушно, — что съ тобою?

— Я не понимаю такихъ людей! Если бы даже собака прибѣжала ко мнѣ и рассказала о своемъ горѣ, то я и ее бы выслушала и постаралась бы показать интересъ къ ея бѣдѣ. Мнѣ все равно, глупо или умно поступали люди раньше, но разъ они попали въ бѣду, я должна помочь имъ, какъ умѣю. И я думаю, что и вы бы могли помочь мнѣ, давъ какой-нибудь совѣтъ.

— Ахъ, ты все говоришь о томъ же самомъ. Я же тебѣ сказала, что не могу давать совѣтовъ, и не хорошо такъ выходить изъ себя, Нина; это не женственно и грѣшно.—И миссисъ Несбитъ спокойно встала, подошла къ зеркалу, сняла свой утренній чепчикъ, положила его въ ящикъ комода, вынула другой, внимательно разсматривала его и тщательно расправляла на немъ всѣ складочки. А въ это время Нина въ нетерпѣніи ходила взадъ и впередъ по комнатѣ. Тетка же Несбитъ опять подошла къ зеркалу, одѣла чепчикъ и торжественно спокойно усѣлась. Нина выбѣжала изъ комнаты, хлопнувъ дверью. Потомъ она, повернувшись, погрозила кулакомъ по направленію къ дверямъ и воскликнула съ отчаяніемъ и гнѣвомъ:

— Ахъ ты старая, отвратительная, каменная статуя!.. И только подумать, что ты—сестра моей матери.—При словѣ мать она разразилась рыданіями, слезы градомъ полились изъ ея глазъ, и она побѣжала въ свою комнату. Тамъ она увидѣла Мили, укладывавшую вещи въ комодъ и къ удивленію негритянки бросилась, плача и рыдая, ей на грудь. Она такъ горько плакала, что добродушная негритянка совсѣмъ перепугалась.

— Бѣдная дѣвочка,—участливо говорила Мили, сѣвъ на диванъ и держа Нину, какъ ребенка, у себя на колѣняхъ. Бѣдное дитя... Боже! только подумать, что у нея была такая добрая, мягкая мать.

— Да,—говорила Нина въ промежутки между приступами рыданій,— у всѣхъ дѣвушекъ въ школѣ были матери. Мери Бруксъ обыкновенно читала мнѣ письма своей матери, и меня охватывала грусть, что никто мнѣ не писалъ такихъ писемъ. А у меня только тетка Несбитъ—говорятъ, что она религіозна, а между тѣмъ она самое противное, себялюбивое существо на свѣтѣ. Я увѣрена, что если бы я умерла въ сосѣдней комнатѣ, то она спокойно обдумывала бы, какое блюдо заказать себѣ къ обѣду. Я никогда не повѣрю, что она религіозна, это просто старая каменная статуя, начиненная псалмами и гимнами. Знаешь, Мили, вѣдь молодой дѣвушкѣ трудно жить одной, не имѣя возможности посовѣтоваться съ кѣмъ-нибудь, даже просто поговорить. Если бы она, хоть сколько-нибудь интересовалась мною, я бы спокойно выслушивала ея выговоры и нравоученія. Но она даже не слушаетъ меня, и въ то время, когда я прошу ея совѣта, какъ

выпутаться изъ бѣды, она спокойно говоритъ, что лукъ вредитъ ея желудку,—это доводитъ меня до бѣшенства.

— Ну, будетъ, будетъ, успокойгесь, моя дорогая барышня.

— Да, когда я высказалась, это меня нѣсколько успокаиваетъ. Если бы я не высказалась, то, кажется, лопнула бы отъ бѣшенства. Но гдѣ теперь Гарри? Онъ всегда находитъ способъ, какъ выйти изъ затруднительнаго положенія.

— Онъ, кажется, побѣхалъ къ своей женѣ, миссъ Нина.

— Ахъ, какъ жаль! пошли за нимъ Томгита, пусть онъ сейчасъ-же прїѣдетъ.

VI. Совѣщаніе.

— О, Гарри, какъ я рада, что ты возвратился. Я страшно взволнована. Подумай только, сегодня утромъ, когда я была у тетки въ комнатѣ, Томтитъ принесъ мнѣ два письма,—одно отъ Клайтона, другое—отъ мистера Карсова. Клайтонъ пишетъ: «По дѣламъ мнѣ надо быть на будущей недѣлѣ по сосѣдству съ вами; весьма возможно, что заѣду къ вамъ въ Канему въ среду или въ субботу». Вотъ тебѣ и другое письмо: мистеръ Карсонъ, этотъ противный Карсонъ,—онъ, очевидно, не получилъ моего письма—извѣщаетъ, что ѣдетъ къ намъ. Что за наглость! Эта фигура надоѣла мнѣ до смерти, и она появится здѣсь. Непріятные люди обыкновенно сдерживаютъ свое обѣщаніе, и, конечно, онъ прїѣдетъ.

— Но, миссъ Нина, помните, раньше вы говорили, что это будетъ очень смѣшно и забавно.

— О, Гарри, прошу тебя, не напоминай мнѣ объ этомъ. Дѣло въ томъ, что я измѣнила свои взгляды, и рѣшила покончить со всѣми этими глупостями разъ на всегда: я написала Карсону и Емонсу, что мои чувства перемѣнились и т. д. и т. д., все, что въ такихъ случаяхъ обыкновенно пишутъ барышни. Я рѣшила развязаться съ ними со всѣми.

— Со всѣми? съ мистеромъ Клайтономъ и другими.

— Нѣтъ, не совсѣмъ такъ. Ты знаешь, Гарри, его письма становятся все лучше и лучше; во всякомъ случаѣ они совсѣмъ не похожи на тѣ письма, которыя я обыкновенно получаю, и, хотя мое сердце не пылаетъ къ нему любовью, мнѣ прїятно получать его письма. Ну, а другіе двое надоѣли мнѣ до смерти, и я не хочу, чтобы это противное созданіе Карсонъ вертѣлся здѣсь. Во всякомъ случаѣ, я не хочу, чтобы онъ встрѣтился здѣсь съ мистеромъ Клайтономъ. Я написала письмо мистеру Карсону, прося его не прїѣзжать.

— Я сейчасъ же пошлю верхового на почту,—отвѣтилъ Гарри.

— Хорошо, Гарри,—сказала Нина, и, схвативъ его за рукавъ, прибавила,—воротись сейчасъ же назадъ, мнѣ надо поговорить съ тобой.

Во время отсутствія Гарри, наша героиня вынула письмо, хранившееся у нея на груди, и перечитала его съ начала до конца.

— Какъ онъ хорошо пишетъ,—шентала она. Я бы не хотѣла, чтобы онъ прѣѣхалъ сюда, но что мнѣ дѣлать? Очень пріятно получать отъ него письма, но я не хочу его видѣть. Боже мой, какъ бы мнѣ хотѣлось съ кѣмъ нибудь посовѣтоваться. Тетка Несбитъ—такая злючка, вотъ Гарри, это добрая душа.

— Ну, что, Гарри, послалъ мое письмо?—спросила она нетерпѣливо, когда онъ вошелъ въ комнату.

— Да, миссъ Нина, но я боюсь, что вы послали его слишкомъ поздно и оно не поспѣетъ къ отправленію почты. Впрочемъ, наша почта нерѣдко запаздываетъ съ отправкой писемъ на два-три часа.

— Я надѣюсь, что на этотъ разъ, на мое счастье, она запоздаетъ. А то вѣдь это глупое созданіе прѣѣдетъ сюда, и что я буду дѣлать тогда? Онъ такой самоувѣренный, и я себѣ представляю, какъ по всему дому будетъ раздаваться скрипъ его отвратительныхъ сапогъ, а въ концѣ-концовъ, все обнаружится. И что тогда подумаетъ Клайтонъ!

— Но мнѣ казалось, что васъ нисколько не интересуется то, что онъ думаетъ.

— Ты знаешь, онъ пишетъ очень много о своей семьѣ. Его отецъ очень интересный человѣкъ, очень древняго рода; онъ описываетъ также свою сестру, ужасно чувствительную дѣвушку, которая и добра и благочестива—однимъ словомъ, совершенство. Боже мой, какого же онъ мнѣнія обо мнѣ! Представь себѣ, въ письмѣ есть приписка отъ его сестры, написанная самымъ элегантнымъ почеркомъ.

— Что касается происхожденія, миссъ Нина, то Гордоны могутъ выдержать сравненіе съ кѣмъ угодно. И въ этомъ отношеніи вы никакъ не ниже миссъ Клайтонъ.

— Но дѣло въ томъ, Гарри, всѣ эти разговоры объ отцахъ и сестрахъ какъ бы приводятъ дѣло къ концу. Выходить, какъ будто бы я дѣйствительно цопалась. Знаешь, Гарри, я похожа на своего пони: когда ты къ немуходишь, даешь ему овесъ, гладьшь по шеѣ, онъ показываетъ видъ, что покорно позволить набросить на себя узду, но какъ только ты протянешь руку, онъ быстро отскакиваетъ въ сторону. Знаешь, это крайне завлекательно. То же самое и со мною—поклонники, любовныя письма, разговоры о чувствахъ, поѣздки въ оперу, катаніе верхомъ и т. п., все это идетъ само собою, но когда мужчины начинаютъ говорить о своихъ отцахъ, сестрахъ и поступать такъ, какъ будто бы они меня уже держатъ въ рукахъ, то я, какъ мой пони, стараюсь ускользнуть. Знаешь, Гарри, по-моему, замужество очень серьезная вещь. Ты знаешь, я не хочу быть взрослой женщиной, я хотѣла бы навсегда остаться молодой дѣвушкой и жить такъ, какъ я живу теперь

— Отчего же вы не напишете мистеру Клайтону и не порвете съ нимъ совѣтъ.

— Почему? Да я сама не знаю. Я очень хочу покончить, но вмѣстѣ съ тѣмъ боюсь, что я буду чувствовать себя еще хуже, чѣмъ теперь. Онъ появился въ моей жизни, какъ тѣнь, и все въ моей жизни стало для меня представляться въ другомъ, болѣе реальномъ видѣ. Когда-то я читала исторію Ундины, и знаешь, Гарри, мнѣ кажется, я чувствую то же самое, что почувствовала Ундина, когда она пріобрѣла душу.

— Значить, мистеръ Клайтонъ представляетъ собою рыцаря Гельдебунда,—улыбаясь замѣтилъ Гарри,—и позвольте мнѣ, миссъ Нина, дать вамъ совѣтъ: будьте вполне откровенны съ мистеромъ Клайтономъ, и если онъ встрѣтится здѣсь съ мистеромъ Карсономъ, то чистосердечно расскажите ему, какъ обстоитъ дѣло. Вы принадлежите къ роду Гордоновъ, а Гордоны всегда были правдивы. И вы, миссъ Нина, теперь уже не инстингуква, а молодая хозяйка—владѣтельница помѣстья...

Тутъ Гарри замолчалъ какъ бы въ нерѣшительности.

— Зачѣмъ ты замолчалъ, Гарри? У меня не такъ много друзей, чтобы я стала сердиться на тебя изъ-за пустяковъ.

— Я надѣюсь,—сказалъ Гарри,—что здоровье вашей тетки позволить ей присутствовать за обѣдомъ. Вы рассказали ей, какъ обстоитъ дѣло?

— Кому? тетѣ Лу? Нѣтъ, Гарри. Я совершенно одинока. У меня нѣтъ матери, у меня нѣтъ сестры, а тетя Лу меньше, чѣмъ никто. Ужасно тяжело, когда нѣтъ никого близкаго, кто интересовался бы тобою и заботился бы о тебѣ. Я знаю, что мнѣ дѣна грошъ по сравненію съ образцовой миссъ Клайтонъ. Но что же могло выйти изъ меня, когда я съ дѣтства росла одиноко здѣсь на плантаціи, а затѣмъ поступила во французскій пансіонъ. Ты знаешь, Гарри, что представляютъ собою эти пансіоны; тамъ довольно весело, но ничему толковому не учатъ. Мы ничему не учились серьезно, только схватывали верхушки. Конечно, я не могла научиться ничему серьезному.

На этомъ и прекратилось совѣщаніе Нины съ Гарри.

VII. Старый Тиффъ.

— Какъ ты думаешь, Тиффъ, придетъ онъ сегодня вечеромъ?

— Помилуй меня, Боже, миссисъ, какъ же Тиффъ можетъ это знать? Я смотрѣлъ на дорогу, ничего не видать.

— Ахъ, какая тоска! какая тоска! а ночи такія длинныя.

Это говорила изнуренная, слабая женщина, съ трудомъ ворочаясь на жалкой постели, на которой она лежала, нервно ломая свои пальцы, устремивъ свой взоръ на грубо-сбитый неошкатуренный потолокъ.

Комната была самая убогая. Избушка была срублена изъ не-

обтесанныхъ сосновыхъ бревенъ, а щели законопачены соломой и замазаны глиной. Полъ былъ сдѣланъ изъ грубыхъ досокъ, плохо пригнанныхъ другъ къ другу. Окно было маленькое, вырубленное въ стѣнѣ. Въ другомъ концѣ комнаты находился каминъ, въ которомъ тлѣли хворостъ и еловые шишки, прикрытыя легкимъ слоемъ золы. На одной изъ стѣнъ была прибита полка, на которой стояли нѣсколько чашекъ, надтреснутый чайникъ, одинъ стаканъ и обтрепанное отъ долгаго употребленія крыло индѣйки. На колышкахъ, вбитыхъ въ стѣну, висѣли разныя принадлежности женскаго и дѣтскихъ костюмовъ.

Женщина, лежавшая въ углу на кровати, очевидно, была когда-то очень красива. У нея была бѣлая, нѣжная кожа, мягкіе вьющіеся волосы и прекрасные голубые глаза. Ея тонкія руки казавшіяся прозрачными, черные круги подъ ея глазами, блѣдныя губы, исхудалые члены, тяжелое дыханіе и огненные пятна на щекахъ, показывали, что она не долго проживетъ на этомъ свѣтѣ.

Около ея постели сидѣлъ старый негръ, черные, курчавые волосы котораго начивали сѣдѣть. По своей наружности онъ былъ однимъ изъ самыхъ непрезентабельныхъ негровъ и показался бы положительно ужаснымъ, если бы его безобразіе не смягчалось выраженіемъ мягкости и теплоты, освѣщавшимъ все его лицо. Его лицо было цвѣта чернаго дерева. носъ курносый, огромный ротъ съ выдающимися толстыми губами, изъ-за которыхъ выглядывали зубы, которымъ могла бы позавидовать акула.

Единственное, что было въ немъ красиво—это большіе черные глаза, въ настоящую минуту скрытые надѣтыми на самый кончикъ носа очками; черезъ нихъ онъ смотрѣлъ на дѣтскій чулокъ, который онъ усердно штопалъ. У его ногъ стояла грубо сдѣланная люлька, гдѣ лежалъ младенецъ, укутанный во фланелевыя тряпки. Другой ребенокъ, лѣтъ трехъ, сидѣлъ у негра на колѣняхъ и забавлялся словыми шишками и щучками моха. На плечахъ негра былъ накинутъ платокъ изъ красной фланели и заколотъ на груди такъ же, какъ обыкновенно закалываютъ его женщины. Негръ усердно штопалъ маленькій дѣтскій чулокъ и въ то же время развлекалъ болтовней сидящаго у него на колѣняхъ ребенка.

— Гу-гу! Тедди; бу-бу! мой милый мальчикъ, сиди смирно, мама больна, а сестра побѣжала за лѣкарствомъ, потомъ тебѣ Тиффъ споетъ пѣсенку. Осторожнѣе, милый! не трогай иголки, уколешь себѣ пальчикъ, бѣдный маленькій пальчикъ! Сиди тихо, играй съ этими хорошенькими штучками, ты увидишь, что тебѣ принесетъ папа.

— Господи!—воскликнула женщина,—я не выдержу!

— Благословенно имя Господне,—сказалъ Тиффъ, отложивъ въ сторону чулокъ, взявъ на одну руку ребенка, а другой сталъ опрывать простыни у больной,—не надо приходить въ отчаяніе, — продолжалъ онъ.— Благослови васъ, Боже, миссисъ, все придетъ въ порядокъ черезъ нѣсколько дней. Въ послѣднее время было много работы, и мнѣ пришлось много за-

ниматься починкой дѣтскихъ вещей. Вотъ эта фланелевая пеленка нигуда не годится, изъ нея можно сдѣлать что-нибудь Тедди, чтобы онъ не изнашивалъ своего лучшаго платья. Посмотрите, я зашилъ Теддины сапоги. Тиффъ знаетъ, какъ надо дѣлать, вы его недаромъ держите,—черное лицо Тиффа озарилось улыбкой и стало масляннымъ.

— О, Тиффъ, Тиффъ, я знаю, что ты доброе созданіе! Но ты не можешь понять. Я здѣсь лежу день изо дня одна, а онъ Богъ его знаетъ гдѣ. Придетъ на одинъ день, а потомъ опять исчезнетъ, а что онъ дѣлаетъ? Приноситъ домой всякій мусоръ и потомъ обмѣниваетъ его на такой-же мусоръ. О, какъ я была глупа, когда вышла замужъ, боялась остаться старой дѣвой и представляла себѣ счастье въ бракѣ! Сколько неприятностей, огорченій, страданій перенесла я за это время, постоянно кочуя съ мѣста на мѣсто, нигдѣ не устроившись; одно горе шло за другимъ, постоянныя заботы, бессонныя ночи, утомленіе,—и все ни къ чему, я совсѣмъ измучена, и я скоро умру.

— О, Боже мой,—заговорилъ Тиффъ, волнуясь,—Тиффъ приготовилъ чай и подастъ вамъ, моя бѣдная, милая овечка. Теперь тяжелое время, но все переѣнится. Масса придетъ и, вѣроятно, уже не будетъ уходить такъ часто, Тедди вырастетъ и будетъ помогать своей мамѣ, я въ этомъ увѣренъ, и маленькій бебэ тоже будетъ славный малый,—сказалъ онъ, повернувшись и нѣжно смотря на маленькаго, розоваго младенца.

— Ну, ну,—заговорилъ онъ опять, ловко опустивъ Тедди на полъ и взявъ на руки бебэ, на котораго онъ смотрѣлъ любовно черезъ свои очки,—посмотри на маму, мой миленькій, о-ла-ла! Боже мой, у него совсѣмъ глаза мамы. Посмотрите на него, миссисъ,—сказалъ онъ, положивъ ребенка къ ней на кровать. Развѣ когда-нибудь былъ красивѣе ребенокъ, посмотрите на него, миссисъ! Теперь мама подержитъ его, а Тиффъ приготовить чай.—Тиффъ сталъ перелъ каминомъ на колѣни и сталъ усердно раздувать огонь, а въ это время Тедди усердно вытаскивалъ спицы изъ вязанія, которое торчало изъ мѣшка, подвѣшеннаго у камина.

Когда Тиффъ покончилъ съ огнемъ и повернулся къ больной, онъ увидѣлъ, что мать прижала бебэ къ своей груди и горько плакала. Тиффъ остановился посреди комнаты. Небольшого роста, широкоплечій, съ длинными висѣвшими по сторонамъ руками, съ шалью на плечахъ и со своимъ некрасивымъ лицомъ онъ очень походилъ на черепаху, ставшую на свои заднія ноги. Онъ посмотрѣлъ съ нѣжной грустью на мать и ребенка, потомъ снялъ очки, вытеръ платкомъ свои глаза и заговорилъ.

— Боже мой, мистеръ Тедди! вы вытаскиваете спицы изъ работы миссъ Фани! очень хорошо! Тиффу стыдно за васъ, и это въ то время, когда мама больна. Вы должны вести себя хорошо, иначе Тиффъ не будетъ вамъ больше рассказывать сказокъ. Ну, садитесь сюда, на это бревно, здѣсь очень хорошо, здѣсь много мху и вы можете его вытаскивать, ну сидите смирно и не мѣшайте мамѣ.

Мальчонокъ широко раскрылъ свои голубые глаза и смотрѣлъ на Тиффа, какъ зачарованный, а затѣмъ покорно сѣлъ на бревно, указанное Тиффомъ. А Тиффъ опять принялся раздувать огонь, который началъ угасать. Онъ дулъ усердно, не обращая вниманія на то, что цѣлыя облака пепла летѣли на него и покрывали толстымъ слоемъ его голову и лицо.

— Боже мой, какая у меня здоровая грудь! Если бы я служилъ у кузнеца, я могъ бы раздувать ему огонь. Почему это такъ долго нѣтъ миссъ Фани?

Тиффъ всталъ; осторожно взглянувъ на постель, онъ на цыпочкахъ подошелъ къ двери, запиравшейся деревяннымъ засовомъ и тихонько пріотворилъ ее. Взглянувъ вмѣстѣ съ нимъ за дверь, мы увидимъ, что избушка одиноко стояла среди густого соснового лѣса.

Тиффъ нѣсколько времени постоялъ у пріоткрытой двери, внимательно прислушиваясь. Ничего не было слышно, кромѣ вѣтра и шума деревьевъ. Наконецъ, послышался смѣхъ, и веселый дѣтскій голосъ раздался въ темнотѣ.

— Эй, Тиффъ, это ты?

Голубоглазая дѣвочка, лѣтъ восьми, выбѣжала изъ лѣса и подбѣжала къ двери.

— Боже мой, какъ я радъ, миссъ Фани, что вы наконецъ пришли, ваша мама очень слаба и плохо себя чувствуетъ, она только что плакала, когда держала ребенка у себя на груди! Вы принесли лѣкарство?

— Да, вотъ оно.

— Это хорошо. Я приготовилъ для нея чай, налью туда немножко этого, вы подите погорите съ мамой, а я соберу немножко хвороста, чтобы поддержать огонь! Какъ Тедди будетъ радъ, что вы пришли. Вы, вѣроятно, принесли ему что-нибудь?

Дѣвочка тихонько вошла въ комнату и наклонилась надъ постелью матери.

— Мама, я пришла домой,— сказала она нѣжно.

Бѣдное, хрупкое созданіе, лежавшее въ постели, очевидно, было въ очень тяжеломъ настроеніи, она закрыла лицо старымъ, изношеннымъ, одѣяломъ и горько рыдала.

— Мама! мама! мама!— говорилъ ребенокъ, нѣжно трогая ее.

— Уйди! уйди, дитя! О, если бы я никогда не родилась на свѣтъ! я хотѣла бы, чтобы и ты не родилась, и Тедди, и бебѣ. На этомъ свѣтѣ только заботы и горе! Фани, никогда не выходи замужъ! Помни, что я тебѣ говорю!

Дитя стояло совсѣмъ перепуганное у постели. Въ это время вошелъ Тиффъ съ охапкой дровъ, положилъ ихъ около камна, взялъ съ огня чайникъ и усердно принялся что-то готовить въ треснувшемъ форфоровомъ кувшинѣ. Когда онъ окончилъ приготовленія и питье оказалось по его вкусу, онъ подошелъ къ постели и заговорилъ ласковымъ тономъ.

— Будеть, будетъ, миссисъ Сю, вы совсѣмъ истощены; да и не мудрено: этотъ малый здорово высасываетъ васъ,—каждую недѣлю на польфунта увеличивается, съѣшьте-ка супу, это васъ немножко согрѣетъ и прибавитъ жизни; такого славнаго мальчишку не легко выкормить. Дорогой мой,—и при этихъ словахъ Тиффъ нѣжно взялъ бебѣ изъ рукъ матери и, положивъ его въ сторону, подsunулъ свою руку подъ подушки, приподнялъ мать, и при этомъ замѣтилъ: у меня страшно сильная спина и длинныя руки, мнѣ легко васъ поднять, съѣшьте-ка супу и не думайте ни о чемъ. Я увѣренъ, что добрый человекъ съ неба смотритъ на насъ и устроить все къ лучшему.

Больная, совершенно ослабѣвшая, какъ бы механически исполняла то, что ей говорили, взяла въ руки чашку и стала пить съ какою-то лихорадочной жаждой. Когда она выпила супъ, то вдругъ обхватила руками шею своего страннаго прислужника и воскликнула.

— О, Тиффъ, Тиффъ! Бѣдный старый Тиффъ, мой вѣрный Тиффъ! Что бы я дѣлала безъ тебя? такая больная, такая слабая, такая одинокая! Но дѣло приходитъ къ концу, я видѣла во снѣ, что я долго не проживу, я плакала, думая, что станется съ дѣтьми. Ахъ, какъ бы я была рада, если бы я могла прижать ихъ всѣхъ къ своей груди и умереть съ ними вмѣстѣ! Я не знаю зачѣмъ Богъ создалъ меня. Я ни къ чему не была способна и ничего не сдѣлала!

Тиффъ пришелъ въ страшное волненіе, по его щекамъ потекли ручьи слезъ, и его широкая грудь готова была разорваться отъ сдерживаемыхъ рыданій.

— Боже помилуй, миссисъ Сю, не говорите этого, если Богъ призываетъ васъ, то я позабочусь о дѣтяхъ, я сумѣю ихъ выкормить, повѣрьте. Но вы не умрете, вы поправитесь!

Въ этотъ моментъ снаружи послышался рѣзкій лай собаки и шумъ колесъ, подѣзжавшей телѣги.

— Вотъ и масса приѣхалъ,—сказалъ Тиффъ, торопливо укладывая больную и поправляя ей подушки

Снаружи раздался грубый голосъ: «Эй, Тиффъ, посвѣти!»

Тиффъ схватилъ горящую лучину и побѣжалъ открывать дверь. У крыльца стояла страннаго вида телѣга, въ которую запряжена была худая одноглазая лошадь.

— Тиффъ, помоги-ка мнѣ выгрузить! Я много вещей привезъ. Какова Сю?

— Миссисъ очень плоха, все васъ ждала.

— Ладно, ладно. Ну, Тиффъ, тащи скорѣе!—и прибывшій указалъ на большой кусокъ заржавленной желѣзной, домовой трубы и на чугунную дверцу отъ печки.

— Боже мой масса, къ чему все это?

— Не спрашивай Тиффъ, а работай, помоги мнѣ выгрузить эти ящики.

И одинъ за другимъ тяжелые и грубо сбитые ящики были выгружены. Выгрузивъ вещи, Тиффъ сталъ распрягать лошадь и разбирать телегу.

— Ну что, бубь!—сказалъ отецъ, поднявъ трехлѣтняго малыша выше своей головы.—Здорово, Фанъ,—обратился онъ къ дочери, цѣлуя ее въ щеку.—Здорово, Сисъ,—сказалъ онъ подходя къ постели больной и наклоняясь къ ней. Она своими слабыми, худыми руками обхватила его шею и съ чувствомъ воскликнула:

— О, ты пріѣхалъ, наконецъ! Я думала, что умру, не увидавъ тебя.

— Ты не умрешь, Сисъ, къ чему объ этомъ толковать,—сказалъ онъ, беря ее за подбородокъ, смотри, какія у тебя розовыя щечки.

— Папа, помотри на бебэ,—сказалъ маленькій Тедди, который влѣзъ на кровать и развернулъ пеленки.

Удивительная переменна произошла съ больной при входѣ этого челоуѣка. Печать отчаянія исчезла съ ея лица, она сидѣла въ кровати и слѣдила глазами за всѣми его движеніями и, повидимому, безусловно повѣрила въ новое лѣкарство, которое онъ привезъ и далъ ей принять. Нужно замѣтить, что Тиффъ, возвратившійся въ комнату и заживавшій огонь въ каминѣ, каждый разъ, когда хозяинъ поворачивалъ къ нему спину, презрительно фыркалъ на него. Пріѣхавшій былъ здоровый, красивый мужчина, лѣтъ сорока—сорока пяти. У него были ясные глаза, высокій лобъ, вьющіеся волосы и какое то простодушіе въ выраженіи глазъ, что отчасти объясняетъ то чувство, съ какииъ его жена слѣдила за всѣми его движеніями.

Вкратцѣ расскажемъ исторію этой пары. Его имя было Джонъ Брисъ, онъ былъ сыномъ мелкаго фермера изъ сѣверной Каролины. Къ несчастью, его отецъ пріобрѣлъ нѣсколько негровъ, и, благодаря этому, вся семья прониклась отвращеніемъ къ работѣ. Джонъ по цѣлымъ днямъ валялся на солнцѣ или ходилъ на скачки, на бой пѣтуховъ и т. п., проигрывалъ деньги, которыя неизвѣстно откуда попадали къ нему въ карманъ, и никогда ничего не дѣлалъ. Онъ былъ совершенно необразованъ и не имѣлъ понятія о религіи.

Однажды, во время его бродячей жизни, онъ попалъ на пришедшую въ упадокъ старую плантацію, прожилъ тамъ нѣсколько дней, играя въ карты съ хозяиномъ, такимъ же бездѣльникомъ, какъ и онъ; дѣло окончилось тѣмъ, что въ одну прекрасную ночь онъ сбѣжалъ вмѣстѣ съ пятнадцатилѣтней дочерью хозяина, тоже необразованной и непріученной ни къ какому труду.

Ея семья, хотя и впаавшая въ бѣдность, все-таки гордилась своимъ происхожденіемъ и не могла простить дочери неравнаго брака. Единственное приданое, доставшееся ей изъ семейнаго имущества, былъ старый Тиффъ, котораго ничто не могло остановить отъ желанія уйти къ своей госпожѣ. Тиффъ принадлежалъ еще ея матери, происходившей изъ бога-

той семьи Пейтоновъ; онъ страшно любилъ свою госпожу, она была Пейтонъ, ея дѣти для него также были Пейтоны, и Тиффъ гордился тѣмъ, что служить Пейтонамъ. На ея мужа онъ смотрѣлъ покровительственно, съ нѣкоторымъ презрѣніемъ. Онъ слушалъ его, былъ внимателенъ къ нему, но часто говорилъ самъ себѣ: — Ну, что можно ожидать отъ людей подобнаго сорта.

Бродячая, беспокойная натура Джона Крибса оправдывала мнѣніе, составленное о немъ Тиффомъ. Онъ перепробовалъ два-три ремесла, и ничего изъ этого не вышло. Затѣмъ, онъ занимался воспитаніемъ боевыхъ пѣтуховъ и держалъ собакъ для охоты за бѣглыми неграми. Но все кончалось у него неудачей, и онъ отъ одного занятія переходилъ къ другому. Въ послѣднее время онъ увлекся примѣромъ ловкихъ бродячихъ торговцевъ янки, выручавшихъ большіе барыши и рѣшилъ послѣдовать ихъ примѣру и занялся торговлей, хотя не зналъ простой таблицы умноженія; онъ считалъ по пальцамъ и дѣлалъ разныя отмѣтки мѣломъ на дверяхъ. Несмотря на это, онъ воображалъ, что нашелъ настоящее подходящее для себя дѣло.

У Тиффа, наоборотъ, во всемъ была удача: рыба непременно попадалась на крючокъ Тиффа, а не на чей-нибудь другой; курицы всегда носили яйца для Тиффа, индѣйки выводили ему цыплятъ, и казалось, что всевозможная дичь съ удовольствіемъ шла въ его ловушки и силки; тамъ, гдѣ другой человѣкъ умеръ бы съ голоду, Тиффъ находилъ возможность пополнять кладовую всевозможной провизіей.

Крибсъ, пріѣзжая домой, зналъ, что сможетъ съѣсть что-нибудь вкусное, хотя бы онъ и пропилъ послѣдній долларъ въ сосѣднемъ кабакѣ. Это правилось Крибсу, но онъ считалъ, что Тиффъ только выполняетъ свою обязанность, не болѣе, но иногда для поощренія привозилъ ему какую-нибудь дрянъ въ знакъ своего милостиваго вниманія. Такимъ образомъ Тиффъ получилъ свои огромные очки, которыми онъ гордился. Стекла въ этихъ очкахъ ничѣмъ не отличались отъ оконныхъ, но Тиффъ этого не подозрѣвалъ, тѣмъ болѣе, что его прекрасное зрѣніе не нуждалось ни въ какихъ очкахъ, но тутъ играла большую роль аристократическая слабость Тиффа: онъ считалъ очки принадлежностью джентльмена, въ особенности такого, который выросъ среди членовъ знаменитаго рода въ старой Виргиніи. Никто во всемъ округѣ не умѣлъ лучше Тиффа заштопать чулки и скрочить дѣтское платье. Онъ умѣлъ чрезвычайно искусно накладывать заплаты и все дѣлалъ съ сознаніемъ собственнаго достоинства.

Тиффъ былъ жизнерадостнымъ человѣкомъ. Онъ былъ доволенъ самимъ собою и вѣрилъ въ себя. Если никто другой не похвалитъ его, то онъ самъ хлопываетъ себя по плечу, приговаривая: ты славный малый, я люблю тебя. Онъ пѣлъ пѣсни и часто смѣялся. Онъ радовался и смѣялся, когда подымались бобы, когда показывалось солнце послѣ бури и по многимъ другимъ поводамъ, но какимъ вы никогда не будете смѣяться. Тиффъ разговаривалъ и совѣтовался самъ съ собою и такимъ образомъ

имѣлъ совѣтника, который хорошо хранилъ его секреты. Но теперь у него былъ недовольный видъ, такъ какъ ему приходилось дать Криксу хорошо откормленнаго цыпленка, котораго онъ приготовилъ для своей госпожи, и онъ ворчалъ про себя.

— Жаль, что я не убилъ стараго пѣтуха, было бы довольно хорошо для него, а то приходится подавать ему лучшаго цыпленка, а она будетъ сидѣть и смотрѣть, какъ онъ ѣсть,—и съ этими словами онъ поставилъ сковороду на огонь. Затѣмъ Тиффъ накрылъ столъ скатертью и сталъ готовить все къ ужину.

Въ это время Джонъ Крибъ рассказывалъ своей женѣ о дѣлахъ.

— Теперь ты понимаешь, Сю, что все это время я былъ въ Ралегѣ, тамъ я встрѣтилъ человѣка, прѣхавшаго изъ Нью-Йорка или Нью-Орлеана, однимъ словомъ изъ одного изъ сѣверныхъ штатовъ.

— Нью-Орлеанъ не сѣверный штатъ,—скромно замѣтила жена.

— Ну, однимъ словомъ, какой-то Нью, не все-ли равно, зачѣмъ ты прерываешь меня, Сю? Ну, такъ вотъ этотъ малый привезъ цѣлый ящикъ съ модными шляпами, онѣ пришли прямо изъ Парижа, столицы Европы, и онъ продалъ ихъ мнѣ почти за ничто. Ты должна ихъ посмотрѣть, я сейчасъ ихъ достану, Тиффъ, помоги мнѣ!

Крибъ открылъ крышку ящика, тамъ лежала цѣлая куча шляпъ самаго устарѣлаго фасона, какія носили лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ.

— Какъ разъ для воронъ,—пробормотала Тиффъ.

— Ну, Сю, что ты скажешь на это,—спросилъ Крибъ?

— Право не знаю,—произнесла она слабымъ голосомъ.

— Ты знаешь, я заплатилъ только пятнадцать долларовъ за весь ящикъ, а между тѣмъ каждая изъ этихъ шляпъ стоитъ отъ двухъ до пяти долларовъ за штуку, и я выручу не менѣе пятидесяти долларовъ барыша.

— Эй, Тиффъ, помоги-ка мнѣ открыть этотъ ящикъ! Здѣсь башмаки и сапоги, которые я купилъ у того-же человѣка. Они не всѣ парные, но зато я купилъ ихъ дешево, не всѣ же носить обязательно парные башмаки и сапоги, зато эти можно дешево купить. Затѣмъ я купилъ на аукціонѣ три ящика отъ письменнаго стола, я ихъ купилъ очень дешево, они, вѣроятно, подойдутъ къ тому столу, который я купилъ безъ ящиковъ въ прошломъ году.

— Помилуй Богъ, масса, вѣдь этотъ самый столъ я поставилъ въ курятникъ для цыплятъ.

— Не важно! Почисти его хорошенько и пригони ящики. Ну, а теперь идемъ ужинать, сказавъ это, Крибъ сѣлъ за столъ и принялся уплетать жаренаго цыпленка, не приглашая никого раздѣлить съ нимъ трапезу.

— Миссисъ не можетъ сидѣть за столомъ,—сказала Тиффъ,—съ тѣхъ поръ, родился бебэ,—и Тиффъ подошелъ къ постели, съ предусмотрительно отрѣзаннымъ раньше порядочнымъ кускомъ цыпленка, который онъ почтительно подалъ больной на дощечкѣ, покрытой газетной бумагой.

— Кушайте, миссисъ, вы не будете сыты тѣмъ, что смотрите на другого, кушайте, пока Тиффъ перепеленаетъ ребенка.

Чтобы не огорчить стараго друга, больная показала видъ, что припалась за ѣду, но въ то время, когда Тиффъ повернулся къ ней спиною, она раздѣлила кусокъ цыпленка между дѣтьми, стоявшими у постели, и жадно смотрѣвшими на мать.

— Я такъ люблю смотрѣть, какъ они ѣдятъ,— сказала она въ оправданіе, когда замѣтила, что Тиффъ повернувшись увидѣлъ, что дѣти ѣдятъ съ порцію.

— Это такъ, миссисъ, но вы должны ѣсть теперь за двоихъ; все, что они съѣдятъ, не достанется этому маленькому человѣчку, помните это.

Крибсъ мало обращалъ вниманія на то, что дѣлается вокругъ, онъ съ большимъ усердіемъ занимался своимъ дѣломъ, и очень скоро кофе, цыпленокъ и все, что было на столѣ, исчезло, даже косточки были обсосаны до суха и вылизанъ весь сокъ съ блюда.

— Вотъ это такъ!— сказалъ онъ, развалясь на креслѣ.— Тиффъ, сними мнѣ сапоги и подай мнѣ виски! Ну, Сю, я хорошо поѣлъ,— сказалъ онъ, всталъ и, повернувшись къ ней спиною, началъ готовить себѣ виски съ водою. Выпивъ виски, онъ подозвалъ къ себѣ Тедди и хотѣлъ дать ему сахаръ, оставшійся на днѣ стакана, но Тедди, предупрежденный многозначительнымъ взглядомъ Тиффа, вѣжливо отвѣтилъ:

— Благодарю, папа, я этого не люблю.

— Вздоръ, будь мужчиной, это тебѣ полезно,— сказалъ Джонъ Крибсъ.

Мать, слѣдившая внимательнымъ взоромъ за ребенкомъ, замѣтила слабымъ голосомъ: «Джонъ, не надо его заставлять». Тиффъ окончилъ дѣло, безцеремонно, взявъ изъ рукъ хозяйна стаканъ и сказалъ:

— Господи благослови, масса, дѣтямъ не годится давать это на ночь. Имъ пора спать, а мнѣ надо запястья мытьемъ посуды. Ну, Тедди, пойдемъ,— онъ взялъ ребенка, раздѣлъ его и уложилъ въ кроватку.

Крибсъ набилъ свою трубку отвратительнымъ табакомъ, и комната наполнилась клубами дыма.

— Боже милостивый, масса, вѣдь дымъ вреденъ для миссисъ,— сказалъ Тиффъ.

— О, не мѣшай ему курить, мнѣ хочется, чтобы онъ чувствовалъ себя хорошо,— сказала жена.— А ты, Фани, пошла бы спать, подойти ко мнѣ, дитя, поцѣлуй меня, спокойной ночи—спокойной ночи.

Мать долго держала дѣвочку въ своихъ объятіяхъ и жадно смотрѣла на неѣ. Потомъ, когда дѣвочка собралась уходить, она опять притянула ее къ себѣ, еще разъ поцѣловала, сказавъ: «спокойной ночи, дорогое дитя,— спокойной ночи».

Фани взобралась по лѣстницѣ, стоявшей въ углу комнаты, и пролѣзла черезъ квадратное отверстіе въ потолокъ въ верхнее помѣщеніе.

— Я удивляюсь, — говорилъ Кривсь, посматривая на Тиффа, занятаго мытьемъ посуды, — почему жена такъ долго болѣетъ. Кажется, она была здороваго сложенія, когда я женился на ней; можетъ быть ей будетъ лучше, если ее пропарить хорошенько. Когда я простудился въ Ралеѣ, то тамъ былъ докторъ, лѣчившій паромъ. У него была маленькая машина съ котломъ и трубами, онъ уложилъ меня въ постель, пропустилъ трубы и сталъ пускать паръ. И что же простуду какъ рукой сняло. Я думаю, что это можетъ помочь и миссисъ Кривсь.

— Боже мой, масса, не дѣлайте надъ нею опытовъ, отъ этого ей не станетъ лучше.

— Дѣло въ томъ, — продолжалъ Кривсь, не обращая вниманія на замѣчанія Тиффа, — гдѣ-бы мы могли достать подходящія трубы и котель, чтобы устроить паровое лѣченіе.

— По-моему, — отвѣтилъ Тиффъ, — самое лучшее, если бы вы оставили ее въ покоѣ.

— Джонъ, — сказала больная, — поди ко мнѣ и сядь здѣсь у меня на кровати.

Въ голосъ больной было что-то поразившее Джона, и онъ со смущеннымъ видомъ подошелъ къ ней, сѣлъ на кровать и смотрѣлъ на нее, открывши ротъ.

— Я такъ рада, что ты возвратился, мнѣ нужно многое сказать тебѣ, я знаю, что скоро умру.

— Ахъ, не набождай мнѣ со своими истерическими фантазіями!

— Нѣтъ, Джонъ, это не фантазія! Посмотри на меня! Посмотри на мою руку, на мое лицо! Я такъ слаба, я о себѣ не думаю, но мнѣ хотѣлось бы, чтобы, когда дѣти вырастутъ, они не были похожи на насъ, постарайся научить ихъ читать и какому-нибудь дѣлу, которое бы дало имъ кусокъ хлѣба.

— Ну, къ чему все это? Я никогда не учился читать, а, однако, изъ меня вышелъ недурной человекъ, и повсюду есть много людей, которые умѣютъ добывать деньги, не умѣя ни читать, ни писать. Вотъ, напримѣръ, Пубель, на плантаціи Шадъ, имѣетъ массу денегъ, а вмѣсто подписи ставитъ крестъ, у него девять человекъ дѣтей, а всѣ неграмотны. Изъ ученія никогда толку не выѣдетъ, это только пустыя затѣи янки. Меня всегда надували эти грамотные янки, когда бы я не имѣлъ съ ними дѣло. Вотъ тебя научили читать, когда ты была ребенкомъ, какую пользу тебѣ это принесло?

— Мнѣ — никакой, но вѣдь я дни и ночи больная перстаскивалась съ мѣста на мѣсто съ плачущимъ ребенкомъ на рукахъ и не умѣла ничего дѣлать. Я надѣюсь, что Фани выучится чему-нибудь. Ахъ, если бы здѣсь была школа или церковь, чтобы мои дѣти могли учиться.

— Ну, довольно объ этомъ толковать. Къ чему ты мучаешь меня

эти разговорамъ, я усталъ и хочу спать.—И Джонъ, сбросивъ съ себя пальто, растянулся рядомъ съ женою на постели и вскорѣ захрапѣлъ.

Тогда Тиффъ тихонько подошелъ къ постели и присѣлъ на полъ.

— Миссисъ Сю,—сказала онъ,—и зачѣмъ вы объ этомъ съ нимъ говорите? Я не хочу ничего сказать обиднаго для него, но развѣ могутъ что-нибудь понять въ этомъ дѣлѣ люди, не родившіеся джентльменами, какъ мы, принадлежащіе къ старымъ родамъ? Не беспокойтесь, миссисъ, положитесь на стараго Тиффа. Еще не было случая, чтобы Тиффъ не сумѣлъ сдѣлать то, что онъ задумалъ. Миссъ Фани плохо разбираетъ буквы, я заставлю его купить ей книгу, а здѣсь по сосѣдству недавно пріѣхала изъ Нью-Йорка образованная молодая леди и я попрошу ее заняться съ миссъ Фани. Ну, а относительно церкви, сейчасъ здѣсь то нѣтъ ни одного миссіонера, но я буду насторожѣ и сдѣлаю все, что могу. Помилуй Богъ, миссисъ Сю, вѣдь я увѣренъ, что попаду въ землю Ханаанскую, неужели я пойду туда, не взявши дѣтей съ собою. Хо!—хо!—хо! дѣти должны быть тамъ, гдѣ Тиффъ и Тиффъ, долженъ быть съ дѣтьми повсюду. Хе!—хе!—хе!

— Послушай, Тиффъ, я слышала о Библии, ты когда-нибудь видалъ ее?

— Ваша мама привезла съ собою большую семейную Библию, когда вышла замужъ. Но ее потомъ разорвали на пыжи для ружей. Но я слышалъ, какъ ее читали, и я многое слышалъ на лагерныхъ религіозныхъ собраніяхъ и кое-чему научился.

— Не можешь ли ты сказать что-нибудь изъ Библии,—сказала больная, устремивъ большіе глаза на Тиффа.

— На собраніи говорилъ одинъ человѣкъ, проповѣдъ, въ проповѣдяхъ я не особенно хорошо разбираюсь, но одну вещь онъ говорилъ такъ часто, что я ее запомнилъ: «пріидите ко мнѣ всѣ нуждающіеся и обремененные, и Я успокою васъ».

— Покой, покой, покой!—прошептала задумчиво больная и тяжело вздохнула.—Охъ, какъ я нуждаюсь въ покоѣ. Онъ сказалъ, что это изъ Библии?

— Да, онъ сказалъ это. И мнѣ всегда становится легче, когда я объ этомъ думаю, и это именно то, что мнѣ всегда хотѣлось слышать.

— И мнѣ также,—произнесла больная, повернувшись и закрыла глаза.—Тиффъ,—сказала она, вновь открывъ глаза,—когда я умру, я, можетъ быть, встрѣчу того, кто когда-то произнесъ эти слова и тогда я буду просить его объ этомъ. Но теперь не говори больше со мною, мнѣ хочется спать. Положи ко мнѣ на грудь бебѣ—я люблю чувствовать его,—и дай мнѣ заснуть».—И она впала въ глубокій сонъ.

Тиффъ осторожно прилегъ на полу около постели и задремалъ. Но вдругъ какое-то ощущеніе пробудило его, какой-то страхъ охватилъ его, хотя мысль о томъ, что его госпожа можетъ умереть и уйти куда-то, гдѣ онъ не сможетъ заботиться о пей, никогда не приходила ему

въ голову. Онъ задремалъ опять. Около полуночи что-то вновь заставило его широко раскрыть глаза. Ея тонкая, холодная рука лежала на его рукѣ, ея большіе голубые глаза свѣтились какимъ-то особеннымъ духовнымъ свѣтомъ.

— Тиффъ,—прошептала она съ трудомъ,—я видѣла Того, Кто сказалъ эти слова и это правда, я поняла почему, я такъ много страдала. Онъ возьметъ меня къ себѣ. Рассказывай дѣтямъ о Немъ.— Она слегка вздохнула, легкая дрожь пробѣжала по ея тѣлу, и глаза ея закрылись навѣки.

Первоначально Тиффъ подумалъ, что его госпожѣ сдѣлалось дурно и сталъ прилагать всѣ усилія, чтобы привести ее въ чувство: согрѣвалъ ея бѣлыя, маленькія руки въ своихъ большихъ грубыхъ лапахъ, поднималъ ея голову, звалъ всевозможными ласковыми именами и всячески выражалъ свою преданность: ничто не помогало. Вдругъ его внезапно охватила мысль о смерти, онъ бросился на полъ около постели и сталъ громко и отчаянно рыдать. Что-то въ его сердцѣ препятствовало ему разбудить человѣка, лежавшаго рядомъ съ нею, и раздѣлить съ нимъ горе. Но крики разбудили Крибса. Онъ приподнялся и совсѣмъ сонный, упершись на свою руку, посмотрѣлъ на Тиффа.

— Тиффъ, отчего ты такъ кричишь?—спросилъ онъ.

Тиффъ моментально вскочилъ и, поборовъ свое горе, съ негодованіемъ указалъ на холодное тѣло, лежавшее на постели.

— Вотъ, вы не вѣрили, что это ея послѣдняя ночь. Что вы скажете теперь? Добрый Пастырь слышалъ, какъ вы бранили бѣдную овечку, и Онъ взялъ ее къ себѣ, и вы никогда ее не увидите больше.

Крибсъ, подобно всѣмъ грубымъ съ животными инстинктами людямъ, чувствовалъ безмысленный ужасъ къ смерти, онъ отодвинулся отъ бездыханнаго тѣла и съ ужасомъ выскочилъ изъ постели.

— Только подумашь, что я лежалъ въ одной постели съ трупомъ!

— Конечно, теперѣ вы вѣрите. Бѣдная, маленькая овечка, все время лежала здѣсь, одиноко страдая!

— Да, она дѣйствительно умерла,—сказалъ Крибсъ, мнѣ очень жаль ее, я думалъ лѣчить ее паромъ и вообще помочь ей. Что мы будемъ дѣлать теперь?

— Конечно, вы не знаете! Люди, какъ вы, никогда не знаютъ, что имъ дѣлать, когда Господь стучится въ дверь. А я знаю, что надо дѣлать: я сбѣгаю на старую плантацію и приведу какую-нибудь женщину, чтобы она обрядила тѣло, а вы пока присмотрите за дѣтьми.

Тиффъ накинулъ на себя свою верхнюю шерстяную одежду, которую онъ одѣвалъ въ торжественныхъ случаяхъ. Уходя, онъ остановился у двери и, окинувъ Крибса съ головы до ногъ, сказалъ обращаясь къ нему покровительственнымъ тономъ.

— Послушайте, масса, я вернусь обратно какъ можно скорѣе, а пока вы ведите себя прилично и хоть разъ, хоть въ такой день не пейте виски,

подумайте о Страшномъ Судѣ, о безсмертіи души и, можетъ быть, это принесетъ пользу вашей душѣ... и не будите дѣтей до моего возвращенія, они и то слишкомъ рано узнаютъ о своемъ горѣ.

Крибсъ слушалъ съ какимъ-то глупымъ ошеломленнымъ видомъ, поглядывая то на кровать, то на стараго негра. Тиффъ заперъ дверь и побѣжалъ по направленію къ Канемѣ.

Нина въ обыкновенное время не вставала очень рано, но въ этотъ день она проснулась, какъ только занялась заря, и, видя, что больше ей не уснуть, одѣлась и вышла въ садъ.

Она ходила взадъ и впередъ по аллеѣ и обдумывала, какъ ей выйти изъ создавшихся затрудненій. Вдругъ она услышала странные и дикіе звуки, какіе обыкновенно раздаются, когда поютъ негры. Слова «она умерла и ушла на небо» издали доносились до нея. Въ голосѣ, хотя и надтреснутымъ, была какая-то дикая сила и пафосъ, производившій въ окружающей тишинѣ очень сильное впечатлѣніе. Вскорѣ она замѣтила страннаго вида повозку, приближавшуюся къ ней по аллеѣ.

Эта была повозка Крибса, въ которой ѣхалъ Тиффъ. Нина подошла къ забору: острые глаза Тиффа сейчасъ же замѣтили ее и онъ подѣхалъ къ тому мѣсту, гдѣ стояла Нина, слѣзъ съ телѣги, снялъ шляпу, отвѣсилъ ей глубокой поклонъ и спросилъ, въ добромъ ли здоровьи находится молодая леди.

— Спасибо, дядя,—отвѣтила она, смотря на него съ любопытствомъ.

— А у насъ большое горе,—сказалъ Тиффъ, — ночью бѣдная миссъ Сю, моя госпожа умерла.

— Кто твоя госпожа?

— Она была Сеймуръ до замужества, а ея мать была изъ виргинской семьи Пейтоновъ—знатной семьи Пейтоновъ. Моя госпожа имѣла несчастье выйти замужъ, что часто случается съ молодыми дѣвушками,—говорилъ Тиффъ, конфиденціальнымъ тономъ,—ея мужъ ничего не умѣлъ дѣлать, и она прожила тяжелую жизнь, а теперь лежитъ мертвая, и нѣтъ ни одной женщины, которая могла бы убрать ее, и Тиффъ пріѣхалъ сюда попросить молодую леди послать какую-нибудь женщину приготовить покойницу къ погребенію.

— А кто ты такой?

— Я Тиффъ Пейтонъ, я выросъ въ Виргиніи въ имѣніи великихъ Пейтоновъ. Я достался матери миссъ Сю, а когда миссъ Сю вышла замужъ за этого человѣка, всѣ на нее разсердились, я одинъ пошелъ за нею, и имъ говорилъ, что не нужно оставлять ее одну въ несчастіи. Они не хотѣли меня слушать, а я имъ сказалъ «поступайте, какъ знаете, а старый Тиффъ пойдетъ съ миссъ Сю и будетъ слѣдовать за нею до гроба», и вы видите, я исполнилъ свое обѣщаніе.

— Ты славный малый и очень мнѣ нравишься, — сказала Нина,—поди

въ кухню и скажи Розѣ, чтобы она дала тебѣ поѣсть, а я схожу къ теткѣ Несбитъ.

— Нѣтъ, благодарю васъ, миссъ Нина, я не голодень. Когда моя госпожа лежитъ мертвая, я не могу ѣсть, и я надѣюсь, что вамъ не придется переживать такого горя — стоять у воротъ, когда вашъ лучший другъ уходитъ навсегда. Ахъ, какъ тяжело! — и Тиффъ, вытащивъ рванный платокъ, вытеръ свои глаза.

— Подожди минутку, Тиффъ, — сказала Нина и быстро побѣжала къ дому. Тиффъ съ грустью смотрѣлъ ей вслѣдъ.

— Боже мой, также бѣгала когда то миссисъ Сю, маленькія ея ножки прыгали, какъ мышки — трикъ, трикъ, трикъ. Но да будетъ воля Господня!

— О, Мили! — воскликнула Нина, встрѣтивъ Мили у входа, — тамъ стоитъ у забора бѣдный старый негръ, его госпожа умерла, остались дѣти, и некому убрать тѣло. Не можешь ли ты пойти, — никто лучше тебя не сумѣетъ это устроить.

— Это, должно быть, бѣдный старикъ Тиффъ, — сказала Мили, — преданная душа! Итакъ, несчастная женщина умерла, наконецъ, и это лучше для нея. Я пойду спрошусь у миссъ Лу. А, можетъ быть, лучше вы ее спросите, миссъ Нина.

Быстрый, рѣзкій стукъ въ дверь заставилъ вздрогнуть миссисъ Несбитъ, которая стояла передъ зеркаломъ и заканчивала свой утренній туалетъ: она обыкновенно очень рано вставала.

— Тетя, — сказала Нина, входя въ комнату, — тамъ ждетъ бѣдный негръ, у котораго умерла госпожа, и проситъ прислать кого-нибудь убрать тѣло, не можете ли вы отпустить Мили?

— Мили должна сегодня утромъ крахмалить мои чепчики, — сказала тетка Несбитъ, — у меня все распределено на недѣлю.

— Тетя, вѣдь она можетъ это сдѣлать такъ же хорошо и завтра.

— Завтра она должна мыть мое черное платье. Отчего ты не пошлешь Кэти?

— Вы вѣдь знаете, тетя, что у насъ сегодня гости къ обѣду и только, Кэти знаетъ, гдѣ что находится, а кромѣ того, она такъ сурова и груба съ бѣдными людьми, что совсѣмъ не годится для этого. Мили — же мягкая и добрая, а они все тамъ въ горѣ.

— О, въ бѣдныхъ семьяхъ на это мало обращаютъ вниманія! у этихъ людей нѣтъ настоящихъ чувствъ, для нихъ не стоитъ ничего дѣлать.

— Тетя Несбитъ, сдѣлайте это для меня, отпустите Мили, никто не сумѣетъ сдѣлать такъ хорошо, какъ она. Скажите да.

— Ну, хорошо.

— Мили, она сказала да, — вскрикнула Нина, выбѣгая изъ дверей, — иди скорѣе, а я сбѣгаю къ теткѣ Кэти и велю ей дать бисквитовъ и еще кое-чего для дѣтей. Ты все тамъ устроишь, а я велю осѣлать лошадь и приѣду сама вслѣдъ за тобою.

VIII. Приготовление.

Волненіе, вызванное прибытіемъ Тиффа и сваряженіемъ Мили, отвлекли мысли Нины отъ ея собственныхъ дѣлъ. Подвижная, горячая, она цѣлкомъ отдавалась тому, за что принималась, и теперь, отправивъ телѣгу съ Мили и Тиффомъ, сѣла завтракать въ приподнятомъ настроеніи духа.

— Тетя Несбитъ, я такъ заинтересовалась этимъ старикомъ, что всѣла осѣдлать лошадь и послѣ завтрака поѣду туда.

— Мнѣ кажется, ты ждешь гостей.

— Это одна изъ причинъ, почему мнѣ хочется уѣхать. Я не хочу сидѣть разряженная въ гостиной, улыбаться, дѣлать глазки и подбѣгать къ окошку, посматривая, не соблаговолитъ ли эти господа приѣхать. Нѣтъ, я не намѣрена дѣлать этого для ихъ удовольствія, я хочу поѣхать верхомъ, и я поѣду.

— Я думала,—сказала Несбитъ,—что берлога, въ которой живутъ эти несчастныя созданія,—совсѣмъ не подходящее мѣсто для дѣвушки въ твоемъ положеніи.

— Я не понимаю, причѣмъ тутъ мое положеніе. Именно мое положеніе позволяетъ мнѣ поступать, какъ я хочу,—я пользуюсь полной свободой, къ тому же, меня все это страшно огорчило, въ особенности, когда старый Тиффъ сказалъ, что это—женщина изъ хорошей виргинской семьи. Очень можетъ быть, она была такою-же неукротимой дѣвушкой, какъ я, и не думала о томъ, что могутъ наступить тяжелыя времена и смерть. Я не могу не сочувствовать ей. Все это пришло мнѣ въ голову, когда я бродила въ саду. Чудное утро, поютъ птицы, цвѣты кажутся живыми, точно дышать, и вдругъ я слышу похоронную пѣсню, раздающуюся изъ лѣса,—это было прекрасно и вмѣстѣ съ тѣмъ дико и страшно. «Она умерла и ушла на небо, она умерла и ушла на небо»; затѣмъ я увидѣла какую-то странную телѣгу, въ ней—чернаго человѣка со смѣшными очками на носу; я подошла къ забору. Онъ мнѣ низко поклонился и рассказалъ о смерти своей госпожи, окруженной дѣтьми, и о томъ, что въ домѣ никого нѣтъ. Бѣдный старикъ, онъ плакалъ, и мнѣ было жаль его. Повидимому, онъ очень гордился своею госпожей, несмотря на ея бѣдность.

— Гдѣ они живутъ?—спросила миссис Несбитъ.

— Въ сосновомъ лѣсу, около болота.

— О,—сказала Несбитъ,—это семья Крибса, пріютившаяся въ сосновомъ лѣсу, презрѣнный народъ, всѣ они лъстецы и воры. Если бы я знала, что это для нихъ, я бы не отпустила Мили. Подобныя семьи не слѣдуетъ поощрять къ бездѣлью, пусть они заботятся сами о себѣ, и не надо содѣйствовать тому, чтобы они оставались здѣсь по соседству. Они постоянно крадутъ, сбиваютъ съ толку негровъ, пьянствуютъ и т. п. Среди нихъ не было ни одной порядочной женщины, и если бы ты была моею дочерью, я не позволила бы тебѣ даже приблизиться къ нимъ.

— Но такъ какъ я, слава Богу, не ваша дочь, то я сдѣлаю такъ, какъ хочу, и я не понимаю, какъ вы, благочестивые люди, можете такъ говорить. Вѣдь я увѣрена, что Христосъ постоянно былъ среди грѣшниковъ.

— Въ Библии сказано,—отвѣтила миссисъ Несбитъ: «не мечите бисера передъ свиньями», и, когда ты проживешь столько же, сколько я, то узнаешь многое. Съ подобными людьми ничего не сдѣлаешь, имъ даже нельзя дать Библию, они не умѣютъ читать. По-моему, слѣдовало бы ихъ всѣхъ отдать въ рабство, чтобы было кому заботиться о нихъ.

— Но чѣмъ же они виноваты?—вѣдь здѣсь нѣтъ школъ, куда они могли бы посылать дѣтей, если бы тѣ захотѣли учиться, а если бы они захотѣли работать, то никто не найметъ ихъ. Что же имъ дѣлать?

— Я одно знаю,—сказала Несбитъ,—что имъ слѣдовало бы убраться отсюда подальше; давать имъ—это все равно, что класть въ дырявый мѣшокъ. Вотъ, напримѣръ, сегодня, сколько мнѣ придется перенести неудобствъ изъ-за нихъ! Сегодня прекрасный, солнечный день и очень хорошо крахмалить, а завтра, можетъ быть, пойдетъ дождь; я терпѣть не могу, если что-нибудь дѣлается не во время. Я еще могла бы послать имъ какія-нибудь старыя вещи, но Мили мнѣ нужна. Похороны могли бы обойтись и безъ нея, а она еще можетъ захватить тамъ осну или что-либо другое. Никогда не узнаешь, отчего эти люди умираютъ.

— Они умираютъ отъ того же, отчего и мы,—отвѣтила Нина.

— Но зачѣмъ же намъ рисковать жизнью ради людей подобнаго сорта?

— Отчего вы, тетя, такъ возстановлены противъ этихъ людей; развѣ вы дѣйствительно сами знаете, что они сдѣлали что-нибудь дурное?

— Я, конечно, ничего не знаю именно объ этой семьѣ, но я знаю этотъ классъ людей—«скветеровъ»; я знаю ихъ съ тѣхъ поръ, какъ была еще дѣвушкой въ Виргиніи, съ ними ничего нельзя подѣлать, покуда ихъ не превратятъ въ рабовъ, тогда ихъ можно будетъ сдѣлать болѣе приличными; ты, конечно, можешь, если хочешь, къ нимъ ѣхать, но я не хочу, чтобы нарушался ради нихъ установленный порядокъ моей жизни!

Нина торопливо встала, увидѣвъ въ окно, что ея лошадь готова и стоитъ у крыльца; она быстро переодѣлась въ костюмъ для верховой ѣзды и вскорѣ уже ѣхала по сосновому лѣсу въ приподнятомъ настроеніи духа. День былъ прекрасный, ясный, дорога была усыпана, какъ ковромъ, опавшими основными иглами. Гарри слѣдовалъ за нею немного позади, но такъ, что могъ вести съ нею разговоръ.

— Ты знаешь стараго Тиффа, Гарри?

— О, очень хорошо. Онъ прекрасный человѣкъ и во всѣхъ отношеніяхъ гораздо выше своего господина.

— Онъ говоритъ, что его господа изъ хорошей семьи.

— И этому не удивляюсь,—отвѣтилъ Гарри,—она была очень

изящна и совѣмъ не похожа на другихъ женщинъ ея класса. Ея дѣти также очень красивы и ведутъ себя прекрасно. Жаль, что они не могутъ учиться чему-нибудь.

— Почему ихъ ничему не учать?—спросила Нина.

— Каждый занятъ своимъ дѣломъ или своею работою, миссъ Нина; школъ же здѣсь нѣтъ, и вотъ, они ничего не дѣлаютъ. Для бѣдныхъ бѣлыхъ у насъ какъ будто бы нѣтъ мѣста въ обществѣ: мальчики растутъ среди пьянства и ругани, а о дѣвочкахъ никто не заботится, и такъ—изъ поколѣнія въ поколѣніе.

— Какъ это странно, совѣмъ иначе, чѣмъ въ сѣверныхъ штатахъ: тамъ всѣ дѣти ходятъ въ школу, даже самыя бѣдныя. И многіе великіе люди вышли изъ бѣдныхъ дѣтей. Почему этого нѣтъ у насъ?

— Потому, что они здѣсь живутъ крайне разбросанно, и нельзя имѣть школы. Вся годная земля принадлежитъ богатымъ имѣніямъ, и вотъ, бѣдняки живутъ разбросанно, и трудно сказать, чѣмъ они добываютъ себѣ пропитаніе. Я знаю многихъ изъ нихъ, которые хотѣли бы работать, но не могутъ найти работы. Ихъ никто не беретъ, всѣ плантаторы имѣютъ своихъ рабовъ; они не могутъ заниматься и ремеслами, такъ какъ во всякомъ имѣніи есть свой кузнецъ, свой плотникъ и т. п.; они занимаются тѣмъ, что держатъ собакъ для охоты за бѣлыми неграми, или открываютъ маленькія лавочки, въ которыхъ продаютъ виски и покупаютъ краденыя съ плантаціи вещи. Мнѣ приходилось слышать, что нѣкоторые изъ нихъ такъ низко опускались, что продавали своихъ дѣтей за кусокъ хлѣба.

— Несчастные! Но какъ же случилось, что женщина изъ хоршей семьи вышла замужь за человѣка подобнаго рода?

— Вы знаете, миссъ Нина, что богатые семьи, идущія къ упадку, очень быстро бѣднѣютъ, и тогда не посылаютъ дѣтей въ школу, оставляя ихъ жить безъ присмотра. Крибсъ былъ красивымъ человѣкомъ, когда былъ молодъ, и ничего нѣтъ невѣроятнаго въ томъ, что невоспитанная, необразованная дѣвушка, никогда не выѣзжавшая изъ плантаціи, полюбила его; онъ, вѣроятно, былъ нисколько не ниже ея братьевъ. Вы знаете, миссъ Нина, что въ нашихъ мѣстахъ съ потерей денегъ все теряется, и обѣднѣвшая семья быстро идетъ ко дну.

— Во всякомъ случаѣ, я жалѣю ихъ,--сказала Нина, а не презираю, какъ тетка Несбитъ.

Здѣсь тропинка стала шире. Нина погнала свою лошадь и поскакала впередъ. Имъ пришлось ѣхать по дну маленькаго мелководнаго ручья, который протекалъ черезъ лѣсъ. Вскорѣ они выѣхали на маленькое открытое мѣсто величиною около полу-акра, окруженное со всѣхъ сторонъ изви-вавшимся ручьемъ; только маленькій перешеекъ, шириною фута въ четыре соединялъ это мѣсто съ землею.

Этотъ островокъ былъ расчищенъ и превращенъ въ садикъ, за котрымъ, очевидно, очень тщательно ухаживали. Бревенчатая изба стояла

посреди́ островка и не имѣла того ужаснаго вида, въ какомъ представляла ее себѣ Нина. Хижина почти вся была покрыта зеленой массою вьющихся растений. Среди зелени красовались желтые цвѣты жасмина. Воздухъ на островкѣ былъ чистый, пріятный, кругомъ господствовала лѣсная тишина; въ общемъ все было очень поэтично и Нина, пріостановивъ свою лошадь, невольно воскликнула:

— Какое красивое мѣстечко! Мнѣ кажется, что здѣсь живутъ уже не такіе заброшенные люди.

— Это все Тиффъ устроилъ,—сказала Гарри,—онъ заботился обо всемъ и дѣлалъ все въ то время, какъ мужъ покойницы шатался, неизвѣстно гдѣ. Вы были бы поражены, если бы видѣли, какъ онъ со всемъ управляетъ шитье, вяжетъ, обрабатываетъ огородъ, исполняетъ домашнія работы и учитъ дѣтей. Все это правда. Вы замѣтили, что дѣти ни по манерамъ, ни по языку не похожи на дикихъ дѣтей бѣлыхъ бѣднаго класса. И это только благодаря заботамъ Тиффа,—въ немъ нѣтъ ни капли эгоизма, онъ вполне проникнутъ интересами своей госпожи и ея дѣтей.

Гъ это время Тиффъ замѣтилъ ихъ приближеніе и вышелъ имъ навстрѣчу, чтобы помочь имъ слѣзть съ лошадей.

— Богъ благословитъ васъ, миссъ Гордонъ, зато, что вы пріѣхали посмотреть на мою бѣдную госпожу! Она тамъ лежитъ, такая же красивая, какъ въ тотъ день, когда выходила замужъ. Вся ея молодость возвратилась къ ней, и Мили такъ хорошо ее обрядила. Я хотѣлъ, чтобы кто-нибудь убралъ ее, такъ какъ она хорошей крови, хотя и бѣдная. Она не изъ простыхъ бѣлыхъ, миссъ Нина. Войдите посмотрите на нее.

Нина вошла въ хижину; на постели, покрытой чистой простыней лежало тѣло, одѣтое въ бѣлый ночной костюмъ, принесенный Мили. Умершая была, какъ живая, и трудно было представить себѣ, что она умерла. Выраженіе утомленія, заботы и безпокойства исчезло съ ея лица и замѣнилось выраженіемъ спокойствія, имѣющимъ въ себѣ что-то таинственное. Казалось, что закрытые глаза ея смотрятъ на что-то необъяснимое.

Въ головахъ постели сидѣла маленькая дѣвочка, тщательно одѣтая; ея вьющіеся волосы были раздѣлены пробороми и тщательно причесаны. Маленькій мальчикъ сидѣлъ рядомъ съ нею, и въ его большихъ голубыхъ глазахъ свѣтилось выраженіе сдержаннаго любопытства.

Крибсъ сидѣлъ у ногъ постели, повидимому, въ полномъ опьяненіи. Несмотря на предупрежденіе Тиффа, онъ сейчасъ же послѣ его ухода принялся за виски. Что же ему оставалось дѣлать? Ему было тяжело и грустно, а въ это время всякій ищетъ соотвѣтственнаго утѣшенія. Человѣкъ науки читаетъ, углубляется въ науку, дѣловой человѣкъ уходитъ въ дѣла, чувствительный человѣкъ ищетъ общества друзей, благочестивый находитъ утѣшеніе въ религіи, а тотъ, у кого ничего этого нѣтъ, находитъ утѣшеніе въ виски. Крибсъ съ глупымъ видомъ покло-

нился Нинѣ и Гарри опять сѣлъ на свое мѣсто и что-то забормоталъ про себя.

Тиффъ тихонько вошелъ и остановился позади Нины. Въ рукахъ у него было нѣсколько вѣтокъ жасмина, одну изъ нихъ онъ положилъ на грудь покойницы.

— Она прошла тяжелый путь, — сказалъ онъ, — теперь пришла домой. Какой спокойный у нея видъ, — бѣдная овечка.

Маленькая, беззаботная, веселая кокетка никогда въ жизни не видѣла ничего подобнаго. Она стояла въ глубокой задумчивости, совсѣмъ непохожая на веселую вѣтренницу. Ея шляпа висѣла на лентахъ у нея на рукѣ, распущенные волосы спустились ей на лицо.

Она слышала, что кто-то еще вошелъ въ домикъ, но не оглянулась. Она чувствовала, чтокъ то-то смотреть черезъ ея плечо и думала, что это — Гарри.

— Бѣдная женщина. какую молодую она выгладить, — говорила Нина, — и сколько горя пришлось ей перенести. — Ея голось дрожалъ, а глаза наполнились слезами. Около нея кто-то пошевелился; она взглянула и увидѣла Клайтона, стоящаго рядомъ съ нею.

Она нѣсколько удивилась, краска сгустилась на ея щекахъ, но она настолько была поглощена всѣмъ происходившимъ вокругъ, что даже не улыбнулась. Она взяла его за руку и повернувшись къ покойницѣ, сказала шепотомъ:

— Смотрите.

— Я вижу, — сказалъ онъ, — могу-ли я быть чѣмъ-нибудь полезенъ?

— Бѣдняжка умерла прошлою ночью, — сказала Нина, — нужно помочь устроить похороны. Гарри, — продолжала она, — подходя тихонько къ двери и говоря шепотомъ, — позаботься о гробѣ, и пусть его сдѣлаютъ хорошо. Дядя, — подозвала она Тиффа, — гдѣ ее похоронять?

— Похоронять? — воскликнулъ Тиффъ. — О, Боже мой, похоронять! — Онъ закрылъ лицо своими грубыми руками, и сквозь его пальцы потекли обильныя слезы. — Боже, Боже, я знаю, что такъ должно быть. Но она такъ прекрасна! Только не сегодня!

— Слушай дядя, — сказала Нина мягко, — вѣдь ты знаешь, что нужно кончить.

— Я зналъ ее, еще когда она была такая маленькая, — сказалъ Тиффъ. — У нея была кудрявая головка; она носила хорошенькіе, красненькіе башмачки и бѣгала за мною по саду. Тиффъ, Тиффъ, — кричала она. И вотъ куда привело ее горе! Какая хорошенькая дѣвочка она была! хорошенькая, какъ вы, миссъ Нина. Но съ тѣхъ поръ, какъ она вышла замужъ за этого, произнесъ онъ тихо, указавъ пальцемъ черезъ плечо, — все пошло хуже и хуже. Я дѣлалъ все, что могъ, — и вотъ теперь она лежитъ здѣсь.

— Можеть быть, — сказала Нина, положивъ свою руку ему на плечо, — можеть быть, теперь она находится въ лучшемъ мѣстѣ.

— Боже милостивый, конечно, она тамъ. Она сказала мнѣ это, умирая, она увидѣла Господа, ея послѣдніе слова были: «Тиффъ, я вижу Егъ, и Онъ дастъ мнѣ покой. Тиффъ, — говорила она, — я видѣла Его и знаю зачѣмъ я страдала, онъ возьметъ меня и дастъ мнѣ покой».

— Значить, ты долженъ радоваться за нее.

— Да, — сказалъ Тиффъ, — но я себялюбецъ, я хотѣлъ бы быть съ нею вмѣстѣ тамъ, — но вотъ, некому будетъ за дѣтьми присмотрѣть.

— Ну, Тиффъ, — сказала Нина, — мы должны теперь уѣхать; Гарри позаботится о гробѣ для твоей госпожи, а въ день похоронъ я пришлю нашу карету, и все мы будемъ присутствовать.

— Благослови васъ Богъ, миссъ Гордонъ, это очень хорошо съ вашей стороны; у меня сердце болѣло, что никто не интересуется моею бѣдною госпожею, вы очень добрая. — Затѣмъ, подойдя близко къ Нинѣ, онъ шепотомъ продолжалъ:

— Вотъ насчетъ траура. Онъ, конечно, не въ счетъ, вы видите въ какомъ онъ видѣ, но миссъ была изъ Пейтоновъ, и я изъ Пейтоновъ, и я чувствую отвѣтственность. Я снялъ ленты съ шляпки миссъ Фани и положилъ крекъ, что привезла Мили, я пришилъ черную ленту къ шляпѣ мастера Тедди, хотѣлъ положить и на свою шляпу, да не хватило. Вы знаете, миссъ, вѣдь слуги въ важныхъ домахъ всегда носятъ трауръ. Если бы вы могли посмотреть, хорошо-ли я все это сдѣлалъ, въ особенности, шляпку миссъ Фани. Вѣдь я не умѣю убирать шляпы, какъ модистка.

— Ты очень хорошо убралъ шляпу Фани.

— Можеть быть, миссъ Нина немножко поправитъ.

— Если хочешь, дядя Тиффъ, я все это возьму къ себѣ домой и сдѣлаю все, что нужно.

— Благослови васъ Боже, миссъ Гордонъ, это именно то, что мнѣ хотѣлось, но я боялся васъ просить, такъ какъ обыкновенно веселыя молодья барышни не любятъ имѣть дѣло съ чернымъ цвѣтомъ.

— Я этого не боюсь, дядя Тиффъ, дай все Мили, она мнѣ привезетъ.

Сказавъ это, она вышла изъ комнаты. Гарри стоялъ у дверей и держалъ лошадей. Въ другое время Нина не преминула бы пококетничать съ Клайтономъ, но въ настоящую минуту она была поглощена тѣмъ, что видѣла и почти не замѣчала его присутствія. Она поставила свою хорошенькую пожку на его руку, онъ помогъ ей сѣсть на сѣдло, она поблагодарила его граціознымъ поклономъ и поѣхала впередъ. Клайтонъ молча поѣхалъ рядомъ съ нею. Клайтонъ постепенно пріобрѣталъ на нее влияние и именно тѣмъ, что не мѣшалъ ей проявлять себя такъ, какъ она хочетъ, и не нарушалъ ея настроенія.

IX. Поклонники.

Они ѣхали молча до тѣхъ поръ, покуда лошади не вошли въ русло ручья. Здѣсь Нина пріостановила свою лошадь и, указывая на окружающій ручей сосновый лѣсъ, сказала:

— Прислушайтесь.—Оба пріостановились. Былъ слышенъ шелестъ лѣса, журчаніе воды, голоса птицъ и постукиваніе дятла.

— Какъ все прекрасно!—произнесла она,—и какъ грустно думать, что люди должны умирать,—Я еще никогда не видѣла покойника. Вы не можете себѣ представить, что я чувствую. Подумать, вѣдь эта женщина была когда-то такую же дѣвушкой, какъ я, она была полна жизни, а теперь холодная, мертвая! Зачѣмъ свѣтъ такъ прекрасенъ, если мы должны умирать?

— Вспомните, миссъ Нина, что вы сказали старому негру. Можетъ быть, она теперь видитъ болѣе прекрасныя вещи.

— Въ небесахъ! Мнѣ бы хотѣлось побольше знать о небесахъ. Будетъ ли тамъ такъ уютно, какъ здѣсь? Мнѣ бы не хотѣлось покинуть этотъ міръ, я такъ наслаждаюсь этой жизнью! Я не могу забыть, какъ была холодна ея рука. Я никогда не чувствовала такого холодного прикосновенія.

Клайтонъ никогда не видѣлъ Нины въ такомъ настроеніи, но онъ понималъ оригинальность и тонкую организацію ея натуры, которая такъ воспримчива ко всякому впечатлѣнію, произведенному на ея умъ. Они повернули лошадей на лѣсную тропинку и ѣхали нѣкоторое время молча.

— Знаете,—сказала она,—большая разница жить въ Нью-Йоркѣ или здѣсь. Здѣсь все такъ безформенно, дико, уединенно. Я никогда не видѣла такого уединеннаго мѣста, какъ этотъ лѣсъ. Вы можете ѣхать цѣлые часы и не слышать ничего иного, кромѣ шума деревьевъ, такъ же какъ теперь. Наша плантація отстоитъ далеко отъ другихъ населенныхъ мѣстъ. Я такъ долго жила въ густо-населенной мѣстности, что мнѣ теперь здѣсь кажется страннымъ. Здѣсь мнѣ все представляется пустыннымъ, наводитъ на меня грусть и какъ бы отрезвляетъ меня.

Въ эту минуту передъ ними открылись широкія ворота, и они вѣхали въ темную арку, образованную вѣтвями дубовъ; проѣзжая въ ворота, Клайтонъ снялъ шляпу, такъ какъ онъ это дѣлалъ при входѣ въ церковь.

— Добро пожаловать въ Канему,—сказала Нина, смѣло смотря ему въ лицо.

Это было сказано съ полу-королевскимъ величіемъ, съ полу-дѣтской шаловливостью. Клайтонъ улыбнулся, поклонился и съ серьезнымъ видомъ отвѣтилъ.

— Благодарю васъ, сударыня.

— Можетъ быть,—сказала она серьезнымъ тономъ,—вы когда-нибудь пожалѣете, что пріѣхали сюда.

— Что вы этимъ хотите сказать?

— Я сама не-знаю, мнѣ это внезапно пришло въ голову, вѣдь никто не знаетъ, что насъ ждетъ въ будущемъ.

Въ этотъ моментъ выбѣжалъ къ нимъ навстрѣчу Томтитъ съ развивающимися волосами, и съ разгорѣвшимися щеками.

— Въ чемъ дѣло, Томтитъ?—спросила Нина.

— Боже мой, миссъ, тамъ васъ ждетъ одинъ джентльменъ уже въ теченіе двухъ часовъ, и миссъ Лу надѣла свой лучшей чепчикъ и сидитъ съ нимъ въ гостиной.

Нина почувствовала, что покраснѣла до корней волосъ, злилась на себя за то, что она покраснѣла, и взоръ ея невольно устремился на Клайтона, но его лицо не выражало ни любонѣтства, ни удивленія.

— Какъ этотъ мохъ красивъ,—сказалъ онъ,—я никогда не думалъ, чтобы онъ могъ такъ высоко расти.

— Да, онъ очень красивъ,—отвѣтила разсѣянно Нина.

Клайтонъ замѣтилъ и посланнаго, и краску на ея лицѣ. Онъ не былъ такъ плохо освѣдомленъ обо всемъ, какъ думала Нина. Ему писали изъ Нью-Йорка, что кто-то, кромѣ него, можетъ появиться на сценѣ, и ему было интересно наблюдать, какъ будетъ развертываться ходъ дѣла. Они поѣхали дальше по аллеѣ, перекидываясь другъ съ другомъ отдѣльными фразами и выѣхали на лужайку передъ большимъ трехэтажнымъ домомъ. Со всѣхъ четырехъ сторонъ дома выдавались широкіе деревянные балконы. На нижній балконъ вела лѣстница съ широкими ступеньками. Нина издали ясно увидѣла чепчикъ и шелковое платье тетки Несбитъ, разговаривавшей съ мистеромъ Карсономъ.

Мистеръ Фридрихъ-Августъ Карсонъ былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые имѣютъ большой успѣхъ въ великосвѣтскихъ гостиныхъ, гдѣ господствуетъ искусственная жизнь. Но въ простой, естественной, деревенской обстановкѣ онъ былъ совершенно не у мѣста. Нина очень любила встрѣчаться съ нимъ на званыхъ вечерахъ, балахъ и въ театрахъ, когда жила въ Нью-Йоркѣ, но, проживъ нѣкоторое время въ одиночествѣ въ деревнѣ, гдѣ ея мысли приняли совершенно другое направленіе, она была не въ силахъ представить, какъ она могла съ нимъ кокетничать, и допустила его просить ея руки и сердца. Она страшно досадовала на себя за это и была теперь въ очень дурномъ настроеніи духа въ ожиданіи предстоящей встрѣчи, и потому, когда Карсонъ торопливо бросился къ ней навстрѣчу, предложилъ ей руку и назвалъ ее просто Нина, она чуть не лопнула отъ досады. Отъ ея вниманія не ускользнуло, что тетя Несбитъ была особенно нарядно разодѣта и сидѣла съ выраженіемъ какого-то особеннаго снисходительнаго довольства, свойственнаго пожилымъ женщинамъ, когда они замѣшаны въ сердечныя дѣла молодыхъ людей. Было ясно, что Карсонъ разсказалъ ей все. Съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ Нина представила ми-

стера Клайтова теткѣ Несбитъ, отвѣтившей на его поклонъ важнымъ покровительственнымъ кивкомъ головы.

— Мистеръ Карсонъ ждетъ тебя цѣлыхъ два часа, — сказала Несбитъ.

— Сегодня слишкомъ жарко для верховой ѣзды, Нина, — сказалъ мистеръ Карсонъ, обративъ вниманіе на ея раскраснѣвшееся лицо, — я боюсь, что вы ѣхали слишкомъ быстро, вы должны беречь себя; я знаю много случаевъ, когда люди серьезно заболѣвали, благодаря тому, что они были слишкомъ разгорячены.

Клайтонъ сѣлъ близъ дверей и занялъ положеніе посторонняго наблюдателя. Карсонъ пододвинулъ свой стулъ вплотную къ Нинѣ и шопотомъ спросилъ ее.

— Кто этотъ господинъ?

— Мистеръ Клайтонъ изъ Клайтонвиля, — сказала Нина, принявъ насколько возможно гордый видъ.

— Г-мъ... г-мъ... Я слышалъ объ этой семьѣ — очень хорошая семья, очень достойный молодой человекъ — я о немъ слышалъ.

— Я должна извиниться, — сказала Нина вставая, — что оставлю васъ на нѣсколько минутъ.

Клайтонъ на это отвѣтилъ глубокимъ поклономъ, а Карсонъ проводилъ Нину до дверей. Въ тотъ моментъ, когда за нею захлопнулась дверь, Нина затопала ножками отъ гнѣва и досады.

— Противный дуракъ! Какимъ тономъ онъ со мною разговариваетъ! — Хороша и я — я вполне заслужила это. И какъ могло мнѣ прийти въ голову, что я смогу жить съ подобнымъ человекомъ!

Но чаша горечи не была испита Ниной до конца. Тетка Несбитъ послѣдовала за нею въ ея комнату и обратилась къ Нинѣ съ необычайной нѣжностью.

— Милая Нина, онъ мнѣ все рассказалъ! И могу тебѣ сказать, что онъ мнѣ очень нравится.

— Онъ вамъ рассказалъ все, о чемъ? — спросила Нина.

— Какъ о чемъ? о вашей помолвкѣ, конечно! Я въ восторгѣ, что ты сдѣлала такой хорошей выборъ. Я увѣрена, что тетка Марія и всѣ другіе будутъ также въ восторгѣ. Я почувствовала большое облегченіе.

— И бы васъ просила не вѣшиваться въ мои дѣла, тетя! — сказала Нина. — А что касается до этого стараго кота со скрипучими сапогами, я не хочу, чтобы онъ вертѣлся возлѣ меня. Такой нахаль! Смѣетъ говорить со мною такимъ тономъ! Называетъ меня Ниной! И разговариваетъ такъ, какъ будто бы онъ мой господинъ и полноправный хозяинъ здѣсь. Я его проучу!

— Въ чемъ дѣло, Нина! Какое странное отношеніе! Ты меня удивляешь.

— И въ этомъ не сомнѣваюсь тетя, я всегда васъ удивляю! А этого человека я ненавижу.

— Но зачѣмъ же, моя милая, ты дала ему слово?

— Дала ему слово! Тетя, пожалуйста, замолчите! Что значить въ Нью-Йоркѣ дать слово, ради шутки, во время представленія въ оперѣ? Этотъ человѣкъ годится только для того, чтобы замѣнять собою оперное либретто и держать букетъ. Онъ былъ очень полезенъ въ свое время. Не кому онъ нуженъ теперь?

— Но милая Нина, развѣ можно такъ играть сердцемъ джентльмена.

— Ну, за его сердце я могу вамъ поручиться,—оно не изъ сахара и не изъ соли, увѣрю васъ. Онъ любитъ хорошо поѣсть, хорошо выпить, красиво одѣваться, быть въ хорошемъ домѣ и проводить приятно время. Ему нужна, какъ добавленіе ко всему остальному, хорошенькая жена. Онъ думаетъ, что онъ получитъ меня, но онъ ошибается. Смѣетъ называть меня Ниной! Только бы мнѣ остаться съ нимъ наединѣ, я научу его, какъ называть меня Ниной!

— Но, Нина, ты должна сознаться, что дала ему поводъ.

— Предположимъ, что дала, но я дамъ ему теперь другой поводъ.

— Ты знаешь, дорогая,—сказала тетка Несбитъ, что онъ пріѣхалъ за тѣмъ, чтобы назначить день свадьбы!

— День свадьбы! Боже милостивый, это несчастное созданіе смѣетъ объ этомъ говорить! Конечно, это моя ошибка, какъ вы говорите, но я постараюсь ее исправить!

— Мнѣ больно за него,—сказала тетка Несбитъ.

— Вотъ какъ, тетя, почему же вы сами не выйдете за него замужъ?—вы такъ же молоды и такъ же красивы, какъ онъ.

— Что ты говоришь, Нина,—сказала Несбитъ, покрасивъ,—было время, когда я была красива, но это время давно прошло.

— Это потому, что вы одѣваетесь въ темные цвѣта,—сказала Нина, поправляя свою прическу.—Идите внизъ и займите гостей, пока я приду. Постарайтесь быть очаровательной и утѣшить его. Помните, тетя, что вы въ мои годы также наклеивали носъ своимъ поклонникамъ.

— А кто другой господинъ, Нина?

— О, ничего особеннаго, просто мой знакомый. Хорошій человѣкъ—очень хорошій человѣкъ. Годился бы быть священникомъ и не такъ глупъ, какъ большинство людей.

— Можетъ быть, ты помолвлена съ нимъ?

— Нѣтъ, тетя, или вѣрнѣе сказать, я не хочу быть помолвлена ни съ кѣмъ. Мистеръ Клайтонъ мнѣ пріятенъ потому, что оставляетъ меня въ покоѣ, не смотритъ на меня цѣлый день восторженно и не вертится вокругъ, называя меня Ниной. Мы съ нимъ пріатели—вотъ и все. Я никогда ни съ кѣмъ не буду помолвлена.

— Ну, Нина, я пойду внизъ, а ты торопись.

Въ ожиданіи Нины Карсонъ устроился удобно, по-домашнему. Гости и миссисъ Несбитъ сидѣли въ большой, прохладной комнатѣ, занимавшей

весь цѣнтръ дома. Съ обонхъ концовъ зала длинныя, французскія окна были открыты на балконы. У балконныхъ колоннъ красовались розовые кусты въ полномъ цвѣту, гладкій паркетъ комнаты представлялъ собою мозаику всевозможныхъ цвѣтовъ и былъ составленъ изъ разныхъ сортовъ дерева. Надъ каминномъ красовался вырѣзанный изъ дуба гербъ Гордоновъ, по стѣнамъ висѣли прекрасные семейные портреты кисти Коплея и Стюарта. Большое фортепіано, недавно прибывшее изъ Нью-Йорка, было единственною современною вещью въ этой комнатѣ. Вся остальная мебель была изъ темно-краснаго дерева, стариннаго фасона. Клайтонъ продолжалъ сидѣть около дверей и любовался дубовой аллеей.

Черезъ полъ-часа появилась Нина, въ облакахъ муслина, кружевъ и газовыхъ лентъ. Умѣнье одѣваться было природнымъ инстинктомъ нашей маленькой цыганки. Она умѣла подобрать и цвѣтъ и матерію, какъ разъ подходящую для нея. Въ ея костюмахъ всегда было что-то воздушное, пышное, такъ что, когда Нина, войдя въ гостиную, остановилась около фортепіано и слегка оперлась на него рукою, она показалась Клайтону чудною птичкой, готовою улетѣть при малѣйшемъ прикосновеніи.

— Честное слово, Нина,—воскликнулъ Карсонъ, подходя къ ней съ выраженіемъ восторга на лицѣ,—вы похожи на фею, только что слетѣвшую съ радуги.

Нина холодно отвернулась и стала разбирать ноты.

— А, вотъ это хорошо,—сказалъ Карсонъ,—вы намъ споете. Спойте что-нибудь изъ «Фаворита», вы знаете, что это моя любимая опера.—И лицо его приняло сантиментальное выраженіе.

— Я давно не играла и совсѣмъ не пою, мнѣ надоѣли всѣ эти оперныя пѣсни.—И Нина, перейдя на другой конецъ комнаты, прошла на балконъ черезъ двери, около которыхъ сидѣлъ Клайтонъ, и стала разсматривать цвѣты. Карсонъ моментально послѣдовалъ за нею. Онъ принадлежалъ къ тѣмъ людямъ, которые считаютъ своей обязанностью, по возможности, никому не давать покоя.

— Вамъ знакомъ языкъ цвѣтовъ, Нина,—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, я не интересуюсь языками.

— Вы понимаете значеніе вполне распустившейся розы,—сказалъ онъ съ нѣжнымъ выраженіемъ, предлагая ей одну изъ розъ.

Нина взяла розу, покраснѣвъ отъ досады. Затѣмъ сорвала съ куста розу, уже отцвѣтавшую, съ опадающими листьями и, подавая ее Карсону, спросила:

— Вы понимаете значеніе этого?

— О, вы неудачно выбрали, эта роза отцвѣтаетъ,—сказалъ Карсонъ пассивно.

— Я это замѣтила,—отвѣтила Нина,—повернулась и опять быстро очутилась посрединѣ залы, какъ разъ въ ту минуту, когда лакей докладывалъ, что обѣдъ поданъ.

Клайтонъ всталъ и съ торжественнымъ видомъ подалъ руку теткѣ Несбитъ, а Нинѣ волей-неволей пришлось идти подъ руку съ восторженнымъ Карсономъ, который ничего не замѣчалъ и въ прекрасномъ расположеніи духа удобнѣ помѣстился за столомъ между теткой Несбитъ и Ниной.

— Вамъ, вѣроятно, очень скучно здѣсь, — совсѣмъ пустынное мѣсто. Что васъ можетъ тутъ интересовать? — спросилъ Карсонъ.

— Не хотите ли салату? — сказала въ отвѣтъ Нина.

— Я всегда была того убѣжденія, — замѣтила Несбитъ, — что слѣдовало бы составить программу чтенія для молодыхъ дѣвушекъ, окончившихъ школу.

— Совершенно вѣрно, — сказалъ Карсонъ, — я съ удовольствіемъ составлю программу чтенія для Нины. Я составлялъ программы для многихъ молодыхъ дѣвушекъ.

Въ эту минуту Нина случайно замѣтила насмѣшливый взглядъ Клайтона, устремленный на Карсона, и это окончательно смутило ее.

— Конечно, — продолжалъ Карсонъ, — я не считаю нужнымъ, чтобы молодыя дѣвушки становились синими чулками, но нѣкоторыя полезныя свѣдѣнія, несомнѣнно, увеличатъ ихъ очаровательность. Какъ вы думаете, миссисъ Несбитъ?

— Я того же мнѣнія, — сказала миссисъ Несбитъ, — въ послѣднее время я читала исторію Гиббона «Паденіе римской имперіи».

— Да, — замѣтила Нина, — тетя читаетъ ее съ тѣхъ поръ, какъ я себя помню.

— Это прекрасная книга, — сказалъ Карсонъ, поглядывая на Нину, — но я боюсь, миссисъ Несбитъ, что проводимые тамъ принципы не подходятъ для молодыхъ дѣвушекъ.

Нина не хотѣла смотрѣть на Клайтона, но какъ-то невольно глаза ея постоянно встрѣчали его взоръ, и она замѣчала, что его забавляетъ происходящій за столомъ разговоръ.

— Я очень жалѣю, — сказала тетя Несбитъ, — что пренебрегала развитіемъ своего ума въ молодости. Я, какъ Нина, увлекалась суетной пустотою.

— Такъ говорятъ люди, — сказала Нина, покраснѣвъ, — которые предполагаютъ, что есть только одинъ родъ суетности и пустоты. Мнѣ кажется есть и ученая суетность и пустота, — и она съ негодованіемъ посмотрѣла на Клайтона, который въ это время засмѣялся.

— Я вполне согласенъ съ миссъ Гордонъ, — сказалъ Клайтонъ, — есть много очень глупыхъ книгъ, которыя включаются въ программу обязательнаго чтенія. Я, напримѣръ, не удивляюсь, что тѣ историческія книги, по которымъ учатся въ школахъ, внушаютъ молодымъ дѣвушкамъ отвращеніе къ исторіи.

— Вы такъ думаете? — сказала Нина съ чувствомъ удовлетворенія.

Я въ этомъ убѣжденъ, — отвѣтилъ Клайтонъ, — и слѣдовало бы не

шимъ историкамъ писать свои книги такъ, чтобы онѣ были интересны для живой молодой дѣвушки въ школѣ. Почему молодая дѣвушка проводить ночь за чтеніемъ романа и не можетъ съ такимъ же интересомъ читать исторію? Вѣдь ни одинъ романъ не можетъ вызвать такого интереса и изобразить такой драмы, какую даетъ намъ дѣйствительность — все зависитъ отъ изложенія.

— Но,—сказала Нина,—вы тогда превратили бы исторію въ романъ.

— Что-же,—хорошій историческій романъ правдивѣе скучной исторической книги, онъ даетъ возможность угадать истину, скучная исторія не даетъ ничего.

— Я должна сознаться,—сказала Нина,—что все, что я знаю изъ исторіи, я почерпнула изъ романовъ Вальтеръ Скотта. Я говорила объ этомъ учителю исторіи, а онъ всегда утверждалъ, что чтеніе романа очень опасно.

— Чтеніе романовъ ужасная вещь, въ особенности для молодыхъ дѣвушекъ,—сказала Несбитъ,—они принесли мнѣ много зла въ молодости, они разсѣиваютъ умъ и даютъ ложное понятіе о жизни.— Я думаю,—прибавила она,—что слѣдуетъ ограничить сятѣмъ, что практично и полезно. Полезныя свѣдѣнія это все, что я признаю.

— Ну, а я совсѣмъ напротивъ,—сказала Нина,—я не люблю полезнаго. Вотъ, напримѣръ, теперъ я была въ саду, видѣла цвѣтущій шалфей, розы и другіе цвѣты и, конечно, нѣтъ никакой пользы въ томъ, что я изъ нихъ сдѣлаю букетъ, гораздо полезнѣе приправить шалфеемъ индѣйку, но я предпочитаю первое.

— Это напоминаетъ мнѣ, что Роза всегда приправляетъ индѣйку шалфеемъ. Конечно, она дѣлаетъ это нарочно... Сколько разъ я говорила, чтобы она этого не дѣлала.

Въ этотъ моментъ въ дверяхъ показался Гарри и вызвалъ Нину. Послѣ нѣсколькихъ минутъ разговора шепотомъ, она возвратилась къ столу, нѣсколько разстроенной.

— Меня это такъ огорчаетъ, такъ огорчаетъ,—говорила она,—Гарри объѣхалъ всю округу и не могъ найти священника, который прочелъ бы похоронныя молитвы, это страшно огорчить бѣднаго старика. Вѣдь вы знаете, какое значеніе негры придаютъ чтенію молитвъ на могилѣ.

— Если нельзя пайти никого другого, то я прочту молитвы,—сказалъ Клайтонъ.

— О, благодарю васъ!—воскликнула Нина,—я такъ рада за бѣднаго Тиффа. Карета будетъ готова къ пяти часамъ, мы поѣдемъ вмѣстѣ и сдѣлаемъ все, что можемъ.

Х. Объясненіе.

Золотые лучи заходящаго солнца просвѣчивали черезъ сосновый лѣсъ, придавая своимъ освѣщеніемъ новый видъ всему окружающему. Хоръ птицъ пѣлъ свою вечернюю пѣсню, а небольшая группа людей стояла у открытой могилы. Нина изъ чувства деликатности одѣла свое черное шелковое платье и простую соломенную шляпу съ черной лентой, желая этимъ показатъ уваженіе къ покойницѣ. Объ этомъ Тиффъ впоследствии долго помнилъ и рассказывалъ еще много лѣтъ спустя.

Крибсъ стоялъ въ головахъ могилы съ безнадежнымъ, тупымъ выраженіемъ, какое бываетъ у грубыхъ людей съ животными инстинктами, когда передъ ними встаетъ картина смерти. Тиффъ стоялъ около могилы, держа въ рукахъ свою бѣлую шляпу, украшенную чернымъ крепомъ. На правой рукѣ у него была черная креповая повязка. Бебэ, заернутой въ старую черную шаль, былъ у него на рукахъ, а двое другихъ дѣтей тѣсно прижались къ нему и громко плакали. По другую сторону могилы стояли мистеръ Карсонъ и мистеръ Клайтонъ. Мили, Гарри и много другихъ негровъ плантаціи толпились нѣсколько поотдалъ.

Гробъ былъ открытъ, чтобы всѣ могли бросить послѣдній взглядъ на покойницу. Наконецъ, крышка закрыла гробъ, и дѣти зарыдали громко, потрясенные послѣднимъ прощаніемъ. Когда Клайтонъ произнесъ своимъ музыкальнымъ голосомъ слова: «Я воскресеніе и жизнь»,—Нина заплакала и зарыдала такъ сильно, какъ будто горе было ея собственное; она не переставала плакать въ продолженіе всей церемоніи. Это было слѣдствіемъ ея впечатлительной натуры, она вся отдавалась или веселью, или горю. Когда окончились похороны, она поцѣловала дѣтей, пожала руку старому Тиффу и обѣщала завтра навѣстить ихъ. Затѣмъ Клайтонъ позвалъ ее къ каретѣ, куда вслѣдъ за нею сѣли онъ и Карсонъ.

— Честное слово—заговорилъ Карсонъ быстро,—было очень торжественно. Весьма интересныя похороны. Я пришелъ въ восторгъ отъ того впечатлѣнія, которое производитъ наша церковная служба въ такой романтической обстановкѣ. Было очень интересно. Мнѣ также очень понравилось, что молодая дѣвушка вашего положенія, Нина, интересуется несчастными и бѣдными. Если бы молодыя дѣвушки знали, насколько онѣ привлекательны, когда полны чувства человѣколюбія, то онѣ чаще бы это выказывали. Странную фигуру представляетъ изъ себя этотъ старый негръ, по видимому, онъ добрый парень. Дѣти также очень милы. Я думаю, что умершая женщина была очень красива въ молодости. Ей, вѣроятно, пришлось видѣть много горя, бѣдняжкѣ.

Нину возмутилъ этотъ монологъ. Она не принимала во вниманіе, что въ эту минуту все-таки сказывалась лучшая сторона Карсона, проявлялось пѣкоторое чувство. Волненіе, которое заставляло Нину молчать, побуждало его безъ умолку говорить. Да и вообще онъ не могъ помолчать и полу-

часа, онъ говорилъ всегда и вездѣ, гдѣ только могъ найти слушателей. Но онъ не довольствовался тѣмъ, что говорилъ, онъ каждую минуту приставалъ къ Нинѣ съ вопросами, насколько ее интересовалъ данный случай, произвелъ ли онъ на нее сильное впечатлѣніе и т. п.

— Я теперь не настроена говорить, мистеръ Карсонъ,—замѣтила Нина.

— О! вы очень взволнованы. Да? Это обыкновенно располагаетъ къ молчанію, я вполне понимаю ваши чувства. Мнѣ очень пріятно видѣть, что вы принимаете такъ близко къ сердцу интересы вашихъ ближнихъ.

Нина готова была вытолкнуть его изъ кареты.

— Съ моей стороны, я долженъ замѣтить.—продолжалъ Карсонъ,— что мы слишкомъ мало задумываемся надъ этимъ, а между тѣмъ намъ очень полезно, думать въ этомъ направленіи. Это дѣйствуетъ благотворно.

Такъ болталъ Карсонъ всю дорогу, и въ концѣ концовъ, благоговѣйное настроеніе Нины исчезло окончательно и смѣнилось чувствомъ досады на своего собесѣдника. Она замѣтила, что никакъ нельзя косвеннымъ образомъ дать понять Карсону, что между ними дѣло кончено, а придется имѣть съ нимъ непосредственное объясненіе. Онъ былъ такъ самоувѣренъ, обращался съ нею съ такою фамильярностью, какъ будто имѣлъ право на нее. Это ее раздражало, но вмѣстѣ съ тѣмъ совѣсть ей подсказывала, что во всемъ виновата она сама.

— Я не могу этого дольше выносить,—думала она, подымаясь въ столовую,—и все это въ присутствіи Клайтона.. Что тотъ думаетъ обо мнѣ?

Въ столовой тетка Несбитъ ожидала ихъ за чайнымъ столомъ.

— Какъ жаль, мадамъ, что вы не были съ нами, какъ тамъ было интересно!—сказалъ мистеръ Карсонъ.

— О, я не могла поѣхать, теперь слишкомъ сыро, и я боюсь ѣхать въ каретѣ, когда Джонъ правитъ лошадьми. Я надѣюсь, что это семейство уберется отсюда: очень непріятно, когда люди подобнаго сорта живутъ по близости.

— Дѣти на видъ такіе красивые и милые,—сказала Нина.

— О, ихъ положеніе безнадежно,—когда они выростутъ, то будутъ такими-же, какъ ихъ родители, я знаю этотъ народъ. Я имъ не желаю зла, но и не хочу имѣть никакого дѣла съ ними.

— Мнѣ очень жаль ихъ,—сказала Нина,—я удивляюсь, что государство не заводитъ школъ, куда могли бы ходить дѣти бѣдныхъ. Вы знаете, тетя, ихъ слуга, старый негръ, сказалъ мнѣ, что мать ихъ происходитъ изъ рода Нейтоновъ.

— Все это вздоръ! Они лгутъ, какъ всегда.

— Я во всякомъ случаѣ постараюсь сдѣлать все, что смогу для дѣтей.

— Я вполне согласенъ съ вами, Нина, и это показываетъ ваше доброе сердце, и вы всегда найдете во мнѣ поддержку въ дѣлахъ подобнаго рода,

Нина нахмурилась и сурово посмотрѣла на него, но это ни къ чему не послужило, мистеръ Карсонъ беззаботно продолжалъ свою болтовню. Наконецъ, Нина, потерявъ терпѣніе, вскочила и обратившись къ нему сказала:

— Здѣсь ужасно жарко, пойдемте въ гостиную.

Нина злилась на Клайтона за его молчаніе не менѣе, чѣмъ на Карсона за его болтовню. Вставъ изъ-за стола, она легкой походкой пошла впередъ въ гостиную, гдѣ было тихо и прохладно, воздухъ былъ полонъ аромата розъ, благодаря открытымъ въ садъ дверямъ и окнамъ. Блѣдная луна освѣщала комнату черезъ открытыя двери и окна. Нина дорого бы дала, чтобы немного отдохнуть въ тишинѣ, но зная, что это не удастся, она сѣла за фортепіано и быстро, быстро заиграла. Карсонъ занялся перелистываніемъ нотъ и постоянно дѣлалъ замѣчанія относительно игры и выражалъ свой восторгъ. Наконецъ, ея терпѣніе лопнуло, она встала съ рѣшительнымъ видомъ и обратившись къ мистеру Карсону, сказала:

— Прекрасный вечеръ, не пройдетесь ли вы со мною по саду?— Въ концѣ одной изъ дорожекъ есть мѣсто, гдѣ луна красиво отражается въ водѣ, я вамъ покажу это мѣсто.

— Ты не простудишься, Нина?—замѣтила Несбитъ.

— Нѣтъ, я никогда не простуживалась,—отвѣтила Нина и, взявъ подъ руку восхищеннаго Карсона, быстро вышла изъ комнаты, оставивъ Клайтона tête à tête съ миссисъ Несбитъ.

Нина шла такъ быстро, что ея спутникъ просто задыхался. Наконецъ, они достигли маленькой лужайки, на которой Нина внезапно остановилась.

— Послушайте, мистеръ Карсонъ, мнѣ надо съ вами поговорить кое-о-чемъ.

— Я очень радъ, моя дорогая Нина, я совершенно очарованъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, подождите, раньше выслушайте, что я вамъ хочу сказать. Вы, вѣроятно, не получили моего письма, которое я вамъ написала нѣсколько дней тому назадъ.

— Письмо! Нѣтъ. Ахъ, какъ жаль!

— Да, это очень жаль и для меня и для васъ, такъ какъ это избавило бы и меня и васъ отъ неприятнаго объясненія. Я написала вамъ, мистеръ Карсонъ, о томъ, что беру свое слово назадъ. Конечно, я поступила скверно и необдуманно, но что же дѣлать? Въ Нью-Йоркѣ, гдѣ всѣ и все такъ пусты и легкомысленны и дѣвушки относятся ко всему слегка, я дала слово, сама не зная почему. Я совершенно не думала о послѣдствіяхъ и не понимала значенія моего поступка. Но по приѣздѣ домой, гдѣ я жила одиноко, я поняла, какъ ошибочно я поступила. Мнѣ это очень неприятно, но я должна сказать вамъ правду.

— Миссъ Гордонъ,—сказалъ Карсонъ,—я пораженъ, я не знаю, что и думать.

— Я хочу, чтобы вы поняли меня. Я сожалею обо всемъ, я считаю

васъ очень пріятнымъ знакомымъ и всегда буду вамъ желать добра. Относительно чего-нибудь большаго, нечего и думать. Меня очень огорчаетъ, что я поставила васъ въ непріятное положеніе, но поймите, что теиерь я не могу иначе поступить. Сказавъ это она повернулась и пошла по направленію къ дому.

Карсонъ нѣкоторое время стоялъ, какъ ошеломленный. Затѣмъ постепенно сталъ приходить въ себя, протеръ свои глаза, посмотрѣлъ на часы и пошелъ въ противоположную сторону. Онъ обладалъ счастливымъ характеромъ, и ничто не могло вывести его изъ равновѣсія болѣе, чѣмъ на четверть часа. Очень красивая дорожка, по которой онъ шелъ, вилась по берегу рѣки и потомъ заворачивала къ дому съ противоположной стороны. Во время прогулки Карсонъ разрѣшилъ всѣ вопросы въ благопріятную для себя сторону. Во-первыхъ, онъ вспомнилъ утѣшительную пословицу, что оставшаяся въ морѣ рыба не хуже той, которая уже поймана; во-вторыхъ, мистеръ Карсонъ, какъ опытный дѣловой человѣкъ, замѣтилъ, что плантація, принадлежащая Нинѣ, находится не въ блестящемъ состояніи и врядъ ли была бы для него очень выгоднымъ приобрѣтеніемъ; въ третьихъ, онъ сталъ разбирать Нину, какъ лисица въ баснѣ разбираетъ виноградъ. Онъ припомнилъ, что Нина любитъ парижаться, любитъ много тратить и вообще сумасбродна. Онъ подумалъ о своемъ богатствѣ, о прекрасномъ домѣ въ Нью-Йоркѣ и о комфортѣ, въ которомъ онъ живетъ, и пришелъ къ заключенію, что въ данномъ случаѣ нужно пожалѣть Нину, которая лишается всего этого. И въ тотъ моментъ, когда онъ входилъ въ гостиную, онъ былъ попрежнему въ прекрасномъ настроеніи духа. Въ гостиной сидѣла одна тетка Несбитъ. Что произошло во время его отсутствія, онъ, конечно, не зналъ, но мы объ этомъ расскажемъ читателю.

Войдя въ комнату, Нина съ такимъ же рѣшительнымъ видомъ вывела изъ задумчивости мистера Клайтона легкимъ ударомъ вѣера по плечу.

— Пойдемте со мною, — сказала она, — и полюбуемся изъ окна библіотеки садомъ при лунномъ свѣтѣ — она пошла впередъ и стала подыматься по старой дубовой лѣстницѣ. Отворивъ дверь библіотеки, она величественнымъ жестомъ попросила войти его въ комнату. Библіотека была расположена какъ разъ надъ гостиной, гдѣ они только что сидѣли. Большой письменный столъ краснаго дерева, покрытый бумагами, стоялъ посрединѣ комнаты, свѣтъ луны красиво отражался на бронзовомъ письменномъ приборѣ, стоявшемъ на столѣ. Изъ окна библіотеки открывался восхитительный видъ на рѣку, и вдаль красовались вершины деревьевъ, освѣщенные луною.

— Не правда ли прекрасный видъ? — спросила Нина.

— Восхитительный, — отвѣтилъ Клайтонъ, садясь на широкое длинное кресло, стоявшее у окна и поглядывая съ разсѣяннымъ видомъ въ окно.

Минуту спустя Нина за оворила какъ бы съ нѣкоторымъ смущеніемъ,

— Я хотѣла сказать вамъ нѣсколько словъ, я считаю своею обязанностью сказать ихъ вамъ. Я получила ваше послѣднее письмо и очень благодарна вашей сестрѣ за ея добрыя строки, но вы, вѣроятно, удивляетесь тому, что видите здѣсь.

— Удивляюсь... чему?—спросилъ онъ спокойно.

— Манерѣ мистера Карсона держать себя со мною.

— Я нисколько этому не удивляюсь,—также спокойно замѣтилъ Клайтонъ.

— Во всякомъ случаѣ, я считаю своимъ долгомъ рассказать вамъ, какъ обстоитъ дѣло. Мистеръ Карсонъ считалъ, что онъ имѣетъ нѣкоторыя права на меня, и я должна сознаться, что благодаря своему легкомыслию, я подала къ этому поводъ. Дѣло въ томъ, что въ Нью-Йоркѣ я говорила и дѣлала все, что мнѣ придетъ въ голову, просто такъ, для забавы, нимало не думая о послѣдствіяхъ. Мое знакомство съ вами открыло мнѣ глаза на дѣйствительность, и мнѣ теперь представляется невѣроятнымъ, какъ молодая дѣвушка могутъ относиться легкомысленно къ такимъ серьезнымъ вопросамъ. Ради забавы я дала слово Карсону и ради забавы дала слово еще одному господину.

— И, — сказалъ Клайтонъ, нарушая молчаніе, — ради забавы дали слово и мнѣ?

— Нѣтъ — сказала Нина послѣ нѣкотораго молчанія, — нѣтъ, не ради забавы, но и не достаточно серьезно. Я была, какъ бы на половинѣ пути, я сама не знаю, я не знала, гдѣ я и что я, жила какъ бы въ беззаботномъ снѣ. Теперь я считаю необходимымъ не быть ни съ кѣмъ связанной, я хочу быть свободной. Я окончательно порвала всякую связь съ мистеромъ Карсономъ, порвала съ другимъ господиномъ и желала бы...

— Порвать со мною, — замѣтилъ Клайтонъ.

— Я сама не знаю, что я хочу. По отношенію къ вамъ у меня совсѣмъ другое чувство, но меня пугаетъ отвѣтственность. И хотя по всей вѣроятности, я буду чувствовать себя весьма одинокой безъ вашихъ писемъ, которыя я такъ люблю читать, но все-таки я должна взять свое слово обратно. Это очень тяжело для меня.

— Мой дорогой другъ, — сказалъ Клайтонъ, — будьте спокойны. Можете взять свое слово обратно и вмѣстѣ съ тѣмъ писать мнѣ такъ же свободно, какъ и раньше, а что будетъ дальше мы посмотримъ. Пишите все, что хотите, дѣлайте все, что хотите, пишите часто, не пишите совсѣмъ — однимъ словомъ дѣлайте, какъ хотите, я буду отвѣчать на всѣ ваши письма. Не можетъ быть истинной любви безъ полной свободы дѣйствія.

— О, я очень вамъ благодарна, — сказала Нина со вздохомъ облегченія. — А теперь я хочу сказать вамъ, что мнѣ очень понравилась приписка вашей сестры, но я не знаю, почему ея способъ выраженія заставляетъ меня думать, что она по своему характеру, должно быть, крайне возмутится, если узнаетъ о моемъ поведеніи въ Нью-Йоркѣ.

— Право, не знаю,—сказалъ Клайтонъ,—по какъ это вы могли заключить изъ такой короткой приписки?

— Знаете, когда я смотрю на чей-нибудь почеркъ, то у меня получается такое же представленіе о человѣкѣ, какъ будто бы я видѣла его. То же самое было и съ письмомъ вашей сестры.

— Сказать по правдѣ, Нина, сестра Анна, дѣйствительно, нѣсколько придерживается условныхъ свѣтскихъ приличій, но она очень добрая женщина, и, я увѣренъ, вы полюбите другъ друга.

— По-моему, вполне приличные люди похожи на мелкую рѣчку, промерзшую до дна. Но мнѣ бы очень хотѣлось, чтобы ваша сестра пріѣхала къ намъ, если, какъ вы говорите, я могу подружиться съ нею. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, мнѣ не очень хотѣлось бы писать вашей сестрѣ, такъ какъ я не умѣю писать очень умныхъ писемъ, я не могу долго сидѣть за письмомъ.

— Пишите такъ, какъ говорите,—сказалъ Клайтонъ, пишите все, что вамъ придетъ въ голову, а иначе наша переписка была бы очень неинтересна, если бы письма шли только съ одной стороны.

— Ну,—сказала Нина, вставая,—разъ мы съ вами, мистеръ Эдвардъ Клайтонъ, покончили наши дѣла, мы можемъ спуститься внизъ, гдѣ тетя Несбитъ проводитъ время tête à tête съ мистеромъ Карсономъ.

— Бѣдный Карсонъ,—сказалъ Клайтонъ.

— Не жалѣйте о немъ: хорошо проспавъ ночь, онъ опять придетъ въ прекрасное настроеніе, онъ весьма добродушный человѣкъ, и теперь я опять буду съ нимъ въ лучшихъ отношеніяхъ. Раньше онъ мнѣ не казался такимъ надоедливымъ и неприятнымъ. Мы всѣ его любили за его покладливость, онъ былъ всегда готовъ на услуги и зналъ рѣшительно все, что дѣлается кругомъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ принадлежитъ къ тѣмъ людямъ, которые становятся невыносимыми при серьезныхъ обстоятельствахъ. Вы слышали, какъ онъ болталъ, возвращаясь съ похоронъ, и вы знаете, что онъ велъ бы себя также, если бы возвращался съ моихъ похоронъ.

— Итъ, онъ ужъ не такъ плохъ,—сказалъ Клайтонъ.

— Итъ, онъ дѣйствительно такой,—отвѣтила Нина.—Однако, намъ пора пойти внизъ.

Они спустились внизъ Нина чувствовала себя теперь совершенно свободнымъ человѣкомъ и была со всѣми чрезвычайно любезна, болтала съ Карсономъ, пѣла ему разные аріи изъ оперъ и дѣлала это съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ, что замѣчала, какъ Клайтонъ внимательно слушалъ.

Когда они сидѣли и разговаривали всѣ вмѣстѣ, послышался стукъ копытъ лошади, скачущей по аллеѣ.

— Кто бы могъ пріѣхать такъ поздно ночью?—сказала Нина, вскочивъ и подбѣгая къ дверямъ. Она увидѣла, что Гарри торопливо бѣжитъ къ ней навстрѣчу, и выскочила на веранду, чтобы переговорить съ нимъ.

— Гарри, кто это пріѣхалъ?

— Это мистеръ Томъ, миссъ Нина,—сказалъ Гарри шопотомъ.

— Томъ! О Боже мой!—воскликнула Нина съ тревогой въ голосѣ. — Что его принесло сюда теперь?

— То же, что его носить повсюду,—отвѣтилъ Гарри.

Нина опять поднялась по ступенькамъ вверхъ и, остановившись, съ тревогой смотрѣла на приближающагося всадника. Гарри также поднялся на веранду и стоялъ нѣсколько позади нея. Всадникъ подъѣхалъ къ крыльцу.

— Эй, ты! поддержи мою лошадь, негодяй!

Гарри стоялъ неподвижно съ нахмуреннымъ лбомъ.

— Что ты, не слышишь?—сказалъ всадникъ, соскочивъ съ лошади.— Эй, малый, поди сюда и поддержи мою лошадь.

— Ради Бога, Гарри,—сказала Нина, повернувшись къ нему,—не устраивай скандала, возьми скорѣе его лошадь, сдѣлай все, чтобы его успокоить.

Гарри сбѣжалъ внизъ и молча взялъ поводъ изъ рукъ вновь пріѣзжаго. Пріѣзжій взбѣжалъ на крыльцо.

— Ало, Нинка, это ты?

— Нина почувствовала, какъ ее грубо обхватили двѣ руки чловѣка, одѣтаго въ потертую, сѣрую куртку, и поцѣловали губы, отъ которыхъ несло водкою и табакомъ. Высвободившись изъ его объятій, она слабо вскрикнула:

— Томъ, это ты?

— Конечно, я! А ты думала кто? Небось, очень рада меня видѣть, небось, думала, что я уже не возвращусь.

— Тише, Томъ, я очень рада тебя видѣть, но тамъ у насъ гости, не говори такъ громко.

— Кое-кто изъ твоихъ обожателей, а? Я и самъ не хуже ихъ! Надѣюсь, что мы живемъ въ свободной странѣ, и я не стану шентаться для кого бы то ни было. Ну, Нинка, старая статуя все такая же?—сказалъ онъ, когда тетя Несбитъ показалась въ дверяхъ.—Ну, здорово старушенція.

— Томасъ!—сказала мягко миссисъ Несбитъ,—Томасъ!

— Ну, будетъ выкрикивать Томъ, Томъ, старая кошка. Нечего толковать о томъ, чтобы я замолчалъ. Я не замолчу, я знаю, кто я такой. Въ этомъ домѣ я такой же хозяинъ, какъ и Нина. И я буду вести себя такъ, какъ мнѣ нравится. И я не позволю зажимать себѣ ротъ, ради ея поклонниковъ. Это я вамъ говорю разъ навсегда; теперь пропустите меня,—сказалъ онъ, — и вошелъ въ комнату.

Нина послѣдовала за нимъ, и Клайтонъ былъ пораженъ мертвеною блѣдностью ея лица. Она сдѣлала невольное движеніе въ его сторону, какъ бы ища его покровительства. Клайтонъ всталъ, Карсонъ тоже, и оба они стояли въ молчаливомъ замѣшательствѣ.

— Однако, что же это, Нина,—обратился Томъ къ сестрѣ, произнося

при этомъ ужасное ругательство, — что же ты меня не представиши? Хорошо ты встрѣчаешь брата, котораго не видала три или четыре года: ты точно стыдишься меня, чортъ подери! Представляй же меня.

— Томъ, — сказала Нина успокаивающимъ голосомъ, положивъ ему руку на плечо, — Томъ, не выражайся такъ. Это мистеръ Клайтонъ — сказала она и, поднявъ глаза на Клайтона, добавила дрожащимъ голосомъ, — а это — мой братъ.

Клайтонъ вѣжливо протянулъ свою руку.

Было что-то трогательное въ ея голосѣ и манерѣ, когда она представляла другъ другу мужчинъ. Гарри, передавъ лошадь слугѣ, вошелъ въ комнату и, стоя у дверей, наблюдалъ происходившее. Его голубые глаза сверкали, какъ сталь. И каждый разъ, какъ Нина произносила слова «мой братъ», онъ сдерживалъ дыханіе, какъ бы стараясь удержать свое волненіе.

— Я думаю, вы всё не очень-то довольны моимъ пріѣздомъ, — сказалъ вновь прибывшій и сѣлъ на стулъ, не снимая шляпы съ головы, — но я имѣю больше права, чѣмъ кто бы то ни было, быть здѣсь, — прибавилъ онъ, выплюнувъ табакъ къ ногамъ тетки Несбитъ. — Я считаю, что близкіе родственники должны бы радоваться, когда видятъ другъ друга. А что же вы теперь видите, господа? Вотъ моя сестра, повѣрите ли, она не видѣла меня болѣе трехъ лѣтъ и вмѣсто того, чтобы радоваться моему пріѣзду, сидитъ нахмурившись въ углу, и не хочетъ подойти ко мнѣ, точно я зачумленный. Ну, поди ко мнѣ, дѣвчонка, сядь ко мнѣ на колѣни.

Онъ потянулся къ Нинѣ, чтобы схватить ее, но та отстранилась отъ него, съ выраженіемъ ужаса поглядывая на тетку, которая еще болѣе перепуганная сидѣла, забившись въ уголокъ дивана и поджавъ подъ себя ноги, какъ будто въ комнату вбѣжала бѣшеная собака. Вполнѣ понятенъ былъ охватившій ихъ ужасъ; онѣ обѣ очень хорошо помнили страшныя сцены, происходившія въ семьѣ Гордоновъ, когда пріѣзжалъ домой Томъ. Нина помнила проклятія и ругань, раздававшіяся по всему дому и пугавшія ее. Она помнила, какъ ея отецъ, блѣдный какъ смерть, сидѣлъ, подперши рукою голову не зная, что дѣлать съ сыномъ, и тяжело вздыхалъ. Не удивительно, что Нина, обыкновенно такая смѣлая и безстрашная, чувствовала себя смущенной внезапнымъ пріѣздомъ брата.

— Томъ, — сказала она мягко, подойдя къ нему, — ты, вѣроятно, не ужиналъ, пойдемъ въ столовую.

— Итъ, — воскликнулъ онъ, поймавъ ее за талию и усаживая къ себѣ на колѣни, — тебѣ не удастся выпроводить меня изъ комнаты. Ну, скажи мнѣ, Нина, котораго изъ нихъ ты предпочитаешь? — продолжалъ онъ, удерживая ее у себя на колѣняхъ.

Клайтонъ всталъ и вышелъ на веранду, а мистеръ Карсонъ попросилъ Гарри указать предназначенную ему комнату.

— Ого, они удрали! — надо сказать по правдѣ, Нина, я страшно голоденъ. И что это до сихъ поръ не возвращается Джимъ? Я послалъ его

на почту, онъ долженъ былъ пріѣхать сюда одновременно со мною. А вотъ и онъ. Эй, ты, собака!—крикнулъ онъ, подходя къ дверямъ, гдѣ у крыльца черный, какъ уголь, негръ слѣзалъ съ лошади.— Есть письма?

— Нѣтъ, масса, вѣроятно, что-нибудь случилось съ почтовою каретою. Тамъ ужасный беспорядокъ, и мѣшки съ почтой попадаютъ не туда, куда нужно.

— Однако, чортъ побери, Нина, — сказалъ Томъ, поворачиваясь къ сестрѣ, — почему не подаютъ ужина? Я пріѣхалъ въ домъ отца, и всѣ ходятъ, какъ полумертвые! Что же ужинъ?

— Помилуй, Томъ, я уже два или три раза звала тебя ужинать.

— Господи помилуй, — прошепталъ Джимъ на ухо Гарри. Вся бѣда въ томъ, что онъ наполовину пьянъ. Скажи ей, чтобы она дала ему побольше коньяку, тогда его, какъ ребенка, легко будетъ уложить въ постель.

На дѣлѣ такъ и оказалось. Сидя за ужиномъ, Гордонъ постепенно прошелъ черезъ всѣ стадіи опьяненія и сталъ такъ же невыносимо нѣженъ, какъ раньше былъ невыносимо грубъ; онъ цѣловалъ Нину и миссисъ Несбитъ, каялся въ своихъ дурныхъ поступкахъ, смѣялся, плакалъ и, въ концѣ концовъ, заснулъ на стулѣ.

— Ну, теперь онъ готовъ, — сказала Джимъ, наблюдавшій за своимъ господиномъ: — потащимъ его въ спальню, обратился онъ къ Гарри.

Нина пошла къ себѣ въ спальню очень разстроенная. Она предвидѣла массу неприятностей и оскорбленій и теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, почувствовала тяжесть своего одинокаго положенія. Конечно, тетка Несбитъ не была подходящимъ человѣкомъ, съ которымъ можно было бы посоветоваться. Она каждый разъ только разстраивала Нину, когда та пыталась обратиться къ ней за совѣтомъ.

— Что то будетъ завтра? — думала она, лежа въ постели. Онъ, по обыкновенію, пойдетъ повсюду, будетъ ругаться и грозить моей прислугѣ, и, въ концѣ концовъ, произойдетъ столкновение съ Гарри. Боже мой, жизнь становится тяжелой, все обрушивается на меня сразу.

Въ эту минуту она замѣтила, что кто-то стоитъ у ея постели. Это Мили подошла къ ней и начала съ материнской нѣжностью оправлять ея простыни.

— Это ты, Мили? Пожалуйста, посиди со мною минутку! Я такъ разстроена. У меня сегодня было такъ много неприятностей. Ты знаешь, пріѣхалъ Томъ совершенно пьяный, и, Боже мой, какъ онъ былъ отвратителенъ! Онъ схватилъ меня въ свои объятія и поцѣловалъ, и это, несмотря на то, что онъ мой единственный братъ, мнѣ было противно. Я страшно разстроена.

— Милая овечка, я все это хорошо знаю, — сказала Мили, — я много разъ видѣла его такимъ.

— Я боюсь за завтрашній день, — продолжала Нина, — что-то будетъ?

И это все при мистерѣ Клайтонѣ. Я чувствую себя безпомощной, пристыженной—все это меня страшно угнетаетъ.

— Успокойтесь, успокойтесь, дѣточка! — говорила Мили, ласково глядя Нину по головѣ.

— Я такая одинокая! У другихъ дѣвушекъ есть друзья и родные, которые могутъ ихъ поддержать. У меня—никого.

— Отчего вы не обратитесь за помощью къ вашему Отцу?—замѣтила Мили мягкимъ голосомъ.

— Къ кому?—спросила Нина, приподнявшись съ подушки.

— Къ вашему Отцу!—сказала Мили торжественнымъ тономъ;—развѣ вы не знаете нашего Отца, который на небесахъ? я надѣюсь, что вы еще не забыли молиться.—Нина посмотрѣла на нее съ удивленіемъ, а Мили продолжала:—если бы я была на вашемъ мѣстѣ, я все бы повѣдала нашему Отцу. Онъ любить васъ, и самое лучшее обратитесь къ Нему, расскажите Ему о своемъ горѣ, и Онъ все устроитъ. Такъ я всегда поступаю и все устривается къ лучшему.

— Какъ, Мили, ты хочешь, чтобы я обратилась къ Богу со своими глупыми дѣлишками?

— Каждый обращается къ нему со своими дѣлами.

— Но ты знаешь, Мили,—сказала Нина задумчиво,—я очень небрежно относилась къ религіи и много, много лѣтъ не молилась. Въ школѣ смѣялись надъ дѣвочками, которыя молятся, и я никогда не молилась. Какъ же я могу обратиться теперь къ Нему только потому, что я въ горѣ? Это неблагородно.

— Боже васъ благослови, дитя, вы разсуждаете, какъ будто бы небесный Отецъ не знаетъ всего, что касается васъ. Онъ постоянно съ любовью наблюдаетъ за вами, Онъ хорошо знаетъ, что мы бѣдные, неразумныя созданія, и относится къ намъ снисходительно.

— Но я такъ давно не молилась, боюсь, что теперь не сумѣю.

— Кто хочетъ молиться—тотъ молится; я тоже не умѣла, а просто стала говорить съ Нимъ, и Онъ это любитъ. Я всегда обращаюсь къ Нему, когда у меня тяжело на сердцѣ, и когда я расскажу Ему свое горе, мнѣ становится легче.

Сказавъ это, Мили старательно поправила подушки, поцѣловала Нину въ лобъ и вышла.

ХІ. Томъ Гордонъ.

— Ты знаешь, Нина,—сказалъ Томъ Гордонъ дня черезъ два послѣ своего пріѣзда, возвращаясь съ осмотра плантаціи,—надо, чтобы я взялся за управленіе этой плантаціей. Здѣсь все идетъ шиворотъ навыворотъ, а негръ Гарри только и дѣлаетъ, что развѣзжаетъ взадъ и впередъ верхомъ въ своихъ блестящихъ саноггахъ. Этотъ малый надуваетъ тебя и кое-что

себѣ прикапливаетъ, я въ этомъ увѣренъ. Эти бѣлые негры страшные мошенники.

— Ты знаешь, Томъ, что имѣніе управляется такъ, какъ завѣщаль отецъ. Дядя Джонъ говоритъ, что Гарри прекрасный управляющій, и я увѣрена, что ни у кого нѣтъ болѣе преданнаго и вѣрнаго человѣка, я вполне довольна имъ.

— О, я въ этомъ увѣренъ! Все оставлено тебѣ, и назначенъ опекунъ, какъ будто бы я не прирожденный опекунъ своей сестры. Я приѣхалъ, чтобы положить конецъ нахальству этого малаго.

— Нахальству кого?—Гарри? Въ немъ нѣтъ нахальства, онъ всегда ведетъ себя, какъ джентльменъ,—всѣ кругомъ это знаютъ.

— Какъ джентльменъ! Въ этомъ-то и все зло, Нина!—И какая же ты дура, что допускаешь употреблять подобныя выраженія по отношенію одного изъ своихъ негровъ. Какъ джентльменъ—подумаешь! А пока онъ изображаетъ изъ себя джентльмена, кто же заботится объ имѣніи? Я тебя предупреждаю, въ одинъ прекрасный день ты увидишь, какъ обстоятъ дѣла. Но такъ всегда! Ты никогда не хочешь послушаться меня или обратить вниманіе на мои совѣты.

— Ахъ, Томъ, пожалуйста не будемъ говорить объ этомъ. Я никогда не вмѣшиваюсь въ твои дѣла и прошу предоставить мнѣ право распоряжаться моими по своему.

— А что за человѣкъ этотъ Клайтонъ, который болтается здѣсь? Онъ на тебѣ хочетъ жениться, или ты за него хочешь выйти замужъ, а?

— Я не знаю,—отвѣтила Нина.

— Дѣло въ томъ, что онъ мнѣ не нравится, и я ни за что не дамъ своего согласія на твой бракъ съ нимъ. Другой мнѣ гораздо больше нравится. Онъ одинъ изъ богатѣйшихъ собственниковъ въ Нью-Йоркѣ, мнѣ рассказывалъ о немъ Джой Согайдеръ. Вотъ за него ты должна выйти замужъ.

— Что ты ни говори, а за него я не выйду замужъ. И выйду замужъ за мистера Клайтона, если захочу,—сказала Нина, покраснѣвъ отъ досады. Ты не имѣешь права предписывать мнѣ, какъ я должна устраивать свои собственныя дѣла. Я не подчинюсь твоимъ распоряженіямъ, говорю тебѣ разъ навсегда.

— Фу ты, ну ты! Но мы посмотримъ!—замѣтилъ Томъ.

— Вмѣстѣ съ тѣмъ,—сказала Нина,—я должна попросить тебя не вмѣшиваться въ дѣла плантаціи и помнить, что мои слуги—не твои слуги и что ты не имѣешь никакихъ правъ надъ ними.

— Ладно, ладно, посмотримъ, какъ ты справишься. Но, во всякомъ случаѣ, я не буду ходить съезжившись по имѣнію моего отца, какъ будто бы я не имѣю никакихъ правъ. И если твои негры не будутъ держать ухо востро, они на дѣлѣ убѣдятся, господинъ ли я имъ или нѣтъ, въ особенности Гарри. Если эта собака осмѣлится хоть пальцемъ пошевелить,

чтобы отмѣнить какое-нибудь мое приказаніе, я пушу ему пулю въ лобъ.

— О, Томъ, прошу тебя, не говори такъ!—воскликнула Нина, серьезно испугавшись.—Зачѣмъ ты стараешься доставлять мнѣ, какъ можно больше непріятностей?

На этомъ разговорѣ былъ прерванъ приходомъ Мили.

— Будьте такъ добры, миссъ Нина, подите наверхъ и покажите мнѣ, какія изъ вашихъ муслиновыхъ платьевъ надо разгладить. Я теперь крахмалу платья миссесъ Лу.

Обрадовавшись возможности прекратить разговоръ, Нина быстро побѣжала къ себѣ въ комнату. Мили послѣдовала за нею и, закрывъ дверь, заговорила таинственнымъ тономъ.

— Миссъ, Нина, не могли ли бы вы отослать Гарри куда-нибудь на день, на два, пока здѣсь мистеръ Томъ.

— Но какое же право имѣетъ онъ распоряжаться моими слугами и вмѣшиваться въ мои распоряженія.

— Здѣсь не къ чему разговаривать о правахъ, барышня, мы должны дѣлать то, что можемъ. Не придавайте большого значенія тѣмъ или другимъ правамъ. Дѣло въ томъ, что онъ здѣсь, а Гарри ваша правая рука. И вы знаете, что Гарри не умѣетъ склоняться передъ бурей, какъ мы. Онъ гордый; теперь онъ похожъ на ящикъ съ порохомъ, а господинъ Томъ нарочно раздражаетъ его. И здѣсь дѣло пахнетъ кровью, повѣрьте мнѣ.

— Но развѣ онъ осмѣлится?..

— Дитя, вы спрашиваете—онъ осмѣлится?—конечно, будьте увѣрены, что онъ осмѣлится. У него есть много способовъ вызвать взрывъ: стоитъ Гарри только потерять терпѣніе и поднять руку, онъ его застрѣлитъ. Все будетъ кончено, и ничѣмъ не поможешь. Вы вѣдь не будете судиться съ вашимъ братомъ, а если бы вы даже и судились, то этимъ вы не возвратили бы жизнь Гарри. И вотъ что я вамъ скажу, дитя мое, пошлите Гарри съ какимъ-нибудь порученіемъ на плантацію вашего диди, отошлите его скорѣе, а затѣмъ поговорите съ вашимъ братомъ помягче, можетъ быть, онъ уѣдетъ. Не ссорьтесь съ нимъ, не раздражайте его, что бы онъ ни дѣлалъ. Здѣсь всѣ ненавидятъ его, но что дѣлать?—мы всѣ должны склонять головы. И поторопитесь! Я сейчасъ пойду и позову Гарри, а вы пока пройдите въ заднюю комнату, и я туда приведу его.

Влѣдная, дрожащая Нина ушла въ указанную комнату, и черезъ нѣсколько минутъ появилась Мили въ сопровожденіи Гарри.

— Гарри,—сказала Нина,—дрожащимъ голосомъ,—я хочу, чтобы ты съѣздилъ на плантацію къ дядѣ Джону и сvezь туда мое письмо.

Гарри стоялъ со скрещенными на груди руками, устремивъ глаза на землю.

— Миѣ бы хотѣлось, Гарри,—продолжала Нина,—чтобы ты уѣхалъ куда-нибудь по дѣламъ дня на два, на три, даже на недѣлю.

— Миссъ Нина,—отвѣтилъ Гарри,—теперь очень много дѣла на

плантаціи, и нуженъ присмотръ. Нѣсколько дней моего отсутствія могутъ повести къ большимъ потерямъ, и тогда скажутъ, что я пренебрегаю своими обязанностями, разѣзжая безъ толку по странѣ.

— Но, если я посылаю тебя, то беру отвѣтственность на себя и готова понести убытки. Дѣло въ томъ, Гарри, что я боюсь, ты не будешь достаточно сдержанъ въ присутствіи Тома. Я боюсь за твою жизнь, Гарри, и если ты хоть сколько-нибудь меня любишь, сдѣлай всѣ нужныя распоряженія и уѣзжай скорѣе. Ему я скажу, что послала тебя по своимъ дѣламъ, я сейчасъ пойду и напишу письмо. Это единственный выходъ изъ настоящаго положенія. У него есть много способовъ раздражить и оскорбить тебя. Если ты скажешь что-нибудь или сдѣлаешь какое нибудь движеніе, то это дастъ ему поводъ расправиться съ тобою. Я увѣрена, что онъ твердо рѣшилъ довести тебя до отчаяннаго поступка.

— Какъ обидно и оскорбительно, — пробормотала Гарри сквозь зубы, — все должно быть брошено на произволъ судьбы, потому что я не имѣю права, какъ подобаетъ мужчине, вступиться за васъ и за вашу собственность.

— Да, позорно! — сказала Нина, — но, Гарри, не думай объ этомъ, уѣзжай, — и нѣжно положивъ ему руку на плечо, продолжала, — ради меня уѣзжай!

Изъ окна комнаты, въ которой они разговаривали, была видна веранда и вымощенная дорожка, ведущая къ ней. Гарри стоялъ въ нерѣшительности; вдругъ онъ увидѣлъ идущую по дорожкѣ Лизету съ корзиной на головѣ, въ корзины лежали только-что выглаженные платья. Ея красивая фигурка была одѣта въ голубое платье, на плечахъ лежалъ бѣло-снѣжный платокъ, заколотый на груди, одной рукою она поддерживала корзину на головѣ. Она шла своей обыкновенной веселой походкой, напевая въ полъ-голоса пѣсню. На нее одновременно обратили вниманіе ея мужъ и Томъ Гордонъ, сидѣвшій на верандѣ.

— Боже мой, какая хорошенькая! — вскрикнулъ Томъ Гордонъ и выбѣжалъ къ ней навстрѣчу. — Съ добрымъ утромъ, красавица, — сказалъ онъ.

— Доброе утро, сэръ, — отвѣтила Лизета своимъ веселенькимъ голоскомъ.

— Кому ты принадлежишь, маленькая кошечка, я тебя никогда здѣсь не видѣлъ.

— Я жена Гарри, сэръ.

— Въ самомъ дѣлѣ! Ты его жена? У него чертовски хорошій вкусъ, — и съ этими словами Томъ положилъ ей фамиллярно руку на плечо.

Лизета вырвалась и отскочила на другую сторону дороги съ оскорбленнымъ видомъ. Гнѣвъ сдѣлалъ ее еще болѣе привлекательной.

— Развѣ ты не знаешь, моя милая, что я господинъ твоего мужа? — сказалъ Томъ, послѣдовавъ за нею и стараясь схватить ее за руку.

— Пожалуйста, оставьте меня въ покоѣ, — сказала Лизета, покраснѣвъ.

— Оставить тебя въ покоѣ, милашка! нѣтъ, я этого не сдѣлаю, ты слишкомъ хорошенькая, — и онъ снова схватилъ ее за плечо.

Гарри видѣлъ все происходившее, онъ стоялъ, сжавши губы, глаза его пылали огнемъ. Нина, стоявшая спиною къ окну, удивилась выраженію его лица.

— Посмотрите сюда, миссъ Нина, на мою жену и на вашего брата, — сказалъ онъ.

Нина повернулась къ окну, и моментально кровь бросилась ей въ лицо, она вся вздрогнула, глаза ея запылали огнемъ, и прежде чѣмъ Гарри успѣлъ произнести еще одно слово, она была уже въ саду на дорожкѣ и схватила Лизету за руку.

— Томъ Гордонъ, — закричала она, — мнѣ стыдно за тебя! Молчи! Молчи! — Она съ гнѣвомъ смотрѣла ему въ глаза и топала ногою. Ты пріѣхалъ ко мнѣ и позволяешь себѣ такія вольности, ты этого не будешь дѣлать, пока я здѣсь госпожа, а я здѣсь госпожа! Осмѣлся только хоть пальцемъ тронуть эту женщину, пока она находится подъ моимъ покровительствомъ! Пойдемъ, Лизета! — И она, схвативъ дрожащую квартеронку за руку, пошла съ ней на веранду.

Томъ Гордонъ былъ такъ смущенъ этимъ внезапнымъ взрывомъ страсти своей сестры, что даже не сдѣлалъ попытки помѣшать ихъ уходу. Оправившись черезъ нѣсколько секундъ, онъ посмотрѣлъ имъ вездѣ и, присвистнувъ, произнесъ: «Ладно, ладно, ей легче сказать, чѣмъ сдѣлать», — и поднялся на веранду, тамъ стоялъ Гарри со сложенными на груди руками и съ раздувшимися жилами на лбу.

— Ступай, Лизета, снеси все въ мою комнату, я сейчасъ приду, — сказала Нина.

— Знаешь, Гарри, — сказалъ Томъ самымъ оскорбительнымъ тономъ, — мы очень благодарны тебѣ, что ты доставилъ намъ такую красивую бабенку.

— Моя жена не принадлежитъ этой плантаціи, — сказалъ Гарри, стараясь сдерживать себя и говорить спокойно, она принадлежитъ миссисъ Леклеръ, которая живетъ на плантаціи Вельвиль.

— А, спасибо за сообщеніе, мнѣ можетъ придти фантазія купить ее, и я радъ, что знаю, кому она принадлежитъ. Я давно хотѣлъ пріобрѣсти себѣ такую хорошенькую женщину. Что она хорошая экономка, Гарри? Хорошо гладитъ рубашки? Какъ ты думаешь, сколько возьмутъ за нее? Я сегодня увидаюсъ съ ея госпожею.

Слушая эту жестокую, грубую рѣчь, Гарри стоялъ молча, сжимая руки, поглядывая то на Нину, то на своего мучителя; онъ былъ мертвно блѣденъ, даже его губы побѣлѣли. Онъ устремлялъ свои большіе глаза на Тома, и его все болѣе и болѣе охватывало волненіе.

Въ этотъ моментъ онъ былъ порезительно похожъ на полковника Гордона. Нина замѣтила это и была поражена. Томъ Гордонъ также замѣтилъ сходство, и это еще болѣе увеличило его ненависть и злобу. Два брата стояли другъ противъ друга и, казалось, готовы были броситься одинъ на другого. Нина успѣшила вмѣшаться.

— Ну, торопись, Гарри, торопись, поѣзжай скорѣе!

— Надо сказать Джиму, сказалъ Томъ, чтобы онъ приготовилъ мнѣ лошадь, я поѣду на Бельвильскую плантацію.—Онъ повернулся и сталъ спускаться по лѣстницѣ.

— Какъ тебѣ не стыдно, Томъ? ты этого не сдѣлаешь! Какъ ты можешь доставлять мнѣ столько огорченій?—сказала Нина.

Онъ повернулся, посмотрѣлъ на нее со злой улыбкой и вошелъ въ домъ.

— Гарри, Гарри, торопись! И не безпокойся. Ничего не будетъ,—проговорила она шопотомъ,—мадамъ Леклеръ никогда не согласится.

— Нельзя знать,—сказалъ Гарри,—люди на все готовы, когда дѣло касается денегъ.

— Ну, такъ я куплю ее сама,—сказала Нина.

— Вы не знаете положенія вашихъ дѣлъ, миссъ Нина,—сказалъ Гарри торопливо.—Теперь вы не достанете денегъ, въ особенности, если я уѣду на недѣлю, мое отсутствіе будетъ имѣть большое значенія. А у мистера Тома, вѣроятно, есть тысяча долларовъ, чтобы уплатить за нее немедленно. У него всегда находятся деньги, когда дѣло идетъ объ исполненіи его капризовъ. Великій Боже, неужели я еще недостаточно перенесъ униженій!

— Слушай, Гарри, я продамъ все, свои драгоценности, все, я заложу плантацію, если будетъ нужно и куплю ее раньше Томаса Гордона. Я не такъ эгоистична, какъ кажусь. Я знаю, что ты всегда жертвовалъ и тѣломъ и душою, ради моихъ интересовъ, я это допускала, такъ какъ любила покой и была балованнымъ ребенкомъ. Но я сумѣю проявить больше энергіи, чѣмъ Томъ, когда это нужно. Сегодня же утромъ я поѣду и предложу свои условія, а ты уѣзжай. Ты не сможешь больше выносить этихъ оскорбленій. Если ты на одну минуту потеряешь хладнокровіе, то всѣ будутъ противъ тебя, и я не смогу защитить тебя. Положись на меня. Я не такой ребенокъ, какимъ я кажусь. Ты увидишь, что я сумѣю постоять и за себя и за тебя. А вотъ и мистеръ Клайтонъ. Скажи, чтобы немедленно подали двухъ лошадей, и я поѣду.

Нина говорила все это съ такимъ достоинствомъ, какъ будто бы она была принцесса, и Гарри, не смотря на свое волненіе, не могъ не восхищаться проявленіемъ такой мужественности въ этой маленькой дѣвчушкѣ.

— Я готовъ служить вамъ до послѣдней капли крови,—произнесъ Гарри,—но,—прибавилъ онъ тономъ, который заставилъ вздрогнуть Нину,

я ненавижу всѣхъ остальныхъ! Я ненавижу ваше государство! Я ненавижу ваши законы!

— Гарри,—сказала Нина,—это нехорошо. Ты самъ себя не помнишь.

— О, я поступаю нехорошо? Я принадлежу къ тѣмъ людямъ, которые не смѣютъ поступать нехорошо! Люди могутъ колотъ насъ булавками, рѣзать ножами, обтирать объ насъ свои сапоги, плевать намъ въ лицо, а мы—мы должны быть почтительны! Мы должны быть образцомъ христіанскаго терпѣнія! Лучше было бы, если бы вашъ отецъ послалъ меня работать на плантаціяхъ, вмѣсто того, чтобы, давъ мнѣ образованіе, оставить меня въ такомъ положеніи, когда всякій бѣлый можетъ топтать меня ногами, сколько ему угодно.

Нинѣ приходилось видѣть своего отца, охваченнаго гнѣвомъ, и теперь ее опять поразило сходство съ ея отцомъ гнѣвнаго лица Гарри, стоявшаго передъ нею.

— Гарри,—сказала она просительнымъ тономъ,—подумай, о чемъ ты говоришь... Если ты меня любишь, успокойся.

— Люблю ли я васъ? Вы всегда владѣли моимъ сердцемъ. Это всегда было замкомъ, скрѣпляющимъ мои цѣпи. Если бы не вы, я давно бы пробилъ себѣ дорогу на сѣверъ или лежалъ бы въ могилѣ.

— Слушай, Гарри,—сказала Нина послѣ минутнаго размышленія,—любовь ко мнѣ никогда не должна служить замкомъ на цѣпяхъ. Клянусь тебѣ Богомъ, я тебѣ дамъ свободу. Я добьюсь законодательнаго акта, дѣлающаго тебя свободнымъ, при слѣдующей же сессіи законодательнаго собранія нашего штата. И я знаю, кто мнѣ поможетъ въ этомъ. Итакъ, Гарри, уѣзжай!

Гарри съ минуту стоялъ молча, потомъ внезапно схватилъ руку своей маленькой госпожи, поцѣловалъ ее и ушелъ.

Клайтонъ, проходя мимо, замѣтилъ, что Нина ведетъ горячую бесѣду съ Гарри, пошелъ дальше и остановился у крыльца веранды, ожидая окончанія разговора. Какъ только Нина замѣтила его, сей-часъ-же побѣжала къ нему, протянула ему руку и откровенно заявила.

— А, мистеръ Клайтонъ, васъ то мнѣ и нужно! не проѣдетесь-ли вы со мною верхомъ?

— О, съ удовольствіемъ,—отвѣтилъ онъ.

— Подождите здѣсь минутку,—сказала она, я сбѣгаю переодѣться, и намъ сейчасъ подадутъ лошадей.

И она побѣжала навверхъ въ свою комнату.

Клайтонъ чувствовалъ всю неловкость своего положенія съ момента прибытія Тома Гордона. Онъ видѣлъ, что братъ Нины почувствовалъ инстинктивное нерасположеніе къ нему и не скрывалъ этого. Клайтону трудно было показывать видъ, что онъ этого не замѣчаетъ. Но онъ не хотѣлъ еще болѣе затруднить положеніе Нины, показавъ ей, что понимаетъ происходящее кругомъ. И онъ воздерживался отъ выраженія симпатіи и не пред-

лагалъ своей помощи, а ждалъ, когда она сама обратится къ нему. Зная ея чистосердечную натуру, онъ былъ увѣренъ, что такъ или иначе она съ нимъ заговоритъ объ этомъ.

Нина спустилась внизъ, они сѣли на лошадей и скоро очутились въ томъ лѣсу, гдѣ стояла хижина Тиффа. направившись отсюда по дорогѣ къ Бельвильской плантаціи.

— Я рада, что мы можемъ поговорить съ вами наединѣ, — сказала Нина, — мнѣ теперь такъ необходима помощь друга. Мнѣ было очень тяжело, что вы были свидѣтелемъ происшедшаго вчера вечеромъ. Но разъ вы все видѣли, то я могу говорить съ вами откровенно. Дѣло въ томъ, что мой единственный братъ никогда не относился ко мнѣ съ любовью. Не могу вамъ сказать почему, завидовалъ ли онъ любви отца ко мнѣ, или считалъ меня балованнымъ ребенкомъ, но онъ никогда не проявлялъ добраго отношенія ко мнѣ. Онъ не былъ назначенъ моимъ опекуномъ, и, хотя я люблю его, но, конечно, не буду слушать его указаній. Онъ безъ всякой причины питаетъ страшную ненависть къ Гарри, но мнѣ не приходило въ голову, что онъ имѣетъ много способовъ вмѣшиваться въ мою жизнь. Вы знаете, что Гарри получилъ образованіе, не соответствующее его настоящему положенію, кромѣ того, онъ всегда былъ довѣреннымъ лицомъ и управляетъ моимъ имѣніемъ самостоятельно. Благодаря этому, у него развились чувства свободнаго человѣка. Всѣ окружающіе и всѣ мои родные, кромѣ Тома, считались съ этимъ и относились къ нему съ нѣкоторымъ уваженіемъ. Это еще болѣе возбуждало ненависть Тома, и онъ всегда выискивалъ случай довести Гарри до отчаяннаго поступка — онъ постоянно оскорблялъ и раздражалъ его. Я всегда дрожала за послѣдствія возможнаго столкновенія. Теперь, кажется, наступилъ кризисъ. Гарри недавно женился на хорошенькой дѣвушкѣ, принадлежащей владѣтельницамъ Бельвильской плантаціи. Томъ сегодня утромъ увидѣлъ ее, она ему понравилась, и онъ пригрозилъ, что купить ее у мадамъ Леклеръ. Чтобы успокоить Гарри, я общалась сегодня-же утромъ поѣхать и купить ее раньше Тома.

— Вы думаете, что ея госпожа продастъ ее?

— Не знаю, — сказала Нина, — я съ нею не знакома, она изъ Нью-Орлеана и только недавно купила плантацію. Лизета очень искусная работница и выплачиваетъ ей ежемѣсячно недурной оброкъ, но очень можетъ быть, что хорошая сумма соблазнитъ ее, — я хочу попытать счастья и купить Лизету ради Гарри.

— Вы думаете, что вашъ братъ серьезно намѣренъ ее купить?

— Серьезно ли его намѣреніе или нѣтъ, но во всякомъ случаѣ, я хочу быть увѣрена, что Лизета не попадетъ къ нему въ руки.

— Если потребуется немедленная уплата, — сказала Клайтонъ, — то у меня имѣется въ банкѣ значительная сумма денегъ, и я могу выдать чекъ на нужную сумму — это облегчитъ переговоры, а вы мнѣ доставите большое удовольствіе, если позволите присоединиться къ этому доброму дѣлу.

— Благодарю васъ, — сказала Нина чистосердечно, — если понадобится, я возьму вашъ чекъ съ такимъ же чувствомъ, съ какимъ онъ предложенъ.

Проѣхавъ около часу, они прибыли на Бельвильскую плантацію. Когда-то, много лѣтъ тому назадъ, Нина была на этой плантаціи, принадлежавшей тогда очень богатой семьѣ, и теперь ее поразилъ упадокъ, въ какомъ находилось все вокругъ. Казалось, все хозяйство шло къ развалу, — повсюду видны были слѣды заброшенности и безлечности. Ставни висѣли на одной петлѣ, двери закрывались, неплотно, столбы на верандѣ снизу подгнили, а сама веранда была положительно завалена всевозможнымъ мусоромъ: упаковочными ящиками, сѣдлами, уздечками, старымъ платьемъ и тому подобными вещами. Недалекѣ играла въ прятки небольшая толпа негритянскихъ ребятишекъ. Когда Нина и Клайтонъ остановились у дверей и слѣзли съ лошадей, ребятишки бросили игру, столпились около приѣзжихъ, и не выказывали ни малѣйшаго желанія взять у нихъ лошадей; они не отвѣчали на задаваемые имъ вопросы, а только поглядывали другъ на друга и улыбались. Наконецъ, вышелъ, прислужникъ, одѣтый въ лохмотья съ соломенной шляпкой на головѣ и взялъ лошадей. Нина и Клайтонъ вошли въ большую залу, въ которой все имѣло незаконченный видъ. Часть занавѣсей висѣла на окнахъ, часть кучами лежала на стульяхъ, отсырѣвшія обои неплотно прилепали къ стѣнамъ и частью были сорваны, на столѣ находились остатки завтрака, стояли грязныя тарелки, валялись крошки хлѣба и сыра, стояли грязныя стаканы и пустыя бутылки. Нина послала свою карточку съ однимъ изъ черныхъ мальчишекъ. Черезъ нѣсколько минутъ принесли отвѣтъ, что миссисъ проситъ ее подняться наверхъ. Нина быстро пошла наверхъ, оставивъ Клайтона внизу. Вскорѣ она возвратилась въ большомъ волненіи.

— Дѣло сдѣлано, — сказала она, — купчая будетъ подписана, какъ только мы ее доставимъ сюда.

— Я ее самъ принесу, такъ будетъ лучше, — сказалъ Клайтонъ, — я все покончу сразу.

— Хорошо, — сказала Нина, — а теперь уѣдемъ скорѣе отсюда, здѣсь такъ мрачно. А когда-то здѣсь былъ настоящій рай, жили очень симпатичные люди.

— Ну, какъ же вы приступили къ дѣлу? — спросилъ Клайтонъ, смѣясь, когда они ѣхали обратно.

— Я пустила въ ходъ все мое знаніе французскаго языка и рассказала трогательную исторію любви Лизеты и Гарри, такъ какъ я знаю, что французы склонны къ чувствительности. Старушка очень растрогалась, вытерла платкомъ свои черныя глазки, назвала Лизету милымъ ребенкомъ, прочла мнѣ цѣлую лекцію о нѣжныхъ чувствахъ, которой я воспользуюсь при первомъ удобномъ случаѣ.

— Правда? Я буду очень радъ, если вы повторите мнѣ эту лекцію.

— Если бы я и хотѣла, то не смогла бы. Теперь я въ очень хорошемъ настроеніи, и у меня, точно камень свалился съ души. Но что вы скажете объ упадкѣ, который господствуетъ на этой плантаціи? Меня удивляетъ, почему это въ южныхъ штатахъ все, повидному, идетъ къ упадку и къ разрушенію. Я это замѣчала повсюду въ Виргиніи. Все какъ будто бы остановилось и идетъ обратно, совсѣмъ не то, что на сѣверѣ. Я провела одно лѣте въ Нью-Гемпширѣ, это очень бѣдная, пустынная мѣстность,—ничего, кромѣ скалистыхъ горъ и скудной почвы. А между тѣмъ люди живутъ тамъ хорошо и зажиточно, у нихъ хорошіе, чистые, бѣлые дома, все выглядитъ тамъ такъ опрятно, уютно. Ихъ земля не можетъ сравниться съ нашей, и къ тому же девять мѣсяцевъ въ году у нихъ зима. Но эти янки умѣютъ изъ всего извлечь пользу. Если у человѣка поле загромождено камнями, онъ находитъ способъ продать эти камни и выручить деньги. Во время морозовъ они продаютъ на югъ ледъ. Однимъ словомъ, они извлекаютъ выгоды изъ своего невыгоднаго положенія.

— А мы бѣднѣемъ, растрчивая наши богатства,—сказалъ Клайтонъ.

— Вы знаете,—сказала Нина,—говорять, что аболіціонисты ужасный пародъ. Но я очень склонна сдѣлаться аболіціонисткой. И скажу вамъ по секрету, я не вѣрю въ рабство.

— Я тоже не вѣрю,—сказалъ Клайтонъ.

— Вы не вѣрите! правда? а я думала, что вы удивитесь. Вчера вечеромъ у тетки Несбитъ былъ священникъ, и между прочимъ они говорили: «какъ хорошо, что можно привозить сюда негровъ и превращать ихъ въ христіанъ». Я замѣтила имъ, что, благодаря этому, мы становимся язычниками, а не они христіанами.

— И вы были совершенно правы,—сказалъ Клайтонъ,—благодаря рабству, мы идемъ назадъ къ временамъ варварства, общій уровень образованія среди бѣлыхъ падаетъ, и бѣднѣйшіе изъ нихъ опускаются на самыя низшія ступени человѣческаго общества. Благодаря рабству, обогащаются только немногіе.

— Что же намъ дѣлать?—спросила Нина.

— Легче задать этотъ вопросъ, чѣмъ на него отвѣтить. Законы строго воспрещаютъ освобожденіе негровъ. Пока можно только готовиться къ будущему и давать образованіе своимъ рабамъ. Это я и пытаюсь дѣлать на своихъ плантаціяхъ.

— Правда!—сказала Нина, посмотрѣвъ на него съ удивленіемъ.— Что касается меня, то я не чувствую упрековъ совѣсти по отношенію къ своимъ рабамъ, но меня беспокоитъ Гарри. Онъ образованный человѣкъ, могъ бы хорошо устроиться въ другомъ мѣстѣ, и мнѣ хотѣлось бы добиться его освобожденія во время будущей сессіи законодательнаго собранія, не можете ли вы мнѣ помочь въ этомъ?

— Конечно, съ удовольствіемъ,—отвѣтилъ Клайтонъ.

— Когда я была на Сѣверѣ,—продолжала она,—мнѣ много приходи-

лось слышать, какъ тамъ насъ называютъ шайкой разбойниковъ. Я, конечно, возмущалась этимъ и защищала наши учрежденія. Но съ тѣхъ поръ я много думала и пришла къ убѣжденію, что мы не имѣемъ права заставлять на себя работать тѣхъ, которые, очевидно, могли бы гораздо лучше устроиться сами. Вотъ, напримѣръ, Мили, Гарри и Лизета. Вѣдь они въ настоящее время содержатъ и себя, и насъ. И, конечно, имъ легко было бы устроиться на свободѣ. Лизета плачитъ восемь долларовъ въ мѣсяцъ своей госпожѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ зарабатываетъ себѣ на жизнь. А вотъ, мы дѣйствительно какіе то безпомощные. Но что-то скажетъ Томъ, когда узнаетъ, что мы его такъ ловко обошли? Онъ, вѣроятно, страшно разозлится.

— Но, можетъ быть, онъ не имѣлъ серьезнаго намѣренія купить ее, а только похвасталъ?

— Я бы допустила это, если бы дѣло не касалось Гарри, котораго онъ ненавидитъ.

Въ этотъ моментъ до нихъ донесся стукъ копытъ скачущихъ лошадей, и вскорѣ появился на дорогѣ Томъ Гордонъ въ сопровожденіи какого-то человѣка, съ которымъ онъ велъ оживленный разговоръ. Что-то было отталкивающее въ лицѣ этого человѣка. Нину поразило выраженіе холодности и жестокости въ его глазахъ.

— Здравствуй, Нина, — сказалъ Томъ, остановивъ свою лошадь, — позволь мнѣ представить тебѣ моего пріятеля мистера Джекиля. Мы ѣдемъ на Бельвильскую плантацію.

— Желаю вамъ счастливаго пути, — отвѣтила Нина и, тронувъ свою лошадь, поѣхала дальше; потомъ, повернувшись къ Клайтону, сказала, — я ненавижу этого человѣка.

— Кто это? — спросилъ Клайтонъ.

— Я его не знаю, — отвѣтила Нина, — я никогда раньше не видѣла его. Но я ненавижу его. Онъ производитъ впечатлѣніе змѣи.

— Правда, у этого малаго лицо, не особенно располагающее къ себѣ, — сказалъ Клайтонъ, но развѣ вы можете такъ увѣренно говорить о человѣкѣ, котораго увидѣли въ первый разъ?

— О, — сказала Нина, — своимъ обыкновеннымъ веселымъ тономъ, — развѣ вы не знаете, что мы дѣвушки, какъ и другія низшія существа, по инстинкту лучше васъ высоко-образованныхъ господъ понимаемъ, кому мы можемъ довѣриться, а кому нѣтъ? Итакъ, берегитесь! — и она кокетливо посмотрѣла на него.

— Значитъ, вы понимаете, что я представляю изъ себя?

— О, я васъ поняла при первомъ же свиданіи и вотъ почему...

Клайтонъ быстро повернулся къ ней, и ихъ глаза встрѣтились. Она замолчала и покраснѣла, потомъ засмѣялась.

— Что же дальше, Нина? — спросилъ Клайтонъ.

— Я поняла, что вы принадлежите къ тому типу скромныхъ моло-

дыхъ людей, которые никогда не злоупотребяютъ довѣріемъ молодой дѣвушки, и я чувствовала, что могу положиться на васъ больше, чѣмъ на кого бы то ни было другого.

— Я очень радъ, — сказала Клайтонъ, — и надѣюсь, что оправдаю ваше довѣріе, но все-таки не слѣдуетъ слишкомъ довѣряться инстинкту. Очень часто мы не можемъ полагаться на то, что мы видимъ, — инстинктъ очень легко можетъ обмануть насъ.

— Можетъ быть, сказала Нина, — но я не думаю, чтобы этотъ человекъ когда-нибудь могъ мнѣ понравиться; во всякомъ случаѣ, я буду съ нимъ любезна, если Томъ приведетъ его къ обѣду, а тамъ посмотримъ.

XII. Мистеръ Джекиль.

Пріѣхавъ домой, Нина встрѣтила въ дверяхъ Мили, у которой былъ разстроенный видъ.

— Миссъ Нина, — сказала, она, — ваша тетя получила сегодня утромъ дурныя новости.

— Дурныя новости! — быстро спросила Нина, — какія?

— Сегодня у нея былъ адвокатъ и сообщилъ ей, что она потеряла все свое состояніе.

— О, только это! — сказала Нина, я думала, что Богъ знаетъ что случилось, у тетки и такъ почти ничего не было.

— Боже мой, да вѣдь каждому жаль потерять все, что онъ имѣетъ, мало это или много.

— Да, вѣдь тетя знаетъ, что она всегда можетъ жить здѣсь, а для мелкихъ покупокъ я всегда могу давать ей деньги.

— Это не такъ легко, дитя мое, — Гарри говоритъ, что онъ еле сводитъ концы съ концами, и я думаю наняться куда-нибудь въ услуженіе и буду платить оброкъ миссъ Лу.

— Это, право, смѣшно, Мили.

— Это не такъ смѣшно, какъ кажется. Посмотрите, сколько у васъ тутъ лишнихъ ртовъ, сама миссисъ Лу, я, Поли, уже взрослая дѣвушка, и Томтитъ, и все мы ѣдимъ вашъ хлѣбъ безъ всякой пользы, а у васъ и своихъ слугъ довольно. Да и для миссисъ Лу будетъ лучше. Она очень обрадовалась, когда я ей объ этомъ сказала.

— Но, Мили, что я буду дѣлать безъ тебя? — воскликнула Нина.

— Боже, благослови васъ, дитя, вы думаете, что я слѣпая, — вѣдь я видѣла васъ вмѣстѣ съ джентльменомъ, который гоститъ у насъ, и по моему, онъ подходитъ вамъ.

— Молчи, Мили, — сказала Нина.

— Нѣтъ, вы подумайте, миссъ Нина, дѣвушка въ такомъ положеніи, какъ вы, тяжело жить одной и имѣть на рукахъ плантацію. Когда

вы выйдете замужъ, п мистеръ Томъ будетъ вести себя тихо, а иначе онъ измучаетъ васъ. А теперь вамъ пора идти обѣдать.

— Послушай, Мили, — сказала Нина, — я и забыла сказать тебѣ, что я была на Вельвильской плантаціи и купила жену Гарри.

— Вы купили, миссъ Нина! Боже, васъ благослови. Гарри былъ въ ужасномъ состояніи сегодня утромъ послѣ того, что сказалъ мистеръ Томъ.

— Дѣло кончено, — сказала Нина, — расписка у меня.

— Но откуда же вы достали такъ скоро деньги?

— Клайтонъ мнѣ одолжилъ, — отвѣтила Нина.

— Мистеръ Клайтонъ! Ну, что я вамъ говорила, дитя мое, развѣ вы взяли бы у него деньги въ долгъ, если бы онъ вамъ не нравился? А вотъ и мистеръ Томъ пріѣхалъ съ другимъ джентльменомъ, бѣгите скорѣе внизъ къ обѣду.

Общество, собравшееся за обѣденнымъ столомъ, было не въ очень веселомъ настроеніи. Томъ Гордонъ, который, съѣздивъ на Вельвильскую плантацію, узналъ, что сестра успѣла предупредить его, былъ болѣе обыкновеннаго грубъ и раздражителенъ, хотя изъ гордости не говорилъ о томъ, что знаетъ, какъ обошли его. Нину разстраивало присутствіе мистера Джекиля, котораго братъ пригласилъ къ обѣду. Тетка Несбитъ была погружена въ свое горе, Клайтонъ вообще не любилъ разговаривать въ мало знакомомъ обществѣ и предпочиталъ наблюдать. И если бы не мистеръ Карсонъ, то за столомъ не было бы произнесено ни слова. Каждое существо бываетъ въ свое время полезно, и иногда веселый болтунъ оказывается настоящей благодатью. И теперь Нина была безконечно благодарна мистеру Карсону за его непрерывную болтовню, которая такъ раздражала ее накануне. Карсонъ завелъ разговоръ съ адвокатомъ о земельной стоимости, процентахъ и т. п., выразилъ сочувствіе теткѣ Несбитъ по поводу ея насморка, посмѣялся надъ угрюмостью Тома, сдѣлалъ комплиментъ Нинѣ, былъ такъ доволенъ самъ собою и всѣми окружающими, что понемногу атмосфера просилась.

— Какъ вы думаете, куда выгоднѣе всего помѣстить капиталы, въ земельную собственность, а? — спросилъ онъ мистера Джекиля.

— Нѣтъ, земля быстро истощается, а кромѣ того, съ нею много хлопотъ, и это дѣло довольно рискованное. Самое выгодное предпріятіе — это негры.

— Вотъ какъ! — сказалъ мистеръ Карсонъ.

— Я затратилъ капиталъ на покупку негровъ и сдаю ихъ въ наемъ. Объ этомъ сегодня утромъ я говорилъ миссисъ Несбитъ. Скажемъ, вы заплатили за человѣка тысячу долларовъ, а я всегда покупаю лучшей сорти людей — это выгоднѣе. — Предположимъ, — возьмемъ наименьшую цифру, — онъ заработаетъ въ мѣсяць десять долларовъ и, кромѣ того, себѣ на жизнь, видите, какой процентъ вы можете получать на свой капиталъ. Я умѣю очень выгодно покупать. Больше всего я предпочитаю слесарей, но у меня есть

три каменщика, два прекрасныхъ столяра, а въ прошломъ мѣсяцѣ я имѣлъ случай купить замѣчательнаго кузнеца. Онъ удивительно искусный работникъ и легко заработаетъ мнѣ пятнадцать долларовъ въ мѣсяцъ. А еще болѣе увеличиваетъ его цѣнность, то, что онъ очень религіозенъ. Нѣкоторые изъ нихъ не прочь надуть васъ, если могутъ, а этому миссіонеры внушили строгіе религіозные принципы. О, этотъ малый не утаитъ отъ меня ни одного цента изъ своего заработка, онъ служитъ хорѣшимъ примѣромъ того, какую пользу можетъ принести религіозное воспитаніе.

— Я всегда стояла за религіозное воспитаніе,—замѣтила Несбитъ.

— Ну его къ чорту!—сказалъ Томъ,—я въ него не вѣрю и не хочу, чтобы шайка лицемѣровъ прикрывалась ею. Я заставлялъ бы своихъ негровъ добывать мнѣ деньги, но я бы ихъ всѣхъ перевѣшалъ, если бы они вздумали утверждать, что выполняютъ свой долгъ, они никогда этого не думали, да и не могутъ думать. Ихъ религіозное воспитаніе только усилитъ ихъ лицемѣріе.

— Нѣтъ, я съ вами не согласенъ,—заговорилъ мистеръ Джекиль,—если вы начнете умѣло смолоду обучать ихъ религіи, противъ чего существуетъ предубѣжденіе въ нашей странѣ, то вы достигнете хорѣшихъ результатовъ. Миссіонеры прекрасно умѣютъ внушать имъ понятія о правахъ господина. Вся цѣль религіознаго воспитанія заключается въ томъ, чтобы для нихъ господиномъ замѣнялъ Бога.

— Вздоръ!—сказалъ Томъ Гордонъ.

Тетка Несбитъ чуть не упала въ обморокъ отъ этихъ словъ, но мистеръ Джекиль нисколько не потерялъ своей самоувѣренности.

— Я объясню вамъ это съ дѣловой, практической стороны. Съ тѣхъ поръ, какъ былъ опубликованъ катехизисъ для негровъ и среди нихъ началась работа миссіонеровъ, этотъ родъ собственности повысился въ цѣнѣ на десять процентовъ. Они теперь довольствуются малымъ, стали менѣ склонны къ побѣгамъ, и все это, благодаря той идеѣ, что господиномъ для нихъ замѣняетъ собою Бога.

— Я съ этимъ безусловно не согласенъ,—сказалъ Клайтонъ,—тетка Несбитъ широко раскрыла глаза, какъ бы не вѣря своимъ ушамъ.

— Почему же вы не согласны?—спросилъ мистеръ Джекиль невозмутимо.

— Потому, что все это ложь, самая гнусная ложь, посредствомъ которой хотятъ обмануть простое, довѣрчивое и невѣжественное созданіе, и я не могу понять, какъ можетъ порядочный человѣкъ смотрѣть въ глаза другому и говорить подобныя вещи. Гдѣ-то я читалъ отчетъ одного изъ миссіонеровъ, и тамъ рассказывалось, что когда на собраніи негровъ миссіонеръ впервые сталъ развивать эту доктрину, то всѣ наиболѣе развитые изъ негровъ встали и ушли съ собранія. Въ концѣ концовъ, ложь никогда не принесетъ пользы ни религіи, ни морали.

— Я въ этомъ увѣрена,—замѣтила горячо Нина.

— Все это вздоръ!—воскликнулъ Томъ Гордонъ,—внушите имъ, что

на вашей сторонѣ сила, дайте имъ почувствовать тяжесть вашего кулака, и это достаточно съ нихъ. Я добротою не отличаюсь, но ненавижу лицемеріе. Я показываю пистолеть и говорю: «видишь это»? Приказываю сдѣлать то-то и то-то и при этомъ добавляю, если не сдѣлаешь хорошо, то я заколочу тебя до полусмерти,—вотъ мой способъ обращенія съ неграми и съ бѣлыми изъ бѣднаго класса.

Мистеръ Джекиль былъ сильно смущенъ словами Тома, а миссисъ Песбитъ показала видъ, что она ничего другого и не могла ожидать отъ Тома и съ грустнымъ видомъ занялась тѣмъ, что у нея было на тарелкѣ. Нива взглянула на Клайтона.

— По-моему, — сказала Клайтонъ, — религіозное воспитаніе должно заключаться въ томъ, чтобы каждый мужчина и женщина понимали то, что они отвѣтственны только передъ однимъ Богомъ и прежде всего, должны слушаться Бога.

— О, — воскликнулъ мистеръ Джекиль, — это бы уничтожило всякую дисциплину, и было бы невозможно управлять народомъ.

— Надо ихъ научить читать Библию, — продолжалъ Клайтонъ, — если мои распоряженія противорѣчатъ ей, то они не должны повиноваться мнѣ.

— Я бы хотѣлъ посмотрѣть на плантанцію, которая бы управлялась на основаніи этого принципа, — сказалъ Томъ.

— Если Богу будетъ угодно, то вы увидите такую плантанцію, если зайдете ко мнѣ.

Тонъ, которымъ это было сказано, былъ настолько чистосердеченъ, что Томъ замолчалъ и поблагодарилъ поклономъ.

— Я думаю, — сказалъ мистеръ Джекиль, — что въ началѣ дѣло пойдетъ, какъ будто бы хорошо, а потомъ все развалится. Надо знать человеческую натуру: чѣмъ болѣе вы даете, тѣмъ больше они съ васъ требуютъ, и ваши негры, по мѣрѣ того, какъ вы будете дѣлать уступки, будутъ все болѣе и болѣе стремиться къ свободѣ.

— Я только этого и хочу добиться, — отвѣтилъ Клайтонъ.

— Я долженъ обратить ваше вниманіе, — заговорилъ Джекиль, — на общезвѣстный фактъ, что большинство самыхъ отвратительныхъ бунтовъ произошли оттого, что невѣжественные люди читали Библию. Это было причиной возстанія Ната Тернера въ Виргиніи и Деамарка Вессея въ Южной Каролинѣ. Эта священная книга служитъ благу людей только тогда, когда ею умѣютъ пользоваться, и ведётъ къ гибели, если попадетъ въ руки невѣжественныхъ людей. Ихъ нужно знакомить только съ избранными мѣстами Библии, тогда оружіе религіи будетъ въ нашихъ рукахъ, и мы сможемъ держать ихъ въ повиновеніи, иначе они совсѣмъ выйдутъ изъ подъ нашей власти.

— Я съ удовольствіемъ откажусь отъ всякихъ правъ, которыя я не могу оправдать словомъ Божиимъ, — сказалъ Клайтонъ.

Разговоръ на эту тему продолжался еще нѣкоторое время съ боль-

шимъ жаромъ, пока Нина и тетка Несбитъ не встали и не пошли въ гостиную; за ними послѣдовали и ихъ гости. Немного погодя, Томъ попросилъ Нину пойти съ нимъ и мистеромъ Джекилемъ въ библіотеку обсудить одно дѣло.

— Мистеръ Джекиль,—сказалъ Томъ, когда они пришли въ библіотеку,—предлагаетъ намъ сдѣлать заявленіе по поводу одного имѣнія въ Миссиссипи, и если все пойдетъ хорошо, то мы съ тобою получимъ большое состояніе.

Нина усѣлась небрежно въ кресло и приготовилась слушать.

— Вы знаете,—началъ мистеръ Джекиль,—что я вель дѣла вашего отца, а потому очень хорошо знаю всѣ семейныя дѣла. Вы, вѣроятно, помните, что у вашего отца была сестра миссисъ Стюартъ, которая получила въ наслѣдство отъ своего мужа прекрасное имѣніе въ штатѣ Миссиссипи. Послѣ ея смерти имѣніе перешло къ ея сыну, который женился на квартеронкѣ, бывшей служанкѣ его матери. Онъ уѣхалъ съ нею въ Огіо, и по законамъ того штата далъ ей свободу. Онъ и она были убѣждены, что дѣло окончено, и она, дѣйствительно, освобождена изъ рабства. Шесть мѣсяцевъ тому назадъ онъ умеръ и оставилъ ей и ея дѣтямъ все свое имѣніе. Она возвратилась обратно въ Миссиссипи для того, чтобы вступить во владѣніе. По виду она совершенно бѣлая, и по сосѣдству всѣ считаютъ, что она дѣйствительно бѣлая женщина изъ Огіо, а не рабыня—квартеронка. Ничто не вышло бы наружу, если-бы она не прогнала за воровство одного изъ надсмотрщиковъ. Онъ пришелъ ко мнѣ и рассказалъ обо всемъ. Я посоветовался съ другими адвокатами и убѣдился, что актъ объ ея освобожденіи не имѣетъ никакого значенія въ штатѣ Миссиссипи, такъ что она и ея дѣти не болѣе, какъ рабы. Плантація, доставшаяся ей, стоитъ не менѣе ста тысячъ долларовъ. Я былъ тамъ и видѣлъ ее. Она женщина лѣтъ сорока, но выглядитъ не болѣе двадцати семи, двадцати восьми и очень красива. Ее можно продать за тысячу, тысячу пятьсотъ долларовъ. У нея двое прекрасныхъ дѣтей, совершенно бѣлыхъ, мальчикъ лѣтъ десяти и дѣвочка лѣтъ четырехъ. Конечно, когда я тамъ былъ, я не показалъ, что все знаю, имѣя въ виду, что она и ея дѣти также представляютъ порядочную цѣнность. Вы—законные наслѣдники этого имѣнія, и, если вы дадите мнѣ полномочіе, я немедленно начну дѣло.

Нина сидѣла и смотрѣла въ упоръ на мистера Джекиля, когда онъ кончилъ, она спросила его:

— Мистеръ Джекиль, правда, что вы церковный староста?

— Да, миссъ Гордонъ, я имѣю честь быть церковнымъ старостой—отвѣтилъ мистеръ Джекиль дѣловымъ тономъ.

— Я спросила это потому, что я очень мало понимаю въ религіи, и мнѣ хотѣлось бы, чтобы вы, какъ христіанинъ, отвѣтили мнѣ будетъ ли съ нашей стороны справедливо отнять отъ этой женщины дѣтей и ея собственность.

— Безъ всякаго сомнѣнія, дорогая миссъ Гордонъ!.. Каждый имѣть право на то, что ему принадлежитъ по закону. А по закону эта женщина и ея дѣти являются вашей собственностью такой же, какъ и башмаки, которые вы носите.

— Я думаю, что съ точки зрѣнія Евангелія это не совсѣмъ такъ. Гамъ сказано: «не дѣлай другому того, чего не желаешь себѣ».

— Миссъ Гордонъ, молодыя дѣвушки, поддаваясь чувству, часто объясняютъ себѣ невѣрно значеніе словъ Писанія. Представьте себѣ, что я укралъ вашу собственность, конечно, мнѣ не захочется возвратить ее вамъ, но законъ меня къ этому принудитъ. Точно такъ же эта женщина и ея имѣніе — ваша собственность. Она имѣетъ владѣть не по закону, а какъ грабитель Разумѣется, ей не хочется возвратить его вамъ, но право есть право.

Нинѣ, конечно, трудно было возражать на софистику адвоката, да она и не хотѣла. Она просто отвѣтила:

— Я считаю это несправедливымъ.

— Все это вздор!—воскликнулъ Томъ,—меня мало интересуеъ, справедливо или несправедливо, дѣло въ томъ, что мнѣ и тебѣ, Нина, нужны, деньги, и незачѣмъ стараться быть болѣе святымъ, чѣмъ сами святы. Вотъ мистеръ Джекиль, одинъ изъ самыхъ благочестивыхъ людей, и онъ считаетъ, что это справедливо, зачѣмъ же намъ противиться? Меня, собственно, эта сторона дѣла, конечно, мало интересуеъ. Я буду добиваться своего. Сила есть право—вотъ моя доктрина.

— Я обстоятельно изучалъ этотъ вопросъ,—сказалъ мистеръ Джекиль,—и не имѣю ни малѣйшаго сомнѣнія, что рабство установлено Богомъ и господа получили свои права надъ рабами отъ Бога. И какъ мнѣ ни жалко этой женщины, я считаю своимъ долгомъ настаивать на томъ, чтобы въ данномъ случаѣ было поступлено по законамъ.

— Я ничего не хочу имѣть общаго съ этимъ дѣломъ, вотъ все, что я могу сказать вамъ, мистеръ Джекиль,—сказала Нина.

— Какъ это глупо!—воскликнулъ Томъ.

— Я сказала все, что я хотѣла,—отвѣтила Нина и вставъ вышла изъ комнаты.

— Очень понятное чувство, но неразумное,—замѣтилъ мистеръ Джекиль.

— Послушайте, мистеръ Джекиль,—началъ Томъ,—моя сестра страшная горячка, и она можетъ намъ испортить все дѣло, если мы не поспѣшимъ. Ея негръ Гарри—братъ этой женщины, и если Нина скажетъ ему хоть одно слово, то онъ успеетъ предупредить ту женщину. И намъ лучше всего выѣхать завтра же утромъ, пока не вернулся Гарри,—онъ, кажется, уѣхалъ на нѣсколько дней. Неважно, согласна она или не согласна вести процессъ, главное, чтобы она ничего не знала.

ХІІІ. Исторія Мили.

Когда вечеромъ Нина вошла въ свою комнату, она увидѣла тамъ Мили, ожидающую ее.—Ну, миссъ Нина, завтра утромъ я ухажу, и мнѣ хотѣлось посидѣть немножко съ вами.

— Ахъ Мили, я не могу помириться съ тѣмъ, что ты уходишь! Мнѣ не нравится человѣкъ, съ которымъ ты идешь.

— Я надѣюсь, что онъ хорошій человѣкъ и найдетъ мнѣ хорошее мѣсто, онъ всегда заботливо велъ дѣла миссисъ Лу,—отвѣтила Мили.

— Но, какъ же ты будешь жить въ чужомъ мѣстѣ? Ты всегда жила у насъ; съ тобою, можетъ быть, будутъ обращаться дурно.

— О, я ничего не боюсь, я много пережила въ своей жизни.

— Расскажи мнѣ, Мили, о своей жизни,—сказала Нина и, сѣвъ на диванъ, положила голову на колѣни своего скромнаго друга.

— Хорошо,—сказала Мили.—Вы знаете, мой отецъ и моя мать были привезены изъ Африки. Ихъ привезли въ Чарльстонъ, и мистеръ Камбель, отецъ вашей матери, купилъ ихъ. Мама мнѣ много рассказывала объ Африкѣ. Я помню, какъ вечеромъ, по окончаніи работы, моя мать часто сидѣла на порогѣ, смотрѣла на звѣзды и стонала. Тогда я была маленькимъ ребенкомъ, подбѣгала къ ней и спрашивала,—что ты стонешь, мама? «Я вспоминаю своихъ дѣтей, отвѣчала она, которыя теперь тоже смотрять на звѣзды и не знаютъ, гдѣ я. И тебя, моя дѣтка, могутъ взять у меня и продать». Но меня не продали, а отца и мать увезли. Братъ мистера Камбеля выдѣлился и уѣхалъ жить въ Орлеанъ, ему достались мой отецъ и мать, а я осталась въ Виргиніи. Я росла вмѣстѣ съ молодыми барышнями—миссъ Гарритъ, миссъ Лу и вашей мамой. Они все очень любили Мили. Никто не умѣлъ такъ хорошо съ ними играть, скакать на лошади или грести на лодкѣ, какъ Мили. Мили повсюду была съ ними и все для нихъ дѣлала.

— Была большая разница между тремя барышнями. Самой красивой была миссъ Лу, у нея всегда было много ухаживателей. А ваша же мама была общей любимицей. Миссъ Гарритъ, чрезвычайно трудолюбивая, всегда была чѣмъ нибудь занята. Она меня любила, такъ какъ я ей во всемъ помогала. То были счастливыя времена, мнѣ жилось хорошо, и такъ продолжалось до четырнадцати лѣтъ. Затѣмъ, миссъ Гарритъ вышла замужъ за мистера Чарльса Блера и взяла меня съ собою. Я любила миссъ Гарритъ, но больше любила вашу маму и думала, что достанусь, ей но вышло иначе. Мистеръ Блеръ жилъ въ другомъ концѣ Виргиніи, и мы туда уѣхали. Миссъ Гарритъ была несчастлива въ замужествѣ. Когда онъ ухаживалъ за миссъ Гарритъ, онъ обѣщалъ ей сдѣлать все, что она захочетъ, и броситъ свои дурныя привычки. Но вскорѣ послѣ свадьбы онъ сталъ вести свою прежнюю жизнь: развѣзжалъ по гостямъ, пилъ, веселился, и деньги текли, какъ вода.

— Все это произвело большую перемену въ характеръ миссъ Гарритъ. Она стала рѣзкой, сердитой и не относилась ко мнѣ такъ хорошо, какъ прежде. Она даже начала ревновать меня къ своему мужу, и совершенно напрасно,—онъ былъ мнѣ противенъ. Но она знала, что онъ бѣгаетъ за всякой юбкой, и мнѣ тяжело жилось у нихъ. Такъ дѣло шло довольно долго, у нея уже было трое дѣтей, когда однажды мужъ ея убили, упавъ съ лошади. Миссъ Гарритъ стала спокойнѣе, она постаралась собрать крохи оставшагося состоянія и привести въ извѣстность долги. Въ этомъ ей помогаль ея дядя. Однажды они заперлись въ комнатѣ и разговаривали о долгахъ, и я слышала, какъ онъ сказалъ ей: «у тебя маленькія дѣти, и тебѣ нужно постараться выручать какъ можно больше со своей плантаціи. Теперь самое удобное время продавать негровъ, цѣна на нихъ очень повысилась. Между прочимъ, твоя черная дѣвушка Мили тоже можетъ быть доходною статью,—она здоровая дѣвка. Ты подыскала ей мужа?»

— Нѣтъ,—отвѣтила миссъ Гарритъ.—Мили страшная кокетка и до сихъ поръ ни на комъ не остановилась.

— Ты должна позаботиться объ этомъ,—сказаль онъ,—ея дѣти сами по себѣ представляютъ цѣлый капиталъ, я зналь такихъ женщинъ, которыя приносили по двадцати штукъ. А если дѣти Мили будутъ похожи на нее, то за каждаго изъ нихъ можно будетъ получить не менѣе восьмисотъ долларовъ, и ты сможешь продавать ихъ по мѣрѣ надобности.

— Услышавъ объ этомъ, я страшно заплакала и побѣжала рассказать обо всемъ Полю, онъ въ то время ухаживаль за мною. Я заявила ему, что никогда не выйду замужъ. Но онъ уговариваль меня и убѣждалъ, что ничего ужаснаго не произойдетъ, что миссъ передумаетъ и не рѣшится продавать моихъ дѣтей. Мы очень любили другъ друга, и разговоръ съ нимъ меня нѣсколько утѣшилъ. На другой день я пошла и рассказала миссъ Гарритъ все, что я передумала. Миссъ Гарритъ посмѣялась надо мною и сказала, чтобы я ничего не боялась. Недѣли черезъ три Полю удалось убѣдить меня, и мы поженились. Когда родился первый ребенокъ, Поль былъ очень радъ, и удивлялся, почему я не радуюсь.

— Поль,—сказала я ему,—это дитя не наше, его всегда могутъ взять у насъ и продать.

— Ничего, ничего, успокойся, Мили,—сказаль онъ мнѣ,—можетъ быть, и ничего не случится.

— Такъ мы жили нѣкоторое время. Все, казалось, шло хорошо, но у миссъ Гарритъ росли дѣти: нужно было платить по счетамъ мистера Джоржа, по счетамъ мистера Питера, покупать наряды миссъ Сюзь,—денегъ подъ рукою нѣтъ, а тутъ какъ разъ появляются торговцы неграми и выкладываютъ на столъ восемьсотъ долларовъ чистоганомъ. Какъ тутъ устоять? Такъ и продали моего перваго ребенка. Я страшно плакала и высказала миссъ Гарритъ все, что было у меня на душѣ. Она тоже пла-

кала и общала мнѣ, что это болѣе не повторится, но я ей не вѣрила, я знала, что это будетъ повторяться. А вѣдь она была недурная женщина, бѣдная миссъ Гарритъ.

— Появились опять торговцы неграми. И вотъ, однажды дядя миссъ Гарритъ говоритъ мнѣ: «знаешь, леди изъ Вашингтона нанечала объявленіе, что ей нужна служанка. Эта леди—прекрасная, благочестивая женщина, а въ настоящее время твоя миссъ очень нуждается въ деньгахъ». И ему ничего не отвѣтила, но когда онъ меня спросилъ, что можетъ стоить моя дочь Люси, ей въ это время было пятнадцать лѣтъ, то я ему отвѣтила: «она мнѣ стоитъ столько же, сколько вамъ ваша дочь». Въ концѣ концовъ, Люси продали въ Нью-Орлеанъ. Я помню, какъ приѣхала изъ школы миссъ Сюзи. Я никогда не могла смотрѣть на нее спокойно: чтобы платить за нее въ пансіонъ, продали трехъ изъ моихъ дѣтей. Потомъ продали еще нѣсколькихъ изъ моихъ дѣтей и, наконецъ, миссъ Гарритъ обѣщала оставить мнѣ моего младшаго сына, его звали Альфредъ. Онъ былъ чудный, умный мальчикъ. Кромѣ него, у меня никого не оставалось, такъ какъ господинъ Поля уѣхалъ въ Орлеанъ и взялъ его съ собою. Съ тѣхъ поръ я болѣе никогда не видала своего мужа.

— Альфредъ былъ очень способный и умный мальчикъ. Онъ даже самъ научился читать. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ очень живой и гордый мальчикъ. Онъ былъ моимъ утѣшеніемъ. Я понимала, что онъ слишкомъ уменъ, чтобы оставаться рабомъ, и рѣшила работать, какъ можно больше, чтобы выкупить его. Все шло хорошо, и онъ оставался при мнѣ лѣтъ до двѣнадцати. Онъ мылъ посуду, чистилъ ножи, сапоги и исполнялъ другія мелкія домашнія работы. Но вотъ, наконецъ, рѣшили, что его нужно послать на полевые работы. Тамъ служилъ одинъ очень грубый надсмотрщикъ, у котораго постоянно происходили столкновенія съ Альфредомъ, и онъ часто жаловался на Альфреда миссъ. Однажды я была послана въ городъ и возвратилась поздно домой, не застала дома Альфреда и узнала, что онъ не приходилъ къ ужину. Я испугалась, не случилось ли чего, и побѣжала къ миссъ Гарритъ, которая сидѣла за столомъ, а передъ нею лежали свертки съ золотомъ, она пересчитывала монеты.

— Миссъ Гарритъ, — сказала я, — я не могу найти Альфреда, не видѣли ли вы его?

— Сначала она мнѣ ничего не отвѣтила и продолжала считать: пятьдесятъ одинъ, пятьдесятъ два... Я опять обратилась къ ней:

— Надѣюсь, что съ нимъ ничего не случилось, миссъ Гарритъ?

— Она подняла голову и сказала:

— Мили, съ Альфредомъ было очень трудно управиться. Мнѣ предложили большую сумму денегъ, и я продала его.

— Что-то подступило ко мнѣ къ горлу, я подскочила къ ней, схватила ее за плечо и сказала:

— Вы выручили достаточно денегъ за моихъ тринадцать дѣтей и общѣли не трогать этого, и вы считаете себя христіанкой?

— Мили,— отвѣтила она,— онъ здѣсь на сосѣдней плантаціи у мистера Джонса, ты сможешь посѣщать его, а онъ тебя. А здѣсь ему было бы хуже, ты сама знаешь, какія у него постоянно выходили исторіи съ надсмотрщикомъ.

— Миссъ Гарритъ,— сказала я,— вы можете обманывать себя, говоря это, но не обманете меня и не обманете Бога, хотя вы и ваши священники выбираете изъ Библии все, что вамъ нужно. Я обращусь прямо къ Богу, расскажу ему все и буду просить его, чтобы онъ проклялъ тѣ деньги, которыя вы получили за моихъ дѣтей.—Сказавъ это, я повернулась и ушла.

— Наступило воскресенье, я собрала всѣ вещи Альфреда, завязала ихъ въ узелъ и пошла на плантацію Джонса посмотреть, какъ устроился Альфредъ. Всю эту недѣлю я не разговаривала съ миссисъ. Я прошла уже полъ-дороги, немного устала и остановилась отдохнуть подъ деревомъ. Скоро я замѣтила на дорогѣ Гульду, которая была замужемъ за двоюроднымъ братомъ Поля и жила на плантаціи Джонса. Я подошла къ ней и сказала, что иду повидать Альфреда.

— Боже мой!—воскликнула она,— развѣ ты не слышала что Альфредъ умеръ?

— О, моя дорогая миссъ Нина, казалось, сердце остановилось у меня въ груди, и я воскликнула: они убили его!

— Она сказала да и рассказала мнѣ, какъ было дѣло. На плантаціи Джонса служилъ надсмотрщикъ Стилъ. Онъ слышалъ, что Альфредъ непокорный мальчикъ и рѣшилъ его усмирить. Разъ ему не понравилась работа Альфреда, и онъ захотѣлъ ударить его бичемъ. Альфредъ убѣжалъ и остановился вдали. Надсмотрщикъ требовалъ, чтобы онъ подошелъ, Альфредъ отвѣтилъ, что онъ не подойдетъ, такъ какъ не хочетъ быть битымъ. Въ это время подошелъ молодой мастеръ Билль; Стилъ рассказалъ ему, въ чемъ дѣло, и тотъ, поднявъ пистолетъ, закричалъ:

— Слушай, собака, если ты не подойдешь, пока я сосчитаю пять, я тебя застрѣлю.

— Стрѣляйте!—отвѣтилъ Альфредъ, такъ какъ онъ никогда ничего не боялся. Тотъ выстрѣлилъ, Альфредъ подскочилъ, крикнулъ и упалъ мертвымъ. Они подбѣжали къ нему, сняли съ него куртку и убѣдились, что онъ мертвъ. Его зарыли безъ одежды, безъ гроба, какъ собаку. Гульда показала мнѣ куртку, въ ней было круглое отверстіе. Я взяла куртку и пошла домой. Возвратясь домой, я поднялась къ миссисъ, которая сидѣла и читала Библию. Я разложила у ея ногъ куртку и воскликнула: Вы видите эту дыру! Вы видите эту кровь! Альфредъ убитъ! Вы его убили; и пусть его кровь будетъ на васъ и на вашихъ дѣтяхъ! Да услышитъ Господь и воздастъ вамъ сторицей!

— Долго я горевала, много ночей провела я въ лѣсу, кричала и звала моего сына, но никто не слышалъ меня. Потомъ, понемногу, я успокоилась, я слушала чтеніе Библии; я узнала, что Богъ самъ не пожалѣлъ своего сына и добровольно пожертвовалъ имъ для насъ. Я узнала, что этотъ сынъ былъ Иисусъ. Я поняла, какъ Богъ любилъ насъ, если допустилъ пострадать своего сына ради насъ. Все это я слышала на религиозномъ митингѣ въ полѣ. Я сходила въ церковь и долго лежала передъ алтаремъ и была, какъ зачарованная, и я видѣла Бога. Я поняла, что онъ любитъ насъ, и я поняла, что я должна любить миссъ Гарритъ, которая продала моихъ дѣтей и полюбила ее.

— Возвратившись домой, я пошла къ миссъ Гарритъ и заговорила съ нею мягко. Въ это время она была нездорова и сидѣла въ своей комнатѣ. Она чувствовала себя несчастной, такъ какъ ея старшій сынъ началъ пьянствовать. Я подошла къ ней и сказала, «миссъ Гарритъ, я видѣла Бога, я не сержусь на васъ больше, я простила васъ и люблю васъ всѣмъ сердцемъ, какъ это велитъ Богъ.» Если бы вы видѣли, миссъ Нина, какъ эта женщина горько заплакала и сказала мнѣ,—ахъ, я великая грѣшница! а я ей отвѣтила, мы обѣ грѣшны и Иисусъ проститъ насъ.

Послѣ этого мы жили очень дружно съ миссъ Гарритъ, мы жили, какъ сестры во Иисусѣ. Я помогала ей нести ея бремя, она помогала мнѣ нести мое бремя—а бремя было тяжелое. Ея сына тоже принесли мертвымъ домой, онъ нечаянно застрѣлилъ себя изъ ружья, когда заряжалъ его въ пьяномъ видѣ. Я тогда вспомнила, что просила Бога возвратитъ ей сторицею; я желала бы, если бы могла, возвратитъ жизнь мистеру Джорджу. Всю ночь я держала въ своихъ объятіяхъ бѣдную женщину, которая кричала и рыдала, не переставая. Она послѣ того недолго прожила. Она была готова къ смерти. Она купила сына моей дочери Томтита и дала его мнѣ. Бѣдная, она сдѣлала все, что могла. Я была у ея постели, когда она умирала. Умирая, она говорила: «о Мили, если ты и Богъ можете простить меня, то я не могу простить себя». Она не отпускала меня отъ своей постели и все повторяла: «Мили, Мили, не отходи отъ меня». Я чувствовала, что полюбила ее, какъ свою собственную душу. Я удивлялась, какъ могла ненавидѣть ее раньше. Да, дитя мое, мы никогда никого не должны ненавидѣть, мы несчастныя грѣшныя созданія, которыхъ такъ любитъ Богъ.

XIV. Д р э д ъ .

Гарри, пріѣхавъ на плантацію Джона Гордона, передалъ ему письмо Нины и рассказалъ, какъ обстоятъ дѣла въ Канемѣ. Дядя Джонъ посоветовалъ Гарри быть сдержаннымъ съ Томомъ, избѣгать столкновений и обѣщавъ поѣхать въ Канему, поговорить съ Томомъ, чтобы тотъ оставилъ Гарри въ покоѣ.

Гарри переночевалъ на плантаціи Джона Гордона и, по обыкновенію,

всталъ очень рано утромъ. Онъ былъ живымъ, дѣятельнымъ человѣкомъ и привыкъ съ утра приступать къ своимъ занятіямъ. Теперь же ему нечего было дѣлать и онъ чувствовалъ себя какъ-то неловко, не зная, что предпринять. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ боялся, что во время его отсутствія на плантаціи Нины все будетъ дѣлаться не во время и не такъ, какъ слѣдуетъ. Это его очень волновало, и, въ концѣ концовъ, онъ рѣшилъ не послушаться приказанія Нины и, не дожидаясь Джона Гордона, поѣхалъ домой.

— Я долженъ прятаться здѣсь, какъ куропатка въ кустахъ и это во время посѣва. Все можетъ быть испорчено, и меня же обвинять въ небрежности. И это потому, что мой младшій братъ вздумалъ командовать мною, не имѣя на то никакого права и потому что онъ оскорбляетъ мою жену. Законъ на его сторонѣ. Они поддерживаютъ другъ друга и составляютъ законы въ свою пользу. Почему я не имѣю правъ, а онъ имѣетъ, не смотря на то, что негодяй? Только потому, что моя бабушка родилась въ Африкѣ, а его бабушка родилась въ Америкѣ, всѣ будутъ стоять за него. Нѣтъ, я этого не могу выносить! И Богъ знаетъ, не пристасть ли онъ теперь опять къ Лизетѣ, пользуясь моимъ отсутствіемъ. Нѣтъ я пойду домой, и будь, что будетъ!

Гарри вскочилъ на лошадь и направился домой. Гарри приходилось ѣхать по узкой тропинкѣ, извивавшейся по окраинамъ огромнаго болота. Онъ ѣхалъ задумавшись и не слышалъ стука копытъ впереди. Вдругъ на крутомъ поворотѣ онъ встрѣтился лицомъ къ лицу съ Томомъ Гордономъ и мистеромъ Джекилемъ. Они выѣхали рано утромъ, чтобы поспѣть доѣхать до наступленія жары до опредѣленнаго мѣста. Въ первую минуту обѣ стороны пріостановились, пораженные встрѣчей. Наконецъ, Томъ Гордонъ грубымъ голосомъ закричалъ:

— Послушай, проклятый негръ! скажи мнѣ, твоему господину, куда ты идешь?

— Вы не мой господинъ, — отвѣтилъ Гарри спокойнымъ тономъ, и это привело въ бѣшенство Тома.

— Вотъ тебѣ! — воскликнулъ онъ, ударивъ Гарри хлыстомъ два раза по лицу, — ты убѣдишься, что я твой господинъ, вотъ тебѣ отмѣтка на лицѣ.

Рабство пріучило Гарри сдерживать свой гнѣвъ, но лицо его приняло страшное выраженіе, и онъ, сдержавъ насколько возможно бушевавшую въ немъ страсть, съ гордостью заявилъ:

— Будьте увѣрены, господинъ Гордонъ, эта отмѣтка никогда не забудетъ забыта.

Бываютъ минуты, когда люди, повидимому, совершенно лишены чувства человѣколюбія, невольно бываютъ затронуты трагическимъ положеніемъ другого. Джекиль взялъ Тома за руку и сказалъ:

— Оставьте, не стоитъ больше возиться, мы можемъ опоздать туда, куда слѣшимъ.

Въ это время Гарри уже повернулъ свою лошадь и ѣхалъ дальше, и Томъ Гордонъ закричалъ ему вслѣдъ насмѣшливо:

— Я былъ у твоей жены сегодня утромъ передъ отъѣздомъ, и она теперь повинулась мнѣ больше, чѣмъ въ первый разъ.

Эти слова, какъ парфянская стрѣла, пущенная въ спину, больнѣе поразила душу несчастнаго раба, чѣмъ даже оскорбительные удары, нанесенные ему по лицу. Онъ бѣшено поскакалъ впередъ, потомъ, остановивъ внезапно лошадь, выпустилъ изъ рукъ поводья и разразился страшными проклятіями.

— Ага, затронуло и тебя! Наконецъ, и ты ослабѣлъ!—произнесъ густой, зычный голосъ изъ лѣсной чащи.

Гарри остановилъ свою лошадь. Послышался трескъ сухихъ сучьевъ, зашевелились кусты, и на дорогу вышелъ высокій, прекрасно сложенный, черный человѣкъ. Кожа его походила на черный полированный мраморъ, онъ былъ одѣтъ въ широкую красную фланелевую рубашку, разстегнутую на груди, такъ что видна была его богатырская грудь. Рукава рубашки были засучены выше локтей и открывали мускулы рукъ, которымъ позащивалъ бы любой гладиаторъ. На головѣ у него красовался тюрбанъ изъ шали алаго цвѣта и придавалъ ему какой-то фантастическій видъ. Нижняя часть его костюма прикрѣплялась къ рубашкѣ красными завязками, у него на поясѣ висѣли охотничій ножъ и топоръ, на плечѣ онъ держалъ ружье, а сбоку на ремнѣ висѣлъ патронташъ. Несмотря на дикій и фантастическій видъ появившагося незнакомца, Гарри, повидимому, не былъ ни удивленъ, ни испуганъ и сейчасъ же обратился къ нему фамильярнымъ тономъ, въ которомъ все-таки проскальзывало нѣкоторое чувство уваженія.

— Я и не зналъ, что ты здѣсь по близости, Дрэдъ, и услышишь меня.

— Я слышалъ все,—сказалъ Дрэдъ и, поднявъ руку, заговорилъ съ большимъ возбужденіемъ: „Какъ долго ты будешь колебаться? Развѣ Моисей не отказался быть названнымъ сыномъ дочери Фараона? До коихъ поръ ты будешь въ лагерѣ поработителей Израиля? Развѣ не пришло время, чтобы Красное море разступилось?“

— Дрэдъ, я знаю, что ты хочешь сказать,—перебилъ Гарри, дрожа отъ волненія.

— Да, ты знаешь!—воскликнулъ фанатикъ, — да ты знаешь! ты жиро ѣлъ и сладко пилъ съ угнетателями и отворачивалъ свой взоръ отъ страдавй своего народа! Развѣ наши жены не дѣлались ихъ добычею, и ты на это не обращалъ вниманія? Развѣ насъ не считали, какъ барановъ, которыхъ ведутъ на убой, а ты говорилъ,—я ничего не знаю и старался не смотрѣть въ нашу сторону. Надъ тобой будетъ тяготѣть проклятіе—и ты склонишь свою голову передъ угнетателемъ... Бичомъ онъ окропавитъ плечи твои, и твоя жена будетъ добычей его!

— Не говори! не говори такимъ образомъ!—воскликнулъ Гарри, про-

тягивая руки, какъ бы желая оттолкнуть доносившіяся до него слова, — ты пробуждася во мнѣ діавола!

— Послушай; Гарри, — вновь заговорилъ Дрэдъ, переходя отъ торжественнаго тона къ обыкновенному разговорному, — тебя сейчасъ ударилъ твой господинъ. Ну что, тебѣ показался сладокъ ударъ? Склонись передъ нимъ и попроси ударить второй разъ, будь покоренъ, этому учитъ васъ религія. Ты рабъ, но зато носишь красивое платье и мягко спишь. Можетъ быть, онъ тебѣ дастъ денегъ, чтобы купить мази залѣчить рубцы отъ бича на твоёмъ лицѣ... Не волнуйся по поводу своей жены: женщины всегда предпочитаютъ господъ рабамъ! И почему бы нѣтъ? Когда мужчина лижетъ сапоги своего господина, жена презираетъ его — и по дѣломъ ему! Примирись съ этимъ, мой милый. «Рабы да повинуются своимъ господамъ». Носи старое барское платье — пользуйся своей женой, когда она не нужна своему господину и радуйся, что Господь просвѣтилъ тебя. Убирайся прочь, ты рабъ! А я свободный человѣкъ! При этомъ онъ выпрямился и гордо откинулъ назадъ голову, — я свободный человѣкъ, благодаря этому ружью. Ступай домой — это все, что я могу тебѣ посовѣтовать. Ты спишь на мягкой постели, а я сплю на землѣ въ болотахъ! Ты сладко ѣшь, а я питаюсь тѣмъ, что мнѣ принесетъ вороны. Но никто не бьетъ меня, никто не трогаетъ моей жены и никто мнѣ не приказываетъ. Ты рабъ, а я свободный человѣкъ!» И съ этими словами онъ въ одинъ прыжокъ скрылся въ чащѣ кустовъ.

Впечатлѣніе, произведенное этой рѣчью на Гарри, не поддается описанію, онъ заскрежеталъ зубами и сжалъ кулаки.

— Стой! — закричалъ онъ, — остановись, Дрэдъ! Я сдѣлаю все, что ты хочешь, я не хочу болѣе быть рабомъ!

Насмѣшливый хохотъ, раздавшійся изъ чащи, былъ ему отвѣтомъ. А потомъ чистый, густой басъ запѣлъ одну изъ тѣхъ мелодій, въ которыхъ одновременно сказывается сила и смѣлость, смѣшанная съ невыразимой грустью.

Теперь мы познакомимъ въ немногихъ словахъ читателя съ этимъ таинственнымъ проповѣдникомъ свободы негровъ. Онъ былъ сыномъ Данмарка Вессей. Данмаркъ Вессей былъ главою заговорщиковъ, подготовлявшихъ возстаніе въ Виргиніи. Свѣдѣнія о немъ мы беремъ изъ доклада слѣдователей, производившихъ дознаніе по поводу заговора.

Въ докладѣ сказано, что какой-то капитанъ привезъ въ штатъ Виргинію молодого и очень умнаго раба поразительной красоты. Въ теченіе двадцати лѣтъ онъ былъ вѣрнымъ преданнымъ рабомъ. Но однажды, выигравъ въ лотерею полтора ста долларовъ, онъ выкупился на свободу и сталъ работать, какъ плотникъ въ Чарльстонѣ. Онъ отличался большой силой и подвижностью и пользовался безупречной репутаціей среди бѣлыхъ, такъ что, когда противъ него было возбуждено обвиненіе, то его не хотѣли арестовать, пока не получились безспорныя доказательства его виновности.

Трудно было объяснить, говорилъся въ докладѣ, что побудило Вессей принять участіе въ заговорѣ. Только одинъ изъ свидѣтелей показалъ, что слышалъ, какъ Вессей говорилъ, что у него много дѣтей, оставшихся въ рабствѣ и онъ хочетъ во что-бы то ни стало добиться ихъ освобожденія. Вессей работалъ надъ организаціей заговора въ теченіе четырехъ лѣтъ и пользовался всякимъ случаемъ для пропаганды. Такъ, напримѣръ, если онъ шелъ по улицѣ съ кѣмъ-нибудь изъ рабовъ и тотъ, по установившемуся обычаю, кланялся всякому встрѣчному бѣлому, Вессей замѣчалъ ему, «что всѣ люди равны, и никто не долженъ унижать себя подобнымъ образомъ». Если его спутникъ отвѣчалъ: «вѣдь мы рабы», тогда онъ саркастически говорилъ: «Ну, ты и заслуживаешь быть рабомъ». Но главнымъ его орудіемъ для пропаганды были книги, въ которыхъ осуждалось рабство, и онъ ихъ усердно распространялъ. Ближайшими помощниками Вессей были пять чело- вѣкъ выдающагося характера: Ролла, Недъ, Питеръ, Мондей и Гулла Джекъ.

Въ выборѣ своихъ помощниковъ Вессей выказалъ большую прои- цательность. Ролла былъ горячій и смѣлый чело-вѣкъ, не останавливаю- щійся ни передъ какою опасностью. Недъ обладалъ крѣпкими нервами и былъ способенъ проявлять мужество, доходящее до безумія. Питеръ соеди- нялъ въ себѣ большую смѣлость съ чрезвычайной осмотрительностью и осто- рожностью. Гулла Джекъ пользовался огромнымъ вліяніемъ среди негровъ, такъ какъ они считали его колдуномъ.

Заговоръ былъ открытъ. Двадцать два чело-вѣка были казнены, въ томъ числѣ Вессей и пять его помощниковъ.

Дрэдъ былъ сыномъ Денмарка Вессей и одной негрятки, бывшей рабой на плантаціи. Умственное развитіе ребенка шло такъ быстро, что приводило въ изумленіе всѣхъ окружающихъ негровъ. Онъ еще въ ран- немъ возрастѣ научился хорошо читать и поражалъ окружающихъ раз- сказами о томъ, что онъ прочитывалъ въ книгахъ. Вме-стѣ съ тѣмъ онъ былъ очень религіозенъ, читалъ Библію и приводилъ въ смущеніе старыхъ негровъ, задавая имъ вопросы по поводу религіи, на которые они не могли отвѣчать. И еще болѣе поражалъ ихъ тѣмъ, что самъ находилъ отвѣты на эти вопросы. Среди окружающихъ негровъ составилось мнѣніе, что этому ребенку предназначено свершить что-нибудь великое.

Дрэдъ зналъ о заговорѣ отца и былъ проникнутъ тѣми-же стремле- ніями, какъ и онъ. Но отецъ не хотѣлъ, чтобы Дрэдъ, въ это время уже пятнадцатилѣтній юноша, принялъ непосредственное участіе въ заговорѣ. Дрэдъ посѣщалъ своего отца, когда тотъ былъ въ тюрьмѣ. Онъ былъ сви- дѣтелемъ казни отца и его сотоварищей. Все это оставило глубокой слѣдъ въ его душѣ.

Вскорѣ онъ былъ проданъ на одну отдаленную плантацію и приоб- рѣлъ тамъ репутацію хорошаго работника, но гордаго, неукротимаго чело- вѣка. Благодаря своей нечеловѣческой силѣ, онъ внушалъ ужасъ надсмотр-

щикамъ, которые были не прочь избавиться отъ него, и его перепродавали съ одной плантаціи на другую. Въ концѣ концовъ, одинъ изъ надсмотрщиковъ болѣе смѣлый, чѣмъ другіе, рѣшилъ усмирить его. Произошло столкновеніе. Дрэдъ убилъ надсмотрщика и бѣжалъ въ неприступныя болота, занимавшія огромныя пространства и часто служившія убѣжищемъ для бѣглыхъ рабовъ. Онъ хорошо изучилъ болото, отыскалъ въ немъ небольшія сухія мѣста и обработалъ ихъ при помощи присоединившихся къ нему бѣглыхъ негровъ. На одномъ изъ такихъ мѣстечекъ онъ построилъ себѣ хижину, въ которой и жилъ. Эта хижина находилась недалеко отъ плантаціи Гордоновъ. Онъ часто помогалъ неграмъ бѣжать и между прочимъ спасъ одну негритянку, которая стала его женой и жила съ нимъ вмѣстѣ въ болотахъ. Мечтая о возстаніи негровъ, онъ, гдѣ могъ, пропагандировалъ эту идею. Онъ давно обратилъ вниманіе на Гарри, считалъ его очень энергичнымъ и способнымъ человѣкомъ и задумалъ сдѣлать изъ него вождя возстанія.

Гарри, какъ и многіе другіе рабы на окрестныхъ плантаціяхъ, знали о томъ, что Дрэдъ живетъ въ сосѣднихъ болотахъ, но никто изъ нихъ не выдавалъ секрета бѣлымъ. О пребываніи Дрэда въ этихъ мѣстахъ знали и нѣкоторые изъ мелкихъ бѣлыхъ торговцевъ, но они имѣли столько выгодъ отъ него, что считали нужнымъ хранить секретъ его пребыванія въ этихъ мѣстахъ, и Дрэдъ считалъ себя въ безопасности настолько, что посѣщалъ религіозныя лагерныя собранія.

XV. Приготовленія къ лагерному религіозному митингу.

У Нины на верандѣ въ Канемѣ собралось довольно большое общество. Тамъ была сестра Клайтона, Анна, уже нѣсколько дней гостившая въ Канемѣ и очень подружившаяся съ Ниной. Приѣхалъ дядя Джонъ съ женою, теткой Маріей, былъ Клайтонъ, тетка Несбитъ и сама Нина. Шелъ оживленный разговоръ. Вдругъ Нина взглянувъ вдоль аллеи, воскликнула:

— Посмотрите, это старый Тиффъ идетъ сюда съ дѣтьми.

— Кто это?—спросила тетка Марія.

— Это старикъ негръ, принадлежащій одной нищей семьѣ бѣлыхъ, пріютившейся здѣсь по сосѣдству. Нина покровительствуетъ имъ,— сказала тетка Несбитъ.

Между тѣмъ Нина побѣжала по аллеѣ навстрѣчу Тиффу, и между ними завязалась какая-то оживленная бесѣда. Окончивъ разговоръ, она прибѣжала назадъ очень возбужденная.

— Дядя Джонъ!—воскликнула она,—Тиффъ сказалъ, что по сосѣдству, верстахъ въ восьми отсюда, соберется лагерный митингъ. Поѣдемте туда посмотрѣть, это, вѣроятно, будетъ очень курьезно.

— Не знаю, стоить ли? Я слишкомъ стара, чтобы слушать всё эти глупыя рѣчи,—сказала тетка Марія.

— Почему глупая? Это очень торжественное собраніе,—сказалъ дядя Джонъ.—Вдемъ, Клайтонъ!

Клайтонъ и большинство компаніи согласились поѣхать на митингъ.

Въ это время около кухни Тиффъ былъ предметомъ всеобщаго вниманія. Принесенное имъ извѣстіе о предполагавшемся митингѣ взволновало всю прислугу, въ особенности женщинъ, и Тиффъ, окруженный цѣлою толпой негритянокъ, давалъ объясненія, когда и гдѣ будетъ митингъ.

— А что, Тиффъ, ты возьмешь съ собою дѣтей?—спросила кухарка Роза.—Вы знаете, миссъ Фани, тамъ примутъ Тиффа за вашу маму.

— Хо-хо-хо! ха-ха-ха! хо-хо-хо!—хоромъ гоготала окружавшая толпа, восхищаясь остроуміемъ тетки Розы.

Старый Тиффъ обидѣлся бы на всякаго другого, но онъ былъ въ большой дружбѣ съ теткой Розой, приносилъ лично ей иногда какую-нибудь дичь, за что въ свою очередь Роза оказывала ему различныя услуги, приготовляя что-нибудь вкусное для дѣтей. Но когда мужъ Розы, старый негръ, кучеръ Гордоновъ сказалъ, что дѣти не Пейтоны, а Крибсы—нищія Крибсы,—Тиффъ пришелъ въ негодованіе.

— Замолчи!—закричалъ онъ,—ты, конечно, не настоящій, не природный слуга Гордоновъ, тебя, вѣроятно, полковникъ Гордонъ купилъ за грошъ у какой-нибудь изъ несчастныхъ семей въ Тенеси, которыя держатъ негровъ самаго послѣдняго разбора, потому что всё настоящіе Гордоновскіе негры—леди и джентльмены,—старый Тиффъ употребилъ пріемъ ловкаго оратора и привлекъ къ себѣ симпатіи всей аудиторіи. Раздался хоръ одобрительныхъ возгласовъ, и Тиффъ подъ аккомпаниментъ аплодисментовъ влѣзъ съ дѣтьми на свою повозку и поѣхалъ домой.

По дорогѣ нѣсколько успокоившись, онъ заплѣлъ:—я иду въ землю Ханаанскую.—Фани слушала, слушала и, наконецъ, спросила:

— Дядя Тиффъ, что такое земля Ханаанская?

— Господь съ вами, дитя мое, я самъ не знаю.

— Можетъ быть, это небеса?—сказала Фани.

— Надѣюсь, что такъ,—сказалъ Тиффъ съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ.

— Это туда мама ушла?

— Я надѣюсь,—отвѣтилъ Тиффъ.

— Она пролѣзла туда черезъ землю?—спросила Фани.

— Богъ съ вами, дитя мое, небеса наверху,—сказалъ Тиффъ, показывая на голубое небо.

— А знаешь, Тиффъ, я не хочу итти на митингъ,—сказала Фани задумчиво.

— Что съ вами, миссъ Фани? Тамъ будетъ очень хорошо.

— Тамъ будетъ слишкомъ много народу, и я не хочу, чтобы насъ видѣли.

Шутка Розы, сказавшей, что Тиффа примутъ за ихъ мать, и замѣчаніе ея мужа произвели впечатлѣніе на Фани. Отъ природы гордая, она инстинктивно боялась попасть въ смѣшное положеніе. А вмѣстѣ съ тѣмъ не хотѣла сказать своему старому другу настоящей причины своего отказа идти на митингъ. Но острые глаза стараго Тиффа замѣтили тогда же впечатлѣніе, произведенное на ребенка шуткой Розы, и онъ нисколько не обижался.

— О, миссъ Фани, Тиффъ знаетъ, почему вы не хотите идти. Тиффъ видѣлъ это по вашему лицу. Ха-ха-ха! Вы боитесь, что стараго Тиффа примутъ за вашу маму и за маму Тедди и беби, Боже, благослови ея маленькую душу. — И старый безобразный Тиффъ долго не могъ успокоиться отъ смѣха при мысли о томъ, что его могутъ принять за мать дѣтей.

— Мало похоже на это, миссъ Фани, моя бѣдная маленькая овечка! — вѣдь вы прирожденная леди съ маленькими, бѣленькими ручками. Не бойтесь, миссъ Фани!

— Я знаю, что это глупо, — сказала Фани, — но я не хочу также, чтобы насъ называли — нищѣ-бѣлые.

— О, дитя, это сказалъ тотъ презрѣнный негръ, а посмотрите, какъ миссъ Нина къ вамъ относится, она такъ вѣжливо съ вами говоритъ. И вы должны запомнить и стараться говорить, какъ миссъ Нина. Вы не должны такъ говорить, какъ говоритъ старый Тиффъ, потому что молодыя леди и джентльмены не должны говорить, какъ негры или какъ бѣдные бѣлые. Вы обратите вниманіе, какъ миссъ Нина красиво выговариваетъ свои слова, и вы должны подражать ей, она общалась у насъ бывать часто. Вы хорошенько присмотритесь, какъ она ходитъ, какъ держать свой носовой платокъ и какъ ловко управляетъ платьемъ, когда садится; какъ красиво оно ложится вокругъ нея! Такъ всегда дѣлаютъ леди. Бѣдные бѣлые женщины не обращаютъ вниманія на это, когда садятся, онѣ прямо шлепаются на стулъ, и платье обтягиваетъ имъ колѣни. И вы не должны спрашивать — что? а „позвольте васъ спросить, сударыня“. Вотъ какъ! Я не хочу, чтобы вы походили на нищихъ бѣлыхъ.

Старому Тиффу предстоялъ хлопотливый день. Ему нужно было все устроить, такъ какъ онъ уѣзжалъ на дѣльную недѣлю. Нужно было выполоть огородъ, убрать зерна, позаботиться о маленькихъ куропаткахъ, которыхъ онъ поймалъ птенцами и т. д. Въ концѣ концовъ, Тиффъ рѣшилъ взять куропатокъ съ собою въ корзинѣ, другого выхода не было. Онъ взялъ съ собою большую утку, цыплятъ, разныхъ овощей, кореньевъ и луку, такъ чтобы дѣти были обезпечены на все время вкусной ѣдой. Пересмотрѣлъ платье Тедди и, гдѣ нужно, починилъ. Выстиралъ и выгладилъ, что нужно для бебе.

Но не одинъ Тиффъ собирался на лагерную стоянку. Извѣстіе о митингѣ взволновало всю округу. Собиралась почти вся прислуга Нины, собирались и бѣлые бѣднаго класса. На поль-дорогѣ между плантаціей Джона

Гордона и Канемы стояла бревенчатая хижина мелкаго торговца Абиджи Скинфлинта. Эта лавочка была большим зломъ въ глазахъ собственниковъ плантацій: всѣ знали, что Абиджа ведетъ оживленную продажу всевозможныхъ предметовъ, которые онъ скупаеть у негровъ, а тѣ крадутъ съ плантацій. Но до сихъ поръ его никакъ не могли уличить въ покупкѣ и продажѣ краденаго. Абиджа былъ высокій, сухой человѣкъ съ острыми носомъ и съ острыми маленькими сѣрыми глазками. Пальцы на его рукахъ походили на когти птицъ. Характеръ его соотвѣтствовалъ наружности. Это былъ сухой, суровый человѣкъ, имѣвшій въ виду только наживу, ради которой цѣлю онъ и пріѣхалъ изъ сѣверныхъ штатовъ. За деньги онъ готовъ былъ продать все, даже свою жену, если бы нашелся охотникъ ее купить, но охотниковъ, конечно, не нашлось. Онъ былъ женатъ на мѣстной уреженкѣ. Онъ пилъ умѣренно, такъ чтобы не потерять разсудка, она пила неумѣренно и теряла разсудокъ. Абиджа собирался на митингъ главнымъ образомъ съ торговыми цѣлями, но былъ не прочь поспорить кстати и о религіи.

— Самъ,—говорилъ Абиджа своему единственному рабу негру,—ты укладывай поосторожнѣе. А ты, миссисъ Скинфлинтъ, поторопливайся, а то я не буду ждать тебя,—мнѣ тамъ нужно быть рано: потерянное время—потерянные деньги

— Я готова, а вотъ Поли не готова, она приглаживаетъ себѣ волосы.

— Ну, ее мы не будемъ ждать,—сказалъ Абиджа и направился къ повозкѣ, на которой были уложены всевозможныя припасы:—ветчина, яйца, цыплята, хлѣбъ, боченокъ водки, въ которую было подлито полведра воды и т. п.

— Отецъ, подожди!—закричала Поли изъ окна,—а то я здѣсь переверну весь домъ вверхъ дномъ, и ты полюбишься, когда вернешься домой.

— Ну, такъ собирайся же скорѣе! Въ слѣдующій разъ я тебя заставлю одѣваться съ вечера, чтобы ты поспѣла.

Поли торопливо натянула на свои толстыя формы красное каленкорое платье и, схвативъ лѣтнюю шаль и шляпу, выбѣжала изъ дому и полѣзла на телѣгу съ такимъ усердіемъ, что крючки ея платья полетѣли въ разныя стороны.

— Боже, у меня платье сзади разстегнулось!—закричала она.

— Ничего, заколешь булавками,—замѣтила маменька. И телѣга тронулась въ путь.

Недалеко отъ хижины Тиффа у самаго болота стояла хижина Бена Дакена. Онъ былъ извѣстнымъ охотникомъ за бѣглыми неграми и имѣлъ лучшую стаю собакъ во всей окрестности. Въ мѣстныхъ газетахъ печатались его объявленія о томъ, что онъ за опредѣленную сумму обязуется поймать любого мужчину, женщину или ребенка, убѣжавшихъ съ планта-

ціи. Пусть читатель не думаетъ, что Бенъ былъ выродкомъ человѣческаго рода. Онъ просто дѣлалъ то, что признавалось правильнымъ всѣми, даже государственными людьми и духовными пастырями. Широкоплечій, здоровый, добродушнаго вида молодець въ обыкновенное время былъ всегда готовъ оказать услугу сосѣду и не прочь сдѣлать доброе дѣло. Въ настоящую минуту онъ также собирався на митингъ и былъ озабоченъ тѣмъ, что у него еще много дѣлъ на рукахъ.

— Теперь горячее время,—говорилъ онъ женѣ,—нужно поймать негровъ господина Джемса и Полю, бѣжавшую отъ господина Смиса. Намъ бы теперь уже слѣдовало гнаться по ихъ слѣдамъ.

— О, Бенъ,—отвѣчала жена,—прежде всего надо думать о спасеніи души, а потомъ о дѣлѣ.

— Это правда,—сказалъ Бенъ,—религіозныя собранія бываютъ не каждый день, но что мы сдѣлаемъ съ этой?—сказалъ онъ, указывая на дверь хижины.

Подъ этою подразумѣвалась негритянка по имени Нансъ, которую наканунѣ поймали собаки.

— Боже!—воскликнула жена,—очень просто: мы дадимъ ей запасъ ѣды и оставимъ собакъ караулить ее.

Бенъ вошелъ въ хижину; тамъ на земляномъ полу сидѣла жалкая, утомленная негритянка, опустивши голову на колѣни.

— Эй, Нансъ,—сказалъ Бенъ веселымъ голосомъ,—какъ ты себя чувствуешь?

— Очень плохо, господинъ,—отвѣтила женщина слабымъ голосомъ.

— Какъ ты думаешь, старина, твой господинъ будетъ пороть тебя, когда ты попадешь къ нему?

— Вѣроятно,—сказала она.

— Послушай, что я тебѣ скажу, Нансъ, мнѣ надо ѣхать на религіозное собраніе, а ты посиди здѣсь смирно до моего возвращенія, за то я попрошу твоего господина не пороть тебя этотъ разъ,—онъ это сдѣлаетъ. Согласна?

— Согласна, господинъ,—отвѣтила женщина покорнымъ тономъ.

— Ну, что болитъ нога?—спросилъ Бенъ.

— Очень, господинъ,—отвѣтила женщина.

— Покажи-ка мнѣ ее.

Женщина протянула ногу, обвязанную окровавленными тряпками.

— Тебѣ, Нансъ, нужно было стоять смирно, тогда она не изранила бы тебя такъ.

— Охъ, мнѣ было очень больно, и я не могла смирно стоять, когда собачьи зубы впились мнѣ въ ногу.

— Ну, ладно,—сказалъ Бенъ.—Перевяжи-ка ей рану,—обратился онъ къ своей женѣ.—Я потомъ переговорю со старикомъ Сегиломъ: такъ нельзя, отъ него бѣгаетъ негровъ больше, чѣмъ отъ кого бы то ни было. Оче-

видно, ужъ черезчуръ плохо обращаются тамъ съ ними и заставляютъ ихъ голодать.

Вскорѣ повозка Бепа выѣхала на дорогу. Онъ подобралъ возжи и запѣлъ, не жалѣя легкихъ, религіозный гимнъ «Я солдатъ св. креста, я послѣдователь агнца».

Возвратимся теперь къ Тиффу.

Все уже было погружено на повозку. Повозка эта была оригинальнаго устройства—продуктъ изобрѣтательности Тиффа.

Корпусъ повозки былъ сдѣланъ изъ большого упаковочнаго ящика. осями служили двѣ обтесанныя жерди, приколотенныя гвоздями къ ящику. Колеса были какъ-то привезены Кривсомъ въ одинъ изъ его прѣздовъ. Сверху къ ящику были прибиты половинки обручей, которые были покрыты парусной. Для мягкости въ ящикѣ была положена солома. Одноглазая лошадь впрягалась въ повозку при помощи цѣлой системы старыхъ веревокъ. И все-таки не одинъ миллионеръ не восхищался такъ своимъ экипажемъ, какъ Тиффъ своей повозкой. Хотя день былъ жаркій, Тиффъ былъ одѣтъ въ свой длинный бѣлый кафтанъ, какъ того требовалъ торжественный случай, на его шляпѣ была креповая повязка.

Въ повозкѣ была уложена провизія и поставлена корзина съ птицей. Кромѣ запаса провизіи для себя и дѣтей, Тиффъ уложилъ въ повозку, сколько могъ, овощей изъ своего огорода, рассчитывая выручить отъ ихъ продажи немного денегъ для дѣтей. Кромѣ овощей, у него были для продажи убитые цыплята, кролики и дикія утки.

— Ну, дѣти, ѣдемте,—сказалъ Тиффъ,—мы тамъ будемъ жить, какъ князья. И вы, миссъ Фани, тамъ должны мнѣ давать приказанія, чтобы всѣ видѣли, что у васъ есть негръ.

Все было готово, повозка выѣхала на дорогу, Тиффъ увлекся, слишкомъ сильно погналъ лошадь, она бросилась въ сторону, упала и веревки оборвались. Въ этотъ моментъ какъ разъ проѣзжала карета Гордоновъ.

— Ишь, какой старый ломъ! Все разваливается на части!—крикнулъ кучеръ Гордона, — бѣлыхъ вищихъ экипажъ,—я никогда не видалъ такого.

— Въ чемъ дѣло?—спросила Нина, высунувъ голову въ окошко кареты, — а, Тиффъ, это ты! Не можемъ ли мы тебѣ помочь? Джонъ, слѣзь съ козелъ, помоги ему.

— Помилуйте, миссъ Нина, лошади не будутъ стоять смирно.

— Не беспокойтесь, миссъ Нина,—сказалъ Тиффъ, не потерявшій своего хорошаго расположенія духа,—меня удивляетъ, какъ отскочила ось, я сейчасъ приколочу ее гвоздями. И Тиффъ, соединяя слово съ дѣломъ, началъ прикалывать ось на мѣсто.

— Скажи, пожалуйста, какъ поживаютъ миссъ Фани и дѣти?—спросила Нина.

Миссъ Фани! Если бы Нина озолотила Тиффа, то она не сдѣ-

лала бы для него больше, чѣмъ однимъ этимъ словомъ миссъ. Онъ низко поклонился и съ чувствомъ глубокаго удовлетворенія отвѣтилъ:

— Миссъ Фани и дѣти здоровы.

— Теперь,—обратилась Нина къ своимъ спутникамъ.— я осчастливила Тиффа, по крайней мѣрѣ, на шесть недѣль только тѣмъ, что сказала миссъ Фани.

Раньше чѣмъ закончить эту главу, мы должны рассказать читателю еще одну сцену, происходившую среди глубокихъ болотъ тамъ, гдѣ, казалось, деревья растутъ прямо изъ воды. На небольшой сухой полянкѣ среди болотъ около хижины лежалъ на голой землѣ негръ, весь покрытый кровью. Двѣ женщины и нѣсколько маленькихъ дѣтей стояли около него. Человѣкъ дикаго вида, въ которомъ мы легко узнаемъ Дрэдъ, стоялъ возлѣ него на колѣняхъ и дѣлалъ тщетныя усилія остановить кровь, но все было напрасно. Съ каждымъ ударомъ сердца кровь била струею. Очевидно, была повреждена сонная артерія. Негритянка, стоявшая на колѣняхъ около раненаго, подавала повязку, сдѣланную изъ ея собственнаго платяя.

— Забинтуй скорѣе рану!—говорила она съ волненіемъ.

— Безполезно,—сказалъ Дрэдъ,—онъ умираетъ.

— О, спаси, спаси его!—воскликнула женщина съ отчаяніемъ въ голосѣ.

Раненый открылъ глаза, хотѣлъ что-то сказать, но не могъ. Попытался поднять свою сильную руку, но она его не слушалась. Глаза его закатились, кровь перестала бить фонтаномъ и сердце остановилось. И душа его отошла къ тому, Кто ее далъ.

Это былъ бѣглый негръ изъ сосѣдней плантаціи. Добрый и честный малый,—онъ бѣжалъ вмѣстѣ съ дѣтьми и женой для того, чтобы спасти послѣднюю отъ преслѣдованія надсмотрщика. Дрэдъ укрылъ бѣглецовъ и построилъ имъ хижину, въ которой они жили уже нѣсколько мѣсяцевъ.

По закону господинъ бѣжавшаго раба имѣлъ право сдѣлать объявленіе, которымъ ставилъ бѣглеца внѣ закона, и всякій имѣлъ право убить его. Обыкновенно эти объявленія дѣлались на церковныхъ папертяхъ. На основаніи именно такого объявленія охотники за бѣглыми неграми и преслѣдовали въ этотъ день бѣднягу, который рискнулъ выйти изъ своего убѣжища. Ему удалось почти совсѣмъ убѣжать отъ своихъ преслѣдователей, какъ вдругъ на него бросилась собака и вцѣпилась ему въ горло.

Дрэдъ, подоспѣвшій въ эту минуту, убилъ собаку, но рана оказалась смертельной.

Увидѣвъ, что ея мужъ умеръ, женщина разразилась громкими рыданіями.

— Боже, онъ умеръ и умеръ за меня! Скажите, неужели правда, что онъ умеръ?!

Дрэдъ поднялъ еще теплую руку умершаго и сейчасъ же опустилъ ее.

— Умеръ!—сказалъ онъ шопотомъ, затѣмъ, ставъ на колѣни рядомъ

съ трупомъ, онъ поднялъ руки къ небу и сталъ взывать къ Богу съ дикою энергіей.

— О, Господи Боже, Ты, которому принадлежитъ право мести, покажи себя! Возстань судья міра и воздай по заслугамъ! Ты нашъ отецъ и мститель. Гдѣ же Твоя сила и гдѣ Твоя забота о насъ? О Боже, Боже, какъ долго ждать! Когда Ты спустишься съ небесъ къ намъ на землю и освободишь томящихся узниковъ? Мы, какъ бараны, обречены на убой! Насъ убиваютъ каждый день! О, Боже, отомсти за насъ нашимъ врагамъ!

Эти слова были произнесены съ такою силой и энергіей, что даже рыдавшія женщины и дѣти перестали плакать и стояли, какъ зачарованныя. Вставъ съ колѣнъ, Дрэдъ нѣсколько минутъ стоялъ молча, смотря на трупъ, потомъ воскликнулъ:

— Посмотрите сюда! какое зло сдѣлалъ этотъ человѣкъ? Развѣ не жилъ онъ въ мирѣ, не зарабатывалъ онъ себѣ хлѣбъ въ потѣ лица своего? Почему они послали за нимъ охотниковъ и собакъ? Потому, что онъ хотѣлъ собирать свой хлѣбъ для себя, а не для другого, потому что онъ хотѣлъ сохранить свою жену для себя, а не отдать ее другому! Развѣ свѣтъ не достаточно широкъ? Развѣ не достаточно для всѣхъ мѣста подъ небесами? Противъ него было воздвигнуто гоненіе, какъ будто бы онъ былъ Каинномъ, всякій получилъ право убить его за то, что онъ хотѣлъ самъ пользоваться плодами рукъ своихъ. Сегодня они соберутся въ торжественномъ собраніи, будутъ трубить въ трубы, и ихъ священники будутъ говорить ложь и злобно доказывать право угнетенія. И я слышу слово Господне, обращенное ко мнѣ: «Поди къ народу, сломай передъ нимъ жезлъ, и это будетъ знакомъ гнѣва Божія. Помни, говоритъ Господь, что я вскормилъ тебя въ пустынѣ, гдѣ нельзя ни жать, ни сѣять».

Когда Дрэдъ говорилъ, его черные, большіе глаза еще болѣе расширились, и онъ былъ похожъ на лунатика, говорящаго во снѣ. Его жена, замѣтивъ, что онъ собирается уйти, бросилась къ нему.

— О, не покидай насъ! Они тебя убьютъ, какъ они убили его.

— Женщина, Господь возложилъ бремя на плечи мои. Слово Господне зажгло огонь въ моихъ жилахъ. Господь говоритъ мнѣ:—Иди къ народу. Вырвавшись изъ рукъ жены, онъ быстро скрылся въ кустахъ.

XVI. Религіозный лагерный митингъ.

Мѣсто, выбранное для митинга, было одно изъ наиболѣе живописныхъ во всей округѣ. Это была небольшихъ размѣровъ поляна среди густого лѣса. Въ центрѣ поляны были построены изъ грубо-обтесанныхъ досокъ скамейки, расположенныя амфитеатромъ подъ деревьями; вокругъ поляны были разбросаны разнообразныя палатки богомольцевъ, приготовившихся провести подъ открытымъ небомъ нѣсколько дней.

Семейство Гордоновъ, пріѣхавшее только изъ любопытства, не хотѣло

братъ съ собою палатки, но все слуги запротестовали. Тетка Роза съ твердой увѣренностью заявила, что Божье благословеніе нисходитъ только по ночамъ, и они не хотятъ лишиться его. Нина согласилась, и бѣлоснѣжная палатка Гордоновъ красовалась между деревьями. У дверей палатки толпились слуги Гордоновъ съ теткой Розой во главѣ. Въ разныхъ мѣстахъ, то здѣсь, то тамъ, видѣлись на скорую руку сколоченные ларьки, въ которыхъ были выставлены на продажу всевозможные съѣстные припасы, главнымъ образомъ, виски. Одинъ изъ этихъ ларьковъ принадлежалъ Абиджи Скинфленту. Передъ рядами сидѣній былъ устроенъ помостъ для проповѣдниковъ, на которомъ стоялъ аналой для Евангелія.

Проповѣдники уже начали собираться, и на нихъ съ любопытствомъ смотрѣла толпа. Нина подъ руку съ Клайтономъ, дядя Джонъ подъ руку съ Анной Клайтонъ, а тетка Несбитъ съ теткой Маріей шли парами по полю и съ любопытствомъ разсматривали толпу. Около палатки Гордоновъ происходило нѣчто вродѣ предварительнаго митинга. Толпа мужчинъ, женщинъ и дѣтей сидѣла на землѣ и, закрывъ глаза и закинувъ головы назадъ, пѣла во всю мочь гимны и хлопала въ ладоши. По временамъ то одинъ, то другой вскакивалъ, хлопалъ въ ладоши и начиналъ подпрыгивать, кричать, плакать, другіе приплясывали, третій хохотали.

— О, возведите меня на скалу!—кричалъ одинъ.

— Я возведу!—кричалъ другой.

— На меня снизошло!—кричалъ третій.

Все это вмѣстѣ представляло довольно дикую сцену. Нина и дядя Джонъ, наблюдая происходившее, смѣялись, Анна Клайтонъ отвернулась.

— Отчего вы не смѣетесь?—спросила Нина.

— Я слишкомъ религіозна, чтобы меня не огорчало это извращеніе религіи.

— Мы должны снисходительно относиться къ разнымъ религіознымъ проявленіямъ. Некультурные люди чувствуютъ потребность проявлять свой религіозный экстазъ разными тѣлодвиженіями.—замѣтилъ Клайтонъ.

Въ это время произошло общее движеніе въ толпѣ, какъ всегда бываетъ, когда появляется кто-нибудь, возбуждающій всеобщій интересъ. Появился высокій, плотный человекъ съ красными щеками, похожій по своему сложенію болѣе на военнаго, чѣмъ на священника. На плечѣ онъ несъ ружье, которое, взойдя на помостъ, прислонилъ къ периламъ. Спустившись съ помоста, онъ, проходя среди толпы, привѣтливо пожималъ руки своимъ знакомымъ.

— Кто это?—спросила Нина.

— Ахъ!—это отецъ Бони! Здравствуйте!—воскликнулъ дядя Джонъ.

— А, это вы, мистеръ Гордонъ!—сказалъ отецъ Бони, пожимая ему дружески руку.—И вы попали сюда! Вамъ трудно спасти ваши души, богатые грѣшники. Денежные мѣшки тянутъ васъ внизъ, какъ жернова. Но,—прибавилъ овъ, шуточно грозя кулакомъ, я сегодня обрушусь на васъ. И

васъ будутъ поражать такіе же громы и молніи, какъ на горѣ Синаѣ. Вы получите отъ меня!

— Конечно, мы всё грѣшны,—отвѣтилъ дядя Джонъ, громите насъ, мы это заслужили. Но скажите, отецъ Бони, вотъ вы, проповѣдники, обрушиваетесь на насъ за наши грѣхи и богатства, а сами имѣете кареты и рабовъ. Я слышалъ, что вы недавно купили новую плантацію и, конечно, будете ее обрабатывать, вамъ также слѣдовало бы позаботиться о своей душѣ, отецъ Бони!

Раздался дружный смѣхъ окружающей толпы. Было всёмъ извѣстно, что никто лучше отца Бони не умѣлъ устраивать свои дѣла и выгодѣе купить или продать негра.

— Ловко онъ поддѣлъ тебя, старина!—закричало нѣсколько смѣющихся голосовъ.

— Ну, въ этомъ отношеніи,—сказалъ отецъ Бони,—также засмѣявшись, я слѣдую указаніямъ апостола Павла: «Тѣ, которые служатъ слову Господню, должны жить отъ слова Господня». Святой Павелъ умѣлъ постоять за свои права не хуже кого другого. Онъ говорилъ: «Тѣ, которые вырастили виноградникъ, должны первые вкусить его плодовъ». И если бы св. Павелъ жилъ въ настоящее время, то онъ также имѣлъ бы негровъ.

Рядомъ съ отцомъ Бони стоялъ другой священникъ, совершенная ему противоположность. Въ его глазахъ свѣтилась мягкая доброта, а его потертое платьѣ указывало на его бѣдность. Въ рукахъ у него былъ маленькій чемоданчикъ со смѣной бѣлья, библіей и проповѣдями. Его знали всё кругомъ. Въ немъ было что-то, напоминавшее древнихъ апостоловъ. Отецъ Диксонъ былъ однимъ изъ тѣхъ, которые не подчинялись общепринятымъ обычаямъ, господствовавшимъ въ странѣ, а жили согласно своимъ убѣжденіямъ. Отъ одного изъ родственниковъ ему досталось нѣсколько негровъ, и онъ съ большимъ трудомъ, расходами и хлопотами, переправилъ ихъ въ одинъ изъ свободныхъ штатовъ и устроилъ ихъ тамъ возможно хорошо.

Отца Диксона очень уважали во всемъ штатѣ и довѣряли ему, но отецъ Бони, благодаря умѣлому обращенію и грубому краснорѣчію, такъ понятному толпѣ, пользовался, повидимому, большей популярностью. Онъ больше всѣхъ обладалъ искусствомъ экзальтировать своихъ слушателей, могъ дольше и громче другихъ пѣть гимны и, раздражаясь потоками краснорѣчія; увлекать за собою толпу.

Отецъ Диксонъ стоялъ, прислушиваясь къ разговорамъ. Когда раздался смѣхъ вслѣдъ за послѣдними словами Бони, то этотъ послѣдній обратился къ Диксону и сказалъ:

— Что вы думаете объ этомъ?

— Я не думаю,—отвѣчалъ отецъ Диксонъ,—чтобы св. Павелъ захотѣлъ владѣть неграми.

— Почему же пѣтъ? Онъ могъ владѣть ими такъ же, какъ и Авраамъ,

отецъ Израиля, владѣль рабами. Развѣ не сказано въ писаніи, что у него было триста обученныхъ слугъ.

— Слугъ, но не рабовъ,—отвѣтилъ Диксонъ,—и они всѣ были вооружены. Я думаю, что продажа и покупка человѣческихъ существъ для наживы—величайшій грѣхъ передъ Богомъ.

— Знаете, что я вамъ на это скажу?—отвѣтилъ отецъ Бони,—если покупка, продажа и владѣніе рабами ради выгоды—грѣхъ, какъ вы говорите, то три четверти англиканъ, методистовъ, баптистовъ и пресвитеріанъ въ рабовладѣльческихъ штатахъ, находясь во власти діавола.

— Я опять-таки скажу, что это великій грѣхъ,—замѣтилъ Диксонъ спокойно.

— Но вѣдь Моисей ясно говоритъ: «ты будешь покупать язычниковъ».

— Вотъ это правда,—замѣтилъ неготорговецъ изъ Георгіи, стоявшій неподалеку. На небольшомъ разстояніи отъ мѣста митинга былъ расположенъ его лагерь съ большою партіей продававшихся негровъ.

— Все это сказано,—возразилъ отецъ Диксонъ,—въ Ветхомъ Заветѣ, который потерялъ свою силу послѣ воскресенія Христа; мы должны руководствоваться христіанскимъ ученіемъ.

Въ эту минуту подошелъ третій священникъ, и тронувъ за плечо отца Бони, сказалъ: «Пора начинать. Пойдемте на платформу и споемъ гимнъ.»

Отецъ Бони взошелъ на платформу, рядомъ съ нимъ помѣстился другой священникъ, такого же сложенія, какъ онъ, и они запѣли:—Братья, слышите призывной звукъ трубы!..

При звукахъ гимна, раздававшихся среди лѣса, прекратились разговоры и толки. Всѣ устремились къ платформѣ и присоединяли свои голоса къ поющимъ.

Есть что-то грозное и могучее въ голосѣ толпы. Кажется, что въ этомъ объединенномъ голосѣ, полномъ энтузіазма, выражается какъ бы весь ужасъ передъ таинственностью безсмертія. Вся поляна превратилась въ море звуковъ. Всѣ какъ бы слились въ одно цѣлое: негры и бѣлые, рабы и свободные, благочестивые и грѣшники, рабовладѣльцы, охотники за рабами, неготорговцы, священники,—всѣ пѣли дружно вмѣстѣ. Энтузіазмъ все усиливался и усиливался. «Мы побѣдимъ, и царство сатаны будетъ разрушено»—раздались послѣднія слова гимна.

Нашъ пріятель Бенъ Декенъ стоялъ въ толпѣ, слезы ручьемъ текли по его щекамъ, и онъ проявлялъ больше, чѣмъ кто бы то ни было, энтузіазма. Передъ этимъ Бенъ только что поругался съ однимъ изъ своихъ соперниковъ, похваставшимъ, что его собаки лучше. Ссора оборвалась, когда раздались звуки гимна. Бенъ, торопливо убѣгая къ помосту, пообѣщалъ всему противнику раздѣлаться съ нимъ по окончаніи службы. А теперь слезы текли по его щекамъ, и онъ былъ полонъ самаго горячаго религіознаго энтузіазма. Что можно сказать на это? Только одно—бѣдный, невѣжественный

Бень! Тутъ же рядомъ стоялъ его соперникъ, Джимъ Стовсъ, суровый, грубый малый, и также принималъ горячее участіе въ пѣніи, и какое-то внутреннее чувство заставляло его сомнѣваться въ томъ, что надо раскрѣпить башку Бену.

Въ толпѣ стоялъ и Гарри. Пѣніе и слова гимна невольно заставляли его вспоминать утреннее приключеніе и разговоръ съ Дрэдомъ. И въ душѣ его бушевала ненависть къ законамъ и учрежденіямъ того общества, въ которомъ онъ жилъ.

Когда гимнъ былъ оконченъ, всѣ отерли слезы и усѣлись слушать проповѣдь. Первый началъ проповѣдь отецъ Бони съ своеобразной силой и краснорѣчіемъ. Его рѣчь по временамъ носила характеръ торжественности, по временамъ была веселой, по временамъ даже шутилой, потомъ опять становилась торжественной и увлекательной. По временамъ онъ говорилъ съ паѳосомъ и обращался съ призывомъ. Онъ вполнѣ владѣлъ своею аудиторіей.

Этотъ митингъ былъ смѣшанный—пресвитеріанцевъ и методистовъ. Въ немъ принимали одинаковое участіе проповѣдники обѣихъ сектъ, и было условлено, что они не будутъ полемизировать другъ съ другомъ. Около полудня служба закончилась, и богомольцы разошлись по своимъ палаткамъ, гдѣ были заготовлены ѣда и питье въ значительномъ количествѣ. Повсюду слышались оживленные разговоры, люди ходили другъ къ другу въ гости, ѣли и пили, какъ будто бы только-что раздававшійся призывъ къ воздержанію отъ напитковъ совсѣмъ ихъ не касался. Дядя Джонъ въ самомъ веселомъ настроеніи духа проводилъ свою компанію въ лѣсъ, гдѣ были раскрыты корзины съ виномъ, холодной птицей, кѣксами и пирогами, заготовленными въ изобиліи теткой Кэти.

Тиффъ поставилъ свою палатку на берегу ручья и заявлялъ всѣмъ проходившимъ, что въ этой палаткѣ его господинъ и госпожа, а онъ прислуживаетъ имъ. Нина съ добрымъ намѣреніемъ доставить ему удовольствіе пригласила своихъ гостей расположиться для ѣды поблизости отъ Тиффа и по временамъ обращалась къ его компаніи съ пріятными словами.

— Вотъ, сейчасъ видно, что это настоящіе господа, — говорилъ Тиффъ кучеру Гордонову, — благородная кровь чувствуетъ благородную кровь, миссъ Нина понимаетъ, какая кровь течетъ въ дѣтяхъ, потому она и расположилась поблизости отъ насъ; она знаетъ, что это — не простыя дѣти.

— Ну, ужъ очень ты важничаешь своими дѣтьми. По моему, они ни сколько не лучше обыкновенныхъ дѣтей бѣлыхъ нищихъ.

Упорство кучера въ непризнаніи достоинствъ дѣтей вывело, наконецъ, изъ себя добродушнаго и мирнаго Тиффа. — Если ты будешь такъ говорить, я тебѣ морду разобью, — воскликнулъ онъ.

— Джонъ, что это такое ты тамъ сказалъ Тиффу? — спросила Нина, о которой долетѣли послѣднія слова, — ступай къ нашей палаткѣ и не приставай къ нему! Я взяла его подъ свое покровительство.

Послѣ этого все пошло благополучно. Нина весело, съ интересомъ наблюдала, какъ Тиффъ хозяйничалъ еще до начала службы: онъ развелъ костеръ, и все утро на медленномъ огнѣ варился очень вкусный соусъ. И теперь, когда подняли крышку, изъ котелка вырвался аппетитный запахъ.

— Знаешь, Тиффъ, это замѣчательно вкусно пахнетъ, — сказала Нина, приподымаясь и заглядывая въ котелокъ, — можетъ быть, миссъ Фани дастъ намъ немножко попробовать

Фани, къ которой Тиффъ торжественно обратился за разрѣшеніемъ, согласилась. И трудно описать то чувство гордости, которое охватило душу Тиффа, когда онъ увидѣлъ тарелку соуса его приготовления, стоящей среди разнообразныхъ блюдъ, приготовленныхъ для Гордоновъ. Его гордость еще больше увеличилась, когда онъ услышалъ, какъ Нина и ея гости похваляютъ его блюдо. Нина въ свою очередь послала дѣтямъ глазированный кэксъ. Тиффъ былъ счастливъ и доволенъ.

— Тиффъ, какъ тебѣ понравилась проповѣдь? — спросила Нина.

— Недурна, — миссъ Нина, — но въ этой проповѣди говорилось больше для благородныхъ.

— Что ты хочешь сказать этимъ? Что значить проповѣдь для благородныхъ?

— Видите, миссъ Нина, это хорошо для благородныхъ, потому что тамъ много длинныхъ словъ. Вѣроятно, было сказано много хорошаго, но бѣдному негру трудно все это понять. Вы знаете, миссъ Нина, послѣднее время я все думаю о томъ, какъ бы привести дѣтей въ Ханаанъ. И вотъ, слушалъ я и однимъ ухомъ и другимъ, и ничего для меня не выходило яснаго. Тамъ много говорили хорошаго, но я никакъ не могу въ этомъ разобраться. Они говорятъ: «придите ко Христу»... Я бы хотѣлъ къ Нему придти, но гдѣ Онъ и какъ къ Нему пойти? Они толкуютъ, что надо подойти къ воротамъ и стучать. Идти по дорогѣ, какъ солдаты Христовы. Боже мой, я былъ бы очень радъ провести дѣтей въ ворота; я бы могъ ихъ взять къ себѣ на руки и идти цѣлый день по этой дорогѣ, а тамъ услышали бы, когда старый Тиффъ сталъ бы стучать въ ворота и Господь Богъ велѣлъ бы ихъ отворить для насъ, но гдѣ они, эти ворота? И вотъ, когда кончилась проповѣдь, ничего не осталось: нѣтъ дороги, нѣтъ воротъ, нѣтъ священнаго боя, а только драка между Беномъ Декепомъ и Джимомъ Стоксомъ изъ-за собакъ. Всѣ вернулись къ палаткамъ, всѣ ѣдятъ и пьютъ спокойно, какъ будто ничего не было. Вотъ мнѣ и грустно, такъ какъ я хотѣлъ бы провести дѣтей въ Царство Божіе той или другой дорогой, и не знаю, какъ.

— Чортъ побери! — воскликнулъ дядя Джонъ, — я чувствовалъ то же самое, пока они пѣли о томъ, что надо вступитъ въ ряды Христовой арміи, меня охватывало такое чувство, что если бы былъ дѣйствительно бой гдѣ-нибудь, то я немедленно принялъ бы въ немъ участіе. Религіозная служба меня всегда ужасно волнуетъ, а потомъ, какъ говоритъ Тиффъ, ни-

чего не остается. Возвращаешься къ обѣду, обѣдаешь и все по-старому. Вотъ и теперъ выпилъ я два стакана вина, и все настроеніе во мнѣ исчезло, и это всегда такъ.

— Они говорятъ,--вновь началъ свои объясненія Тиффъ,—что мы должны ждать, чтобы на насъ снизошло благословеніе. А тетка Роза говорила, что нужно взывать, и тогда благословеніе снизойдетъ. Я взывалъ и кричалъ до упаду, совсѣмъ измучился, и ничего не было. Нѣкоторые говорили на митингѣ, что завѣса упала у нихъ съ глазъ. Я бы хотѣлъ, чтобы и съ моихъ глазъ упала завѣса. Не можете ли вы немножко мнѣ объяснить, въ чемъ тутъ дѣло, миссъ Нина?

— Ахъ, не спрашивай меня!—воскликнула Нина,—я ничего въ этомъ не понимаю. Я въ этомъ отношеніи нѣсколько похожа на дядю Джона,—сказала она и, обратившись къ Клайтону, продолжала: „Есть два рода проповѣдей и гимновъ,—отъ однихъ меня клонить ко сну, другіе страшно волнуютъ меня, но ни одни, ни другіе меня не удовлетворяютъ.

Въ это время въ лавочкѣ Абуджи Скинфлинта шла оживленная торговля. Безъ перерыва валивалась водка изъ боченка и подавалась толпившимся у входа посѣтителемъ. Самъ Абиджа сидѣлъ посрединѣ лавочки за грубо сколоченнымъ прилавкомъ и былъ занятъ религіозной бесѣдой. А продажей занимался негръ. Абиджа былъ кальвинистомъ и теперъ спорилъ со своимъ знакомымъ методистомъ.

— Я тебѣ скажу, что Стрингъ-Фелоу здорово задалъ вамъ, методистамъ, сегодня утромъ. Онъ заколотилъ гвоздь въ вашу тупую голову.

— Нисколько, нашъ Баскумъ здорово отбрилъ твоего Стрингъ-Фелоу,—отвѣтилъ презрительно его противникъ,—живого мѣста на немъ не осталось.

— Я вполне убѣжденъ,—говорилъ Абиджа,—что все предопредѣлено, а потому все надежно и хорошо устроено, и можно быть спокойнымъ. А если бы была ваша свободная воля, то все бы пошло къ развалу.

— Ну, вѣтъ. Мнѣ не хотѣлось бы, чтобы все было установлено раньше,—отвѣчалъ его собесѣдникъ,—я стою за свободную волю.

Споръ продолжался съ большимъ оживленіемъ, но мы оставимъ спорящихъ и перейдемъ на другой конецъ поля, гдѣ Бенъ Декенъ сидѣлъ у дверей своей палатки и обѣдалъ вмѣстѣ съ женою и ребенкомъ.

— Знаешь, жена,—сказалъ Бенъ,—я рѣшилъ заняться спасеніемъ души и служить Господу! Когда я поймаю слѣдующую партію бѣглыхъ негровъ, я отдамъ половину вырученныхъ денегъ на проповѣдь слова Божьяго въ здѣшней округѣ: я хочу быть воиномъ Христа.

— Ты бы лучше держался подальше отъ лавочки Абиджи Скинфлинта,—сказала жена.

— Я бы, конечно, бросилъ пить, если бы захотѣлъ,—сказалъ Бенъ,—но человѣку нужно пропустить два-три стаканчика для того, чтобы про-
чистить горло и хорошо пѣть гимны.

Въ это время къ нимъ подошелъ негроторговецъ, палатки котораго съ продажными неграми стояли по сосѣдству съ митинговъ.

— Повѣришь-ли,—обратился онъ къ Бену,—кто-то уговорилъ одною изъ моихъ негровъ бѣжать въ болото, и, пока я слушалъ проповѣди, онъ сегодня утромъ сбѣжалъ. Не можешь-ли ты взять своихъ собакъ и сейчасъ же погнаться за ними? Я за это тебѣ заплачу девятьсотъ долларовъ наличными.

— Слушайте, и къ чему это вы обращаетесь къ нему?—сказалъ Джимъ Стокесъ, короткій толстый малый, одѣтый въ голубую охотничью рубашку, подойдя къ говорившимъ. Онъ совсѣмъ не умѣетъ обучать какъ слѣдуетъ собакъ. Еще мои собаки, такъ собаки, онѣ—кровныя собаки изъ Флориды. Вотъ недавно одна изъ нихъ такъ рвала негра, какъ будто-бы тотъ былъ сдѣланъ изъ губки.

Охватившее Бена религіозное настроеніе, конечно, не могло устоять передъ такимъ оскорбленіемъ со стороны его врага, и онъ, несмотря на многозначительные и просительные взгляды своей жены, вскочилъ и, засучивъ рукава рубахи, подошелъ съ вызывающимъ видомъ къ своему противнику.

Ихъ сейчасъ же окружила толпа. Кругомъ поднялся смѣхъ, нѣкоторые бились объ закладъ, другіе подбодряли дерущихся, употребляя при этомъ такія выраженія, которыхъ мы не можемъ повторить. Въ это время подошелъ отецъ Бони, и все пріостановилось.

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ Бони.—Какъ вамъ не стыдно заниматься бѣсовскимъ дѣломъ на этомъ священномъ мѣстѣ? Теперь вѣдь здѣсь происходитъ религіозное собраніе, перестаньте ругаться и не деритесь!

Нѣсколько смущенныхъ голосовъ объяснили ему, въ чемъ дѣло, и тогда отецъ Бони сказалъ успокоительнымъ тономъ:

— Ну, ну, пусть пока негры побѣгаютъ на волѣ, вы успѣете поймать ихъ по окончаніи митинга, а теперь вы должны думать о спасеніи души, споемъ-ка гимнъ. И онъ началъ своимъ могучимъ голосомъ: «Когда Израиль шелъ къ Іерихону»...

Толпа постепенно присоединилась къ пѣнію: гимнъ пропѣли, всѣ успокоились и стали мирно расходиться.

— Я слышалъ,—говорилъ отецъ Бони шепотомъ негроторговцу, отойдя съ нимъ въ сторону,—что у тебя есть прекрасная кухарка для продажи.

— Первый сортъ,—отвѣтилъ негроторговецъ,—удивительная кухарка. Она мнѣ очень дешево досталась, и я продамъ ее вамъ за восемьсотъ долларовъ, это я дѣлаю изъ уваженія къ тому, что вы священникъ.

— Ты слишкомъ высокога мнѣнія о выгодности проповѣди слова Божья,—отвѣтилъ отецъ Бони,—если думаешь, что священникъ можетъ заплатить такую сумму.

— Вы не видѣли ее,—сказалъ торговецъ,—тогда бы вы убѣдились, что это почти даромъ, увѣряю васъ. Она здоровая, сильная и добродушная женщина, разумная и хорошая экономка. А кромѣ того, она благоче-

сивая методистка. Восемьсотъ долларовъ за нее—плевая цѣна. Мнѣ слѣдовало бы взять за нее тысячу. Но я не даромъ слушаю проповѣди, я всегда дѣлаю скидку священникамъ.

— Не могъ-ли бы ты привести ее сюда и показать мнѣ? Я, можетъ быть, и далъ бы за нее семьсотъ пятьдесятъ долларовъ.

— Нѣтъ, это не подходитъ,—сказалъ торговецъ,—я не могу согласиться.

— У нея есть четырехлѣтній ребенокъ,—сказалъ торговецъ слегка откашлявшись,—здоровый славный ребенокъ. Я за него возьму всего сто долларовъ.

— О, нѣтъ; ребенка я не хочу,—сказалъ отецъ Бони, у меня и такъ достаточно всякихъ ребятъ.

— Но это удивительно хорошій ребенокъ,—сказалъ торговецъ,—содержаніе его вамъ почти ничего не будетъ стоить, между тѣмъ, не успѣете оглянуться, онъ подрастетъ, и вы сможете продать его за тысячу долларовъ.

— Ладно, я подумаю объ этомъ,—сказалъ Бони.

Вечеромъ мѣстность, гдѣ происходилъ митингъ, была еще болѣе живописна и величественна. Организаторы религиозныхъ митинговъ въ Америкѣ обыкновенно умѣютъ устраивать все такъ, чтобы произвести возможно сильное впечатлѣніе на чувство толпы. Они въ этомъ отношеніи обладаютъ способностью внести своеобразную поэзію въ свои рѣчи и въ выборъ мѣстности. Торжественное и таинственное величіе ночи содѣйствовало усиленію страсти и энтузіазма.

Вечернее солнце закатилось, освѣщая все волнами красноватаго свѣта, постепенно угасающаго. Когда погасли послѣдніе лучи солнца, опять стала собираться около помоста толпа, заслышавъ пѣніе гимна.

Когда закончилось пѣніе гимна, вся толпа стояла молча, какъ въ ожиданіи слова Божьяго, котораго должно было раздаться въ этой величественной тишинѣ. Отецъ Бони вышелъ на край помоста и обратился къ своимъ слушателямъ:

— Несчастные грѣшники!—воскликнулъ онъ,—посмотрите наверхъ, на луну, окруженную блескомъ и подумайте о томъ, какъ вы постоянно ругаетесь между собою, посылаете другъ другу проклятія и пьянствуете! Вспомните о своей лжи, о своихъ обманахъ, о своихъ ссорахъ и дракахъ. Въ какомъ видѣ они должны представляться вамъ теперь, при блескѣ луны, смотрящей на васъ? Развѣ вы не видите на ней отблеска славы Господней? Развѣ вы не видите, какъ святые всѣ въ бѣломъ, подобные блестящей лунѣ, сопровождаютъ Господа. Нѣкоторые изъ васъ имѣли благочестивыхъ матерей, благочестивыхъ женъ, благочестивыхъ сестеръ, которыя теперь раздѣляютъ славу Господню, шествуютъ съ Господомъ среди небесъ и смотрятъ на васъ, грѣшниковъ, такъ же, какъ смотритъ на васъ эта луна! И что онѣ видятъ и слышатъ? Вашу ругань, ваше пьянство, ваши драки, вашу погоню за деньгами, игру на скачкахъ, бой пѣ-

туховъ! О, великіе грѣшники! Богъ смотритъ на васъ съ этой луны! Теперь онъ смотритъ на васъ милосердно, но, говорю вамъ, скоро онъ будетъ смотрѣть на васъ совѣтмъ иначе! Настанетъ горькое время, если вы не раскаетесь! Много, много лѣтъ тому назадъ на Горѣ Синаѣ все громче и громче раздавался звукъ трубы, вся гора покрылась дымомъ, громъ гремѣлъ, блеснула молнія, и Богъ сошелъ на Синай! Но это—ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что вы увидите! Не будетъ болѣе луны, смотрящей на васъ! Исчезнутъ всѣ звѣзды, исчезнетъ съ великимъ грохотомъ небо и всѣ силы стихій смѣшаются отъ страшнаго жара! Видѣли ли вы горящія стени и лѣсъ? Я видѣлъ горящія стени,—пламя огня несло съ скоростью бури; люди, лошади и все живое бѣжало въ паническомъ ужасѣ. Я видѣлъ, какъ горѣлъ лѣсъ, какъ огромныя деревья въ одну минуту, какъ лучины, превращались въ пепель! Я видѣлъ, какъ пламя подымалось на сто и полтора-раста футовъ къ небу, море огня бушевало, какъ океанъ во время бури! Такъ будетъ и съ вами въ день страшнаго суда! О, грѣшники, что съ вами будетъ въ этотъ день! Тогда уже не зывайте: Господи! Господи!—будетъ сликомъ поздно! Вы не приняли милости, когда она вамъ предлагась! Вы не найдете мѣста, куда скрыться. Небо и земля исчезнутъ, исчезнетъ и море!

Въ эту минуту вся толпа взволновалась. Послышались стоны, вопли, крики, хлопаніе въ ладоши, а кое-гдѣ раздавались восклицанія «Слава! Слава! Амины!»

Волненіе толпы передавалось проповѣднику, и онъ съ еще болѣе большою силой и энергіей воскликнулъ: «Теперь еще есть время вамъ раскаяться! Склонитесь передъ алтаремъ Господнимъ! Теперь день милосердія! Придите всѣ: отцы и матери, братья и сестры! Придите юноши! Мы всѣхъ васъ примемъ! Я вижу тамъ закоревѣлаго грѣшника! Я вижу его мрачный взглядъ: Приди къ намъ! Придите къ намъ вы, обремененные боготствомъ! Въ день суда Господня вы всѣ будете нищими! Придите къ намъ, молодыя жевщины, дочери Іерусалима, разукрашенные драгоценностями! И всѣ вмѣстѣ, братья и сестры, запоете гимнъ».

И тысяча голосовъ подхватила гимнъ: «Остановись, несчастный грѣшникъ, остановись и подумай прежде, чѣмъ сдѣлать слѣдующій шагъ».

Толпа бросилась на колѣни, раздались вопли и рыданія.

— Пусть на меня всѣ смотрятъ!—воскликнулъ Джонъ Гордонъ,—миѣ все равно. Я—старый грѣшникъ и пойду молиться вмѣстѣ съ ними.

Вина прижалась къ Клайтоу, схвативъ его за руку, ее непріятно поразила вся эта сцена.

— Уведите меня отсюда, это ужасно!—сказала она.

Клайтоу обхватилъ ее рукою за талію и, расчищая себѣ дорогу въ толпѣ, вывелъ ее на свободное мѣсто, и они, пройдя далѣе, остановились подъ деревьями.

— Я не люблю, когда употребляютъ такія ужасныя угрозы въ ре-

лиги, — сказала Нина, — развѣ угрозами и страхомъ можно возбудить чувство любви? На меня это имѣеть совершенно обратное дѣйствіе, вся моя природа возмущается, когда я слышу угрозы. Я хотѣла бы быть религіозной, но не ради страха, а ради любви.

— Тогда ни одна секта не приняла бы васъ въ свои ряды, — замѣтилъ Клайтонъ. — Знаете, и на меня проповѣди также производятъ неблагоприятное впечатлѣніе, они ослабляютъ мою вѣру. И каждый разъ для того, чтобы возвратить себѣ вѣру, я долженъ забыть слышанную мною проповѣдь.

— Иногда мнѣ хочется быть такою, какъ Мили — она истинная христианка.

— А я, — сказалъ Клайтонъ, — готовъ былъ бы перенести страданія для того, чтобы побороть существующее зло и добиться добра.

Когда онъ говорилъ, луна освѣтила его лицо, и Нину поразило его выраженіе.

— Мнѣ просто страшно, когда вы говорите это, — произнесла она, — вы не знаете, къ чему это можетъ привести васъ.

Онъ посмотрѣлъ на нее со свойственной ему прекрасной улыбкой и воскликнулъ:

— Будь, что будетъ, только бы достигнуть!

Между тѣмъ, пѣніе гимновъ и проповѣдей продолжалось. Многочисленные голоса заявляли, что они обратились къ Богу и теперь отбросить свою грѣшную жизнь. Наконецъ, отецъ Бони вышелъ впередъ и громко воскликнулъ:

— Братья, мы видѣли день славы Господней, воспоемъ-же Ему хвалу! Господь приближается къ намъ!

Волненіе стало всеобщимъ. Раздавался смѣшанный гулъ восклицаній, молитвъ, пѣнія гимновъ. Вдругъ внезапно всѣ остановились, пораженные: раздавался могучій голосъ, какъ бы съ вершины деревьевъ, возвышавшихся надъ головами проповѣдниковъ:

— Горе вамъ, ожидающимъ суда Господня! Когда Господь появится, что будетъ съ вами? День Господень не будетъ днемъ свѣта, а днемъ тьмы. Протрубить труба Сіона, и всѣ жители земные задрожать! День страшнаго суда приближается!

Голосъ, произносившій эти слова, былъ необычайной силы. Всѣ со смущеніемъ посмотрѣли другъ на друга. Кругомъ господствовала темнота, и никто не могъ отдать себѣ яснаго отчета, откуда раздавался голосъ. Черезъ нѣсколько минутъ возобновилось пѣніе псалмовъ, но вдругъ опять раздался тотъ же самый голосъ. И все смолкло.

— Прекратите пѣніе и игру на гусяхъ. Я не хочу васъ слушать, говорить Господь. Мнѣ ненавистны ваши праздники! Я не приму вашихъ жертвъ, такъ какъ ваши руки въ крови! Вы убиваете, вы грабите, вы занимаетесь блудомъ, даете ложную присягу, а затѣмъ приходите мо-

литься Мнѣ,—такъ говорить Господь! Вы угнетаете бѣдныхъ и нуждающихся и проливаете кровь невинныхъ! И Господь поклялся, что Онъ никогда не забудетъ вашихъ дѣлъ!

Окруженная ночью тьмою, толпа, уже ранѣе страшно взволнованная и наэлектризованная благодаря всему происходившему въ этотъ вечеръ, теперь была близка къ паникѣ, слушая грозныя слова невѣдомаго оратора, несущіяся, неизвѣстно откуда. Всѣхъ охватилъ мистическій ужасъ. Казалось, что голосъ раздается съ самаго неба. А между тѣмъ, голосъ неизвѣстнаго раздавался все съ большей и большей энергіей и силой.

— Послушай, грѣшный, непокорный народъ,—Богъ возстановленъ противъ тебя! Ты возгордился и возвеличился, и Богъ простретъ надъ тобою свою гнѣвную руку! И вы, люди, будете отброшены, какъ сухія вѣтви, и дикіе звѣри будутъ топтать васъ! Открой свои врата, Ливанъ, чтобы пламя могло пожрать твои кедры! Господь возсталъ съ своего престола, чтобы наказать жителей этой страны. Солнце и луна померкнутъ, звѣзды погаснутъ, услышавъ голосъ Господень, и вздрогнетъ земля и небо, и все покрется мракомъ! Ваши праздники превратятся въ дни горести, а ваши пѣсни—въ плачь! Горе кровавой странѣ! Она полна лжи и грабежа, въ ней слышны удары бичей, въ ней масса убитыхъ! Берегитесь, Я противъ васъ,—говорить Господь,—Я превращу эту страну въ пустыню!

Послѣднія слова были произнесены съ такимъ пафосомъ, съ такой силой и энергіей, что ужасъ толпы достигъ высшаго предѣла. И когда голосъ смолкъ, то никто не могъ произнести ни слова, люди только обмѣнивались взглядами. Постепенно стали расходиться, и только кое-гдѣ раздавался легкій шопотъ, которымъ обмѣнивались другъ съ другомъ нѣкоторые изъ толпы.

Грубые и невѣжественные люди обыкновенно очень склонны къ суевѣрью. Постепенно стали распространяться слухи и легенды о томъ, что на митингъ были присланы какимъ-то таинственнымъ образомъ пророки, чтобы возвѣстить о грядущихъ бѣдствіяхъ. Говорили о томъ, что приближается день страшнаго суда, что появится комета, что разразится чума и т. п. Священники употребляли всѣ усилія, чтобы найти говорившаго, но тщетно. Только одинъ человекъ во всей аудиторіи узналъ этотъ голосъ—это былъ Гарри.

Говорившій обладалъ необычайной силой и ловкостью и былъ въ лѣсу, какъ у себя дома. Пользуясь смущеніемъ расходившейся толпы, онъ тихонько, перелѣзая съ дерева на дерево надъ головами толпы, добрался до безопаснаго мѣста и тамъ спустился.

Когда, по окончаніи митинга, отецъ Диксонъ собирался войти къ себѣ въ палатку, онъ почувствовалъ, что кто-то дернулъ его за рукавъ. То былъ негроторговецъ.

— Какія ужасныя вещи мы слышали сегодня,—сказалъ охваченный ужасомъ бѣдный, какъ смерть, торговецъ.—Неужели правда, что день страшнаго суда приближается?

— Другъ мой,—отвѣтили отецъ Диксонъ,—это совершенно вѣрно. Съ каждымъ днемъ нашей жизни мы приближаемся къ страшному суду!

— Какъ вы думаете,—продолжалъ торговецъ,—это дѣйствительно слова Господни, что мы слышали подъ конецъ митинга? Какія ужасныя слова! у меня волосы стали дыбомъ! Мнѣ часто приходилось сомнѣваться, хорошо ли я дѣлаю, что занимаюсь своимъ ремесломъ. Священники доказываютъ на основаніи Ветхаго Завета, что этимъ можно заниматься, но я сомнѣваюсь, чтобы они знали все, что мы при этомъ дѣлаемъ. Вотъ, напримѣръ, я еще лучше другихъ, а теперь у меня ужасно больна одна дѣвушка. Между прочимъ, я общалъ ей привести священника.

— Я пойду съ вами,—сказалъ Диксонъ.

Они подошли къ тому мѣсту, гдѣ были привязаны лошади. Найдя своихъ лошадей, они отправились по направленію къ лагерю негроторговца.

— Другъ мой,—сказалъ отецъ Диксонъ,—знаете, что, занимаясь своимъ ремесломъ, вы губите свою душу. Вѣдь ваше собственное чувство подсказываетъ вамъ, что это скверно, и вы боитесь, какъ бы день страшнаго суда не засталъ васъ, занимающимся этимъ дѣломъ.

— Мнѣ кажется, вы правы. Но почему-же отецъ Бони оправдываетъ торговлю неграми?

— Другъ мой, мнѣ кажется, что отецъ Бони въ большемъ и опасномъ заблужденіи, онъ приведетъ много душъ къ гибели. И подумайте сами, можете ли вы, занимаясь своимъ ремесломъ, жить, какъ христіанинъ?

— Да трудно, это ужасно скверное дѣло. Намъ бы не слѣдовало имѣть въ своихъ рукахъ дѣвушекъ и женщинъ. Вотъ, напримѣръ, сегодня я чувствую себя ужасно скверно, я очень жестоко поступилъ съ этой дѣвушкой. Мнѣ слѣдовало бы оставить ее въ покоѣ, а мною точно бѣсъ овладѣлъ... И теперь она въ горячкѣ, стонетъ и кричитъ. Отъ ея стоновъ у меня просто сердце болитъ.

Вскорѣ они достигли лагеря негроторговца. По срединѣ былъ разложенъ костеръ, недалеко стояло нѣсколько повозокъ, вокругъ костра спало человекъ пятнадцать мужчинъ и женщинъ, закованныхъ въ кандалы. Неподалеку около одной изъ повозокъ было разложено одѣяло, на немъ лежала молодая семнадцатилѣтняя дѣвушка; она стонала и кричала. Благобразная мулатка сидѣла рядомъ съ нею и по временамъ смачивала ей голову водою. Мулатка встала, когда подошелъ негроторговецъ.

— Ну, что Хансъ, какъ она себя чувствуетъ?—спросилъ торговецъ.

— Очень плохо,—отвѣтила Хансъ,—все время, послѣ вашего ухода, она металась, кричала, плакала и звала свою мать.

— Я привелъ священника, попробуй разбудить ее, ей будетъ пріятно поговорить съ нимъ.

Женщина наклонилась къ спящей и взяла ее за руку.

— Эмили, Эмили, проснись!—сказала она.

Дѣвушка вздрогнула и закричала.

— О, какъ горитъ моя голова! О, Боже! мама! мама! мама!—Гдѣ ты? Отецъ Диксонъ подошелъ и сталъ на колѣни около больной. Мулатка сдѣлала еще разъ попытку привести больную въ чувство.

— Эмили, здѣсь священникъ, котораго ты хотѣла видѣть. Эмили, проснись!

Больная дѣвушка медленно открыла свои глаза, большіе, горящіе лихорадочнымъ огнемъ, черные глаза. Она прикрыла какъ бы отъ свѣта рукой глаза и посмотрѣла на мулатку.

— Священникъ, священникъ...—шептала она.

— Да, священникъ, котораго ты хотѣла видѣть.

— Да, я хочу его видѣть,—съ трудомъ произнесла больная.

— Дочь моя,—мягко сказалъ отецъ Диксонъ,—ты очень больна.

— Да, я очень больна,—прошептала больная,—и я этому рада... Я скоро умру... Какъ я рада, что я скоро умру!.. это все, чему я могу теперь радоваться... Я хотѣла васъ видѣть затѣмъ, чтобы вы написали моей матери... она свободная женщина и живетъ въ Нью-Йоркѣ... Напишите ей, что я люблю ее... Чтобы она обо мнѣ болѣе не беспокоилась... Я сдѣлала все, что возможно, чтобы добраться до нея... Но насъ поймали... Моя госпожа такъ разсердилась... продала меня... Я прощаю ее... Теперь я никому не буду мѣшать, я умираю.

Дѣвушка говорила все это съ большими паузами, по временамъ то открывая, то закрывая глаза. Отецъ Диксонъ, имѣвшій нѣкоторыя познанія въ медицинѣ, почувалъ пульсъ больной и замѣтилъ, что она быстро слабѣетъ. Тогда онъ обратился къ торговцу и сказалъ:

— Ей надо дать подкрѣпляющаго, иначе она сейчасъ-же умретъ.

Негроторговецъ досталъ изъ кармана бутылку съ коньякомъ, налилъ немного коньяку въ чашку съ водою и подаль Диксону. Тотъ поднесъ чашку къ губамъ больной и два-три раза окликнулъ ее.

— Что это? —спросила та, открывъ свои блестящіе глаза.

— Это тебѣ немножко поможетъ и подкрѣпитъ тебя.

— Я не хочу подкрѣпляться, я хочу умереть,—сказала она, отворачиваясь,—зачѣмъ мнѣ еще жить?

Зачѣмъ? —Это слово такъ поразило отца Диксона, что онъ нѣкоторое время сидѣлъ молча. Онъ размышлялъ о томъ, чѣмъ онъ можетъ затронуть душу умирающей. Наконецъ, онъ рѣшилъ запѣть любимый неграми гимнъ:—«Христосъ говоритъ—говоритъ тебѣ, знай, бѣдный грѣшникъ, онъ любить тебя...»

Этотъ гимнъ очень часто пѣли легры, они очень любили его нѣжную мелодію, и онъ дѣйствовалъ на нихъ успокоительно. Какъ масло проникаетъ часто туда, куда не можетъ проникнуть вода, такъ и пѣніе очень часто дѣйствуетъ тамъ, гдѣ не могутъ подѣйствовать слова. Луна освѣщала лицо дѣвушки, и отецъ Диксонъ замѣтилъ, что пѣніе успокаиваетъ больную. И онъ продолжалъ пѣть:—«Моя любовь вѣчна».

При свѣтѣ луны онъ замѣтилъ, что изъ-подъ закрытыхъ длинныхъ рѣсницъ больной выкатилась слеза. Когда онъ закончилъ гимнъ, больная открыла свои глаза и слабо произнесла:

— Мать обыкновенно пѣла это.

— Дочь моя, ты вѣришь?—спросилъ священникъ.

— Да,—отвѣтила она,—я вижу Его, Онъ любитъ меня, и я ухожу.

Началась агонія, продолжавшаяся нѣсколько минутъ, и больная умерла.

— Другъ мой,—сказалъ Диксонъ, вставая съ колѣнъ и обращаясь къ неготорговцу,—это должно быть поворотнымъ пунктомъ въ твоей жизни. Богъ показалъ тебѣ всю грѣховность твоего дѣла, сними цѣпи съ этихъ несчастныхъ созданий и скажи имъ, что они свободны.

— Господи Боже мой, да вѣдь они стоятъ десять тысячъ долларовъ!—воскликнулъ торговецъ, не ожидавшій, что его новое религиозное настроеніе можетъ такъ скоро быть примѣнено на практикѣ.

— Другъ мой,—сказалъ Диксонъ,—что пользы будетъ тебѣ, если ты приобрѣтешь весь міръ, но потеряешь душу свою?

— Я слышалъ это,—сказалъ торговецъ въ раздумьи,—но вѣдь это будетъ большая потеря. Да, кромѣ того, я обѣщалъ отцу Бони продать ему Хансъ, а мнѣ бы не хотѣлось его обмануть. Во всякомъ случаѣ я подумую объ этомъ.

Отецъ Диксонъ возвратился обратно въ лагерь около двухъ часовъ ночи. Когда, привязавъ свою лошадь, онъ направился къ своей палаткѣ, то ему встрѣтился отецъ Бони.

— Откуда вы такъ поздно, отецъ Диксонъ?—спросилъ Бони.

— Знаете,—отвѣтилъ Диксонъ, что невдалекѣ отъ нашего религиознаго лагеря находится стоянка неготорговца. Я тамъ видѣлъ ни въ чемъ неповинныхъ мужчинъ и женщинъ, закованныхъ въ цѣпи.—И затѣмъ отецъ Диксонъ съ жаромъ и горячностью описалъ все, что произошло на его глазахъ у неготорговца.

Диксонъ такъ живо описалъ картину страданій и смерти несчастной негритянской дѣвушки, что впечатлительный отецъ Бони горько плакалъ, слушая разсказъ, что, конечно, не помѣшало ему черезъ двѣ недѣли купить у того же неготорговца трехъ новыхъ негровъ.

XVII. Въ болотахъ.

Поздно ночью карета Гордоновъ медленно ѣхала по темной лѣсной дорогѣ. За ней верхомъ на лошади ѣхалъ Гарри. Вдругъ онъ почувствовалъ, что кто-то схватилъ его лошадь за узду. Гарри остановился.

— А это ты, Дрэдъ!—сказалъ онъ,—какъ ты не боишься—это вѣдь безуміе? Какъ ты осмѣлился пойти на митингъ, вѣдь ты рисковалъ жизнью?

— Жизнь!—отвѣтилъ Дрэдъ,—что такое жизнь? Ктѣ чюбитъ жизнь.

тотъ потеряетъ ее! Богъ сказалъ мнѣ: иди! И онъ былъ со мною. Гарри, обрати ты вниманіе, какой народъ тамъ собрался?

Охотники за людьми съ руками, окровавленными кровью несчастныхъ людей; священники, покупающіе и продающіе насъ; торговцы рабами и т. п. народъ. И всѣ они обращались къ милости Божіей! А когда я уходилъ на митингъ, тамъ лежалъ мертвый человѣкъ загрызанный ихъ собаками, его жена стала вдовою, а дѣти—сиротами. А они, поѣвши, обтираютъ ротъ, и восклицаютъ: мы ничего не сдѣлали дурного! Мы—вплоченье Божіе!

— Я знаю это,—сказалъ Гарри.

--- И ты остаешься съ ними?

— Не говори мнѣ болѣе объ этомъ! Я тебя не выдамъ, но я и не соглашусь на пролитіе крови. Моя госпожа—моя сестра!

— О, конечно! Они вѣдь читаютъ Евангеліе, не правда ли? А потомъ отвергаютъ своихъ дѣтей, рожденныхъ рабыней. Вотъ чему учить ихъ Евангеліе.

— Дрэдъ,—сказалъ Гарри,—я люблю ее больше, чѣмъ себя самого. Я буду драться за нее до послѣдней капли крови и никогда не пойду ни противъ нея, ни противъ ея близкихъ.

— И будешь служить Тому Гордону? — сказалъ Дрэдъ.

— Никогда!—отвѣтилъ Гарри.

Дрэдъ стоялъ нѣсколько мгновеній молча. Свѣтъ луны, пробиваясь черезъ вѣтви деревьевъ, освѣщала его дикую, темную фигуру. Гарри замѣтилъ, что его глаза, устремленные въ пространство, казались остановившимися, какъ у человѣка, находящагося въ сомнамбулическомъ состояніи. Черезъ нѣсколько мгновеній Дрэдъ заговорилъ глухимъ, измѣнившимся голосомъ, какъ бы во снѣ.

— Пусть серебряная тетива ослабнетъ, и золотой лукъ сломается. Засыпай могилу—засыпай ее выше!.. Торопись! Приди ко мнѣ, иначе твоя жена будетъ его добычей!

— Дрэдъ, что ты говоришь?—воскликнулъ Гарри,—въ чемъ дѣло?— и онъ потрясъ его за плечо.

Дрэдъ протеръ глаза и взглянулъ на Гарри.

— Мнѣ надо возвратиться въ берлогу,—сказалъ онъ. У лисицъ есть норы, у птицъ есть гнѣзда, а мы, преслѣдуемые, нашли убѣжище тамъ, гдѣ живутъ аллигаторы.

И онъ быстро скрылся въ лѣсъ.

Разставшись съ Гарри, Дрэдъ пошелъ по болоту, по направленію къ своему убѣжищу и по обыкновенію пѣлъ псалмы.

Весь день стояла ужасная жара. И теперь, около двухъ часовъ ночи, разразилась страшная гроза. Раздавались оглушительные удары грома, и ежеминутно блистала молнія. Вдругъ раздался страшный трескъ, молнія ударила въ огромную сосну, невдалекѣ отъ которой стоялъ Дрэдъ, и рас-

шепила ее; сосна со всѣми вѣтвями повалилась на землю. Въ эту же минуту полилъ тропическій дождь. Дрэдъ въ дикомъ восторгѣ захопалъ въ ладоши и громкимъ голосомъ, стараясь перекричать бушующій вѣтеръ, воскликнулъ:

— Пробудись, Господь, покажи свою силу! Гласъ Божій ломаетъ кедры—да, кедры Ливана! Гласъ Божій проявляется въ огнѣ и пламени! Гласъ Божій потрясаетъ землю!

Буря свирѣпствовала вокругъ него, деревья качались, какъ тростникъ, а нѣкоторые изъ нихъ вырывались съ корнемъ изъ губчатой почвы и со страшнымъ трескомъ и шумомъ падали на землю. А онъ какъ будто бы самъ былъ духомъ бури и продолжалъ выкрикивать свои призывы.

Постепенно буря стихла, прошелъ дождь, и луна опять выглянула изъ густыхъ облаковъ.

Дрэдъ приготовился продолжать путь, какъ вдругъ увидѣлъ при свѣтѣ луны человѣка, притаившагося у корней дерева въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Дрэда. Повидимому, это былъ бѣглець. И, дѣйствительно, это былъ тотъ негръ, о побѣгѣ котораго говорилъ неготорговецъ въ день митинга.

— Кто ты?—спросилъ Дрэдъ, подходя къ нему.

— Я заблудился, — сказалъ тотъ—и теперь самъ не знаю, гдѣ нахожусь!

— Ты бѣглый?—спросилъ Дрэдъ.

— Не выдавай меня?—воскликнулъ тотъ боязливо.

— Предать тебя! Нѣтъ я не предамъ,—сказалъ Дрэдъ. Какъ ты попалъ въ болото?

— Я убѣжалъ изъ лагеря неготорговца, — сказалъ бѣглець.

— О, о!—воскликнулъ Дрэдъ.—Религіозный лагерь и лагерь неготорговца стоятъ рядомъ! Пастырь продаетъ своихъ агнцевъ и обгладываетъ косточки.

— О, я страшно измученъ!—произнесъ бѣглець. Я все время ползъ на колѣняхъ. Теперь они, вѣроятно, за мною выслали собакъ. Пусть меня убьютъ—я готовъ къ этому. Я уже разъ бѣжалъ, добрался до Нью-Йорка, жилъ тамъ долго, приобрѣлъ маленькій домикъ, женился, у меня было двое дѣтей, и я имѣлъ кой-какіе деньги. Они выслѣдили меня, вернули назадъ и продали неготорговцу. Мнѣ ничего другого не остается, какъ умереть. Незачѣмъ жить, когда нѣтъ никакой надежды.

— Умереть! Тебѣ незачѣмъ умирать, разъ ты встрѣтился со мною. Ободрись, парень, ободрись! До наступленія утра я тебя сведу туда, гдѣ тебя не найдутъ никакія собаки.

Бѣглый негръ приподнялся, попробовалъ идти, но онъ былъ очень измученъ и не зналъ мѣстности, а потому постоянно спотыкался и падалъ.

— Ну, братъ,—сказалъ Дрэдъ,—такъ не годится. Мнѣ придется завалить тебя на спину, я уже не разъ таскалъ вашего брата. И, пере-

ходя отъ словъ къ дѣлу, онъ взвалилъ къ себѣ на спину бѣглеца и, предупредивъ его, чтобы тотъ держался крѣпче, пошелъ впередъ съ такою же легкостью, какъ будто бы и не чувствовалъ его тяжести.

Было между двумя и тремя часами ночи, облака постепенно разсѣивались, и лучи луны кое-гдѣ пробивались сквозь мокрую листву. Ни откуда не раздавалось ни одного звука, кромѣ жужжанія насѣкомыхъ и хлопанія по водѣ ногъ Дрэда.

— Ты, должно быть, страшно силенъ,—сказалъ бѣглецъ.—Ты давно уже скрываешься въ болотахъ?

— Да,—отвѣчалъ Дрэдъ,—уже давно. Я предпочитаю сосѣдство аллигаторовъ и змѣй сосѣдству христіанъ. Если ты первыхъ не трогаешь, то и они тебя не тронутъ, а христіане охотятся за тобою съ собаками.

Послѣ часа непрерывной ходьбы, Дрэдъ подошелъ къ окраинѣ того открытаго мѣста, которое мы уже описывали. Раньше, чѣмъ добраться до него, Дреду пришлось пройти около двадцати шаговъ по поясъ въ водѣ. Вылѣзши на берегъ, онъ поползъ на четверенькахъ, пробираясь сквозь чащу—и велѣлъ своему спутнику слѣдовать за собой. При этомъ Дрэдъ время отъ времени свисталъ особымъ образомъ, и въ отвѣтъ ему въ отдаленіи изъ-за кустовъ раздавались какіе-то звуки. Потомъ раздался трескъ, какъ будто бы какое то животное приближалось къ нимъ все ближе и ближе. Наконецъ, изъ подъ кустовъ выскочилъ огромный водолазъ и сталъ выражать свою радость прыжками и лаемъ.

— Тише, тише, Букъ,—сказалъ Дрэдъ,—показывай намъ дорогу!

Собака поняла то, что ей сказали, сейчасъ-же повернула обратно въ чащу, а Дрэдъ и его товарищъ послѣдовали за нею. Тропинка была страшно извилиста, круто поворачивая то въ одну сторону, то въ другую. Дрэдъ и его сотоварищъ все время должны были ползти на четверенькахъ. Тропинка оканчивалась у подножія огромнаго дерева. Тутъ собака скрылась въ кусты. Дрэдъ вѣзъ на дерево, за нимъ послѣдовалъ его товарищъ. И они, перебираясь съ одной вѣтви на другую, достигли открытой полянки, которую мы уже описывали, и здѣсь соскочили на землю.

Внизу у дерева Дрэда ожидала жена, которая, увидавъ его, бросилась съ радостнымъ крикомъ ему на шею.

— О, наконецъ-то ты вернулся! Я не знаю почему, но мнѣ нынче казалось, что они тебя схватили.

— Нѣтъ еще!—отвѣтилъ Дрэдъ,—я долженъ работать, пока не будутъ вскрыты печати,—пока не появится видѣніе. Вы уже похоронили его?

— Нѣтъ, но вотъ тамъ вырыли могилу и перенесли его туда.

— Ну, идемъ,—сказалъ Дрэдъ.

Въ отдаленномъ углу полянки стоялъ сухой кедръ, густо обвитый зелеными растеніями. Въ сумеркахъ зари онъ казался огромнымъ памятникомъ, покрытымъ зеленью.‡

Подъ этимъ деревомъ Дрэдь время отъ времени хоронилъ погибшихъ бѣглецовъ, которыхъ онъ находилъ мертвыми въ болотѣ. Онъ придавалъ этому какое-то особенное мистическое значеніе. Вдова покойника, жена Дрэда, самъ Дрэдь и вновь прибывшій стояли теперь у неглубокой могилы. причемъ вода наполняла могилу уже на небольшой глубинѣ. Заря подымалась, но луна и звѣзды были еще видны.

Дрэдь стоялъ, поднявъ взоръ къ небу, и говорилъ торжественнымъ тономъ.

— Ищите того, кто создалъ звѣзды, кто мракъ смерти замѣнилъ зарею воскресенія! Посмотрите на эти лучи въ небесахъ, они въ Его рукахъ, пронзенныхъ за грѣхи міра! Придетъ день, когда Онъ уже болѣе не захочетъ нести на себѣ грѣхи и пороки міра, и тогда наступитъ день страшнаго суда.

Сказавъ это, онъ поднималъ тѣло умершаго и опустилъ его въ могилу. Вдова покойника разразилась рыданіями.

— Замолчи, женщина! — воскликнулъ Дрэдь, подымая руку. — Не плачь о покойникѣ и не горюй о немъ; но плачь о судьбѣ тѣхъ, которые живутъ. Онъ долженъ здѣсь покоиться, пока все оставшіеся его братья не будутъ перебиты. Пока не придетъ предназначенное время!

XVIII. Въ семейномъ кругу Канемы.

Настало прекрасное утро. Воздухъ былъ чистый, освѣженный ночной бурей и дождемъ. Повсюду на листьѣ еще блестяли дождевыя капли, отражая въ себѣ солнце. Розовые кусты въ полномъ цвѣту смотрѣли въ окна столовой Канемы. На столѣ, покрытомъ домашней скатертью, уже былъ сервированъ утренній завтракъ, а вокругъ стола сидѣла Нина со своими гостями. Разговоръ шелъ о вчерашнемъ митингѣ.

Нужно сказать читателю, что, благодаря аристократическому характеру общества южныхъ рабовладѣльческихъ штатовъ, верхніе классы общества жили совершенно изолированно, и многіе члены его ничего не знали о томъ, что дѣлается въ низшихъ классахъ общества. Они часто даже не подозревали, что рядомъ съ ними происходятъ ужасныя вещи. Страданія, ужасъ и горе рабства были закрытой книгой для Нины и Анны Клайтонъ. Имъ даже не снилось того, что происходило вокругъ. Имъ, можетъ быть, приходилось слышать о существованіи охотниковъ за неграми, но эти люди представлялись имъ просто какими-то низшими существами, находящимися гдѣ-то далеко отъ нихъ, и онѣ не интересовались ни ими, ни ихъ занятіями. Онѣ жили въ полной неизвѣстности и были бы очень поражены, если бы узнали, что существуетъ язва, разъѣдающая національный организмъ.

Разговоръ начался съ того, что было поднять вопросъ: брать ли сегодня опять на митингъ?

— Я думаю,—сказала тетка Марія,—что ты, Джонъ, не поѣдешь туда больше. Тебѣ надо избѣгать подобныхъ собраній. Вчера было очень тяжело видѣть тебя поющимъ вмѣстѣ съ грязной толпой простого народа.

— Вы должны знать,—сказалъ дядя Джонъ,—что, когда миссисъ Гордонъ будетъ отправляться въ рай, то она предупредитъ Господа Бога о томъ, что привыкла только къ избранному обществу и желаетъ быть принятой съ параднаго подъѣзда.

— Мнѣ эти митинги не нравятся не потому, чтобы я имѣла что-нибудь противъ простого народа,—сказала Анна Клайтонъ,—а потому, что это нарушаетъ молитвенное настроеніе. Кромѣ того, въ подобной толпѣ всегда много грубаго, неотесаннаго, непріятнаго народа, отъ котораго лучше держаться подалеже.

— Я въ эти митинги совсѣмъ не вѣрю,—сказала тетка Марія,—это только временная экзальтація. Тамъ люди взвинчиваютъ себя, а когда возвращаются домой, то остаются такими же, какими были и раньше.

— По-моему,—сказалъ Клайтонъ,—лучше хоть изрѣдка какъ-нибудь выражать свои религіозныя чувства, чѣмъ не имѣть ихъ совсѣмъ. Я не видѣлъ бы ничего постыднаго въ томъ, если бы мистеръ Гордонъ или я преклонили вчера колѣна передъ алтаремъ. Всякій выражаетъ свои чувства по-своему: магометанинъ на улицѣ и гдѣ бы то ни было падаетъ ницъ, когда наступаетъ время молитвы. Католикъ становится на колѣни, когда слышитъ благовѣстъ. И только мы, протестанты, какъ бы стыдимся вышняго выраженія нашихъ религіозныхъ чувствъ.

— По моему,—сказала Нина,—пѣніе на этихъ митингахъ страшно волнуетъ душу и приводитъ къ экзальтаціи.

— Мнѣ кажется,—сказала Анна,—что по большей части они поютъ эти гимны, не понимая ихъ смысла, почему они и не оставляютъ на поющихъ глубокаго впечатлѣнія.

-- То же самое происходитъ,—сказалъ Клайтонъ,—и въ аристократическихъ церквахъ; тамъ тоже богомольцы поютъ, не понимая того, что поютъ. При этомъ тамъ не бываетъ даже и временнаго одушевленія.

-- Что вы скажете,—сказалъ дядя Джонъ,—о послѣднемъ ораторѣ? Онъ говорилъ, точно съ облаковъ. Никто не зналъ, кто онъ и гдѣ онъ. Я думаю, что это было неожиданное добавленіе къ программѣ. Ну, и разразился же онъ противъ насъ проклятіями. Онъ, кажется, выбралъ все, что могъ изъ древнихъ пророковъ и обрушилъ на наши головы. Многихъ это привело въ страшное смущеніе.

— По-моему,—сказала тетка Марія,—это штука какого-нибудь пищаго проповѣдника, желавшаго вызвать сенсацію. Они употребляютъ разные уловки для того, чтобы прозвести впечатлѣніе. Если бы у меня былъ пистолетъ, я бы выстрѣлила въ дерево и посмотрѣла бы, какимъ бы голосомъ онъ заговорилъ тогда.

— По-моему,—сказалъ Клайтонъ,—эта рѣчь была произнесена чрез-

вычайно сильнымъ и убѣдительнымъ тономъ. И многое изъ того, что онъ говорилъ, было дѣйствительно ужасно. Но не нужно удивляться этому. При общемъ смущеніи и при страшномъ возбужденіи всей толпы совершенно естественно, что какой-нибудь полупомѣшанный фанатикъ въ крайнемъ возбужденіи пожелалъ излить свою душу. Подобныя изліянія всегда принимаютъ форму обличенія.

— Сказать по правдѣ, я хотѣла бы сегодня опять поѣхать на митингъ,—заявила Нина.— Очень пріятно проѣхаться, и тамъ такъ хорошо въ лѣсу. Мнѣ такъ нравится ходить между палатками, слушать, о чемъ толкуетъ народъ и наблюдать всевозможные человѣческіе типы, которые тамъ собрались. Я никогда въ жизни не видѣла подобнаго собранія.

— Согласенъ!—воскликнулъ дядя Джонъ,—я поѣду съ тобою. Въ концѣ концовъ, Клайтонъ правъ, говоря, что человѣку нечего стыдиться своихъ религіозныхъ чувствъ, каковы бы они ни были.

— Тамъ приходится слышать и видѣть курьезныя вещи,—сказала Нина.— Помните, тамъ былъ веселый малый съ рубцами на лицѣ, котораго называли Бенъ Декинъ; съ нимъ еще были двѣ большія собаки. Такъ вотъ, послѣ полудня, когда закончилась служба, мы подошли къ одной изъ палатокъ, гдѣ шумно молилась небольшая толпа, и я увидѣла этого Бена Декина стоящимъ на колѣняхъ со сложенными руками; изъ глазъ его текли слезы. Отецъ Бони горячо молился надъ нимъ. И можете себѣ представить, что говорилъ Бони, обращаясь къ Богу? «О, Господи-Боже, вотъ здѣсь стоитъ Бенъ-Декинъ, онъ обратился къ Тебѣ; возьми его теперь же на небеса; онъ теперь вполне раскаялся и приготовился. Если теперь его не возьмешь, то онъ опять будетъ пьянствовать въ теченіе двухъ недѣль.»

— Какое кощунство!—съ негодованіемъ воскликнула Анна Клайтонъ.

— А замѣтили вы,—продолжала Нина,—какъ былъ озабоченъ старый Тиффъ тѣмъ, чтобы дѣти его попали на небеса? Онъ совсѣмъ не думаетъ о томъ, чтобы ему самому попасть туда. Для него важно только, чтобы дѣти очутились тамъ.

— Его дѣти красивы и очень милы,—сказала Анна,—и они такъ хорошо одѣты.

— Вы знаете, моя милая,—сказала Нина,—Тиффъ каждый разъ, какъ встрѣчается со мною, обращается ко мнѣ съ мольбой, чтобы я давала нужныя указанія насчетъ одежды дѣтей. Ужасно потѣшно слушать, когда онъ говоритъ объ этомъ. Старый Калибанъ понимаетъ толкъ въ цвѣтахъ и знаетъ, что подходитъ, а что нѣтъ. Въ этомъ отношеніи онъ могъ бы сравняться съ французской портнихой. Я всегда пользовалась репутаціей, что умѣю одѣваться съ большимъ вкусомъ. И, представьте, Тиффъ оцѣнилъ меня. Какъ вамъ это нравится? Когда я вижу это старое созданіе вмѣстѣ съ дѣтьми, мнѣ всегда приходитъ на память старый безобразный кактусъ съ чудными на немъ цвѣтами. Тиффъ, повидимому, считаетъ дѣтей своими, и ихъ отца совсѣмъ не принимаетъ въ расчетъ. Единствен-

ное, что онъ отъ него требуетъ, это,—чтобы тотъ не вмѣшивался и не мѣшалъ ему работать. Вся тяжесть воспитанія и обученія дѣтей лежитъ на плечахъ Тиффа.

— Я очень рада,—замѣтила тетка Несбитъ,—что ты вѣришь въ этихъ дѣтей. Я, съ своей стороны, не вѣрю въ нихъ и убѣждена, что они плохо кончатъ; ты въ этомъ убѣдишься.

— Я думаю,—сказала тетка Марія,—у насъ достаточно хлопотъ съ нашими собственными слугами, и мы не можемъ брать на себя заботы о внѣшнихъ бѣлыхъ.

— Я не собираюсь заботиться о всѣхъ бѣлыхъ,—возразила Нина,—я хочу позаботиться только объ этихъ дѣтяхъ.

— Желая тебѣ успѣха,—сказала тетка Марія.

— Что это съ Гарри?—спросила тетка Несбитъ.—Онъ ходитъ такимъ угрюмымъ.

— Можетъ быть, онъ начинаетъ посѣвъ,—сказалъ дядя Джонъ,—я и самъ хочу начинать. Слушайте,—продолжалъ онъ, положивъ руку на плечо Клайтону,—поѣзжайте въ бричку съ этой маленькой грѣшницей, а я съ другими дамами поѣду въ каретѣ.

Клайтонъ, конечно, очень охотно согласился на это предложеніе, и всѣ пошли внизъ къ экипажу.

— Послушайте, Клайтонъ,—сказалъ дядя Джонъ, слегка подмигивая ему, когда тотъ посадилъ въ бричку Нину,—вы должны хорошенько исповѣдывать эту маленькую грѣшницу. Вы знаете, Клайтонъ, во всей сѣверной Каролинѣ нѣтъ такой дѣвушки. Въ ней сказывается порода, сэръ. Вы ей должны сдѣлать кой-какія уступки, а потомъ все пойдетъ хорошо! Знаете, я люблю такихъ лошадей, которые при первой упряжкѣ начинаютъ лягаться и брыкаться. Потомъ онѣ становятся лучше другихъ, когда попривыкнуть.—Сказавъ это, дядя Джонъ подошелъ къ Аннѣ Клайтонъ и посадилъ ее въ карету.

Клайтонъ очень хорошо понялъ, что хотѣлъ сказать ему дядя Джонъ. Онъ хорошо зналъ, что съ дѣвушкой такого характера, какъ Нина, нужно себя держать спокойно и свободно. Последній разговоръ на религиозномъ собраніи какъ-то сблизилъ ихъ, такъ какъ тогда они оба говорили другъ съ другомъ отъ чистаго сердца. Клайтонъ сознавалъ, что подобныя моменты сблизаютъ людей больше, чѣмъ какія-бы то ни было официальные помолвки. Теперь между нимъ и Ниной чувствовалась какая-то связь.

Еще издали до нихъ донеслось пѣніе гимновъ на религиозномъ митингѣ. Не доѣзжая мѣста митинга, они встрѣтили шумливую толпу, состоящую изъ людей, слишкомъ усердно посѣщавшихъ лавку Абиджи Синкфлинта и другія подобныя учрежденія. Приѣхавъ на мѣсто митинга, они посѣтили палатку стараго Тиффа. Онъ въ это время былъ занятъ глаженіемъ бѣлья для бебе, которое наканунѣ ночью выстиралъ и развѣсилъ сушиться. Проповѣди еще не начались, люди разгуливали группами среди

палатокъ, а кое-гдѣ пѣли гимны. Женщины были заняты приготовленіемъ ѣды и мыли посуду подъ деревьями у ручья. Повсюду слышалась оживленная болтовня. Скоро начались проповѣди.

На этотъ разъ болѣе всего обратила на себя вниманіе проповѣдь отца Диксона. Онъ закончилъ свою проповѣдь сильнымъ и торжественнымъ призывомъ — обратить вниманіе на рабство. Онъ напомнилъ и методистамъ и пресвитеріанцамъ, что ихъ религіи ясно осуждаютъ рабство; что конгрессъ пресвитеріанской церкви осудилъ рабство, какъ дѣло совершенно несоотвѣствующее христіанской религіи, провозглашающей «любить ближняго, какъ самаго себя». Онъ рассказалъ все, что видѣлъ наканунѣ въ лагерѣ негроторговца и припомнилъ еще нѣсколько сценъ, характеризующихъ рабство. Онъ нарисовалъ трогательную картину, какъ раздѣляются семьи, какъ продаютъ дѣтей, отнятыхъ у матери, какъ разрушаютъ бѣакъ, продавая мужа въ одну сторону, жену въ другую, — и тѣмъ разрушаютъ всѣ семейныя и общественныя связи.

Онъ говорилъ съ большимъ чувствомъ. Многіе были растроганы до слезъ. Но, когда проповѣдь закончилась, то произведенное впечатлѣніе скоро разсѣялось, какъ разсѣивается морская пѣна по окончаніи волненія.

Нужно сказать, что, въ общемъ, въ рабовладѣльческихъ штатахъ церковь низко опустила свое знамя и поддалась соблазну. Она не только не боролась съ отвратительнымъ учрежденіемъ рабства, но извлекала изъ него выгоды. Время отъ времени появлялись благородные проповѣдники, напоминавшіе о Богѣ и человѣчности. Въ теченіе многихъ лѣтъ ихъ терпѣливо выслушивали, и люди каялись, хотя и не исправлялись. Но затѣмъ постепенно стало возникать озлобленіе противъ подобныхъ проповѣдниковъ, и имъ приходилось говорить уже съ опасностью для жизни, такъ что въ то время, о которомъ мы теперь говоримъ, очень рѣдко можно было слышать проповѣдь, въ которой порицалось бы рабство.

Эта проповѣдь вызвала большіе толки въ разныхъ концахъ религіознаго лагеря. Негроторговецъ, сидѣвшій въ лавкѣ Свинфлинта, говорилъ:

— Это смѣлый священникъ. И вотъ, что я скажу: если сами священники и старшины церкви перестанутъ покупать негровъ, то и я займусь другимъ дѣломъ.

Гордоны, расположившіеся подъ деревомъ для полуденнаго завтрака, также обсуждали рѣчь Диксона.

— Онъ произнесъ очень хорошую проповѣдь, — сказала Нина, — я вѣрю каждому его слову. Но спрашивается, что же мы должны дѣлать?

— Очень просто, — сказалъ Клайтонъ, — мы должны имѣть въ виду будущее освобожденіе негровъ и готовить ихъ къ этому.

— Слушайте, Клайтонъ, — сказалъ дядя Джонъ, — я не понимаю, какой смыслъ обрушиваться на насъ съ такими порицаніями, какія мы слышали сегодня. Что мы дѣлаемъ дурного? Что же касается нашихъ негровъ, то имъ живется лучше, чѣмъ намъ. Посмотрите, напримѣръ, на моихъ нег-

ровъ. У меня никогда нѣтъ ни цыплятъ, ни яицъ, ни огурцовъ. Всѣ мои цыплята околѣваютъ, черви поѣдаютъ мои огурцы, а у негровъ все есть. У нихъ прекрасные огороды, и я долженъ покупать у нихъ. Они выводятъ цыплятъ, я у нихъ покупаю; у меня цыплятъ жарятъ, а сѣдуетъ кто? Они же ихъ сѣдаютъ. Что же касается жестокаго обращенія съ рабами и того способа, какимъ ведется торговля рабами, то, конечно, это ужасныя вещи, и я безусловно осуждаю ихъ. Я выгоню въ шею всякаго негроторговца, который осмѣлится придти ко мнѣ въ домъ, хотя бы я и страшно нуждался въ деньгахъ. Но эта проповѣдь мнѣ не нравится.

— Нашъ священникъ, мистеръ Титмарчъ,—сказала тетка Несбитъ,—совсѣмъ иначе проповѣдуетъ. Онъ ясно доказываетъ на основаніи священнаго писанія, что рабство установлено Богомъ.

— Я думаю, что всякій, имѣющій здравый смыслъ, ясно понимаетъ, что подобная вещь не можетъ быть Божьимъ установленіемъ,—сказала Нина.

— Кто это мистеръ Титмарчъ?—спросилъ ее Клайтонъ тихонько.

— Одинъ изъ любимцевъ тетки Несбитъ. Мнѣ же онъ внушаетъ отвращеніе,—отвѣтила Нина.—Это не человѣкъ, это ходячій богословскій словарь съ галстухомъ на шеѣ—я его не выношу.

— Люди очень много толкуютъ объ образованной демократіи на Сѣверѣ,—продолжалъ ораторствовать дядя Джонъ.—Мнѣ это не нравится. Зачѣмъ нужно рабочимъ образованіе?—Это только ведетъ къ ихъ же разоренію. Я слышалъ, какъ ихъ образованные кузнецы собираются потолковать о политикѣ. Они забрасываютъ свою работу для того, чтобы произносить рѣчи. Мнѣ это не нравится. Это ихъ выбиваетъ изъ колеи. И что же мы видимъ на Сѣверѣ?—Беспорядки и споры. Тамъ возникаютъ всевозможныя еретическія ученія и Богъ знаетъ что. А у насъ—все тихо, спокойно. Конечно, наши нищѣ-бѣлые—большіе безобразники, но мы еще ихъ не прибрали къ рукамъ. Но въ одинъ прекрасный день мы ихъ приберемъ при помощи нашихъ негровъ, и тогда будетъ всеобщее довольство.

— Такимъ дядѣ Джону представляется золотой вѣкъ,—замѣтила Нина.

— Конечно,—продолжалъ дядя Джонъ,—низшіе классы должны быть управляемы и надо, чтобы о нихъ кто-нибудь заботился,—вотъ, что имъ нужно. Знать много имъ нѣтъ надобности; достаточно, чтобы они знали хорошо то, что говоритъ катехизисъ епископальной церкви: хорошо и усердно работать и добывать себѣ пропитаніе при всякихъ обстоятельствахъ, въ какія Богу угодно будетъ ихъ поставить. При исполненіи этого правила низшіе классы всегда будутъ вести себя хорошо—и у насъ будетъ аристократическое государство, полное спокойствія и порядка. Высшимъ классамъ также слѣдуетъ помнить свои обязанности: они должны быть заботливы и снисходительны по отношенію къ низшимъ. Вотъ какого взгляда держусь я по отношенію къ обществу.

— Значить, вы не республиканецъ,—замѣтилъ Клайтонъ.

— Съ чего вы это взяли? Я признаю равенство джентльменовъ и равноправіе всѣхъ благовоспитанныхъ людей. Вотъ какой должна быть республика.

Клайтонъ, Нина и Анна расхохотались.

— Дядя Джонъ всегда держитъ себя свободно и просто со всѣми, такъ что можно подумать, что онъ—самый настоящій демократъ. А вы знаете, почему онъ себя такъ ведетъ. Онъ увѣренъ, что его высокое положеніе ничто не можетъ поколебать. Оттого-то онъ и не боится стать на колѣни съ Беномъ Декинымъ и Джимомъ Сайксомъ. Онъ увѣренъ, что ничѣмъ не можетъ быть скомпрометированъ.

— Нѣтъ, не только потому,—сказалъ дядя Джонъ,—я такъ же хорошо знаю, что передъ Создателемъ всѣ человѣческія различія исчезаютъ.—Это дядя Джонъ произнесъ съ увѣренностью, отъ чистаго сердца.

Было рѣшено, что общество Гордоновъ не останется на вечернюю службу. Интересъ новизны уже прошелъ, и всѣмъ хотѣлось возвратиться домой. Тетка Несбитъ боялась, какъ бы ей не повредила вечерняя роса, а потому, какъ только стало немножко попрохладнѣе, Гордоновское общество выѣхало въ обратный путь.

Нина и Клайтонъ на обратномъ пути вели между собою спокойный, серьезный разговоръ.

— Какъ странно,—сказала Нина,—люди постоянно толкуютъ о религіи, ищутъ, которая религія лучше, и вмѣстѣ съ тѣмъ религія не только не приноситъ имъ пользы и они не только не становятся лучше, но часто дѣлаются еще болѣе неприятными. Я предпочитаю лучше совсѣмъ не исповѣдовать никакой религіи, чѣмъ исповѣдовать ту, какую, напримѣръ, исповѣдуетъ тетка Несбитъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ я чувствую, что въ религіи есть что то чего у меня нѣтъ, за что я отдала бы все на свѣтѣ, но не знаю, какъ уловить это. Вотъ, напримѣръ, одна моя знакомая Лили Рей: она религіозна и въ ней что-то высокое, благородное. И, что всего удивительнѣе, она очень добрая и вмѣстѣ съ тѣмъ не глупая. Скажите, пожалуйста, отчего по большей части добрые люди бываютъ глупыми?

— Потому что очень часто добротой называютъ отсутствіе сильныхъ желаній. Иногда говорятъ про человѣка, что онъ сдержанъ, а въ дѣйствительности ему просто нечего сдерживать въ себѣ. Часто называютъ мягкими и уступчивыми тѣхъ людей, у которыхъ въ дѣйствительности желанія и стремленія такъ слабы, что имъ все равго, по какому бы направленію не идти. Такіе люди обыкновенно легко подчиняются религіозной рутинѣ, заучиваютъ наизусть массу текстовъ и производятъ на васъ впечатлѣніе добрыхъ, но глупыхъ людей.

— Лили замѣчательная дѣвушка,—сказала Нина.—Она получила воспитаніе, какое обыкновенно дается дѣвушкамъ въ Новой Англій, т. е. болѣе похожее на мужское, чѣмъ на то, которое дается намъ. Она умѣетъ читать по-гречески и латински такъ же легко, какъ по-французски и итальянски.

Она очень преницательна, умна и остроумна. Она граціозна и вмѣстѣ съ тѣмъ очень сильна. Вы знаете, я просто обожаю Лили. За недолгое свое пребываніе въ школѣ она принесла мнѣ больше пользы, чѣмъ всѣ учителя вмѣстѣ. Очень полезно знать, что есть подобные люди на свѣтѣ. Какъ вы думаете?

— Да,—сказалъ Клайтонъ,—вы совершенно правы. Мы получаемъ много пользы отъ непосредственнаго соприкосновенія съ подобными людьми,—гораздо больше, чѣмъ мы можемъ получить изъ книгъ. Когда вы читаете, дѣйствительно, хорошую книгу, то чувствуете, что авторъ могъ бы дать вамъ гораздо больше того, что онъ написалъ.

— Я это чувствовала по отношенію къ Лили,—сказала Нина.—Она мнѣ казалась неисчерпаемой. Я прочту вамъ какъ-нибудь нѣкоторыя изъ ея писемъ. Она пишетъ прекрасно. Я это тѣмъ болѣе цѣню, что мнѣ самой легче говорить, чѣмъ писать. Я какъ-то не могу передать на бумагѣ то, что думаю. Такіе люди, какъ Лили, заставляютъ меня быть недовольной собой. И вмѣстѣ съ тѣмъ, я не знаю, почему, я люблю встрѣчаться съ людьми, которые выше меня, хотя при этомъ сознаю свое ничтожество. Но отъ этого я не становлюсь лучше, у меня создается только чувство неудовлетворенности.

— Это самое главное,—сказалъ Клайтонъ:—первое и самое главное условіе всякаго усовершенствованія, всякаго прогресса, какъ въ наукѣ, такъ и въ религіи, сознавать, что мы ничего не знаемъ.

— Знаете,—сказала Нина послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія,—я очень часто думала и удивлялась, почему вы искали моей руки, что вы во мнѣ нашли? Мнѣ кажется, что для васъ подходящей женщиной была бы Лили Рей.

— Очень вамъ благодаренъ,—сказалъ Клайтонъ,—за ваши заботы устроить меня. Но я предпочитаю самъ сдѣлать выборъ. Мы, мужчины, въ этомъ отношеніи иногда бываемъ нѣсколько похожи на васъ,—такъ же капризны и своенравны въ подобныхъ дѣлахъ.

— Хорошо,—сказала Нина,—если вы хотите такъ упорно держаться своего дурного выбора и продолжать искать моей руки, то я должна васъ предупредить, съ кѣмъ вы имѣете дѣло. Я совершенно неумѣлый и непрактичный человекъ. Я не умѣю вести счетовъ и хозяйства. Я оставляю открытыми ящики, разбрасываю бумаги, забываю, какое сегодня число и т. п. И если бы я была съ вами, то пришлось бы нерѣдко слышать: Нина, почему вы не сдѣлали то-то и то-то и то-то? Зачѣмъ вы сдѣлали то, а не это? Мнѣ приходилось слышать, какъ мужчины дѣлаютъ подобныя замѣчанія. А я этого не люблю. И никогда не буду подчиняться. На это не надѣйтесь. И никогда не возьму на себя обязательства, что буду другой! Я васъ предупреждаю и вы должны принять это во вниманіе.

— Итъ,—сказалъ Клайтонъ,—смотря на нее съ улыбкой,—я не приму этого во вниманіе.

— Какіе мужчины упрямые, — сказала Нина, вздохнувъ и дѣлая попытку засмѣяться.

— Упрямства такъ мало въ васъ, дамахъ, что намъ приходится имѣть его за двоихъ.

— Итакъ, — сказала Нина, — разсѣянно смотря кругомъ и страшно покраснѣвъ, — вы будете настаивать?

— Да, маленькая, злая волшебница, — отвѣтилъ Клайтонъ. — Разъ вы дѣлаете мнѣ вызовъ, я буду настаивать. — Говоря это, онъ крѣпко обхватилъ ее за талію и посмотрѣлъ ей въ глаза. — Наконецъ-то, я васъ поймалъ, моя звѣздочка... и...

Но мы теперь начнемъ новую главу.

XIX. Возвращеніе Мили.

Визитъ Клайтона и его сестры, какъ и все пріятное, пришелъ къ концу. Клайтону нужно было возвратиться къ своимъ дѣламъ и книгамъ. А Аннѣ нужно было сдѣлать визиты передъ поѣздкой на плантацію Магнолія Гровъ, принадлежащую ее брату, гдѣ она должна была наблюдать за введеніемъ новаго способа хозяйства, улучшающаго положенія негровъ.

Хотя по-прежнему до самаго отъѣзда торжественно заявлялось, что Нина и Клайтонъ не помолвлены другъ съ другомъ, но для всѣхъ было очевидно, что въ дѣйствительности дѣло кончено, но только еще не оформлено. Между Ниной и Анной завязалась горячая дружба, несмотря на то, что Нина каждый день чѣмъ нибудь оскорбляла твердо установившіеся взгляды Анны и несмотря на то, что Анна по временамъ дѣлала легкія попытки прибѣгать къ правоученіямъ.

Недѣлю спустя послѣ ихъ отъѣзда, Нина почувствовала себя одинокой, безпокойной и не знала, куда дѣвать свое время. Но тутъ произошло событіе, которое привлекло къ себѣ всѣ ея мысли и заботы.

Нина послѣ завтрака сидѣла на верандѣ. Вдругъ она услышала радостныя восклицанія съ правой стороны дома, гдѣ находилось помѣщеніе для прислуги. Выглянувъ съ террасы, она къ своему крайнему удивленію увидѣла Мили, стоящую среди толпившейся вокругъ нея прислуги.

Нина немедленно побѣжала внизъ, чтобы узнать, въ чемъ дѣло. Подойдя ближе, она была поражена, увидя, что у ея стараго друга была перезязана голова, а рука ея лежала на повязкѣ. Она замѣтила также, что Мили шла къ ней навстрѣчу съ трудомъ, тяжелой походкой, совсѣмъ необычной для нея.

— Мили! — закричала Нина, подбѣгая къ ней, — что съ тобой?

— Ничего особеннаго, дитя мое, я рада, что добралась домой, — сказала Мили.

— Что съ твоей рукой?

— Небольшая бѣда! Этотъ человѣкъ выстрѣлилъ въ меня, но, славу Богу! не убилъ. Да Богъ съ нимъ! Но онъ не имѣлъ права такъ обращаться со мною, и я ушла.

— Иди скорѣе въ домъ,—сказала Нина, подхвативъ подъ руку своего друга и ведя ее по лѣстницѣ на веранду.—Это позоръ! Идемъ, Миля, идемъ! Я знала, что этому человѣку нельзя довѣрять. Хорошее мѣсто онъ тѣбѣ вашель.

— Это правда,—сказалъ Томтитъ, выскочивъ изъ толпы. Кухонное полотенце висѣло у него на одной рукѣ, а въ другой онъ держалъ наполовину вычищенный ножъ.

Тетка Роза, ея мужъ и другіе послѣдовали за ними на веранду.

— Боже мой,—говорила тетка Роза,—только подумаешь, что старинныя, важныя семейства даютъ негровъ въ наемъ простымъ людямъ.

— Это потому,—сказалъ ея мужъ,—что Миля всегда слишкомъ высоко держитъ свою голову, и нечему удивляться, что такъ случилось.

— Убирайся ты, старый жукъ,—закричала тетка Роза,—никто такъ не важничаетъ, какъ ты.

Нина, выпроводивъ съ веранды черную дѣтвору и прислугу, стала осматривать раны своего чернаго друга. Рука была пробита ружейной пулей, рана была большая и, благодаря жарѣ и переутомленію, имѣла очень скверный видъ. Когда сняли повязку съ головы, то на ней оказалось нѣсколько большихъ, глубокихъ рѣзанныхъ ранъ.

— Что это?—спросила Нина.

— Онъ билъ меня по головѣ. Онъ былъ пьянъ и самъ не зналъ, что дѣлаетъ.

— Какой позоръ!—воскликнула Нина и, обратившись къ вошедшей теткѣ Несбитъ, продолжала:—посмотрите, вотъ къ чему привело то, что вы отдали Мили въ наймы.

— Я право не знаю, что мы будемъ дѣлать теперь,—сказала жалобнымъ тономъ тетка Несбитъ.

— Что дѣлать! конечно, прежде всего надо перевязать раны,—воскликнула Нина, быстро приготавливая бинты. Мили, я сама перевяжу твои раны, я сумѣю хорошо это сдѣлать.

— Благодарю васъ, дитя мое. Какъ хорошо возвратиться домой и быть среди друзей.

— Конечно, и ты теперь уже не уйдешь отъ насъ,—говорила Нина, обмывая и перевязывая раны.—Ну, теперь, кажется, все хорошо. И ты пооди, лягъ у меня въ комнату и отдохни.

— Нѣтъ, благодарю васъ, милая барышня, я лучше пойду въ свою комнату, тамъ я буду чувствовать себя лучше.

Нина проводила Мили въ ея комнату, закрыла ставни, уложила ее въ постель, покрыла шалью и повторивъ ей два или три раза, чтобы она спала, спустилась внизъ.

— Какъ вамъ это нравится?—сказала она теткѣ Несбитъ,—я буду преслѣдовать этихъ людей судомъ, и они дорого поплатятся за это.

— Это обойдется очень дорого,—замѣтила Несбитъ съ озабоченнымъ видомъ.— Вѣдь и безъ того мы много теряемъ, потому что Мили нѣкоторое время не сможетъ работать.

— Я сейчасъ напишу Клайтону,—сказала Нина,— онъ будетъ знать, что надо сдѣлать. Онъ знаетъ законы и сумѣетъ добиться того, что нужно.

— Все это поведетъ къ расходамъ,—сказала тетка Несбитъ плаксивымъ голосомъ.— Я уже знаю, бѣда не приходитъ одна. Если Мили не пойдетъ обратно, я потеряю ея жалованье. А потомъ судебныя издержки. Ей слѣдовало вести себя осторожнѣе.

— Помилуйте тетя, неужели вы хотѣли бы, чтобы Мили возвратилась на это мѣсто.

— Конечно, я не хочу, но такъ жаль, я столько потеряю.

— Что вы, тетя, все толкуете о томъ, сколько вы потеряете. Повидимому, вы совсѣмъ не думаете о томъ, что перестрадала Мили.

— Разумѣется, мнѣ жаль,—сказала Несбитъ,—но мнѣ хотѣлось бы знать, долго ли она пролежитъ. Въ концѣ концовъ, я очень жалѣю, что не отдала въ наймы кого-нибудь другого, кто мнѣ не такъ нуженъ и безъ кого я могу обойтись.

— Это совсѣмъ похоже на нее!—воскликнула Нина, выбѣжавъ изъ комнаты и хлопнувъ дверью,—она никогда ничего не замѣчаетъ и ничего не слышитъ, что непосредственно не затрагиваетъ ея. Ей все равно, что бы не случилось. Жаль, что Мили не принадлежитъ мнѣ.

Послѣ двухъ-трехъ часового сна Мили вышла изъ своей комнаты и, повидимому, чувствовала себя гораздо лучше. Ея здоровый, полный жизни организмъ могъ вынести гораздо больше, чѣмъ можетъ вынести обыкновенный человѣческій организмъ. Нина немного успокоилась, убѣдившись, что пока все идетъ хорошо и надѣялась, что черезъ нѣсколько дней Мили окончательно понравится.

— Ну, Мили,—сказала она,—разскажи мнѣ, гдѣ ты была и какъ все это случилось.

— Меня отдали въ наймы,—начала Мили,—мистеру Баркеру и говорили, что онъ очень хорошій человѣкъ. И нужно сказать правду, что большую часть времени онъ дѣйствительно былъ хорошъ; но въ немъ какъ бы сидѣло два человѣка—однѣ очень хорошій, другой—очень скверный. Ему стоило хоть немного выпить, и онъ становился непрятнымъ, злымъ, такъ что ничѣмъ ему нельзя было угодить. Жена его была очень недурная женщина. Когда онъ былъ пьянъ, то билъ негровъ, которые работали у него, и нѣкоторымъ изъ нихъ наносилъ страшные удары. Первое время мнѣ жилось недурно, и я думала, что все пойдетъ хорошо. Но вотъ, однажды онъ пришелъ домой пьяный и злой. У нихъ служила одна дѣ-

вуха, у которой былъ ребенокъ—славный такой мальчикъ. Онъ игралъ съ обуглившейся палкой и нечаянно запачкалъ одну изъ рубашекъ мистера Баркера, которая висѣла на веревкѣ,—въ этотъ день я гладила его бѣлье. Въ эту минуту какъ разъ подошелъ самъ мистеръ Баркеръ. Онъ сталъ страшно ругаться и сказалъ, что убьетъ ребенка. И я думаю, что онъ его бы убилъ. Бѣдное дитя побѣжало и спряталось у меня. Я его втокнула въ хижину и притворила дверь. Тогда Баркеръ набросился на меня; у него въ рукахъ былъ бичъ изъ бычачьей кожи, и онъ сталъ меня бить имъ по головѣ. Я думала, что онъ меня убьетъ. Въ это время побѣжала мать, схватила ребенка и убѣжала съ нимъ, а Баркеръ продолжалъ меня бить. Я вырвалась и побѣжала. Онъ схватилъ ружье, выстрѣлилъ въ меня, и пуля пробилла мнѣ руку. Онъ опять погнался за мною и я еле-еле убѣжала. Счастье, что пуля мнѣ не раздробила кости. Я долго бѣжала, пока не добѣжала до лѣса, гдѣ и скрылась въ чащѣ кустовъ. Немного погодя, я вышла и пошла дальше, потомъ встрѣтила свободныхъ черныхъ колонистовъ, которые меня и укрывали дня два-три.

— Ты хорошо сдѣлала, что возвратилась домой, — сказала Нина. — Знаешь, я рѣшила преслѣдовать этого человѣка судомъ.

— О, нѣтъ, миссъ Нина, не надо, не дѣлайте ему зла. Его жена такая хорошая женщина. Да, повидимому, онъ и самъ не сознавалъ, что дѣлалъ.

— Можетъ быть, это такъ, Мили; но ты должна понять, что это заставитъ его обращаться осторожнѣе съ другими людьми.

— Да, въ этомъ есть правда, миссъ Нина, — сказала Мили, — но я не хочу, чтобы это было сдѣлано какъ бы изъ чувства мести.

— Нѣтъ, ему никто не собирается мстить, — сказала Нина, — я напишу мистеру Клайтону и попрошу его совѣта.

— Онъ добрый человѣкъ, — сказала Мили, — и не посоветуетъ чего-либо дурного, а сдѣлаетъ все такъ, какъ слѣдуетъ.

— Такимъ людямъ, — сказала Нина, — надо показать, что существуетъ законъ и они передъ нимъ отвѣтственны, — это заставитъ ихъ быть осторожнѣе.

И на сейчасъ же пошла въ свою комнату и написала длинное письмо Клайтону, въ которомъ изложила все, что случилось съ Мили, и просила его вѣзтись за это дѣло.

Наши читатели, которые были въ такомъ же положеніи, какъ Клайтонъ, вѣроятно, не удивятся и легко поймутъ, что, получивъ письмо, онъ съчелъ своимъ долгомъ немедленно поѣхать въ Канему, чтобы самому узнать подробности дѣла. Вскочивъ на лошадь, онъ вскорѣ очутился опять въ семейномъ кругу въ Канемѣ.

Онъ взялся за дѣло съ увѣренностью и энтузіазмомъ.

— Нашъ долгъ, — говорилъ онъ, — доказать, что та часть населенія, которая обойдена закономъ, находится подъ нашимъ покровительствомъ.

Онъ немедленно же съѣздила въ сосѣдній городъ, гдѣ служила Мили, и ему удалось найти бѣлыхъ свидѣтелей, видѣвшихъ все происшедшее.

Одна бѣлая женщина, портниха, въ это время шила въ домѣ Баркера и видѣла сцену избіенія Мили, а нѣсколько бѣлыхъ рабочихъ видѣли, какъ Баркеръ выстрѣлилъ въ бѣжавшую Мили, такъ что все, повидимому, обстояло хорошо.

XX. Судъ.

— Ну,—сказалъ Франкъ Руссель, обращаясь къ двумъ-тремъ адвокатамъ, съ которыми онъ сидѣлъ въ одной изъ боковыхъ комнатъ зданія суда въ городѣ Е.,—теперь берегитесь. Клайтонъ во всеоружіи обрушится на насъ.

— Клайтонъ—добрый малый,—сказалъ одинъ изъ адвокатовъ,—хотя и черзчуръ молчаливъ.

— Не всегда,—отвѣтилъ Руссель, вынимая сигару изъ рта,—съ похожъ на семидесятичетырехъ-фунтовое орудіе, переполненное зарядами. Если его поджечь, то онъ разнесетъ все. Настоящій процессъ какъ разъ подходитъ для него. Онъ можетъ произнести прекрасную рѣчь, такъ какъ это дѣло соотвѣтствуетъ его героическому характеру—защищать слабого, обиженнаго. А если онъ выиграетъ процессъ, то, можетъ быть, это побудитъ его не бросать адвокатуры.

— Развѣ онъ не имѣетъ склонности къ судебной дѣятельности? Что онъ имѣетъ противъ этой профессіи?

— Онъ возстаетъ почти противъ всего существующаго на свѣтѣ. Изъ двѣнадцати дѣлъ онъ, можетъ быть, не взялъ бы ни одного, раскритиковалъ бы каждое изъ нихъ и пришелъ бы къ убѣжденію, что они всѣ противорѣчатъ его совѣсти. Но тутъ, къ счастью, приходится защищать несчастную рабыню,—и это въ его духѣ.

— Что, она—хорошая женщина?—спросилъ одинъ изъ адвокатовъ.

— Она, кажется, принадлежитъ семейству изъ стараго виргичскаго рода,—замѣтилъ другой.

— Мнѣ кажется, что дама его сердца принимаетъ участіе въ этомъ дѣлѣ,—прибавилъ третій.

— Вы правы, господа,—сказалъ Руссель,—она, дѣйствительно, славная женщина; ея господа, Гордоны, очень хорошаго рода, и миссъ Гордонъ не могла не почувствовать себя оскорбленной подобнымъ обращеніемъ съ ея служанкой. Гордоны—очень вліятельная фамилія, но я не увѣренъ, что на ихъ сторонѣ законъ.

— Правда?—спросилъ адвокатъ по имени Вилль Джонсъ

— Да,—сказалъ Руссель,—я почти убѣжденъ, что законъ противъ него, но это ничего не измѣнитъ. Я убѣжденъ, что Клайтонъ привлечетъ на свою сторону и присяжныхъ и судью.

— Я удивляюсь,—спросилъ одинъ изъ адвокатовъ,—почему Баркеръ не пошелъ на уступки и не искалъ примиренія.

— О, Баркеръ человѣкъ упрямый; онъ принадлежитъ къ тому классу людей, которые возстановлены -противъ древнихъ аристократическихъ семействъ, онъ радъ схватиться съ Гордонами. Тутъ затронуть его республиканизмъ. Въ немъ течетъ шотландская кровь, и онъ, за что уцѣнится, того не выпустить.

— Клайтонъ, вѣроятно, скажетъ хорошую рѣчь,—сказалъ Джонсъ.

— Конечно,—сказалъ Руссель,—это такое дѣло, что и я бы сказалъ хорошую рѣчь. Вѣдь въ данномъ случаѣ возмутительно поступлено съ очень доброй женщиной, которая защищала бѣднаго ребенка. Но Клайтонъ, конечно, скажетъ лучше, чѣмъ сказалъ бы я, такъ какъ онъ будетъ говорить отъ всей души, а это много значить. Это придастъ большой вѣсъ каждому сказанному имъ слову.

— Но я не понимаю,—замѣтилъ одинъ изъ адвокатовъ,—почему вы, Руссель, считаете, что законъ противъ Клайтона: вѣдь Баркеръ возмутительно поступилъ.

— Конечно, возмутительно,—сказалъ Руссель.—Онъ настоящее грубое животное, которое, можетъ быть, слѣдовало бы пристрѣлить. Но онъ не превысилъ своихъ законныхъ правъ. Законъ предоставляетъ нанимателю тѣ же права, что и господину; это неоспоримо. А по закону господинъ имѣетъ право все это продѣлать, и никто не можетъ вмѣшаться. Они такъ и поступаютъ, и никому не приходится въ голову мѣшать имъ.

— Знаете, Руссель,—сказалъ Джонсъ,—вѣдь это ужасно!

— Ужасенъ законъ,—вы правы. Но на свѣтѣ вообще много ужаснаго,—сказалъ Руссель и закурилъ другую сигару.

— Какъ же вы думаете, что Клайтонъ выиграетъ дѣло, разъ законъ противъ него?—спросилъ Джонсъ.

— Боже мой, очень просто; вы не знаете Клайтона. Онъ чрезвычайно увлекающійся. Во-первыхъ, онъ заморочить самого себя. А когда сильный, талантиливый человѣкъ заморочилъ самого себя, то онъ заморочить всѣхъ остальныхъ. Я сожалею, что самъ не обладаю этимъ свойствомъ: мнѣ оно помогло бы во многихъ дѣлахъ. Я не могу вносить въ свои рѣчи героическаго элемента и пафоса. Люди, которые на все смотрятъ простыми глазами и видятъ вещи, какъ онѣ есть, не могутъ возноситься на высоту и пафосомъ прикрывать истинное положеніе вещей; къ такимъ людямъ принадлежу и я. А вотъ и Клайтонъ!

— Ало, Клайтонъ, у васъ все готово?

— Да,—сказалъ Клайтонъ,—я надѣюсь. Не знаете ли вы, когда будетъ разбираться дѣло?

— Сегодня; я почти въ этомъ увѣренъ,—сказалъ Руссель.

Такъ какъ семейство Гордоновъ пользовалось большимъ вліяніемъ и имѣло обширныя связи, то многіе въ городѣ были заинтересованы исходомъ

процесса. Клайтонъ также имѣлъ много друзей, а потому въ судѣ собралась большая аудиторія слушать первую рѣчь Клайтона.

Первая рѣчь начинающаго адвоката имѣеть огромное значеніе для его будущаго. И нѣтъ ничего удивительнаго, что родные Клайтона не мало волновались по этому поводу. Въ эту минуту его отецъ, мать, сестра и Нина сидѣли въ гостиной своихъ знакомыхъ въ городѣ Е. и обсуждали предстоящее дѣло.

— Я увѣрена, что онъ выиграетъ дѣло,—сказала Анна Клайтонъ съ той увѣренностью, какая подобаеть любящей сестрѣ.— Онъ познакомилъ меня съ тѣми данными, которые онъ приведетъ въ своей рѣчи: они положительно неотразимы. Говорилъ онъ объ этомъ съ вами, отецъ?

Судья Клайтонъ ходилъ въ это время по комнатѣ, заложивъ по обыкновенію руки назадъ; услышавъ вопросъ Анны, онъ остановился и сказалъ:

— Мои взгляды настолько расходятся со взглядами Эдвардса, что я не хотѣлъ давать ему никакихъ совѣтовъ, чтобы не затруднять его въ этомъ дѣлѣ. По-моему, это безнадежное дѣло, и я бы предпочелъ, чтобы онъ началъ свою карьеру съ какого-нибудь другого дѣла.

— Почему?—спросила Анна съ живостью,—развѣ вы думаете, что онъ его проиграетъ?

— Да, если все будетъ сдѣлано, согласно закону,—сказалъ судья Клайтонъ.—Но Эдвардсъ обладаетъ большимъ талантомъ краснорѣчія, и, вѣроятно, сумѣетъ искусно уклониться отъ главной сути дѣла, а тогда, можетъ быть, выиграетъ и процессъ.

— Какъ?—спросила Нина,—я думала, что всегда рѣшаютъ согласно закону, для чего же и составляютъ законы?

— Вы еще очень наивны, мое дитя,—сказалъ судья Клайтонъ.

Но вѣдь насиліе несомнѣнно будетъ доказано, и никто не станетъ оправдывать подобнаго поведенія,—сказала Анна.

— Конечно, никто не будетъ оправдывать насилія, но дѣло не въ этомъ. Весь вопросъ въ томъ: превысилъ ли этотъ человѣкъ свои законныя права. По-моему, онъ ихъ не превысилъ.

— Батюшка, но вѣдь это ужасно!—воскликнула Анна.

— Я говорю только то, что есть, не болѣе,—сказалъ судья Клайтонъ,—и не имѣю намѣренія оправдывать этого. Но, конечно, какъ я сказалъ, Эдвардсъ, благодаря своему краснорѣчію, можетъ повліять на чувства; дѣло тогда приметъ другой оборотъ, и гуманность восторжествуетъ въ ущербъ закону.

Дѣло, которое защищалъ Клайтонъ, разбиралось послѣ обѣда. И онъ оправдалъ ожиданія своихъ друзей.

Клайтонъ очень хорошо держалъ себя, голосъ у него былъ мелодичный, говорилъ онъ краснорѣчиво. Но больше всего производило впечатлѣніе на аудиторію какое-то благородство и нравственная чистота, скво-

жившія въ каждомъ его словѣ. Онъ говорилъ горячо, съ убѣжденіемъ. Прежде всего онъ указалъ на то, что, хотя въ жизни часто является необходимымъ предоставлять большія права однимъ людямъ надъ другими, но эти права должны имѣть границы. «Законъ предоставляетъ родителямъ, попечителямъ и господамъ право наказывать за непослушаніе, имѣя въ виду, что находящіеся на ихъ попеченіи лица недостаточно развиты и не въ состояніи вполнѣ нести полной отвѣтственности за свои поступки».

«Законъ имѣлъ въ виду пользу подчиненныхъ. Изъ этого ясно вытекаетъ, что наказаніе, несправедливо наложенное или слишкомъ жестокое, опасное для жизни или для здоровья подчиненнаго, противорѣчитъ закону и является его нарушеніемъ.»

«Я постараюсь, — продолжалъ онъ, — доказать свидѣтельскими показаніями, что настоящій случай какъ разъ подходитъ къ тому, что я только что сказалъ.»

Свидѣтельскія показанія подтвердили прекрасное поведеніе Мили и ея мягкой, добрый характеръ. Тѣ же показанія выяснили всю жестокость и дикость произведеннаго надъ нею насилія.

Въ своемъ заключительномъ словѣ Клайтонъ, обращаясь къ присяжнымъ, просилъ ихъ обратить вниманіе на страданія, которыя приходится переносить африканской расѣ и своимъ рѣшеніемъ показать, что предоставляемое рабовладѣльцамъ безусловное право надъ своими рабами возлагаетъ на нихъ обязанность заботиться объ ихъ благосостояніи и безопасности. Онъ указалъ, что если эта обязанность не будетъ выполняться и если господа будутъ обращаться, какъ деспоты и тираны, то все общество пойдетъ къ вырожденію. И онъ такъ закончилъ свою рѣчь:

«Глаза всего мира смотрятъ на насъ. Во многихъ мѣстахъ насъ сурово осуждаютъ за существующее у насъ рабовладѣніе. Покажемъ же имъ, что у насъ законъ примѣняется безпристрастно и одинаково ко всѣмъ. Покажемъ, что законъ защищаетъ права рабовъ. Покажемъ, что владѣльцы безпомощныхъ негровъ—ихъ лучшіе друзья!»

Клайтонъ увлекъ за собою всю аудиторію. Его противникъ чувствовалъ себя смущеннымъ и слабо защищалъ свою сторону. Да, и дѣйствительно трудно защищать очевидныя проявленія жестокости и тираніи. Трудно говорить человѣку, не вѣрующему въ то, что онъ защищаетъ, въ особенности, когда аудиторія противъ него.

Судья, обращаясь къ присяжнымъ, сказалъ имъ, что если они находятъ наказаніе жестокимъ и несоотвѣтствующимъ проступку, то они должны вынести приговоръ въ пользу истца. Присяжные, послѣ краткаго совѣщанія, вынесли приговоръ въ пользу истца — и такимъ образомъ Клайтонъ выигралъ свое первое дѣло.

Женщина больше всего гордится своимъ возлюбленнымъ тогда, когда присутствуетъ при его успѣхѣ на общественной трибунѣ. По окончаніи суда Нина, улыбаясь и крадively, стояла, окруженная толпою знакомыхъ,

которые поздравляли ее съ успѣхомъ Клайтона. шутили надъ ней и поддразнивали ее.

— А!—сказалъ Франкъ,—мы понимаемъ, какое магическое вліяніе воздѣйствовало. Рыцарь всегда бросается въ бой съ особеннымъ мужествомъ, когда на него смотритъ дама его сердца. Побѣдой мы обязаны миссъ Гордонъ; она вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно обезсилила враждебную сторону. Вы знаете разсказъ, что магнитная гора вытаскиваетъ гвозди изъ деревянныхъ кораблей и тѣ гибнутъ. Такимъ магнитомъ была и миссъ Гордонъ по отношенію къ враждебной партіи.

— Я очень радъ,—говорилъ своей женѣ судья Клайтонъ, когда они возвращались изъ суда домой,—я очень радъ, что Эдвардъ имѣлъ такой успѣхъ. Онъ такой разборчивый, что я всегда боялся, что онъ не захочетъ заниматься судебною дѣятельностью. Въ нашей профессіи есть много такого, что задѣваетъ слишкомъ чуткую совѣсть. А онъ вообще склоненъ къ идеализму.

— Онъ поставилъ вопросъ на благородную почву,—сказала миссисъ Клайтонъ.

— Я бы легко разбилъ все его доводы,—сказалъ судья Клайтонъ.

— Пожалуйста, не говори ему этого!—воскликнула миссисъ Клайтонъ. Пускай онъ вполне наслаждается своею побѣдой.

— Конечно, не скажу. Я надѣюсь, что постепенно онъ привыкнетъ и будетъ хорошимъ судебнымъ дѣятелемъ.

Франкъ Руссель возвращался домой вмѣстѣ съ Вилли Джонсомъ.

— Не говорилъ ли я вамъ,—воскликнулъ Руссель,—что Клайтонъ на голову разобьетъ противную партію. Баркеръ страшно раздраженъ. Онъ хочетъ подать апелляцію. Но это не важно. Все-таки Клайтонъ пока торжествуетъ. А обратили вы вниманіе на миссъ Гордонъ въ то время, когда Клайтонъ говорилъ рѣчь. Боже мой, какъ она была въ это время красива. Я жалѣлъ, что она досталась не мнѣ.

— Это та самая кокетливая миссъ Гордонъ, о которой я слышалъ въ Нью-Йоркѣ?—спросилъ Джонсъ.

— Та самая.

— Какъ же такъ она влюбилась въ него?

— Какъ? Я самъ не знаю какъ! А вы обратили на нее вниманіе? Замѣтили, какіе у нея глаза? Она полна жизни и огня.

XXI. Магнолія Гровъ.

По окончаніи суда, который былъ нами описанъ въ предыдущей главѣ, Клайтонъ возвратился къ своимъ дѣламъ, а Анна уговорила Нину поѣхать вмѣстѣ съ ней на нѣсколько недѣль на плаптацію Магнолія Гровъ. И мы съ читателемъ перенесемся теперь на тѣнистую веранду дома Клайтоновъ въ Магноліи Гровъ.

Свое названіе плантація получила, благодаря тому, что домъ былъ окруженъ цѣлой рощей прекрасныхъ магнолій. Домъ былъ низкій, но длинный и со всѣхъ сторонъ окруженъ верандой, по столбамъ которой вились прекрасныя, южныя, вьющіяся растенія.

Было еще раннее утро. Нина и Анна сидѣли за утреннимъ завтракомъ; Анна Клайтонъ въ своемъ бѣломъ утреннемъ капотѣ; здоровая, розовая, съ бѣлыми красивыми зубами, съ чудной улыбкой на губахъ, выглядѣла настоящей королевской розой Дамаска. Она была дѣйствительной королевой на своей плантаціи и царствовала тамъ, благодаря той любви, которую она внушала всѣмъ.

Африканскія племена вообще склонны къ поклоненію и обожанію, а потому всѣ негры на плантаціи Клайтона любили Анну, преклонялись передъ ней и гордились ею. Нина провела всего одинъ день на плантаціи и уже успѣла убѣдиться, какимъ безусловнымъ вліяніемъ пользовалась Анна, и какъ всѣ кругомъ ее обожали.

— Какъ прекрасно пахнутъ магноліи,—сказала Нина,— какъ я рада, что вы такъ рано подняли меня сегодня утромъ!

— Въ нашемъ климатѣ необходимо рано вставать, если вы дѣйствительно хотите наслаждаться красотой природы. Я принадлежу къ людямъ, которые любятъ чувствовать жизнь. Покой и мечты не удовлеворяютъ меня. Я хочу постоянно чувствовать, что я живу и что-то дѣлаю.

— Вы не только номинальная хозяйка, какъ я, вы дѣйствительная хозяйка. Какъ вы умѣете со всѣмъ управиться? Неужели вы находите возможнымъ все держать здѣсь открытымъ?

— Да,—отвѣтила Анна,— благодаря Богу, избавились отъ необходимости имѣть замки. Когда я впервые пріѣхала сюда, то всѣ мнѣ говорили, что безуміе держать все открытымъ. Но я рѣшила добиться своего, Эдвардъ меня поддержалъ. И вы видите, какихъ результатовъ мы достигли.

— Просто удивительно,—сказала Нина,— вы точно обладаете какою-то магическою силой. Я никогда не видѣла, чтобы все хозяйство шло такъ хорошо. Повидимому, всѣ ваши слуги серьезно интересуются тѣмъ, что дѣлаютъ. Какъ вы добились этого? Съ чего вы начали?

— Хорошо,—сказала Анна,— я расскажу вамъ исторію этой плантаціи. Прежде она принадлежала дядѣ моей матери. Онъ жилъ съ одной квартирантой, женщиной страшно вспыльчивой и въ гнѣвъ проявлявшей очень большую жестокость. Отношеніе къ прислугѣ постоянно измѣнялось—отъ крайней снисходительности сразу переходили къ крайней жестокости. Вы не можете себя представить, какой былъ здѣсь беспорядокъ. Первый моментъ, когда я сюда пріѣхала у меня даже опустились руки: повсюду господствовали обманъ, ложь, воровство, лѣность; но Эдвардъ уговорилъ меня сдѣлать попытку привести хозяйство въ порядокъ. Я начала съ того, что созвала всю прислугу и обратилась къ нимъ со слѣдующими словами: „Мнѣ сказали, что всѣ вы страшные воры и что я должна все запирать и

прятать отъ васъ. Но я этому не повѣрила. Я отвѣтила, что такъ говорятъ потому, что не знаютъ, какъ много въ васъ хорошаго. Я оставлю всѣ двери и ящики открытыми и не буду подкарауливать васъ, и докажу вашимъ обвинителямъ, что они неправы. Конечно вы сможете брать все, что вамъ угодно изъ моихъ вещей, но если черезъ нѣкоторое время я приду къ убѣжденію, что вы недостойны довѣрія, то я возвращусь къ старому способу управленія“. — И вы, Нина, не можете себѣ представить, каковы были результаты. Я просто не вѣрила своимъ глазамъ — такъ все измѣнилось. Несчастные, бѣдные рабы увидавъ, что кто-то, выше ихъ стоящій, относится къ нимъ хорошо и довѣряетъ имъ, стремились оправдать это довѣріе. Старшіе наблюдали за младшими, и мнѣ было мало хлопотъ. Нѣкоторое безпокойство причиняли мнѣ ребяташки, которые забирались въ кладовыя и таскали сладкое. Я опять созвала всю прислугу, сказала имъ, что очень довольна ихъ поведеніемъ, убѣдилась въ томъ, что имъ можно довѣрять и что теперь лица, обвинявшія ихъ въ воровствѣ, крайне изумлены ихъ поведеніемъ. „Но, — прибавила я, — у меня пропадаетъ сладкое; очевидно, кое-кто изъ дѣтей. И вотъ что я рѣшила. Мнѣ не жалко сладкаго: если кто изъ васъ захочетъ полакомиться, пусть себѣ ѣстъ на здоровье, но мнѣ очень неприятно, что у меня въ кладовой все перебирается и все перещупывается руками. Поэтому я каждый день буду выставлять блюдо съ кѣками на столъ и каждый, кому захочется, можетъ брать его, не забираясь въ мою кладовую“. — И, повѣрите, выставленные мною кѣки никто не трогалъ, они такъ и засохли.

— Ну, — сказала Нина, — я не думаю, чтобы мой Томтитъ устоялъ отъ соблазна. И знаете, что я вамъ скажу, Анна, я думаю, что даже бѣлые дѣти не были бы такъ добродѣтельны.

— Милая моя, — отвѣтила Анна, — бѣлымъ дѣтямъ не въ диковинку хорошее къ нимъ отношеніе. А для бѣдныхъ негритянскихъ дѣтей высказанное къ нимъ довѣріе вещь необычайная и представляетъ всю прелесть новизны.

— Мнѣ кажется, что вы избрали вѣрный путь, — сказала Нина, — я сужу по себѣ. Ничто на меня не дѣйствуетъ такъ, какъ довѣріе. Я считаю себя связанной долгомъ по отношенію къ тому, кто мнѣ довѣряетъ. Ну, а какъ относительно работъ на плантаціи, — вы употребляете ту же систему?

— Съ рабочими на плантаціи было управиться нѣсколько труднѣе. Эдвардъ сдѣлалъ все возможное, чтобы вызвать у нихъ самоуваженіе. Онъ велѣлъ построить для рабочихъ на плантаціи тѣ хорошенькіе коттеджи, которые вы видѣли сегодня. Тамъ же онъ устроилъ большую купальню; мытье и купанье не были обязательнымъ, но тѣхъ, которые купались и вообще болѣе другихъ обращали вниманіе на чистоту и опрятность, поощряли всевозможными способами. Эдвардъ устроилъ также нѣчто вродѣ суда присяжныхъ для разбора проступковъ, совершаемыхъ рабочими. И вы

представьте себѣ, что въ своихъ приговорахъ они всегда склоняются въ сторону строгости, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ проявляютъ много здраваго смысла. Строгость приговоровъ объясняется тѣмъ, что съ этими несчастными созданными обращались очень сурово, благодаря чему они нѣсколько ожесточены. Теперь все идетъ и на плантаціи недурно. Этого мы достигли съ большимъ трудомъ. Но я не стану утомлять васъ рассказомъ обо всѣхъ препятствіяхъ, которыя намъ встрѣчались при осуществленіи нашего плана.

— Ну, а что думаютъ ваши сосѣди по поводу всего этого?—спросила Нина.

— Тѣ, съ которыми мы знакомы, люди очень благовоспитанные и вѣжливые, а потому не позволяютъ себѣ открыто выражать свое мнѣніе. Но мнѣ кажется, что они относятся довольно подозрительно къ нашимъ новшествамъ. Объ этомъ я сужу по нѣкоторымъ случайно вырвавшимся замѣчаніямъ. Ихъ, конечно, не мало удивляетъ, что мы вводимъ новые способы управленія, которые не приносятъ намъ никакой денежной выгоды. И въ этомъ отношеніи они правы: плантація еле-еле покрываетъ расходы. Да Эдвардъ объ этомъ и не заботится. Больше всего вызываетъ неудовольствія у сосѣдей наше школьное дѣло. Я сама ежедневно въ теченіе двухъ часовъ обучаю дѣтей. А господинъ Смиль, нашъ агентъ, охотно занимается съ тѣми изъ взрослыхъ, которые пожелаютъ учиться. И теперь уже многіе изъ мужчинъ и женщинъ очень недурно читаютъ. Эдвардъ постоянно присылаетъ имъ новыя книги. Вы знаете, что обученіе рабовъ запрещено закономъ. Но не можемъ же мы подчиняться несправедливому закону. Съ этой стороны намъ, конечно, угрожаетъ опасность, но надо думать, что все обойдется благополучно.

— Но къ чему же все это приведетъ?—спросила Нина.

— Эдвардъ надѣется, что въ скоромъ времени станетъ возможнымъ освобожденіе негровъ на такихъ же условіяхъ, на какихъ были освобождены крѣпостные въ Англіи. Но мнѣ кажется, что онъ ошибается. Другіе бѣлые не похожи на него... Но кто это ѣдетъ сюда? Господи, это мой поклонникъ мистеръ Брэдшау.

Въ эту минуту верхомъ на лошади подъѣхалъ къ крыльцу среднихъ лѣтъ мужчина, очень изящно одѣтый; въ рукахъ онъ держалъ большой букетъ. Слѣзши съ лошади, которую онъ передалъ своему слугѣ, и поднявшись на крыльцо, онъ съ любезнымъ видомъ подалъ букетъ Аннѣ.

— Это,—сказалъ онъ,—первыя расцвѣтшія розы изъ тѣхъ, которыя я развелъ у себя въ Розедалѣ.

— Прекрасныя розы,—сказала анна, беря букетъ.—Позвольте васъ познакомить съ миссъ Гордонъ.

— Миссъ Гордонъ, я очень польщенъ,—сказалъ мистеръ Брэдшау, вѣжливо кланаясь.

— Вы попали какъ разъ во время, мистеръ Брэдшау,—сказала Анна,—вы, вѣроятно, не откажетесь съ нами позавтракать.

— Благодарю васъ, миссъ Анна, я не могу отказаться отъ такого соблазнительнаго предложенія.

И мистеръ Брэдшау сѣлъ за столъ и, обращаясь къ Аннѣ, спросилъ:

— Ну, какъ подвигается впередъ осуществленіе вашихъ плановъ, вашихъ человѣколюбивыхъ заботъ? Я надѣюсь, что ваши ангельскіе труды не черезчуръ утомляютъ васъ.

— Нисколько, мистеръ Брэдшау, развѣ я выгляжу утомленной?

— Нисколько. Знаете, ваша энергія поражаетъ насъ всѣхъ!

Зоркій глазъ Нины замѣтилъ по легкому выраженію нервности и безпокойства у г. Брэдшау, что онъ хочетъ что-то сказать Аннѣ, но очевидно его стѣсняетъ присутствіе третьяго лица. И потому, по окончаніи завтрака, она, подъ благовиднымъ предлогомъ, удалилась къ себѣ въ комнату. По уходѣ Нины мистеръ Брэдшау пододвинулъ свой стулъ ближе къ Аннѣ и заговорилъ конфиденціальнымъ тономъ.

— Мнѣ надо вамъ сообщить, миссъ Клайтонъ, — сказалъ онъ, — кое-что, что волнуетъ меня. И я надѣюсь, что, въ виду нашей старой дружбы, вы позволите мнѣ говорить о дѣлѣ, которое непосредственно касается только вашего семейства. Дѣло въ томъ, что на дняхъ я обѣдалъ въ компаніи избраннаго общества у полковника Грандона. Тамъ, между прочимъ, говорили о вашемъ братѣ. Къ нему относились съ большимъ уваженіемъ и высоко цѣнили мотивы, которые руководятъ его дѣйствіями, но находили, что онъ идетъ по опасной дорогѣ.

— Опасной? — спросила Анна съ удивленіемъ.

— Опасной, это также и мое мнѣніе.

— Я ничего не понимаю, — воскликнула Анна.

— Послушайте, дорогая Анна, всѣ эти улучшенія, вводимыя вами на плантаціи — конечно, вы всѣ это дѣлаете съ самыми высокими цѣлями — очень, очень опасны.

Торжественный тонъ, которымъ это было сказано, чуть не заставилъ Анну разсмѣяться. Но, когда она увидѣла выраженіе озабоченности на лицѣ своего стараго друга, она сама нѣсколько смутилась и спросила.

— Объясните, пожалуйста, въ чемъ дѣло, я ничего не понимаю.

— Мы вполне оцѣниваемъ ваши гуманныя, полныя самоотверженія заботы о вашихъ слугахъ. Всѣ находятъ это восхитительнымъ, и вы являетесь для насъ настоящимъ образцомъ женщины. Но когда дѣло касается обученія негровъ грамотѣ, то, — и онъ при этомъ понизилъ голосъ, — то вы даете опасное оружіе въ ихъ руки. Грамотность распространится среди негровъ и на другихъ плантаціяхъ, въ особенности среди свѣдлыхъ негровъ, а они самые опасныя.

— Я не понимаю, какую вы опасность видите въ грамотности.

— Какъ вы не понимаете? Вы научите своихъ негровъ читать и писать. У нихъ станутъ открываться глаза; они станутъ думать и пони-

мать многое, что дѣлается кругомъ; они пріобрѣтутъ свой взглядъ на вещи, и не будутъ руководствоваться вашимъ.—Тогда у нихъ проявится стремленіе къ возстанію. И какъ бы вы тогда съ ними хорошо не обращались, они будутъ устраивать заговоры, производить бунты и т. п. Мы, каролинцы, это уже разъ испытали. Вождями заговора тогда были грамотные негры, которымъ жилось у своихъ господъ очень хорошо. Это грустно сказать, но ужъ такова неблагодарная человѣческая натура. По-моему, самое лучшее, что можно сдѣлать для негровъ, это ихъ хорошо кормить и поить, хорошо одѣвать, давать имъ возможность развлекаться и не переутомлять работой. Все это будетъ гораздо лучше, нежели давать имъ бесполезныя для нихъ знанія. Конечно, можно ихъ устно обучать пѣнію псалмовъ и кое-какимъ выдержкамъ изъ священнаго писанія, соотвѣтствующимъ ихъ положенію. Вы меня, надѣюсь, извините, миссъ Анна, что я позволяю себѣ говорить все это, но дѣло принимаетъ серьезный оборотъ. Ваши сосѣди начинаютъ не на шутку беспокоиться. Ваша система пріобрѣтаетъ вліяніе на ихъ негровъ. Такъ, одинъ изъ моихъ сосѣдей разсказывалъ недавно мнѣ, что одинъ изъ его негровъ, очень способный малый, недавно женился на одной изъ вашихъ женщинъ. И что же? Его недавно поймали за изученіемъ грамматики. Этотъ человѣкъ очень рѣшительный и умный, и, если онъ научится читать и писать, то будетъ способенъ на все. Нашъ сосѣдь отнял у него грамматику и сказалъ, что если его еще разъ поймать съ книжкой, то онъ получитъ тридцать девять ударовъ кнута. И чѣмъ же все это кончилось? Этотъ негръ сталъ вести себя невозможно и господинъ долженъ былъ его продать. Вотъ къ чему приводятъ всѣ ваши заботы.

— Хорошо,—сказала Анна, нѣсколько смущенная,—я запрещаю своимъ неграмъ передавать книги кому бы то ни было внѣ нашей плантаціи и не позволю имъ обучать кого бы то ни было изъ чужихъ негровъ.

— Это ни къ чему не приведетъ,—сказалъ Брэдшау.—Развѣ вы не знаете, какъ привлекаетъ людей все запрещенное, а въ особенности, если дѣло касается чтенія. Это, какъ огонь, и разъ вы зажгли его, онъ охватитъ пламенемъ всѣ плантаціи вокругъ—и для васъ тутъ поднимется вопросъ о жизни или смерти. Вы улыбаетесь, миссъ Анна, но это такъ.

— Мнѣ все это неприятно, мистеръ Брэдшау, и хотя очень жаль, что я вызываю беспокойство сосѣдей, но...

— Позвольте мнѣ вамъ напомнить, миссъ Анна, что законъ запрещаетъ обучать грамотѣ рабовъ, и что за это налагаются строгія наказанія.

— Я думаю,—сказала Анна,—что этотъ варварскій законъ въ настоящее время не болѣе, какъ мертвая буква. Онъ такъ не къ мѣсту въ христіанскомъ государствѣ.

— Ни подъ какимъ видомъ, ни подъ какимъ видомъ, миссъ Анна! Посмотрите, что дѣлается у насъ въ южной Каролинѣ. На двухъ бѣлыхъ приходится три негра. И что будетъ, если вы обучите негровъ чтенію и письму, и они, благодаря этому, получатъ возможность сообщаться другъ съ другомъ?

Копеяно, намъ неприятно вмѣшиваться въ дѣла нашихъ сосѣдей, и мы не обратили бы вниманія, если бы вы обучили частнымъ образомъ нѣсколькихъ человѣкъ изъ своихъ негровъ. Но устраивать правильное обученіе всѣхъ вашихъ негровъ вообще... это можетъ повести къ неприятнымъ для васъ послѣдствіямъ, миссъ Анна.

— Итакъ, меня посадятъ въ тюрьму, мистеръ Брэдшау, за то, что я обучаю дѣтей грамотѣ. Но я все-таки, мой дорогой другъ, буду продолжать свое дѣло, и теперь покажу вамъ свою школу.

Къ нимъ присоединилась Нина, и они втроемъ пошли по дорожкѣ между манголіями. Вскорѣ компанія подошла къ хорошему домику въ греческомъ стилѣ.

— Что это? — спросилъ мистеръ Брэдшау.

— Это наша школа, — сказала Анна.

Въ школьномъ залѣ полъ былъ покрытъ бѣлыми циновками. Стоялъ рядъ чистенькихъ партъ. Кое-гдѣ по стѣнамъ висѣли гравюры и плакаты съ напечатанными на нихъ текстами изъ евангелія. Войдя въ залу, Анна позвонила. Черезъ нѣсколько мгновеній раздался топотъ дѣтскихъ ногъ, и въ залъ вбѣжала толпа дѣвочекъ въ возрастѣ отъ четырехъ до пятнадцати лѣтъ. Дѣвочки были всѣхъ цвѣтовъ, начиная отъ цвѣта чернаго дерева съ шерстистыми вьющимися волосами и черными глазами и до совершенно бѣлыхъ квартероновъ съ свѣтлыми глазами и волнистыми волосами. Всѣ дѣвочки были одѣты одинаково: въ платья изъ синей матеріи, въ бѣлыхъ фартукахъ и въ бѣлыхъ чепчикахъ.

Когда дѣти разсѣлись по мѣстамъ, Анна ударила въ ладоши, и весь классъ запѣлъ утренній гимнъ. Пѣли такъ согласно и такъ трогательно, что на глазахъ у мистера Брэдшау показались слезы. По окончаніи гимна былъ произведенъ небольшой экзаменъ. Дѣти были раздѣлены на группы и занимались подъ руководствомъ старшихъ дѣвочекъ. Сама Анна наблюдала за всѣмъ классомъ и давала нужныя указанія. Анна показала мистеру Брэдшау образцы письменныхъ работъ, черченія картъ и рисованія. Мистеръ Брэдшау просто не могъ опомниться отъ удивленія.

— Честное слово, — воскликнулъ онъ, — вы настоящая волшебница и положительно рискуете, что васъ въ одинъ прекрасный день сожгутъ за колдовство.

— Видите, мистеръ Брэдшау, — сказала Анна, — какія способности можетъ проявить это несчастное, забитое племя.

Когда они шли обратно, мистеръ Брэдшау былъ очень задумчивъ, и по лицу его можно было судить, что онъ охваченъ грустными мыслями.

— О чемъ вы думаете? — спросила Анна.

— Все это меня очень печалитъ. Что изъ этого выйдетъ при ихъ теперешнемъ положеніи? — Возбудить въ нихъ чувство недовольства, и они будутъ несчастны. Вѣдь вы знаете миссъ Анна, что подняшіе возстаніе въ Карлстонѣ были наиболѣе способными развитыми изъ рабовъ.

— А вы знаете, мистеръ Брэдшау,—отвѣтила Анна,—что возстаніе въ Италіи, Австріи и Венгріи также было поднято лучшими людьми.

— Итакъ, вы сами признаете, что сказавъ А, нужно сказать Б.

— Конечно,—сказала Анна,—и когда придетъ время, я готова сказать Б. Я хорошо понимаю, что очень опасно разводить пары и не давать машинѣ хода, и я вполне готова къ тому, чтобы машина двинулась впередъ, когда давленіе пара будетъ достаточно высоко!

— Но, миссъ Анна, другіе не будутъ согласны, чтобы машина двинулась впередъ. Вѣдь тутъ идетъ вопросъ о всей нашей собственности, о всѣхъ средствахъ нашей жизни. Вы готовы дать свободу вашимъ людямъ, когда они ее потребуютъ. Но другіе—нѣтъ. А огонь съ вашей плантаціи перебросится на всѣ сосѣднія. Мнѣ чрезвычайно нравится ваша школа, но я не могу не думать о послѣдствіяхъ, къ которымъ она можетъ привести.

— Очень вамъ благодарна за все, что вы высказали мнѣ такъ дружески и чистосердечно. Но я буду продолжать начатое мною дѣло, игнорируя антихристіанскій законъ. Конечно, я буду вести дѣло нѣсколько осторожно, но если я все таки за это попаду въ тюрьму, то, надѣюсь, мистеръ Брэдшау, вы будете навѣщать меня.

— Прошу васъ извинить меня, миссъ Анна, за мой несчастный намекъ относительно тюрьмы.

— Въ наказаніе за это вы должны остаться и провести день съ нами. Я покажу вамъ свои розовые кусты, и мнѣ нужно кой о чемъ посоветоваться съ вами. Я имѣю коварный замыселъ сдѣлать васъ соучастникомъ моего государственнаго преступленія. Да вы и такъ, собственно, уже оказались соучастникомъ, посѣтивъ мою школу.

— Благодарю васъ, миссъ Анна, конечно, я былъ бы очень счастливъ принять участіе во всѣхъ вашихъ измѣническихъ заговорахъ, но, къ несчастью, я пригласилъ сегодня на обѣдъ четырехъ друзей, и мнѣ приходится отказаться отъ вашего любезнаго приглашенія.

— Онъ большой добрякъ,—замѣтила Анна, послѣ отъѣзда Брэдшау.

— Вы знаете,—сказала Нина, смѣясь,—когда онъ пріѣхалъ, я думала, что это одинъ изъ несчастныхъ влюбленныхъ, собирающійся сдѣлать вамъ предложеніе. Я убѣждала къ себѣ, не желая помѣшать соотвѣтствующему объясненію.

— Милая моя,—сказала Анна,—вы немощко запоздали со своимъ предположеніемъ. Мы съ мистеромъ Брэдшау имѣли уже подобное объясненіе нѣсколько времени тому назадъ. И теперь мы съ нимъ просто хорошие друзья.

— Скажите, пожалуйста, Анна, почему вы никого не полюбите?—спросила Нина.

— Я думаю, моя милая, что при моемъ созданіи осталось что то недодѣланнымъ,—сказала Анна смѣясь,—я никогда не имѣла большого влече-

енія къ представителямъ сильнѣйшей половины человѣческаго рода. Съ ними можно имѣть дѣло до тѣхъ поръ, покуда они въ васъ не влюбятся— тогда же они становятся невыносимыми. Влюбленный левъ не представляетъ собой могучей фигуры. Я не могу выйти замужъ за отца или за Эдварда, а мужчинъ, подобныхъ имъ, я не встрѣчала. Помимо того, я чувствую себя счастливой и не нуждаюсь ни въ комъ изъ нихъ. Развѣ не можетъ женщина довольствоваться сама собой? Но меня очень огорчаетъ, что наша работа вызываетъ безпокойство сосѣдей.

— По-моему,—сказала Нина,—слѣдовало бы идти впередъ, не обращая ни на что вниманіе. Вѣдь всегда стараются препятствовать тѣмъ людямъ, которые идутъ по новому пути. А когда убѣждаются, что этихъ людей не остановить, то и другіе присоединяются къ нимъ. Я думаю, такъ будетъ и съ вами.

— Возможно. А вотъ и Дульцимеръ ѣдетъ съ письмами.

Въ этотъ моментъ Дульцимеръ подѣхалъ въ верандѣ и, слѣзши съ лошади, передалъ Аннѣ мѣшокъ съ письмами.

— Какое странное имя вы дали этому человѣку,—сказала Нина.— У него дѣйствительно смѣшной видъ, онъ мнѣ напоминаетъ ворону.

— Дульцимеръ не нашъ воспитанникъ,—сказала Анна,—онъ былъ первымъ министромъ и любимцемъ при прежнихъ владѣльцахъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ бы официальнымъ придворнымъ шутомъ. Онъ умѣетъ только пѣть и танцовать. Такъ какъ Эдвардъ не хочетъ, по принципу, никого насиловать, то онъ возложилъ на Дульцимера легкія, подходящія для него, обязанности. А вотъ и для васъ,—продолжала она, передавая письмо Нинѣ.—Я такъ и думала!—продолжала она, раскрывая другое письмо.— Знаете, моя милая кошечка, Эдвардъ пишетъ мнѣ, что по дѣламъ онъ долженъ быть въ нашихъ мѣстахъ. Не правда ли, подходящія дѣла? Онъ будетъ здѣсь сегодня вечеромъ. То-то будетъ праздникъ! А ты еще здѣсь, Дульцимеръ? а я думала, что ты ушелъ,—замѣтила она, увидѣвъ негра, стоявшаго подъ тѣнью дерева у веранды.

— Это правда, миссъ Анна, что мистеръ Клайтонъ пріѣзжаетъ сегодня?

— Да, Дульцимеръ, это правда, и ты можешь побѣжать и разболтать эту новость, это именно то, чего тебѣ хочется.

Дульцимеру этого было достаточно. Онъ моментально скрылся изъ виду.

— Я убѣждена, что онъ придумаетъ что-нибудь особенное къ сегодняшнему вечеру.

— Что особенное?—спросила Нина.

— Онъ у васъ играетъ также роль трубадура и теперь, вѣроятно, придумываетъ какую нибудь новую пѣсню,—вечеромъ у насъ будетъ нѣчто вродѣ представленія.

Вечеромъ, когда Анна съ Ниной сидѣли на верандѣ, появился Дульцимеръ, одѣтый съ большимъ стараніемъ и подалъ на подносѣ письмо Аннѣ.

— Боже мой,—воскликнула Анна,—какъ изящно, бумага съ золотымъ обрѣзомъ. Посмотримъ, что это.

„Трубадуръ Магноліи Гровъ проситъ мистера и миссъ Клайтонъ и миссъ Гордонъ почтить своимъ присутствіемъ представленіе, которое будетъ даваться сегодня въ восемь часовъ вечера въ Магноліевой рошѣ.

— Очень хорошо написано. Я увѣрена, что писала одна изъ моихъ ученицъ. Мы придемъ съ удовольствіемъ, Дульцимеръ.

— Интересно, откуда онъ заимствовалъ такіе обороты рѣчи,—сказала Нина по уходѣ Дульцимера.

— Я же вамъ говорила, что онъ былъ любимцемъ своего прежняго господина и тотъ бралъ его повсюду съ собою во время своихъ путешествій. И онъ кое что позаимствовалъ.

— Онъ, должно быть, веселый малый,—замѣтила Нина.

— Да, но совершенно лишенный какихъ бы то ни было нравственныхъ чувствъ. Смѣхъ и шутка для него все. Съ нимъ очень трудно управляться. Эдвардъ думаетъ, что въ немъ проявятся нравственныя чувства. Вы знаете, что вѣра Эдварда въ лучшія стороны человѣческой души безпредѣльна. Но я въ этомъ сильно сомнѣваюсь. Дульцимеръ совершенно не понимаетъ разницы между ложью и правдой, между тѣмъ, что ему принадлежитъ и что принадлежитъ другому, и все свои грѣхи привыкъ прикрывать шуткой и такъ ловко, что не хватаетъ духу дѣлать ему выговоръ. Но, слышите, кто то ѣдетъ къ намъ по аллеѣ.

Обѣ прислушались.

— Ёдутъ двое,—сказала Нина.

Въ эту минуту на аллеѣ показался Клайтонъ въ сопровожденіи Франка Русселя. Въ то же время раздались звуки скрипокъ и банжо и появилась цѣлая процессія разодѣтой прислуги и дѣтей во главѣ съ Дульцимеромъ и музыкантами.

— Ну, что,—сказала Анна,—не говорила я вамъ, что Дульцимеръ что-нибудь устроитъ?

Толпа пѣла, отчеканивая рифмы и ритмъ, что являлось характернымъ для негритянскаго пѣнія. До слуха Нины и Анны доносились слова: „мы видимъ ѣдущаго по дорогѣ нашего господина, подковы его лошади стучать: клакъ, клакъ, клакъ!“ При этомъ толпа била въ ладоши. Заканчивалась пѣсня слѣдующими словами: „прокричимъ три раза — ура! нашему доброму господину. Ура! ура! ура!“

Клайтонъ, сидя на лошади, раскланялся съ толпой, выстроившейся въ двѣ шеренги, среди которыхъ онъ проѣхалъ къ верандѣ.

— Я и не ожидалъ подобной встрѣчи,—воскликнулъ Франкъ Руссель,—принимаютъ точно президента.

Когда Клайтонъ подъѣхалъ къ крыльцу, около дюжины рукъ протя-

нулось поддержать его лошадь. Клайтонъ обмѣнялся нѣсколькими привѣтствіями съ окружающими, и толпа разошлась.

— У васъ былъ торжественный вѣздъ, — замѣтила Нина.

— Дульцимеръ всегда что-нибудь предпринимаетъ въ подобныхъ случаяхъ; онъ ни на что другое не способенъ.

— Какая у васъ тутъ идиллія. Очевидно, мы попали въ замокъ царицы-волшебницы, — сказалъ Франкъ Руссель.

Пріѣзжіе прошли во внутреннія комнаты, въ скоромъ времени возвратившись переодѣтыми въ бѣлые костюмы, и затѣмъ всѣ усѣлись за чайный столъ.

— Вы знаете, господа, — сказала Анна, когда чаепитіе окончилось, поглядывая на часы, — сегодня мы всѣ приглашены въ оперу.

— Да, — замѣтила Нина, — сегодня открывается опера Магноліи Гровъ, и труппа здѣшняго трубадура впервые выступитъ на сценѣ.

Въ эту минуту, ко всеобщему удивленію, появился на верандѣ Дульцимеръ съ тремя сотоварищами неграми. У каждого изъ нихъ къ курткѣ былъ пришпилень бѣлый бантикъ, и въ рукахъ у каждого былъ жезль, украшенный сатиновыми лентами. Войдя на веранду, они стали у выхода по два съ каждой стороны.

— Въ чемъ дѣло, Дульцимеръ? — спросилъ Клайтонъ.

Дульцимеръ съ важностью поклонился и заявилъ, что они пришли по порученію распорядительнаго комитета проводить джентльменовъ и леди на ихъ мѣста.

— Какъ жаль! — воскликнула Нина, — что я не захватила своей шляпы для оперы. Но ничего, все это я сейчасъ исправлю. — И она, оторвавъ вѣтку съ розами, украсила ею себѣ голову. — Садитесь, — обратилась Нина къ Аннѣ, — я украшу вашу голову вѣнкомъ. Вы выглядите, какъ первая балтиморская красавица... а теперь пойдете.

Представленіе должно было происходить на полянѣ позади дома. На деревьяхъ были развѣшаны фонари, которые красиво просвѣчивали черезъ зеленую листву. Между двумя магноліевыми деревьями была протянута веревка, на ней висѣлъ бѣлый занавѣсъ. Въ тотъ моментъ, когда гости вышли на поляну, за занавѣсомъ раздалось пѣніе привѣтственной пѣсни. Когда же гости усѣлись на свои мѣста, занавѣсъ поднялся, и хоръ, состоящій изъ тридцати человѣкъ мужчинъ и женщинъ, вышелъ на сцену. Всѣ были въ своихъ лучшихъ праздничныхъ костюмахъ. На сцену они выходили въ тактъ, подъ звуки пѣсни, причемъ у каждого изъ нихъ въ рукахъ былъ букетъ. Сойдя со сцены, они обошли съ пѣніемъ всю поляну и къ ногамъ каждого изъ гостей бросали по букету. Къ ногамъ Нины былъ брошенъ вѣнокъ изъ fleurs d'oranges. Обойдя гостей, хоръ усѣлся у правой стороны сцены. Одновременно поляна наполнилась моремъ черныхъ головъ многочисленной прислуги и рабочихъ плантаціи. Дульцимеръ съ четырьмя своими сотоварищами вшелъ на сцену.

— Главную роль, конечно, будетъ выполнять Дульцимеръ: онъ признанный трубадуръ плантаціи, — замѣтила Анна.

Дульцимеръ началъ пѣть речитативомъ: «Нашъ господинъ лежитъ въ сырой землѣ». Послѣ каждой строфы подхватывалъ пѣсню квартетъ, а затѣмъ хоръ.

— Что это начали пѣть такимъ заунывнымъ тономъ? — спросила Нина.

— Подождите минутку, — отвѣтила Анна, — теперь они поютъ о старомъ господинѣ, а затѣмъ они перейдутъ на болѣе веселый тонъ.

И, дѣйствительно, закончивъ первую пѣсню, Дульцимеръ запѣлъ вторую созвѣмъ другимъ тономъ. Въ этой пѣснѣ восхвалялись достоинства новаго господина.

— Вы теперь услышите, какъ всѣ добродѣтели Эдварда будутъ перечислены въ рифмованныхъ стихахъ.

Дульцимеръ продолжалъ пѣть, и вслѣдъ за нимъ каждая четыре строки повторялъ хоръ, а затѣмъ повторяла вся обширная аудиторія, хлопая при этомъ въ ладоши и притопывая въ тактъ ногами.

— Ну, теперь, Анна, начинается перечисленіе вашихъ достоинствъ, — сказала Нина, — когда Дульцимеръ началъ повышеннымъ тономъ перечислять достоинства миссъ Анны.

— Да, — сказала Клайтонъ, — это перечисленіе, вѣроятно, будетъ очень длиннымъ.

— Меня, надѣюсь, они оставятъ въ покоѣ, — замѣтила Нина.

— Ну, не будьте такъ увѣрены, — отвѣтила Анна, — я замѣтила, какъ Дульцимеръ все время посматривалъ на васъ съ тѣхъ поръ, какъ мы пришли сюда.

Такъ и случилось. Закончивъ восхваленіе Анны, Дульцимеръ приостановился и съ многозначительнымъ видомъ посмотрѣлъ въ сторону Нины.

— Теперь начинается, — сказала Анна, — берегитесь, Нина!

Лукаво посматривая изъ-подъ своихъ опущенныхъ вѣкъ, Дульцимеръ началъ новую пѣсню: „господинъ часто уѣзжаетъ — знаете куда? въ Сѣверную Каролину, гдѣ цвѣтетъ роза Сѣверной Каролины.

— Вотъ, вы и попались, — замѣтилъ Франкъ Руссель, — посмотрите, какъ все кругомъ улыбается.

Въ эту минуту вся толпа съ большимъ энтузіазмомъ подхватила: „роза Сѣверной Каролины, роза Сѣверной Каролины, мы желаемъ счастья нашему господину съ розой Сѣверной Каролины“.

— Я думаю, что розѣ Сѣверной Каролины слѣдовало бы встать, — замѣтилъ Руссель.

— Молчите, — сказала Анна, — Дульцимеръ еще не закончилъ.

Ставъ въ позу, Дульцимеръ, повернувшись къ одному изъ своихъ товарищей, пропѣлъ: „Я вижу на небѣ двѣ восходящія звѣзды“.

Другой пропѣлъ въ отвѣтъ: „Пѣть, мой милый, ты ошибаешься, это блестятъ ея глаза“.

Опять запѣлъ Дульцимеръ: „Я вижу двѣ цвѣтуція розы на одной вѣткѣ“.

Другой въ отвѣтъ: „Нѣтъ, мой милый, ты ошибаешься, это румянецъ ея щекъ“.

— Эти щеки еще болѣе покраснѣли, — замѣтила Анна, ударивъ Нину вѣеромъ. Дульцимеръ, очевидно, превзошелъ самого себя, описывая вась, Нина.

Дульцимеръ продолжалъ: „Я вижу вьющіяся виноградныя лозы“.

Получился отвѣтъ: „Нѣтъ, милый мой, ты ошибаешься, это кольцами завиваются ея кудри“.

Тутъ подхватилъ квартетъ: „Она танцуетъ, какъ солнечный лучъ, ея маленькія ножки стучатъ, какъ капли дождя по цвѣтамъ, ея улыбка, подобна благодатной росѣ въ жаркій день.“

— Дульцимеръ, очевидно, вошелъ въ стачку съ нѣкоторыми музами, здѣсь находящимися, — замѣтилъ Клайтонъ.

— Тише, — сказала Анна, — слушайте хоръ.

И хоръ запѣлъ: „О, роза Сѣверной Каролины, о, роза Сѣверной Каролины! Пусти свои корни здѣсь у насъ“. Послѣднюю строфу хоръ повторилъ три раза. Все собраніе разразилось веселымъ смѣхомъ, исполнители, раскланнвшись, удалились, и занавѣсъ былъ опущенъ.

— Слушай, Анна, — сказалъ Клайтонъ, — признайся, это сочиненіе не одного Дульцимера.

— Сказать по правдѣ, — отвѣтила Анна, — это совмѣстное творчество Дульцимера и Летици, — у нея природный даръ къ стихосложенію. Если ее поощрять, то изъ нея выйдетъ настоящая поэтесса.

Въ это время Дульцимеръ со своими помощниками появились съ подносами въ рукахъ, на подносахъ стоялъ лимонадъ, на тарелкахъ были разложены кѣки, ломтики ананаса и другіе фрукты.

— Нѣкоторые изъ голосовъ были прекрасны, — замѣтилъ Руссель.

— Да, — сказала Анна, — у насъ есть двѣ-три дѣвушки, имѣющія прекрасное контральто; вообще этотъ родъ голоса чаще встрѣчается между неграми, чѣмъ между бѣлыми.

— Эѳіопская раса — медленно растущее растеніе, подобно алоэ — и я надѣюсь, что когда она подрастетъ, то расцвѣтетъ прекрасными, богатыми цвѣтами.

По окончаніи пѣнія начались весьма оживленные танцы.

— Напрасно священники стараются отучить негровъ отъ танцевъ и пѣнія веселыхъ пѣсень, это такъ подходитъ къ ихъ характеру, — сказалъ Клайтонъ.

— Ты правъ, побѣдоносный защитникъ негритянскихъ правъ, — замѣтилъ Руссель.

— Не очень-то побѣдоносный, — отвѣтилъ Клайтонъ, — ты, вѣроятно, слышалъ, что подана апелляція, и я не очень-то увѣренъ въ побѣдѣ.

— О, иначе и быть не можетъ!—воскликнула Нина,—ни одинъ здравомыслящій человѣкъ не можетъ рѣшить это дѣло иначе, чѣмъ оно было рѣшено. Къ тому же вашъ отецъ одинъ изъ судей.

— Онъ еще строже будетъ придерживаться закона, чтобы не быть пристрастнымъ,—отвѣтилъ Клайтонъ.

Танцы прекратились, вся прислуга въ большомъ порядкѣ разошлась, и наше общество возвратилось на веранду.

— Какая прелесть!—воскликнула Нина,—я такъ люблю ароматы цвѣтовъ. Мнѣ кажется, что воздухъ полонъ жизни.

— Да,—сказалъ Клайтонъ,—Бэконъ сравнивалъ разнообразіе ароматовъ въ цвѣтущемъ саду съ музыкой.

— Это говорилъ лордъ Бэконъ?—спросила Нина удивленнымъ тономъ.—Я думала, что онъ былъ старый высохшій философъ и никогда не думалъ ни о чемъ красивомъ.

— Завтра я вамъ прочту его статью о садоводствѣ, и вы увидите, что иногда высохшіе, старые философы думаютъ о красивыхъ вещахъ,—сказалъ Клайтонъ.

— Лордъ Бэконъ любилъ, чтобы музыка играла въ сосѣдней комнатѣ, когда онъ писалъ свои статьи,—сказала Анна.

— Правда?—удивилась Нина,—мнѣ хотѣлось бы познакомиться съ какой-нибудь изъ его статей.

— Есть человѣческіе умы настолько обширные, что могутъ интересоваться всѣмъ. Люди этого сорта могутъ вести интересный разговоръ о золотомъ колечкѣ на пальчикѣ дамы и о теченіи небесныхъ свѣтилъ. Ничто не ускользаетъ отъ ихъ вниманія,—сказалъ Клайтонъ.

— Вотъ такой человѣкъ былъ бы для васъ подходящимъ,—обратилась Нина къ Аннѣ, засмѣявшись.—Но меня его премудрость раздавила бы.

— Успокойтесь, вамъ не грозитъ такая опасность,—сказалъ Клайтонъ,—такіе люди появляются разъ въ одно-два столѣтія. Они пробиваютъ дорогу для остального человѣчества. Они, какъ каменотесы, пробивши скалы, нагромождаютъ столько мрамора, что для обработки его требуется работа цѣлыхъ поколѣній.

— Я не желала бы быть женою такого каменотеса. Я бы боялась, что одинъ изъ осколковъ скалы придавитъ меня.

— Можетъ быть, онъ былъ бы вашимъ покорнымъ рабомъ,—замѣтилъ Франкъ Руссель.—Развѣ, вамъ было бы непріятно имѣть у своихъ ногъ гениальное свѣтило міра?

— Да,—отвѣтила Нина,—если бы я могла держать его въ рабствѣ. Но подобный человѣкъ вскорѣ положилъ бы меня на полку, какъ прочитанную книгу. Я видѣла великихъ людей,—подразумѣваю великихъ людей нашего времени,—и, повидимому, они и наполовину такъ не интересовались своими женами, какъ газетами.

XXII. Нина у себя дома.

Нина возвратилась къ себѣ домой нѣсколько измѣнившейся, благодаря вліянію дружбы съ Анной. Она чувствовала потребность сдѣлать свою жизнь болѣе осмысленной и имѣть въ жизни какую-нибудь благородную цѣль. Она видѣла, какъ полна была жизнь Анны, благодаря тому, что она поставила передъ собою высокую цѣль и твердо шла къ ней. Нина съ неудовольствіемъ вспоминала свою прежнюю пустую, безцѣльную жизнь. И въ этомъ случаѣ Клайтонъ былъ правъ, когда говорилъ Аннѣ, что на Нину гораздо болѣе подѣйствуетъ примѣръ, чѣмъ какія бы то ни были нравоученія.

Черезъ нѣсколько дней послѣ своего возвращенія домой Нина рѣшила навѣстить нашего стараго друга Тиффа. Утро было прекрасное, солнце свѣтило ярко, кругомъ господствовала тишина. За время ея отсутствія дѣла Тиффа подвинулись впередъ. Бебѣ веселый, красивый, здоровый мальчикъ превратился въ ползающее существо и теперь на четверенькахъ слѣдовалъ за Тиффомъ, когда старикъ работалъ въ своемъ огородѣ.

Въ тотъ моментъ, когда Нина подѣзжала къ хижинѣ Тиффа, онъ былъ занятъ работой въ саду. Одѣтъ онъ былъ чрезвычайно оригинально. Его костюмъ состоялъ изъ двухъ фартуковъ, одинъ онъ одѣлъ спереди, другой—сзади.

Одѣлся онъ такъ по необходимости. Благодаря разностороннимъ занятіямъ, онъ не имѣлъ времени позаботиться объ исправленіи своего ежедневнаго костюма. И, когда въ этотъ день утромъ, онъ сталъ одѣваться, то оказалось, что главная часть его костюма представляла почти одну сплошную дыру. Не имѣя другого выхода, Тиффъ рѣшилъ прикрыть свою наготу фартуками. Въ настоящую минуту Тиффъ полоть гряды. Увидѣвъ Пину, подѣзжавшую на лошади, Тиффъ пришелъ въ большое смущеніе—какъ быть? Остаться сидѣть на мѣстѣ,—невозможно, это было бы крайне невѣжливо по отношенію къ такой высоко-благородной особѣ, какъ Нина. Вскочить и бѣжать ей навстрѣчу—значило предстать въ необыкновенномъ видѣ: синій фартукъ, спереди и красный сзади. Но въ концѣ концовъ, почтеніе къ Нинѣ пересилило, онъ вскочилъ и побѣжалъ отворять ворота.

— Боже благослови васъ, миссъ Нина, — говорилъ Тиффъ. Въ то время какъ вѣтеръ развивалъ флагами его красный и синій фартуки,—старый Тиффъ очень радъ васъ видѣть. Миссъ Фани здорова, мистеръ Тедди и бебѣ также вполне здоровы. О, Господи, какъ хорошо, миссъ Нина, что вы заѣхали къ намъ сегодня! Я какъ разъ набралъ въ лѣсу свѣжихъ ягодъ, и миссъ Фани будетъ очень рада предложить ихъ вамъ. Вы видите,—продолжалъ онъ, смѣясь и смущенно оглядываясь на свой костюмъ,—сегодня мнѣ предстояла грязная работа, и я одѣлъ свое старое платье.

— Въ немъ ничего нѣтъ особеннаго, дядя Тиффъ, оно вполнѣ при-

лично—сказала Нина. — Вѣдь ты не принадлежишь къ тѣмъ людямъ, которые стыдятся своей работы?—подержи-ка мою лошадь, я слѣзу.

— Конечно, вы правы, миссъ Нина,—говорилъ Тиффъ, исполняя ея приказанія,—Тиффъ не стыдится никакой работы.

— Томтитъ поѣхалъ меня сопровождать,—сказала Нина, оглядываясь кругомъ, но по дорогѣ остановился, чтобы сорвать вѣтку дикаго винограда—и теперь исчезъ. Я его, вѣроятно, уже не увижу до возвращенія домой. Ты, Тиффъ, пожалуйста привяжи мою Сильфиду гдѣ-нибудь въ тѣни, а я пойду къ миссъ Фани.

И Нина направилась къ хижинѣ. У дверей послѣдній стояла маленькая лани, поджидая Нину. Фани, очевидно, унаслѣдовала отъ своей матери склонность къ изяществу и умѣніе одѣваться. Нина была поражена, когда вошла въ комнату, съ какимъ вкусомъ все тамъ было убрано: стѣны были украшены букетами изъ высохшей травы, перьями птицъ и разноцвѣтными яйцами, нанизанными на веревки. Кое-гдѣ стояли букеты живыхъ цвѣтовъ. Фани была одѣта въ хорошенькое цвѣтное платье, которое недавно ей привезъ отецъ. На головѣ у нея былъ муслиновый чепчикъ. Темные волосы ея были гладко причесаны назадъ, ея большіе, ясные, голубые глаза были полны выраженія, личико дышало здоровьемъ, и въ общемъ она представлялась милымъ и изящнымъ ребенкомъ.

— Благодарю васъ,—сказала Нина, когда Фани предложила ей единственный цѣмвшійся въ комнатѣ стулъ.—Я пойду съ Тиффомъ въ садъ, я не могу въ такой день сидѣть въ комнатѣ. Ты, вѣроятно, дядя Тиффъ не ожидалъ, что я такъ рано приѣду. Но я нарочно раньше позавтракала, чтобы приѣхать сюда до наступленія жары. Какъ здѣсь хорошо и тихо подъ тѣнью деревьевъ. Ну, а ты, Тиффъ продолжай работать, не обращай на меня вниманія.

— Да, здѣсь очень хорошо, миссъ Нина,—заговорилъ Тиффъ.—Я сегодня съ четырехъ часовъ утра работалъ въ саду. Было такъ тихо, что хотѣлось молиться. И на меня съ неба смотрѣла прекрасная звѣзда. Я думаю, что эта звѣзда одна изъ наиболѣе старыхъ, родовитыхъ звѣздъ.

— Весьма возможно,—сказала Нина,—ее называютъ Венерой, звѣздой любви. А любовь, дядя Тиффъ, по моему мнѣнію, очень древняго происхожденія.

— Любовь, могучая вещь, по-моему,—сказалъ Тиффъ,—всѣ тогда становятся такими добрыми, ласковыми. Когда я иногда смотрю кругомъ, мнѣ кажется, что въ лѣсу деревья любятъ другъ друга и стоятъ обнявшись другъ съ другомъ. Мнѣ кажется, что всѣ растенія и птички любятъ другъ друга. Очень хорошо, когда человѣкъ смотритъ на все, что дѣлается кругомъ,—онъ многому научится.

— Конечно,—сказала Нина,—у старой матери природы есть чему поучиться, она все дѣлаетъ хорошо. Ну, а какъ тебѣ понравился религиозный митингъ?—спросила она его.

— Мнѣ кажется, миссъ Нина, кое-что у меня осталось въ головѣ, но хорошенько я не знаю, что. Миссъ Фани не умѣетъ еще хорошо читать, и вотъ было бы хорошо, если бы вы почитали намъ немного изъ Библии и объяснили, что значить быть христіаниномъ.

— Ахъ, Тиффъ, я и сама въ этомъ мало смыслу,—сказала Нина.— Я вотъ лучше пошлю сюда Мили потолковать съ тобою,—она настоящая христіанка.

— Мили очень хорошая женщина,—отвѣтилъ Тиффъ.— Но мнѣ бы хотѣлось, миссъ Нина, чтобы намъ все это объясняли бѣлые. И лучше всего было бы, если бы взялись за это вы, миссъ Нина,—если это не доставить вамъ слишкомъ много хлопотъ.

— Ты хочешь, чтобы я читала Библию, Тиффъ? Я готова кое-что прочесть,—сказала Нина,—у васъ есть Библия? Я сяду здѣсь на стулъ въ тѣни, буду читать, а ты можешь продолжать работать.

Тиффъ поспѣшно побѣжалъ въ хижину позвать Фани и привести Библию, которую онъ съ большимъ трудомъ уговорилъ Криса купить. Фани усѣлась у ногъ Нины, которая сосредоточенно перевертывала страницы книги, обдумывая, что бы ей прочесть. Взглянувъ на Тиффа, она замѣтила, съ какимъ сосредоточеннымъ вниманіемъ онъ приготовился слушать слова Библии. Это неприятно кольнуло ее въ сердце. Ей пришла въ голову мысль, что книга, лежащая у нея на колѣняхъ, отъ которой Тиффъ ждетъ живительнаго слова, почти совершенно неизвѣстна ей.

— Что же мнѣ прочесть тебѣ, Тиффъ? Что бы ты хотѣлъ услышать?

— Я хотѣлъ бы, чтобы вы прочли о томъ, какъ найти кратчайшую дорогу къ небесамъ, по которой я могъ бы провести дѣтей,—сказалъ Тиффъ.

Нина задумалась на минуту. Ей былъ заданъ важный и глубокій вопросъ и заданъ со страстнымъ желаніемъ получить ясный отвѣтъ. Простодушный, по-дѣтски наивный старый негръ безусловно вѣрилъ, что получить нужный для него отвѣтъ. Наконецъ, послѣ нѣкотораго колебанія, она сказала съ несвойственною ей серьезностью:

— Тиффъ, я думаю лучше всего будетъ, если я начну читать о нашемъ Спасителѣ. Онъ пришелъ въ этотъ міръ, чтобы показать, какимъ путемъ можно достигнуть небесъ. И каждый разъ, когда я буду приѣзжать къ вамъ, я буду читать о Немъ, о томъ, что Онъ дѣлалъ, и о томъ, что Онъ говорилъ, и, можетъ быть, тогда ты самъ найдешь тотъ путь, котораго ищешь. И можетъ быть,—прибавила она со вздохомъ,—найду его и я.

Въ этотъ моментъ дуновеніемъ вѣтра сорвало нѣсколько лепестковъ съ розоваго куста, и они упали на раскрытую Библию.

— Да,—прошептала Нина,—въ этомъ мірѣ все преходяще.—Прекрасная роза отцвѣла.

И вотъ, среди шелеста листвы до слуха слушателей стали долетать первыя слова трогательной священной исторіи о томъ, какъ родился въ

Видеетъ Иисусъ во время царствованія Ирода, о томъ, какъ пришли съ Востока волхвы поклониться Царю, родившемуся въ Иудеѣ, о томъ, какъ на небѣ появилась блестящая звѣзда, знаменіе рожденія Того, Который явился въ міръ для спасенія людей.

Можетъ быть, болѣе развитые слушатели прерывали бы чтеніе сотнями вопросовъ о томъ, гдѣ находится Иерусалимъ, кто такіе были волхвы, какъ далеко имъ было идти до Иерусалима и т. д. Но Нину слушали двое дѣтей и старый негръ, душа и умъ котораго были такъ же просты, какъ и у дѣтей. Для нихъ все представлялось реальнымъ. Городъ Иерусалимъ въ ихъ фантазій былъ похожъ на сосѣдній городъ Е. Иродъ представлялся царемъ съ короной на головѣ. Тиффу же Иродъ представлялся похожимъ на важнаго генерала Итона, котораго онъ видѣлъ, когда жилъ еще въ домѣ Пейтоновъ. Трудно описать негодованіе Тиффа, когда онъ услышалъ объ избіеніи младенцевъ. Онъ заявилъ, что никогда не повѣрилъ бы, что царь Иродъ такой сѣверный человекъ и способенъ совершить подобное злодѣйство. Несмотря на свое добросердечіе, Тиффъ былъ очень доволенъ, когда узналъ, что Богъ наказалъ Ирода отвратительной болѣзью.—Подѣломъ ему!—говорилъ Тиффъ, ударяя заступомъ въ землю,—перебилъ маленькихъ дѣточекъ! Какое зло они ему сдѣлали? Чего онъ добивался?

Нина успѣшила успокоить добродушнаго старика и уговорила его помолчать, пока не дослушаетъ до конца разсказа. Дальше она прочла имъ о томъ, какъ шли волхвы ночью, а путь имъ указывала появившаяся звѣзда, какъ эта звѣзда остановилась на томъ мѣстѣ, гдѣ родился младенецъ, и о томъ, какъ волхвы, увидя ребенка и Марію, пали передъ ними на колѣни и предложили имъ свои дары.

— Господи, Боже мой, какъ бы мнѣ хотѣлось быть тамъ,—воскликнулъ Тиффъ,—и посмотрѣть на дитя, которое было Богомъ.

Когда Нина окончила чтеніе, она сама была растрогана, такъ сильно на нее дѣйствовалъ энтузіазмъ ея слушателей.

Когда Нина сѣла на лошадь, чтобы ѣхать домой, Тиффъ поднесъ ей маленькую корзинку дикой земляники.

— Примите это отъ Тиффа, миссъ Нина,—сказалъ онъ.

Въ то время, когда Нина была у Тиффа, Гарри получилъ ниже слѣдующее письмо:

„Дорогой братъ.

Я писала тебѣ, какъ я хорошо устроилась съ дѣтьми здѣсь на плантаціи. Но съ тѣхъ поръ все измѣнилось. Сюда пріѣхалъ Томъ Гордонъ и заявилъ права на имѣніе и вмѣстѣ съ тѣмъ доказывалъ, что я и мои дѣти—рабы, принадлежащіе ему. Какой ужасный человекъ! Дѣло разбиралось въ судѣ и мы его проиграли. Судья заявилъ, что оба акта о нашемъ освобожденіи отъ рабства, совершенные въ штатѣ Огіо, недействительны. И мои дѣти—теперь рабы. Здѣсь у насъ есть друзья, и всѣ кругомъ жалѣютъ

насъ, но никто не можетъ намъ помочь. Томъ Гордонъ—скверный, очень скверный человекъ. Я не могу передать тебѣ, что онъ мнѣ говорилъ. Знай только одно, что я предпочту убить и себя и дѣтей, чѣмъ стать рабой. Гарри, я была свободной, я знаю, что значить свобода. Мои дѣти воспитывались, какъ свободные люди, и я, насколько это отъ меня зависитъ, не допущу, чтобы они узнали рабство. Я убѣждала и теперь скрываюсь въ Начезъ; я надѣюсь добраться до Цинцинати, тамъ у меня есть друзья.

Дорогой братъ, я надѣялась помочь тебѣ, но теперь, конечно, я ничего не могу сдѣлать, ты также не можешь ничѣмъ помочь мнѣ, законъ на сторонѣ нашихъ угнетателей. Но я надѣюсь, что Богъ поможетъ намъ.

Твоя любящая сестра“.

Трудно описать чувство, охватившее Гарри, когда онъ прочелъ это письмо. Онъ воспитывался и все время жилъ, какъ свободный человекъ, и только номинально былъ рабомъ. Теперь, когда онъ прочиталъ письмо сестры, передъ нимъ всталъ весь ужасъ его и ея положенія. Онъ и она были просто рабами, не имѣющими никакихъ правъ, и никто не могъ ихъ защитить.

Вспомнилась ему и Нина, живущая весело и счастливо, имѣющая все, что только пожелаетъ. Невольно напрашивались сравненія, голова его была полна мыслей, которыя мы постараемся передать въ нѣсколькихъ словахъ.

«Я имѣю двухъ сестеръ,—разсуждалъ самъ съ собою Гарри,—обѣ отъ одного отца, обѣ красавицы, добрыя и умныя. Одна имѣетъ хорошее положеніе, богатство, можетъ жить счастливо и весело. Другая—безправная, беззащитная, брошена въ руки грубаго, порочнаго человека, который можетъ сдѣлать съ нею все, что ему заблагоразсудится. Она долгое время была доброй женой и хорошей матерью, ея мужъ сдѣлалъ все, отъ него зависящее, чтобы спасти ее. Но жестокий законъ схватилъ ее и дѣтей и бросилъ въ ту пропасть, изъ которой онѣ только что выбрались. Я ничѣмъ не могу помочь ей! Я даже не считаюсь человекомъ! Это проклятіе лежитъ на мнѣ, на моей женѣ, будетъ лежать на моихъ дѣтяхъ и на дѣтяхъ моихъ дѣтей. Нѣкоторые люди говорятъ: «у рабовъ есть все, что имъ нужно, почему же они чувствуютъ себя несчастными?» Я бы хотѣлъ, что бы они сами испытали, что такое рабство.

Въ это время Гарри ѣхалъ верхомъ по той дорожкѣ, гдѣ онъ два раза уже встрѣчалъ Дреда. Онъ ѣхалъ, выпустивъ поводъ изъ рукъ, со сжатыми кулаками и опустивъ голову внизъ. Случайно поднявъ голову, онъ вдругъ увидѣлъ недалеко отъ себя Дреда, какъ будто внезапно появившагося изъ-подъ земли.

— Откуда ты явился? — спросилъ Гарри, — повидимому, каждый разъ, когда со мною случается несчастье, что-то приводитъ къ нашей встрѣчѣ.

— Мой духъ былъ съ тобою,—отвѣтилъ Дрэдъ.—Развѣ я тебѣ не предсказывалъ все, что случилось. И все это намъ приходится переносить, потому что мы хотимъ это переносить.

— Но что же мы можемъ сдѣлать?—спросилъ Гарри.

— Что дѣлать?! То, что дѣлаеть дикая лошадь—ударить ихъ своими копытами. То, что дѣлаеть гремучая змѣя: тихо притаившись у дороги, укусить ихъ, когда они проходятъ мимо. Отчего они сдѣлали насъ рабами? Вѣдь раньше они попробовали сдѣлать то же съ краснокожими индѣйцами. Почему же они не сдѣлали ихъ рабами? Потому что тѣ не захотѣли быть рабами, а мы хотимъ. Тотъ, кто покорно ходитъ подъ ярмомъ, долженъ носить ярмо.

— Но, послушай, Дрэдъ,—возразилъ Гарри,—вѣдь всякое возстаніе безнадежно. У насъ нѣтъ никакихъ средствъ для борьбы, мы не можемъ столкнуться между собою, у насъ нѣтъ вождей, а при такихъ условіяхъ мы можемъ пойти только на вѣрную смерть.

— Ну, мы и умремъ!—отвѣтилъ Дрэдъ, что же изъ этого? Что мы потеряемъ? Если они разможатъ наши головы, то все-таки мы успѣемъ укусить ихъ въ пятку. Они убили Ната Тернера, но такъ были напуганы имъ, что были почти готовы освободить своихъ рабовъ. Этотъ вопросъ обсуждался въ ихъ собраніи и не прошелъ только двумя или тремя головами. Если бы еще немного побольше страха, то освобожденіе было бы достигнуто. Если бы мой отецъ доверлъ дѣло до конца, то въ Каролинѣ теперь уже не было бы рабовъ. Умереть? Почему не умереть? Умеръ же Христосъ на крестѣ! Развѣ ты потерялъ всякое мужество, что не можешь умереть, и готовъ ползать, какъ червякъ, ради сохраненія своей жизни.

— Я не боюсь смерти,—отвѣтилъ Гарри,—Богъ свидѣтель, что я не забочусь о своей жизни и готовъ къ смерти, но...

— Я знаю все,—отвѣтилъ Дрэдъ,—та, которая мѣшаетъ, будетъ стоять тебѣ поперекъ дороги до тѣхъ поръ, покуда не будетъ устранена. Я тебѣ говорю, Гарри, что печать будетъ снята, чаша будетъ опорожнена, и уже ангелъ смерти стоитъ надъ Иерусалимомъ съ обнаженнымъ мечемъ.

— Что ты хочешь этимъ сказать?—спросилъ Гарри.

Дрэдъ стоялъ нѣсколько минутъ молча, потомъ, выпрямившись во весь ростъ, заговорилъ пророческимъ тономъ:

— Пророкъ видѣлъ видѣніе, онъ видѣлъ то, что было, и то, что будетъ! Онъ слышалъ плачь и рыданія. То, что должно быть, наступитъ. Многіе падутъ отъ руки Божіей, будутъ умирать въ домахъ и по дорогѣ, погибнетъ невѣста въ своей комнатѣ, умретъ дитя въ своей колыбели, будетъ плачь и стонъ въ странѣ Египта, и въ каждомъ домѣ будетъ покойникъ.

— Дрэдъ! Дрэдъ! Дрэдъ!—воскликнулъ Гарри, схвативъ его за плечо,— очнись, что ты говоришь! Это ужасно!

Дрэдъ стоялъ съ поднятой головой, устремивъ напряженный взглядъ

въ пространство, и прикрывъ рукой глаза отъ солнца; онъ былъ похожъ на человека, всматривающагося въ даль.

— Я вижу ее, — говорилъ онъ. Кто рядомъ съ нею? Онъ стоитъ, повернувшись ко мнѣ спиной. А! Я вижу — это онъ! А вотъ Гарри и Мили! Старайтесь, старайтесь! Ничто не поможетъ. Незачѣмъ посылать за докторомъ. Не найдете ни одного. Всѣ они слишкомъ заняты. Трите ей руки. Но это не поможетъ. Кого Богъ любитъ, того Онъ беретъ изъ этого міра. Положите ее, она умерла! умерла! умерла!

Гарри не разъ видѣлъ Дрэда въ подобномъ состояніи. Онъ слушалъ со страхомъ то, что говорилъ Дрэдъ, такъ какъ вѣрилъ, какъ и другіе, что Дрэдъ обладаетъ пророческимъ даромъ, онъ старался заставить Дрэда очнуться, но тотъ, не говоря ни слова, повернулся къ нему спиной и пошелъ какъ бы во снѣ, по направленію къ лѣсу, гдѣ и скрылся въ чащѣ.

Возвратясь домой и взойдя на веранду, Гарри съ ужасомъ услышалъ то, что тетка Несбитъ читала Нинѣ изъ полученнаго ею письма. Въ письмѣ сообщалось о распространеніи холеры въ сѣверныхъ штатахъ Америки и объ ужасномъ опустошеніи, которое она производила повсюду.

«Никто не знаетъ, какими средствами лѣчить эту болѣзнь. Доктора потеряли голову. Она разражается надъ городами внезапно, какъ гроза, оставляетъ послѣ себя смерть и опустошеніе и также быстро исчезаетъ. Люди утромъ встаютъ здоровыми, а къ вечеру ихъ несутъ на кладбище. Вымираютъ цѣлыми семьями».

— О, — сказалъ самъ себѣ Гарри, — я теперь понимаю, о чемъ говорилъ мнѣ Дрэдъ.

XXIII Апелляціонный Судъ.

Наступило время засѣданія апелляціоннаго суда. Должно было пересматриваться дѣло Мили, которую защищалъ Клайтонъ. Судья Клайтонъ былъ очень удрученъ тѣмъ, что ему, какъ предсѣдателю апелляціоннаго суда, придется прочитать рѣшеніе суда, которое, какъ онъ предвидѣлъ, будетъ не въ пользу правой стороны.

— Мнѣ очень непріятно, — говорилъ онъ своей женѣ, что придется прочитать рѣшеніе, уничтожающее приговоръ первой инстанціи.

— Что же дѣлать? — сказала миссисъ Клайтонъ; — Эдвардъ долженъ привыкать и къ неудачамъ въ своей профессіи. Онъ сдѣлалъ все, что могъ, и выигралъ дѣло въ первой инстанціи, сказалъ прекрасную рѣчь, и рѣшеніе высшей инстанціи не повредитъ его репутаціи.

— Меня огорчаетъ не это, — сказалъ судья, — мнѣ непріятно читать рѣшеніе, съ которымъ въ глубинѣ души я не согласенъ.

— Но развѣ ты обязанъ соглашаться съ рѣшеніемъ, которое противорѣчитъ твоей совѣсти?

— Судья долженъ руководствоваться только буквою закона!

— Ты говорилъ объ этомъ съ Эдвардомъ?

— Нѣтъ, но въ общемъ онъ знаетъ мой взглядъ на дѣло.

Этотъ разговоръ происходилъ какъ разъ передъ тѣмъ, когда судья Клай-
тону нужно было идти на засѣданіе суда.

Зала суда была переполнена. Баркеръ пользовался довольно большою
популярностью среди людей своего класса. И его дѣло привлекло въ судъ
немалое количество его друзей. Пришли и друзья Клайтона, а кромѣ того
не мало адвокатовъ, заинтересованныхъ принципиальнымъ разрѣшеніемъ
вопроса.

Среди зрителей Клайтонъ замѣтилъ Гарри.

— Гарри, какъ ты попалъ сюда?—спросилъ Клайтонъ.

— Дамы хотятъ знать, какъ кончится дѣло. Вотъ я и пріѣхалъ сюда,
чтобы передать имъ всѣ подробности.

Говоря это, Гарри передалъ Клейтону записку; взявъ записку, Клай-
тонъ слегка покраснѣлъ и, возвратясь на свое мѣсто, раскрылъ книгу за-
коновъ, положилъ туда записку и сталъ читать съ нѣкоторымъ волне-
ніемъ. Вотъ, что онъ прочелъ:

«Вы говорили, что, можетъ быть, вамъ придется сегодня во имя спра-
ведливости сдѣлать то, что лишитъ васъ многихъ друзей, уничтожитъ вашу
популярность и испортитъ вашу карьеру. И вы меня спрашиваете, смогу
ли я васъ тогда любить попрежнему. Вотъ что скажу я вамъ въ отвѣтъ
на это: я любила не вашихъ друзей, не вашу популярность, а васъ. Я
буду всегда любить и уважать человѣка, который не боится и не сты-
дится дѣлать то, что онъ считаетъ справедливымъ.

Нина.

Р. S. Ваше письмо я получила только сегодня и потому отвѣчаю
вамъ вкратцѣ. Отвѣтъ посылаю съ Гарри. Мы всѣ здоровы и будемъ рады,
если вы придете къ намъ послѣ окончанія дѣла».

— Милый мой Клайтонъ,—послышался голосъ Франка Русселя изъ-
за спины Клайтона,— ты очень внимательно изучаешь законы.

Клайтонъ быстро спряталъ записку.

— Какъ пріятно перечитывать выписки изъ законовъ, писанные на
такихъ хорошенькихъ листкахъ бумаги. Это дѣйствуетъ ободряющимъ обра-
зомъ. Ну, а какъ идетъ дѣло?

— Плохо для меня,—отвѣтилъ Клайтонъ.

— Что дѣлать, мой милый, ты имѣлъ свою долю триумфа, и отъ
тебя никто этого отнять не сможетъ. Но тише. Сейчасъ будетъ говорить
твой отецъ.

Всѣ глаза были направлены на судью Клайтона, который, стоя, своимъ
спокойнымъ чистымъ голосомъ сообщалъ рѣшеніе суда.

— Вопросъ заключается въ томъ: можетъ ли паниматель, неспра-

ведливо наказавши раба, быть преслѣдуемъ. Въ низшей инстанціи судья, на основаніи приговора присяжныхъ, осудилъ нанимателя. Основаніемъ для такого рѣшенія послужило то, что наниматель въ дѣйствительности, будто бы, не пользуется тѣми же правами, какъ законный хозяинъ раба. Это невѣрно. Нашъ законъ признаетъ одинаковыя права, какъ за хозяиномъ, такъ и за нанимателемъ. На основаніи этого апелляціонный судъ уничтожилъ рѣшеніе первой инстанціи, такъ какъ наниматель и хозяинъ пользуются неограниченной властью надъ рабами и эту власть необходимо поддерживать, такъ какъ общественная безопасность требуетъ безусловнаго подчиненія рабовъ.

Во время рѣчи своего отца Клайтонъ случайно посмотрѣлъ на Гарри и замѣтилъ, какъ тотъ поблѣднѣлъ и нахмурилъ брови. Самъ Клайтонъ до сихъ поръ не представлялъ себѣ такъ ясно, что такое рабство. Рѣшеніе суда, произнесенное спокойнымъ, холоднымъ тономъ, о томъ, что съ рабомъ можно дѣлать все, что угодно, окончательно раскрыло глаза Клайтону. И по окончаніи рѣчи отца онъ всталъ и попросилъ слова. Хотя и не было въ обычаѣ давать слова защитнику послѣ произнесенія приговора, но Клайтону позволили говорить.

— Я надѣюсь,—сказалъ Клайтонъ,—что не будетъ сочтено за неуваженіе къ суду, если я скажу, что сегодня впервые для меня сталъ яснымъ истинный характеръ рабства. Раньше я думалъ, что рабство установлено для того, чтобы болѣе сильная и развитая раса являлась какъ бы попечительницей болѣе слабой и невѣжественной расы. Я думалъ, что при помощи закона можно защищать слабыхъ. Моя иллюзія совершенно разрушена. Я ясно вижу назначеніе и цѣль закона и, какъ христіанинъ, я не могу заниматься судебной практикой въ рабовладѣльческомъ штатѣ, а потому я рѣшилъ выйти изъ сословія адвокатовъ моего родного штата.

Произошло легкое движеніе въ залѣ суда, но судья Клайтонъ ничѣмъ не выразилъ своего волненія, хотя рѣчь сына ударила его прямо въ сердце и разрушила его любимую мечту—видѣть сына на судейскомъ мѣстѣ.

Въ залѣ среди слушателей поднялись толки по поводу сказанной Клайтономъ рѣчи. Одни строго его критиковали, говоря, что это—донкихотство, абсурдъ, смѣшная выходка; другіе говорили, что у него чего то не хватаетъ въ головѣ; третьи заявляли, что это слишкомъ радикально и непрактично.

— Да,—сказалъ Фрэнкъ Руссель,—Клайтонъ дѣйствительно радикаль, непрактичный человѣкъ, но еще болѣе непрактична и радикальна нагорная проповѣдь. Вотъ мы, такъ умѣемъ служить и Богу и мамонѣ. Мы ловко нашли золотую середину. А Клайтонъ отсталъ отъ всего вѣка. Какъ вы думаете, мистеръ Титмарчъ?—обратился онъ къ стоящему съ нимъ рядомъ священнику.

— Конечно, можно сочувствовать вашему другу,—отвѣтилъ Титмарчъ,—но разъ божественный Промыселъ установилъ рабство, то не человѣческому уму судить объ этомъ

— Такъ что, если бы божественный Промыселъ устансвилъ право разбоя, то вы говорили бы то же самое.

— Конечно, мой дорогой другъ,—отвѣтилъ Титмарчъ,—всему, что установлено Богомъ, мы должны покоряться.

— Я думаю,—замѣтилъ Франкъ,—что божественный Промыселъ устанавливаетъ только то, что справедливо.

— Не намъ судить, что справедливо или нѣтъ въ томъ, что установлено божественнымъ Промысломъ,—отвѣтилъ Титмарчъ и ушелъ въ сторону.

Возвратясь домой, Клайтонъ разсказалъ матери о томъ, какъ онъ поступилъ. Съ отцомъ въ этотъ день ему не пришлось говорить. На второй день судья Клайтонъ пригласилъ сына въ свой кабинетъ и заговорилъ о вопросѣ, крайне тяжелымъ для нихъ обоихъ.

— Я надѣюсь, мой сынъ,—началъ отецъ,—что сдѣланный тобою шагъ, чрезвычайно огорчившій меня, сдѣланъ послѣ долгаго размышленія, а не подъ вліяніемъ минуты.

— Будьте въ этомъ увѣрены, батюшка,—отвѣтилъ Клайтонъ,—я поступилъ такъ послѣ долгихъ колебаній, согласно твердо составленному убѣжденію.

— Въ такомъ случаѣ,—отвѣтилъ отецъ,—я ничего не могу возразить. Но разъ таковы твои убѣжденія, какъ же можешь ты оставаться рабовладѣльцемъ.

— Фактически я уже отказался отъ своихъ правъ надъ рабами,—отвѣтилъ сынъ,—я сохранилъ за собою только официальные права для того, чтобы имѣть возможность защищать принадлежащихъ мнѣ рабовъ отъ жестокостей закона, и для того, чтобы воспитать и обучить ихъ.

— Но предположимъ, что при осуществленіи своихъ плановъ ты придешь въ столкновеніе съ законами штата, что тогда?—спросилъ отецъ.

— Если будетъ хоть малѣйшая надежда, что могутъ быть улучшены законы штата, то я приложу къ этому всѣ свои усилія,—отвѣтилъ сынъ.

— Ну, а если, несмотря на всѣ твои усилія, законы не будутъ улучшены, и ради охраны общества государство не дозволитъ тебѣ выполнять свои планы?

— Тогда, отвѣтилъ Клайтонъ,—мнѣ придется вмѣстѣ со своими слугами переселиться туда, гдѣ я смогу довести начатое мною дѣло до конца.

— Я думаю, что дѣло тѣмъ и кончится,—замѣтилъ отецъ,—но подумалъ ли ты о всѣхъ возможныхъ послѣдствіяхъ?

— Да, я все обдумалъ,—отвѣтилъ Клайтонъ.

— Ты собираешься жениться на миссъ Гордопъ. Подумалъ ли ты о томъ, какъ это отзовется на ней?

— Да, — отвѣтилъ Клайтонъ, — и миссъ Гордонъ вполне раздѣляетъ мои взгляды. И при этихъ словахъ Клайтонъ передалъ отцу письмо Нины.

Судья Клайтонъ одѣлъ очки, внимательно прочелъ письмо, сложилъ его, передалъ сыну и сказалъ:

— Я ничего не имѣю больше сказать. Каждый человѣкъ долженъ поступать согласно своей совѣсти.

XXIV. Гроза разразилась.

Послѣ полученія письма, въ которомъ описывалось распространеніе холеры въ Сѣверныхъ Штатахъ, тетка Несбитъ жила въ постоянной тревогѣ, а когда начали получаться извѣстія о томъ, что холера стала появляться то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ недалеко отъ Канемы, то она совсѣмъ перепугалась и рѣшила какъ можно скорѣе уѣхать съ плантаціи.

— Твои родственники Гордоны, живущіе въ городѣ Е., написали мнѣ, — сказала какъ-то Несбитъ Нинѣ, — чтобы мы не оставались жить на плантаціи, такъ какъ здѣсь нѣтъ медицинской помощи. Они приглашаютъ насъ пожить у нихъ, пока не пройдетъ опасность.

— Зачѣмъ намъ ѣхать, — сказала Нина, — развѣ они думаютъ, что холеры не будетъ въ го, одѣ.

— Дѣло въ томъ, — отвѣтила Несбитъ, — что у нихъ въ домѣ приняты всѣ мѣры, все устроено прекрасно и подъ руками есть докторъ, если что-нибудь случится.

— Можетъ быть, вамъ, дѣйствительно, лучше уѣхать, тетя, — сказала Нина, — а я останусь здѣсь со своими людьми.

— Развѣ ты не боишься, Нина?

— Нѣтъ, тетя, я не боюсь. Да, кромѣ того, было-бы очень скверно, если бы я, которая живу все время на счетъ работы принадлежащихъ мнѣ людей, убѣжала бы, бросивъ ихъ на произволъ судьбы въ минуту опасности. Я должна остаться здѣсь и позаботиться о нихъ.

Гарри, стоявшій недалеко отъ веранды, слышалъ этотъ разговоръ.

— Дитя, — сказала тетка Несбитъ, — чѣмъ ты сможешь помочь? Ты совершенно неопытна. Гарри и Мили прекрасно управятся безъ тебя. А наша первая обязанность — заботиться о своемъ здоровьѣ.

— Нѣтъ, тетя, прежде всего мы должны выполнить свой долгъ, — отвѣтила Нина. — Это правда, что я неопытна и слаба, но зато у меня хватитъ мужества. Мой отъездъ напугаетъ всю прислугу и вызоветъ среди нихъ панику. А всѣ говорятъ, что страхъ содѣйствуетъ заболѣванію. Я сегодня же поѣду въ городъ, повидаюсь съ докторомъ и попрошу его дать мнѣ нужныя указанія и лѣкарства. Я поговорю со своими людьми, объясню имъ все, что мнѣ скажетъ докторъ, и они, видя мое спокойствіе, прио-

бодрятся. А такъ какъ вы, тетя, боитесь, то вамъ лучше уѣхать. Вы только оставьте здѣсь Милли мнѣ на помощь. Затѣмъ, обратившись къ Гарри, она сказала:—вели приготовить карету, мы сейчасъ-же отправимся.

Чувство горечи, наполнявшее душу Гарри, нѣсколько смягчилось, когда онъ слушалъ то, что говорила Нина. Онъ понималъ, что, пока она его госпожа, рабство для него только номинально. Онъ ничего не сказалъ Нинѣ о полученномъ письмѣ сестры. Онъ зналъ, что Нина помочь не можетъ и не хотѣлъ огорчать ее. Нина приписывала мрачное настроеніе Гарри сознанию отвѣтственности при предстоящемъ бѣдствіи.

Вмѣстѣ съ Ниной поѣхала въ городъ тетка Несбитъ со своими картонками и корзиночками.

Въ городѣ Нина посѣтила доктора и получила отъ него всѣ нужныя указанія и онъ ей написалъ подробную инструкцію о томъ, какія нужно принимать мѣры и какъ ухаживать за больными. Опъ далъ ей также списокъ лѣкарствъ, которыми она должна была запастись въ городѣ, и обѣщалъ ей пріѣхать на плантацію, если будетъ свободенъ.

Возвращаясь домой, Нина остановилась у дяди Джона, и здѣсь ей пришлось встрѣтиться съ первымъ случаемъ холеры; за полчаса до ея пріѣзда ея дядя заболѣлъ, весь домъ былъ въ ужасѣ, вся прислуга бѣгала взадъ и впередъ съ воплями и криками, не зная, что предпринять. А изъ его комнаты доносились отчаянные стоны. Его жена, ухаживая за больнымъ мужемъ, не замѣтила, что люди, посланные за докторомъ, металась, какъ безумные, взадъ и впередъ по верандѣ, ломая себѣ руки, и ничего не предпринимали.

— Гарри,—сказала Нина,—возьми лошадь и скачи, что есть мочи, за докторомъ.

Черезъ нѣсколько минутъ Гарри исчезъ уже изъ виду, а Нина подошла къ перепуганнымъ слугамъ и авторитетнымъ тономъ приказала имъ замолчать. Ея рѣшительный, спокойный тонъ подѣйствовалъ благотворно на ихъ нервы, и они нѣсколько успокоились. Она отослала всѣхъ лишнихъ людей, оставивъ только двухъ-трехъ человекъ наиболѣе надежныхъ.

Вскорѣ пріѣхалъ докторъ. Когда онъ осмотрѣлъ больного и вышелъ къ Нинѣ, то она по лицу его увидѣла, что положеніе больного безнадежно.

— Болѣзнь представляетъ собою совѣмъ не то, что мы думали. Наши лѣкарства не помогаютъ—это совершенно особенный случай,—сказалъ докторъ.

Но бѣдному доктору скоро пришлось убѣдиться, что такихъ особенныхъ случаевъ будетъ очень много.

— Вы надѣетесь спасти его?—спросила Нина.

— Одишь Богъ можетъ спасти его,—отвѣтилъ докторъ.—Всѣ мои лѣкарства безсильны.

Все, что возможно, было перепробовано, и ничто не помогало. Больной стоналъ, кричалъ и постепенно ослабѣвалъ, наконецъ, его стянутые

Мышцы ослабли, и онъ лежалъ блѣдный, измученный, еле живой. Прошло нѣсколько минутъ ожиданія, и больной испустилъ послѣднее дыханіе. Еще почти дитя, семнадцатилѣтняя Нина стояла передъ постелью и съ отчаяніемъ смотрѣла на покойника. Ей не вѣрилось, что это блѣдное измученное лицо принадлежало ея здоровому, веселому дядѣ, который еще сегодня утромъ былъ полонъ силъ и здоровья.

Въ это время раздались ужасные крики изъ другой комнаты.

— Боже мой, мы всѣ умираемъ! Докторъ, докторъ, скорѣе бѣгите сюда! Петра уже схватили судороги! Мой отецъ заболѣлъ! О, мое бѣдное дитя! О, мое дитя!

Докторъ бѣгалъ отъ одного къ другому. И, дѣйствительно, оказалось, что двое или трое изъ прислуги серьезно заболѣли. И, если бы не мужество Нины и ея тетки Маріи, то всѣхъ охватила бы паника. Нина, несмотря на свое слабое сложеніе, обладала сильной волей и могла многое вынести. Ея спокойствіе и толковыя распоряженія привели въ себя наиболѣе разумныхъ, и тѣ принялись ухаживать за больными. Но въ это время пріѣхалъ верховой и сообщилъ Нинѣ, что у нея на плантаціи появилась холера.

— Ну, Гарри,—сказала поблѣднѣвшая, но не потерявшая спокойствія Нина,—намъ нужно ѣхать на плантацію.

Она хотѣла было взять съ собою доктора, но въ это время пріѣхалъ гононецъ изъ города съ извѣстіемъ, что судья Питерсъ при смерти. И докторъ долженъ былъ возвратиться въ городъ.

— Теперь, Гарри,—говорила Нина по дорогѣ домой,—все зависитъ отъ того, насколько мы сумѣемъ сохранять спокойствіе и мужество. У насъ не будетъ доктора, и намъ придется самимъ лѣчить больныхъ и дѣлать все, что въ нашихъ силахъ.

— Миссъ Нина, вы настоящій ангелъ,—воскликнулъ Гарри, который готовъ былъ преклониться передъ нею, если бы смѣлъ.

Пріѣхавъ домой, Нина застала почти такую-же картину, какую она видѣла въ домѣ дяди: всюду царили ужасъ и растерянность. Старый кучеръ, мужъ Розы, умеръ. Около его хижины собралась цѣлая толпа, плачемъ и крикомъ выражавшая свой страхъ и растерянность. Нина сейчасъ же подошла къ толпѣ и, поговоривъ съ людьми спокойнымъ тономъ, убѣдила ихъ довѣриться ей и разойтись.

— Если вы хотите всѣ умереть, говорила она имъ,—то для этого самое лучшее собраться толпой и кричать безъ толку. Но, если вы будете спокойно дѣлать то, что нужно, то большинству изъ васъ нечего бояться за свою жизнь. Мы съ Гарри привезли лѣкарства и знаемъ, какъ ихъ нужно употреблять. Если вы хотите спастись, вы должны точно исполнять наши приказанія.

Придя домой, Нина объяснила Милл, теткѣ Розѣ и двумъ-тремъ

другимъ женщинамъ то, что надо было дѣлать. Мили въ этомъ случаѣ выказала всю силу своего характера,—она нисколько не потерялась.

— Господи, благослови васъ, дитя мое,—говорила она,—за то, что вы дѣлаете. Господь будетъ нашей защитой. Онъ заботился о насъ прежде, будетъ заботиться о насъ и теперь.

Гарри, съ своей стороны, выбралъ себѣ въ помощь нѣсколько наиболѣе надежныхъ мужчинъ и растолковалъ имъ, что надо дѣлать. Въ сѣднѣй городъ былъ посланъ человекъ съ приказаніемъ закупить всевозможныхъ лѣкарствъ и укрѣпляющихъ средствъ. Плантація была раздѣлена на части, и каждая изъ нихъ была подчинена надзору отдѣльнаго человѣка. Уже черезъ два-три часа не осталось и слѣда прежней паники и растерянности. Все пришло въ порядокъ, и домъ былъ похожъ на хорошо организованный госпиталь. Мили ходила повсюду и старалась возбудить религиозныя чувства среди насленія плантаціи, уговаривала людей пѣть гимны и возложить надежды на Провидѣніе. Всѣхъ болѣе-слабыхъ, болѣе склонныхъ къ заразѣ, Нина взяла къ себѣ въ домъ, для чего устроили спальни во всѣхъ комнатахъ.

— Ну, теперь, дитя мое,—сказала Мили Нинѣ, когда все было приведено въ порядокъ,—пойдите къ себѣ въ комнату, прилягте и засните; я вижу, какъ вы утомлены. Духъ силенъ, а плоть немощна. Сейчасъ вамъ нечего дѣлать, а, между тѣмъ, если вы переутомитесь, все придетъ въ разстройство. Вы должны поэтому позаботиться о себѣ. Теперь всѣ успокоились и все готово. Пойдите и засните. Если вы заблѣдете, то мы всѣ погибнемъ.

Нина послѣдовала совѣту Мили, пошла въ свою комнату, но раньше, чѣмъ лечь, написала письмо Клайтону. Она рассказала ему о смерти дяди, о появленіи холеры на ея плантаціи и о тѣхъ мѣрахъ, которыя она приняла. Въ письмѣ она выражала полную увѣренность въ своей силѣ и вѣру въ божественную помощь. Письмо заканчивалось такъ:

„Можетъ быть, то же самое происходитъ и въ вашихъ мѣстахъ, въ Магноліи Гровъ, и я не хочу, чтобы вы пріѣзжали сюда, если Анна нуждается въ вашей помощи. Можетъ быть, у нея нѣтъ такихъ надежныхъ помощниковъ, какъ Гарри и Мили. Не бойтесь за меня и не откладывайте исполненія какого бы то ни было долга ради меня. Нашъ Отецъ любитъ насъ, и все будетъ хорошо. Я буду писать вамъ съ каждой почтой до тѣхъ поръ, пока не пройдетъ эпидемія.

Живая или мертвая, всегда ваша Нина.

Написавъ письмо, Нина легла и проспала всю ночь спокойно, какъ будто бы ничего не случилось. Проснувшись утромъ, она одѣлась, Мили принесла ей въ комнату кофе и сухари и настояла, чтобы она раньше, чѣмъ выйти изъ комнаты, подкрѣпила себя.

— Какъ обстоятъ дѣла? —спросила Нина.

— Ночью у насъ было не мало горя, дитя мое,—сказала Мили,— умерла тетка Роза, умерли большой Самъ, Дрэкъ и Салли. Но среди лю-

дей нѣтъ паники, всѣ держатъ себя спокойнѣе, чѣмъ вчера, и готовы бороться.

— Какъ чувствуетъ себя Гарри?—спросила Нина съ безпокойствомъ въ голосѣ.

— Онъ здоровъ, онъ всю ночь возился съ больными и не терялъ бодрости духа. Старики хотятъ собраться послѣ завтрака на молитву по умершимъ. Можетъ быть, вы, миссъ Нина, прочтете главу изъ Евангелія.

Еще было совсѣмъ рано, когда собралась на полянѣ передъ домомъ большая толпа домашнихъ слугъ и рабочихъ съ плантаціи. День былъ прекрасный, воздухъ свѣжій, полный аромата цвѣтовъ. Когда Нина вышла въ своемъ бѣломъ утреннемъ костюмѣ, въ толпѣ послышался шопотъ одобренія и восторга.

— Садитесь, друзья мои,—сказала она, замѣтивъ, что нѣкоторые изъ рабочихъ плантаціи стѣсняются сѣсть въ ея присутствіи. Теперь не время для церемоній,—мы всѣ стоимъ на краю могилы и всѣ здѣсь равны. Я рада, что вы такъ спокойны и не потеряли бодрости духа. Я надѣюсь, что нашъ Спаситель поможетъ намъ одержать побѣду надъ смертію. Ну, Мили, начни пѣть гимнъ.

Мили запѣла гимнъ: „Наше слабое тѣло должно погибнуть, и мы должны умереть. Но наша душа, покинувъ этотъ грустный міръ, вознесется къ небесамъ“...

Всѣ присутствующіе приняли участіе въ пѣніи, и гимнъ торжественно звучалъ тамъ, гдѣ вчера еще царили ужасъ и паника. По окончаніи гимна Нина прочла главу изъ Библии и затѣмъ обратилась къ толпѣ со слѣдующими словами:

— Возможно,—говорила Нина,—что многихъ изъ насъ Господь призоветъ къ себѣ. Но тѣ, кто любитъ Христа, не должны бояться смерти. Для нихъ смерть есть только возвращеніе домой къ своему Отцу, а потому вы не должны ничего бояться.

На другой день подъ вечеръ, когда Нина сидѣла на верандѣ, она замѣтила повозку дяди Тиффа, приближавшуюся къ дому по аллеѣ и со свойственной ей живостью побѣжала внизъ, чтобы встрѣтить своего стараго друга.

— Какъ ты поживаешь, Тиффъ, въ это ужасное время?—воскликнула она.

— Плохо, миссъ Нина,—сказалъ старый Тиффъ, снимая шляпу съ присущею ему вѣжливостью,—я привезъ сюда бебэ, такъ какъ онъ страшно болѣнъ. Я дѣлалъ все, что могъ, но ничто не помогаетъ. Я также привезъ сюда миссъ Фани и Тедди. Я боялся ихъ оставить однихъ. Я слышалъ, что люди мрутъ всюду кругомъ.

— Грустно и у насъ,—отвѣтила Нина,—здѣсь тоже люди умираютъ. Но, если ты думаешь, что тебѣ и дѣтямъ безопаснѣе быть здѣсь, то оста-

вайся у насъ, и мы сдѣлаемъ для васъ все, что можемъ. Дай я подержу бебѣ, пока ты выльзешь изъ повозки. Онъ, кажется, спитъ.

— Да, миссъ Нина, онъ теперь большую часть времени спитъ.

Нина взяла бебѣ на руки и, поднявшись по лѣстницѣ, передала егѣ Мили.

— Онъ крѣпко спитъ теперь, — сказала она.

— О, дитя мое, — сказала Мили, — онъ, вѣроятно, никогда не проснется отъ этого сна, да и лучше, что онъ спитъ.

— Во всякомъ случаѣ, мы поможемъ Тиффу ухаживать за ребенкомъ; нужно приготовить комнату для Тиффа и дѣтей. У насъ имѣются лѣкарства, а у нихъ и этого нѣтъ.

Тиффъ со всѣмъ семействомъ поселился на плантаціи; къ вечеру бебѣ умерѣ. Тиффъ держалъ его на рукахъ до самаго конца. Нина и Мили съ большимъ трудомъ могли убѣдить его, что ребенокъ умеръ; когда же онъ поневолѣ убѣдился, что это правда, то въ теченіе нѣкотораго времени былъ совершенно безутѣшенъ. Но, когда Нина прочла ему изъ Библіи о томъ, какъ къ Спасителю были приведены младенцы, какъ онъ благословлялъ ихъ, и о томъ, какъ онъ сказалъ, что царство небесное принадлежитъ имъ, Тиффъ нѣсколько утѣшился.

— Благословенно имя Господня, — воскликнулъ старикъ, — я хочу, чтобы ребенокъ былъ въ царствіи небесномъ! — хотя мое сердце разрывается на части при мысли о томъ, что его уже нѣтъ, — онъ былъ такой здоровый, славный мальчишъ, — но разъ онъ пошелъ на небо, то ему тамъ лучше.

XXV. Катастрофа.

Клайтонъ спокойно сидѣлъ въ своей конторѣ и заканчивалъ свои дѣла, такъ какъ собирался навсегда оставить занятіе адвокатурой.

Вошелъ негрятинскій мальчишъ и принесъ полученные съ почты письма. Клайтонъ пересмотрѣлъ письма и, выбравъ одно, началъ его быстро читать. Вдругъ онъ вскочилъ съ письмомъ въ рукѣ, схватилъ шляпу, выскочилъ изъ комнаты и побѣжалъ къ ближайшей станціи почтовыхъ лошадей.

— Дайте мнѣ самую быструю изъ вашихъ лошадей, чтобы я могъ скакать на ней и днемъ и ночью: это для меня вопросъ жизни или смерти.

Черезъ полчаса Клайтонъ уже скакалъ по дорогѣ въ Канему. Въ почтовой каретѣ до Канемы нужно было ѣхать трое сутокъ; Клайтонъ рассчитывалъ, напрягнувъ всѣ усилія, доскакать въ двадцать четыре часа. Онъ заставлялъ бѣжать лошадь во всю мочь и, доѣхавъ до слѣдующей станціи, смѣнялъ ее на другую и т. д.

Почта въ Сѣверной Каролинѣ въ тѣ времена не слѣшила, и Клайтонъ получилъ письмо Нины черезъ недѣлю послѣ его отправки. За это время

холера въ Канемѣ какъ будто бы утихла, хотя на сосѣднихъ плантаціяхъ и свирѣпствовала съ прежней силой. Обитатели Канемы надѣялись, что бѣда миновала. Правда, многіе были еще больны, но новыхъ случаевъ холеры не было, и больные понемногу поправлялись.

Въ этотъ день Нина, по обыкновенію, встала рано и обошла всѣхъ больныхъ, справляясь объ ихъ здоровьи. Возвратившись домой немного уточленная, она сѣла отдохнуть на верандѣ и наслаждалась свѣжестью утренняго воздуха. Вдругъ послышался топотъ лошадиныхъ подковъ; Нина изглянула на дорогу и увидѣла скачущаго Клайтона. Черезъ нѣсколько секундъ Клайтонъ уже стоялъ на землѣ, держа въ своихъ объятіяхъ Нину.

— О, ты еще здѣсь! моя бѣлоснѣжная роза! моя милая невѣста! моя чудная овечка! Боже милосердный, это слишкомъ большая радость для меня, я боялся, что тебя уже нѣтъ!

— Нѣтъ, милый, я еще жива, — отвѣтила Нина. — Мы потеряли много людей, но пока Богъ сохранилъ меня для тебя.

— Ты, дѣйствительно, здорова, — сказалъ Клайтонъ, отодвигая ее и смотря ей въ лицо. — Ты страшно блѣдна, моя маленькая роза.

— Неудивительно, — отвѣтила Нина, — какъ не быть блѣдной послѣ всего того, что мы пережили. Но я совершенно здорова и была все время здорова, и никогда не чувствовала себя болѣе спокойной и увѣренной въ божественной любви.

— Ты знаешь, — сказалъ Клайтонъ, — меня это спокойствіе пугаетъ, это странное, неземное, блаженное состояніе души, точно у умирающей души.

— Нѣтъ, не пугайся, — отвѣтила Нина, — это просто потому, что я глубоко вѣрю въ Божью помощь. А теперь пойдѣмъ, тебѣ надо отдохнуть: ты, должно быть, страшно утомленъ; ты, вѣроятно, ѣхалъ всю ночь.

— Да, съ девяти часовъ утра вчерашняго дня; я загналъ четырехъ лошадей, чтобы добраться сюда. Подумать только, что я получилъ твое письмо черезъ недѣлю послѣ его отправки.

— Можетъ быть, это къ лучшему, — сказала Нина: — я слышала, что люди, прїѣзжающіе изъ здоровой мѣстности въ зараженную, легко подвергаются заразѣ, а теперь у насъ зараза нѣсколько ослабѣла. Однако, надо позаботиться о тебѣ. Ты знаешь, что я здѣсь главный командиръ и старшій врачъ и предписываю тебѣ немедленно отправиться въ свою комнату. Мили принесетъ тебѣ кофе, и ты долженъ лечь спать. Ты вѣдь убѣдился своими собственными глазами, что мы здоровы, и можешь теперь спать спокойно.

Когда тревога за Нину миновала, Клайтонъ почувствовалъ, насколько физически и нравственно онъ утомился за эти двадцать четыре часа. Придя къ себѣ въ комнату и выпивъ кофе, принесенный Мили, онъ легъ и спокойно спалъ до вечера. Сначала онъ спалъ очень крѣпко и не видѣлъ ничего во снѣ. Но, по мѣрѣ того, какъ нервы его успокаивались,

постепенно стали появляться сны. Ему снилось, что онъ вмѣстѣ съ Ниной опять сидитъ на полянѣ въ Магнолія Гровъ, а слуги проходятъ мимо нихъ и бросаютъ къ ихъ ногамъ цвѣты. Вдругъ кто-то бросилъ къ ногамъ Нины вѣтку fleur d'orange, обвязанную крепомъ. Она подняла ее, улыбаясь, сняла крепъ и приколотла вѣтку себѣ на голову.

Въ это время раздался легкій стукъ въ дверь, пробудившій его. Дверь немного пріоткрылась, просунулась маленькая ручка и бросила букетъ полевыхъ цвѣтовъ.

— Это должно показать тебѣ, что мы всѣ находимся въ добромъ здоровьи,—раздался изъ-за двери голосъ Нины.—Если ты отдохнулъ, то иди къ намъ внизъ.

И Клайтонъ слышалъ, какъ легкой походкой Нича сбѣжала внизъ по лѣстницѣ. Клайтонъ всталъ и, приведя себя въ порядокъ, сошелъ внизъ на веранду.

— Чай уже давно готовъ,—сказала Нина,—и я рѣшилась разбудить тебя.

Послѣ чая, по просьбѣ Клайтона, Нина сѣла за рояль и начала пѣть одну изъ его любимыхъ пѣсень. Вдругъ она внезапно перестала играть, быстро встала и пошла въ другую комнату.

— Что случилось?—спросилъ Клайтонъ.

— Ничего,—отвѣтила торопливо Нина,—я сейчасъ возвращусь.

Клайтонъ замѣтилъ, что Нина открыла шкафъ, въ которомъ хранились лѣкарства, нашла что-то въ стаканѣ и выпила.

— Ты не больна?—спросилъ онъ ее съ тревогой въ голосѣ, когда она возвратилась.

— Нѣтъ, ничего, меня что-то немного тошнить, больше ничего. Мы такъ привыкли къ осторожности, что при малѣйшемъ признаѣ нездоровья, сейчасъ же принимаемъ лѣкарство. Такая дурнота со мною случалась очень часто за послѣднее время, это ничего не значить.

Клайтонъ обнялъ ее рукою за талію и смотрѣлъ на нее съ восхищеніемъ и со страхомъ.

— Ты такая воздушная и вотъ-вотъ кажется улетишь, такъ что я долженъ держать тебя крѣпко.

— Ты думаешь, что у меня есть пара невидимыхъ крыльевъ?—спросила она, смѣясь и лукаво посматривая ему въ глаза.

— Я боюсь, что такъ,—сказалъ онъ.—Какъ ты себя чувствуешь теперь?

— Недурно, но лучше присядемъ. Я думаю, что на мнѣ сказывается переутомленіе, я чувствую себя немного слабой.

Клайтонъ сѣлъ съ нею рядомъ на диванъ, продолжая ее держать за талію и съ тревогой посматривая въ лицо. Черезъ нѣсколько минутъ она съ утомленнымъ видомъ опустила свою голову ему на плечо.

— Ты больна!—воскликнулъ онъ съ испугомъ.

— Нѣтъ, вѣтъ, я чувствую себя хорошо, только я немного слаба, и у меня кружится голова; не правда ли, здѣсь холодно?—продолжала она, слегка вздрогнувъ.

Клайтонъ, не говоря ни слова, схватилъ ее на руки, вынесъ въ другую комнату и, положивъ на диванъ, позвалъ Гарри и Мили.

— Осѣдай лошадь и поѣзжай немедленно за докторомъ,—сказалъ онъ, когда Гарри появился въ дверяхъ.

— Нѣтъ смысла посылать за докторомъ,—сказала Нина,—его все равно не найдутъ, онъ такъ завяетъ, да и со мною ничего особеннаго не происходитъ. Я только переутомлена, и мнѣ холодно. Закройте двери и окна и покройте меня чѣмъ-нибудь. Нѣтъ, нѣтъ, не переносите меня наверхъ, я хочу лежать здѣсь, только покройте меня шалью, больше ничего; у меня страшная жажда, дайте мнѣ немного воды.

Страшная таинственная болѣзнь проявлялась въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. Иногда она проходила бурно со страшными припадками, иногда поражала чуть не моментальной смертью, а иногда человекъ быстро таялъ почти безъ всякихъ внѣшнихъ признаковъ болѣзни. Такъ было и съ Ниной. Не прошло и часу, какъ она заболѣла, и, хотя съ нею не было ни одного припадка, но на ея юномъ лицѣ уже лежала печать смерти. Гарри, пославъ верхового за докторомъ, возвратился въ комнату.

— Мнѣ ничего, право ничего,—говорила Нина,—я только утомилась, и на меня подѣйствовала переменна погоды. Если бы только меня хорошенько укрыли. А, можетъ быть, вы мнѣ дали бы коньяку или чего-нибудь крѣпкаго, а вы мнѣ дали пить воду, не правда ли?

Увы, ей давали самый крѣпкій коньякъ, но она уже потеряла вкусъ и обоняніе, и коньякъ ей казался водой. Не было никакой перемены въ погодѣ, но она уже чувствовала холодное дыханіе смерти, и ея члены быстро остывали. Она закрыла глаза, черезъ нѣсколько минутъ открыла ихъ вновь и, увидя вокругъ себя лица, искаженные горемъ, произнесла:

— Мнѣ кажется, что меня зоветъ Всевышній, мнѣ жаль васъ всѣхъ! По не печальтесь, Небесный Отецъ меня любить и хочетъ взять къ Себѣ. Онъ призываетъ меня,— и это все, незачѣмъ печалитися. Я возвращаюсь домой, пройдетъ немного времени, придете туда и вы. Ты доволенъ мною, Эдвардъ, не правда ли?

И она опять впала въ полусонное состояніе.

Что дѣлалъ Клайтонъ? Что могъ онъ дѣлать? Ничего. Онъ могъ держать только въ своихъ объятіяхъ дорогое тѣло своей умирающей возлюбленной, душа которой радостно рвалась къ Тому, Кто ее далъ.

Гарри и Мили не теряли ни минуты. Они растирали ея холодѣвшіе члены, давали укрѣпляющія средства, но все было напрасно.

— Хоть то хорошо, что, благодаря Богу, она не страдаетъ,—сказаль Клайтонъ, стоя на колѣняхъ и обнимая ея застывавшес тѣло.

Чудная улыбка освѣтила лицо умирающей, она открыла глаза и, посмотрѣвъ на окружающихъ, проговорила:

— Нѣтъ, мои бѣдные друзья, я не страдаю, я иду въ ту страну, гдѣ нѣтъ страданій, мнѣ только жалко васъ. Эвардъ,—обратилась она къ нему,—помнишь, что ты однажды сказалъ мнѣ? Теперь это осуществилось, ты долженъ перенести это, какъ мужчина. Богъ предназначилъ тебѣ великое дѣло, и ты не долженъ отъ него отступать. Эвардъ, позаботься о моихъ бѣдныхъ слугахъ. Скажи Тому, чтобъ онъ былъ мягокъ съ ними. Мой бѣдный, вѣрный, добрый Гарри! О, какъ мои силы быстро уходятъ!

Голосъ ея перешель въ шопоть. Казалось, вся жизнь сосредоточилась въ одномъ мозгу. Она лежала нѣкоторое время неподвижно. Вдругъ раздались чьи-то шаги, и въ комнату вошелъ докторъ Бутлеръ, блѣдный, утомленный, разстроенный, еле держащійся на ногахъ отъ переутомленія.

Докторъ ничего не сказалъ, но по его взгляду всѣ увидѣли, что нѣтъ надежды.

Она пошевелила головой, какъ это дѣлаетъ человекъ во снѣ, открыла глаза и произнесла свои послѣднія слова.

— Прощайте! Я иду къ своему Отцу!

Дыханіе становилось все слабѣе и слабѣе. Наступила ночь, а съ нею вмѣстѣ пришла и смерть. Все было кончено.

XXVI. Цѣпь оборвана.

Клайтонъ оставался въ Каяемѣ еще долго послѣ похоронъ Нины. Клайтона очень тронула послѣдняя просьба Нины, обращенная къ нему: позаботиться о принадлежащихъ ей рабахъ. Сцены отчаянія и горя, свидѣтелемъ которыхъ онъ былъ послѣ ея похоронъ, еще болѣе усилили его желаніе помочь несчастнымъ неграмъ, потерявшимъ свою любимую госпожу.

Онъ пересмотрѣлъ бумаги Нины, отослалъ ея друзьямъ полученныя ею отъ нихъ письма, вмѣстѣ съ извѣщеніемъ о ея смерти! Онъ съ болью въ сердцѣ думалъ о томъ, что у него нѣтъ въ рукахъ средствъ исполнить волю Нины и помочь ея рабамъ, разъ Томъ Гордонъ имѣеть надъ ними неограниченную власть. Онъ вспоминалъ, что сказалъ отецъ, читая рѣшеніе суда, онъ также вспоминалъ то, что Нина говорила ему о страшной ненависти Тома къ Гарри. Ему тяжело было вспомнить, что хлопоты его и Нины спасти Лизету отъ преслѣдованія Тома привели къ тому, что она теперь попадетъ въ полную отъ него зависимость. Его поражало спокойствіе и твердость Гарри, который продолжалъ, какъ ни въ чемъ не бывало, зачѣматься своимъ дѣломъ. Онъ вспомнилъ, что Нина рассказывала о томъ,

что въ случаѣ ея смерти Гарри получить свободу. И вотъ, однажды онъ спросилъ Гарри.

— Скажи, Гарри, есть ли какой-нибудь контрактъ или соглашеніе о твоёмъ освобожденіи въ случаѣ смерти твоей госпожи.

— Да, — сказалъ Гарри, — у меня есть контрактъ, по которому я, въ случаѣ смерти миссъ Нины, получаю свободу, если уплачу опредѣленную сумму. Въ настоящее время почти вся сумма уплачена, остается внести еще только пятьсотъ долларовъ.

— Я съ удовольствіемъ одолжу тебѣ эти деньги, — сказалъ Клайтонъ, — если дѣло заключается только въ этомъ, покажи мнѣ документъ.

Гарри подалъ документъ Клайтону, это былъ правильно составленный договоръ между попечителемъ Нины и Гарри объ освобожденіи послѣдняго. Но Клайтонъ хорошо зналъ, что всѣ договоры, заключенные съ рабами, не имѣютъ никакого значенія. Онъ перечитывалъ бумагу и обдумывалъ, какъ сказать объ этомъ Гарри и тѣмъ разрушить послѣднюю его надежду. Въ эту минуту вошелъ слуга и доложилъ о пріѣздѣ мистера Джекиля. Вслѣдъ за слугою вошелъ и самъ мистеръ Джекиль.

— Здравствуйте, мистеръ Клайтонъ, — сказалъ онъ, и, покровительственно кивнувъ головой Гарри, усѣлся на стулъ и приступилъ къ дѣлу.

— Мистеръ Гордонъ поручилъ мнѣ пріѣхать сюда и вступить немедленно во владѣніе отъ его имени имуществомъ, оставшимся послѣ его умершей сестры.

Клайтонъ сидѣлъ молча и ждалъ, что послѣдуетъ дальше. Немного помолчавъ, мистеръ Джекиль спросилъ:

— Не оставлено завѣщанія?

— Нѣтъ, — отвѣтилъ Клайтонъ, — завѣщанія не оставлено.

— Въ такомъ случаѣ, — сказалъ мистеръ Джекиль, пріободрившись, — все переходитъ къ законному наслѣднику.

— Можетъ быть, мистеръ Джекиль будетъ такъ добръ и просмотритъ этотъ документъ, — сказалъ Гарри, показывая ему свой контрактъ.

Мистеръ Джекиль одѣлъ очки, внимательно прочелъ контрактъ и, повернувшись къ Гарри, спросилъ.

— Ты считаешь это законнымъ документомъ?

— Конечно, — отвѣтилъ Гарри, — я могу доказать свидѣтельскими показаніями, что это подпись Джона Гордона и миссъ Нины.

— Я не сомнѣваюсь, что это ихъ подписи, — сказалъ мистеръ Джекиль, — но дѣло въ томъ, что въ глазахъ закона рабъ признается безправнымъ, и съ нимъ нельзя заключать контрактъ. Этотъ документъ не имѣетъ никакого значенія.

— И это называется христіанскимъ государствомъ! — воскликнулъ Гарри съ горечью.

— Конечно, — отвѣтилъ мистеръ Джекиль, — а тебѣ, мой милый, я не совѣтую бунтовать, — прибавилъ онъ, нахмуривъ брови.

— Мистеръ Джекиль,—замѣтилъ Клайтонъ,—будемъ говорить только о законахъ.

— Конечно, — отвѣтилъ мистеръ Джекиль,—но вы должны знать, что мистеръ Гордонъ просилъ меня побыть здѣсь до его прїѣзда и поддержать порядокъ. Онъ отдалъ приказаніе, чтобы никто не смѣлъ отлучаться съ плантаци до его прїѣзда. На всякій случай, если понадобится поддержать порядокъ, я захватилъ съ собою полицейскихъ.

— Когда прїѣдетъ сюда мистеръ Гордонъ?—спросилъ Клайтонъ.

— Вѣроятно, завтра,—отвѣтилъ мистеръ Джекиль.—Послушай любезный, обратился онъ къ Гарри,—подай мнѣ книги и бумаги для просмотра счетовъ.

Клайтонъ всталъ и вышелъ изъ комнаты, оставивъ мистера Джекиля съ Гарри просматривать счета и книги. Мистеръ Джекиль послѣ ухода Клайтона, посмотрѣвъ на Гарри, спросилъ.

— Что съ тобою? Ты сегодня не похожъ самъ на себя, ты здоровъ?

— Тѣломъ я здоровъ,—отвѣтилъ Гарри.

— Такъ что же съ тобою?—спросилъ мистеръ Джекиль.

— Мистеръ Джекиль,—воскликнулъ Гарри,—все кончено для меня, двадцать лѣтъ вѣрной, усердной службы пропали даромъ. Я самъ, моя жена и еще нерожденное дитя—рабы отвратительнаго негодяя. Молчите! Не мѣшайте мнѣ хоть разъ въ жизни высказать то, что я думаю. Все это я долго выпанивалъ въ своемъ сердцѣ. Вы называете себя релігиозными людьми и поддерживаете подобную тиранію! Вы—змѣи, вы—поколѣніе змѣй. Вамъ не избѣжать проклятія и мукъ ада. Вы охраняете одежды людей, побивавшихъ камнями апостола Стефана. Вы поощряете воровство, разбой и развратъ, и сами знаете, что это такъ. Вы хуже тѣхъ негодяевъ, которые это дѣлаютъ; эти люди не стараются оправдать своихъ поступковъ, это за нихъ дѣлаете вы. Скажите все это Тому Гордону, скажите, что я буду биться до конца. Мнѣ не на что надѣется, мнѣ нечего терять. Скажите ему, чтобы онъ остерегался. Смѣялись надъ Самсономъ, ему выкололи глаза, но онъ обрушилъ храмъ на ихъ головы.

Гарри говорилъ съ такой страстью и такъ громко, что Клайтонъ услышавъ его голосъ изъ другой комнаты, вошелъ и, ставъ позади него, положилъ ему руку на плечо, и, стараясь его успокоить, сказалъ:

— Мой милый, ты не знаешь самъ, что говоришь.

— Нѣтъ, я знаю, что я говорю, и мои слова оправдаются,—отвѣтилъ Гарри.

Въ это время въ комнату вошелъ новый свидѣтель—Томъ Гордонъ, одѣтый въ дорожный костюмъ и съ пистолетами за поясомъ. Онъ выѣхалъ вслѣдъ за мистеромъ Джекилемъ и прїѣхалъ какъ разъ во время, чтобы услышать конецъ страстной рѣчи Гарри.

— Стойте!—воскликнулъ онъ, выходя на средину комнаты,—предоставьте этого малаго мнѣ. Ну, что?—сказалъ онъ, устремивъ свои черные,

злые глаза на Гарри,—ты не зналъ, что твой господинъ слышитъ, что ты говоришь! При послѣдней нашей встрѣчѣ ты сказалъ мнѣ, что я—не твой господинъ! Посмотримъ, посмѣешь ли ты и теперь сказать то же самое. Ты внушилъ своей госпожѣ купить Лизету, чтобы избавить ее отъ меня! Ну, а теперь кому она принадлежить? Слушай, ты это видишь?—и онъ показалъ ему длинную гуттаперчевую трость.—Ну, а теперь становись на колѣни и проси прощенія, или я изобью тебя до полусмерти.

— Я не стану на колѣни передъ своимъ младшимъ братомъ,—отвѣтилъ Гарри!

Со страшнымъ проклятіемъ Томъ ударилъ его тростью. Въ ту же секунду Гарри нагесъ Тому страшный ударъ кулакомъ въ лицо. Ударъ былъ такъ силенъ, что Тома отбросило къ стѣнѣ, и онъ, ударившись о нее головой упалъ на полъ. Гарри же въ одно мгновеніе ока выскочилъ въ открытое окно, спустился внизъ по столбу террасы и быстро побѣжалъ къ своей хижинѣ, у дверей которой стояла Лизета и гладила бѣлье.

— Скорѣе, скорѣе, Лизета!—закричалъ онъ,—Томъ Гордонъ здѣсь!— и раньше, чѣмъ Томъ Гордонъ оправился отъ нанесеннаго ему удара, Гарри и Лизета уже скакали на горячей кровной лошади между кустовъ и деревьевъ. Они поѣхали къ тому мѣсту, гдѣ Гарри дважды встрѣчалъ Дрэда.

Дрэдъ стоялъ тамъ.

— Теперь—сказалъ онъ,—когда Гарри и Лизета слѣзли съ лошади, ты видишь, что исполнилось сказанное, и знай, что Господь сдѣластъ тебя вождемъ народа.

— Теперь нельзя терять ни минуты!—воскликнулъ Гарри.

— Я знаю,—отвѣтилъ Дрэдъ,—идите за мной.

И еще до заката солнца Гарри и Лизета были въ центрѣ болотъ, тамъ, гдѣ жилъ Дрэдъ.

XXVІІ. Планы Клайтона.

Трудно описать то впечатлѣніе, которое произвелъ на всѣхъ присутствующихъ поступокъ Гарри. Послѣ того, какъ Гарри выскочилъ въ окно, Томъ Гордонъ лежалъ нѣкоторое время въ полу-бессознательномъ состояніи на полу. Въ первую минуту Клайтонъ и Джекиль не знали, что дѣлать. Джекиль такъ растерялся, что чуть не вылилъ чернильницу на лицо Тома для того, чтобы привести его въ чувство. Клайтонъ крикнулъ, чтобы принесли воды, но въ ней не оказалось надобности. Томъ вскорѣ самъ опомнился и вскочилъ, какъ бѣшеный, на ноги.

— Гдѣ онъ?—закричалъ Томъ, сопровождая это восклицаніе цѣлымъ потокомъ страшныхъ ругательствъ, которыя привели въ немалое смущеніе благонравнаго мистера Джекиля.

— Мой молодой другъ,—началъ мистеръ Джекиль.

— Чортъ васъ побори съ вашимъ молодымъ другомъ! — закричалъ Томъ, — гдѣ онъ?

— Онъ убѣжалъ, — спокойно замѣтилъ Клайтонъ.

— Онъ выскочилъ въ окно, — сказалъ мистеръ Джекиль.

— Чортъ возьми! зачѣмъ же вы его не задержали? — со злостью закричалъ Томъ.

— Если этотъ вопросъ относится ко мнѣ, то совершенно напрасно, — я не мѣшаюсь въ ваши семейныя дѣла.

— Вы уже слишкомъ много мѣшались въ нихъ, а больше ужъ, конечно, не будете вмѣшиваться, — отвѣтилъ Томъ грубымъ тономъ. — Но теперь не къ чему толковать. Надо устроить погоню за этимъ молодымъ! Онъ думаетъ, что ему удастся удрать отъ меня, но мы еще посмотримъ. Я съ нимъ такъ расправлюсь, что этого долго не забудутъ. — И онъ изо всей силы дернулъ ручку звонка. — Джимъ, — спросилъ онъ вбѣжавшаго на зовъ слугу, — ты видалъ, какъ Гарри усакаалъ на моей лошади?

— Да, сэръ.

— Отчего же ты его не остановилъ?

— Я думалъ, что мистеръ Томъ послалъ его за чѣмъ-нибудь.

— Врешь, собака! Бѣги и устрой погоню за нимъ, возьми лучшихъ лошадей! И, если ты не поймаешь его, то тебѣ будетъ плохо. — Стой! Вели осѣдлать и для меня лошадь! Я поѣду самъ.

Клайтонъ, понявъ, что ему бесполезно оставаться дольше въ Канемъ, велѣлъ подать себѣ лошадь и уѣхалъ. Томъ Гордонъ, со злобой посмотрѣвъ ему вслѣдъ, сказалъ:

— Я ненавижу этого молодца и при первомъ удобномъ случаѣ устрою ему какую-нибудь пакость.

Есть люди, которые такъ созданы, что всякая несправедливость, которой они бываютъ свидѣтелями, заставляетъ ихъ страшно страдать, въ особенности, если они не могутъ сами исправить зла. Такимъ былъ и Клайтонъ. Онъ ѣхалъ въ мрачномъ настроеніи духа и обдумывалъ все пережитое имъ за время его короткаго пребыванія въ Канемъ. Онъ рѣшилъ поставить цѣлью своей жизни борьбу съ рабствомъ, пустившимъ глубокіе корни въ томъ обществѣ, въ которомъ онъ жилъ. Теперь онъ былъ доволенъ, что въ присутствіи суда смѣло высказалъ свой взглядъ и тѣмъ сдѣлалъ первый шагъ въ дѣлѣ борьбы съ отвратительнымъ учрежденіемъ рабства. Клайтонъ дѣлалъ ту же ошибку, которую дѣлаютъ и всѣ, подобные ему люди. Онъ судилъ о людяхъ по себѣ самому. Ему казалось, что главной причиною, почему многіе защищаютъ рабство, является невѣжество и непониманіе. Ему казалось, что пропагандой и примѣромъ можно многое сдѣлать. И онъ рѣшилъ посоветоваться съ передовыми людьми своего штата о тѣхъ мѣрахъ, которыя думалъ предпринять.

Клайтонъ, еще будучи въ Канемъ, написалъ своимъ родителямъ о смерти Нины и просилъ ихъ не говорить съ нимъ о ней, когда онъ при-

идеть домой, а потому при первой встрѣчѣ не было произнесено ни одного слова о пережитомъ горѣ, что было очень тяжело для его добросердечной матери, которой хотѣлось броситься къ ему на шею и поплакать вмѣстѣ съ нимъ. Но есть люди, которые не могутъ никогда говорить о своихъ страданіяхъ. Они ихъ цѣликомъ переживаютъ внутри самихъ себя.

Конечно, прежде всего о своихъ планахъ Клайтонъ посоветовался со своими родителями. Отецъ, выслушавъ его, отнеся скептически къ его намѣреніямъ.

— Я имѣю мало надежды на успѣхъ твоихъ плановъ, — сказалъ онъ, — зло слишкомъ глубоко укоренилось.

— Мнѣ жаль, — сказала миссисъ Клайтонъ, — что Эдвардъ выступилъ сразу такъ рѣзко на судѣ, это возстановило противъ него многихъ. Лучше было бы сохранить свое вліяніе и постепенно воздѣйствовать на общественное мнѣніе. Теперь всѣ такъ возстановлены противъ аболиціонистовъ, что достаточно малѣйшаго подозрѣнія, что человѣкъ — аболиціонистъ, для того, чтобы онъ потерялъ всякое вліяніе.

— Есть ли у тебя какой-нибудь опредѣленный планъ дѣйствія? — спросилъ отецъ.

— Конечно, — отвѣтилъ Клайтонъ, — вначалѣ всякое дѣло представляется только въ общихъ чертахъ, болѣе детальный планъ выработается впоследствии. Прежде всего, мнѣ кажется, нужно обратить вниманіе на несправедливость существующихъ законоположеній о рабахъ и измѣнить ихъ.

— Какимъ образомъ измѣнить ихъ? — спросилъ отецъ.

— Я думаю, слѣдуетъ предоставить рабамъ право жаловаться въ судъ за нанесенныя имъ поврежденія и предоставить имъ право быть свидѣтелями на судѣ, затѣмъ, слѣдуетъ уничтожить законъ, запрещающій давать образованіе рабамъ. И въ третьихъ, запретить раздѣлять семью при продажѣ рабовъ.

Отецъ сидѣлъ нѣсколько времени молча и, наконецъ, спросилъ: — А какими способами ты надѣешься возбудить общественное мнѣніе?

— Прежде всего, я обращаюсь къ церкви, къ ея священнослужителямъ, — сказалъ Клайтонъ.

— Попробуй, — замѣтилъ отецъ.

— Эти требованія настолько справедливы и гуманны, что, несомнѣнно, всѣ порядочные люди выскажутся въ ихъ пользу, — замѣтила миссисъ Клайтонъ.

— По моему мнѣнію, — сказалъ Клайтонъ, — прежде всего нужно добиться уничтоженія того, что препятствуетъ умственному развитію рабовъ, способствуетъ ихъ безнравственности и не даетъ возможности развиваться въ нихъ чувству собственнаго достоинства. Затѣмъ, слѣдуетъ позволить владѣльцамъ по желанію освобождать своихъ рабовъ и превращать ихъ въ своихъ фермеровъ. Такимъ образомъ, дѣло освобожденія пойдетъ постепенно, безъ всякихъ потрясеній. Первыми освободятъ своихъ рабовъ наиболѣе

развитые и порядочные люди, а за ними послѣдуютъ и другіе, труденъ только первый шагъ. Я встрѣчалъ не мало людей среди рабовладѣльцевъ, которые жалуются на несправедливость рабства и даже находятъ его невыгоднымъ и разорительнымъ. И эти люди, конечно, первые освободятъ своихъ рабовъ.

— Дѣло въ томъ,—сказалъ отецъ,—что система рабства, хотя и разорительна для общества, но выгодна для отдѣльныхъ лицъ. Рабовладѣльцы являются аристократами; они имѣютъ особыя привилегіи и наиболѣе сильное политическое вліяніе; и тѣмъ, и другимъ они не захотятъ поступиться, а между тѣмъ они представляютъ главную силу и связаны между собою общими интересами.

— Послушай, Эдвардъ,—сказала миссисъ Клайтонъ,—такъ какъ ты думаешь обратиться къ церкви, то почему бы тебѣ не поговорить со своимъ дядей Кашингомъ, онъ—одинъ изъ самыхъ вліятельныхъ пресвитеріанскихъ священниковъ во всемъ штатѣ, онъ часто высказывался противъ рабства, я это сама слышала. Онъ приводилъ мнѣ ужасные примѣры, къ чему приводитъ рабство.

— Да,—замѣтилъ судья Клайтонъ,—твой братъ высказываетъ жалобы на рабство въ частной бесѣдѣ и постольку, поскольку это не затрагиваетъ его популярности.

— Неужели ты думаешь, что онъ не захочетъ чѣмъ-нибудь помочь въ этомъ дѣлѣ?

— Да, не захочетъ, если это будетъ грозить его популярности.

— Неужели ты думаешь, что мой братъ не исполнитъ своего долга изъ боязни подорвать свой авторитетъ,—сказала миссисъ Клайтонъ.

— Онъ, какъ и всѣ пресвитеріанскіе, епископальные и методистскіе священники, считаетъ, что защита непопулярнаго дѣла можетъ повредить успѣху его церкви.

— Я не понимаю, чѣмъ можетъ повредить защита такого благороднаго и справедливаго дѣла, какъ болѣе справедливое отношеніе къ рабамъ. Это только вы, законники, такъ безсердечны. Я убѣждена, что братъ отъ всей души будетъ готовъ помочь Эдварду.

— Я буду радъ, если онъ это сдѣлаетъ,—сказалъ судья Клайтонъ.

— Я напишу сегодня-же,—сказала миссисъ Клайтонъ,—и пусть Эдвардъ пойдетъ и потолкуетъ съ нимъ. Не теряй бодрости, Эдвардъ, у насъ, у женщинъ, есть какой-то пророческій инстинктъ,—все будетъ хорошо. Во всякомъ случаѣ, мы, женщины, будемъ поддерживать тебя до конца.

Клайтонъ вздохнулъ. Онъ вспомнилъ, какое письмо получилъ отъ Пивы въ день рѣшенія апелляціоннаго суда; онъ подумалъ о томъ, какимъ мужественнымъ сердцемъ обладала эта маленькая тоненькая женщина, и ему показалось, какъ будто бы пронесся шопоть, подобный легкому дыханію вѣтра, который произвезъ: «иди, смѣло вперед!».

XXVIII. ВѢСТНО ВЪ ЕГИПЕТЪ.

Холера прекратила, и Тиффъ опять жилъ съ дѣтьми въ своей хижинѣ. Все шло хорошо. Его цыплята и индюшки росли и толстѣли, хлѣбъ былъ собранъ, въ огородѣ поспѣвала зелень, могла себе прорасти травой, миссъ Фани оправилась, поздоровѣла и цѣлыми часами бѣгала по лѣсу вмѣстѣ съ Тедди. Тиффъ опять углубился въ свои старыя мечты. И вотъ, однажды онъ сидѣлъ рано утромъ у порога своей хижины и разсуждалъ самъ съ собою:

— Что-то давно его нѣтъ, ужъ не умеръ ли онъ отъ холеры? Ну, что-жь, да будетъ воля Господня. Да и небольшая потеря будетъ, если онъ умеръ. Отъ него никакой пользы не было. Привозилъ домой кучи мусора и пропивалъ въ кабакѣ Абиджи Скинфлинта всѣ деньги, которыя я выручалъ отъ продажи цыплятъ. Вѣрно ими овладѣваетъ дьяволъ, когда они, какъ свиньи, напиваются въ кабакѣ! Какъ водка портитъ людей! Тедди никогда не будетъ пить, въ немъ течетъ кровь Пейтоновъ.

— Нельзя знать, что можетъ случиться,—продолжалъ свои разсужденія Тиффъ.—Кто знаетъ, дѣтямъ можетъ достаться часть состоянія Пейтоновъ, такіе случаи бывали. Адвокаты часто вызываютъ наслѣдниковъ. Мнѣ нужно поговорить объ этомъ съ управляющимъ миссъ Нины, онъ—хорошій человекъ и, можетъ быть, поможетъ намъ въ этомъ. А пока что, я буду работать.

Въ эту минуту Тиффъ поднялъ глаза и увидѣлъ двигающуюся по дорогѣ повозку Крибса. Крибсъ не умеръ, какъ надѣялся Тиффъ, а возвращался домой для болѣе продолжительнаго пребыванія, везя съ собою новую подругу сердца.

Трудно описать изумленіе Тиффа, когда онъ увидѣлъ своего господина, подѣвжающаго съ новой госпожей; онъ не могъ произнести ни слова отъ удивленія. Погозка подѣхала къ двери, Крибсъ выбросилъ изъ нея грязный узелъ съ приданымъ своей жены. Вылѣзла и сама новая госпожа. Очевидно, она принадлежала къ низшему классу и имѣла слабость къ спиртнымъ напиткамъ.

— Вотъ, Тиффъ, твоя новая госпожа,—сказалъ Крибсъ съ глухимъ смѣхомъ.—Я нашель, что дѣтямъ нужна мать, которая заботилась бы о нихъ. Ну идемъ, баба,—обратился онъ къ женѣ и потащилъ ее за руку въ комнату, гдѣ она и усѣлась на кровать Фани. Тиффъ смотрѣлъ на нее такъ, какъ будто собирался пришить ее до смерти. Все это на него обрушилось, какъ лавина. Онъ стоялъ у дверей въ полномъ отчаяніи. А она сидѣла на кровати, помахивая ногою и выплевывая во всѣ стороны табачный сокъ: ея правая щека была набита табакомъ. Присмотрѣвшись къ ней ближе, мы узнаемъ въ ней нашу старую знакомую Поли Скинфлитъ.

— У тебя недурно здѣсь,—сказала Поли,—только пусть негръ убе-

реть отсюда всю эту траву,—сказала она, указывая на Фанины украшенія.— Я не хочу, чтобы дѣти таскали въ комнату траву. Эй, ты, негръ, выброси все это вонъ!

Тиффъ стоялъ неподвижно и не исполнялъ приказанія; это разсердило Поли, она вскочила и ударила его по щекѣ.

— Тише, тише, Поли,—сказалъ Крибсъ,—онъ не привыкъ къ такому обращенію.

— Тише!—воскликнула прекрасная леди, поворачиваясь къ Крибсу,—развѣ ты мнѣ не говорилъ, что, когда я выйду замужъ за тебя, то у меня будетъ негръ, которому я смогу приказывать все, что захочу.

— Конечно, конечно,—отвѣтилъ Крибсъ, который не былъ жестокимъ человѣкомъ,—но я не думалъ, что ты съ перваго же раза начнешь бить его.

— Я буду его бить, если онъ не будетъ слушаться,—сказала красавица,—и тебя также.

Эти слова сопровождались здоровымъ ударомъ по уху, нанесеннымъ Крибсу. И любящая пара начала драться между собою, а Тиффъ въ отчаяніи выбѣжалъ изъ дому.

— О, Боже мой!—воскликнулъ онъ,—что будетъ съ нами? Я былъ въ отчаяніи, когда умеръ бебе, но теперь я благодарю Бога, что онъ убралъ его; и только подумать, что моя милая овечка миссъ Фани попадетъ въ ея руки! Это хуже холеры.

Онъ увидѣлъ дѣтей, которыя въ это время возвращались веселые, довольные изъ лѣса; въ рукахъ у нихъ были букеты цвѣтовъ, только что собранныхъ въ лѣсу. Тиффъ побѣжалъ имъ навстрѣчу.

— Милые дѣтки,—сказалъ онъ имъ,—вы и не знаете, что у насъ происходитъ,—вашъ папа женился на такой женщинѣ, о которой стыдно говорить христіанскимъ дѣтямъ. Теперь они тамъ ссорятся и дерутся между собою, какъ язычники. Миссъ Нины нѣтъ, вамъ некуда теперь пойти.

Съ этими словами старпекъ сѣлъ на землю и громко зарыдалъ. Дѣти прижались къ нему, какъ бы ища защиты, и тоже заплакали.

— Что мы будемъ дѣлать? Что мы будемъ дѣлать?—говорила Фани. И Тедди, всегда повторявшій все, что говорила сестра, бормоталъ: что мы будемъ дѣлать?

— Хорошо бы пойти въ пустыню, какъ дѣти Израиля, -- сказалъ Тиффъ, хотя тамъ теперь и не падаетъ манна небесная.

— Послушай, Тиффъ, разъ папа женился на ней, она теперь наша мама?—спросила Фани.

— Нѣтъ, какъ можно, ваша мама принадлежала къ одной изъ самыхъ древнихъ виргинскихъ фамилій.

Въ эту минуту появился Крибсъ и закричалъ:

— Эй, Тиффъ, куда ты дѣлся, проклятый негръ, иди сюда. Мы помиримся съ Поли, тащи сюда дѣтей, пусть они познакомятся со своею ма-

мой. При этихъ словахъ онъ схватилъ плачущую и перепуганную Фани и потащилъ ее въ домъ.

— Не бойся, дѣвочка,—говорилъ Кривсъ,—я привезъ вамъ новую маму.

— Мы не хотимъ новой мамы! — воскликнулъ Тедди плачущимъ голосомъ.

— Ничего, ничего, идемъ,—говорилъ ласковымъ голосомъ Кривсъ,—идемъ, маленькій человекъ.—Подведя обоихъ дѣтей къ толстой Полѣ, онъ, обращаясь къ Фани, сказалъ: Фани, поцѣлуй твою маму.

Фани отшатнулась назадъ и расплакалась, ея примѣру послѣдовала Тедди.

— Чортъ побери этихъ дѣтей, — воскликнула Поли, — мнѣ не надо ихъ, у меня будетъ довольно возни, когда родятся мои собственные.

Въ когда-то счастливомъ коттеджѣ все пошло вверхъ дномъ. У Поли былъ бѣшенный характеръ, и ея папенька Абиджи былъ очень радъ, что сбывъ ее съ рукъ. Поли любила властвовать и потому гоняла Тиффа то туда, то сюда и грубо съ нимъ обращалась. На дѣтей-же она смотрѣла, какъ на излишнюю помѣху.

Въ приданое Поли получила, между прочимъ, бочку водки, и было рѣшено заняться торговлей на дому; вскорѣ маленькая хижина обратилась въ кабакъ низшаго разбора. Сварливый характеръ Поли побудилъ Кривса спать пуститься въ путешествіе, и Поли осталась полновластной хозяйкой. Все, что придавало красоту дому въ саду и огородѣ, было вытоптано и вырвано посѣтителями кабака. Поли въ отсутствіе мужа пустилась въ беззащитное пьянство и развратъ, и въ хижинѣ постоянно слышалась ругань. Старый Тиффъ пришелъ въ отчаяніе. Онъ былъ бы готовъ перенести все,—и побои, и ругань, но онъ не могъ примириться съ тѣмъ, что дѣти жили въ такой обстановкѣ. Наконецъ, онъ рѣшился на отчаянный шагъ. И вотъ, однажды поздно вечеромъ, когда въ хижинѣ шло пьянство во всю, онъ сказалъ Фани:

— Миссъ Фани, пробѣжитесь на чердакъ, соберите вещи, которыя тамъ лежатъ, завяжите въ узелъ и выбросьте въ окно, я съ Тедди будемъ стоять внизу. Я молился дни и ночи, и Богъ сказалъ мнѣ, что укажетъ намъ путь.

Маленькая, тоненькая дѣвочка тихонько пробиралась черезъ комнату, въ которой ея мачеха пьянствовала съ тремя мужчинами. Вдругъ одинъ изъ пьяницъ замѣтилъ ее.

— Эй, дѣвочка! — закричалъ онъ,—поди сюда и поцѣлуй меня.

Дѣвочка съ ужасомъ посмотрѣла на него и быстро побѣжала наверхъ по лѣстницѣ, при общемъ смѣхѣ пьяницъ.

— Зачѣмъ ты ее не остановилъ, Билль?—сказалъ другой изъ посѣтителей.

— Ничего, придетъ время, и она сама будетъ бѣгать къ такимъ, какъ мы,—отвѣтилъ Билль.

Бѣдное сердечко Фани билось, какъ пойманная птичка въ клѣткѣ, когда она завязывала узелъ. Затѣмъ, собравшись съ духомъ, она выбросила узелъ въ окно Тиффу, стоявшему внизу, и тихо проговорила:

— Тиффъ, приставь доску къ окну, я слѣзу по ней. Я не могу проходить опять мимо этихъ ужасныхъ людей.

Тиффъ осторожно, по возможности, не дѣлая шума, тихо приставилъ доску къ стѣнѣ дома, и дѣвочка, осторожно ступая по ней, спустилась прямо въ объятія своего вѣрнаго Тиффа.

— Ну, теперь все пойдетъ хорошо, — сказалъ Тиффъ.

— Какъ я радъ, Тиффъ, — сказалъ маленькій Тедди, крѣпко держась за край фартука Тиффа.

— Да, — сказалъ Тиффъ, — теперь все пойдетъ хорошо, ангелъ Божій намъ будетъ указывать дорогу въ пустыню.

— А много тамъ ангеловъ? — спросилъ Тедди.

— Не знаю, — отвѣчалъ Тиффъ, — но почему же имъ не быть и въ наше время. Во снѣ Богъ мнѣ сказалъ, чтобы я взялъ дѣтей, отвелъ ихъ въ Египетъ и скрылся бы тамъ до времени. Такъ онъ мнѣ и сказалъ. А я ему сказалъ: Господи, я не знаю, что дѣлать; если бы Ты былъ бѣденъ, то я бы тебѣ помогъ, а Ты — могучій царь, помоги мнѣ, такъ какъ намъ некуда скрыться, миссъ Нина умерла и Джонъ Гордонъ также. Ты на меня не разсердись, что я тебѣ это говорю. И вотъ, послѣ того Онъ мнѣ и сказалъ, чтобы я шелъ въ Египетъ.

— Теперь мы идемъ въ землю египетскую? — спросилъ Тедди.

— Я думаю, что такъ, — отвѣтилъ Тиффъ, — помнишь, какъ миссъ Пина читала о томъ, что ангелъ Господень явился Агари, когда она сидѣла въ пустынѣ подъ кустомъ? А другой ангелъ явился Ильѣ, когда онъ сидѣлъ подъ смоковницей усталый и голодный. И помнишь, какъ ангелъ спекъ ему хлѣбъ на угольяхъ? Объ этомъ миссъ Нина читала въ послѣдній разъ, когда была у насъ.

— Ты думаешь, что мы дѣйствительно увидимъ ангеловъ? — спросила Фани съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ въ голосъ. — Я бы не знала, какъ съ ними говорить.

— О, ангелы — добрый народъ и они бы на насъ не обидѣлись. Если люди добры и честны, то они не должны ихъ бояться.

Разговаривая такъ, они шли густымъ лѣсомъ по направленію къ болотамъ, все глубже и глубже забираясь въ чащу. Дѣти привыкли бродить цѣлыми часами въ лѣсу, и поэтому легко слѣдовали за Тиффомъ, прокладывая себѣ дорогу между вѣтвями кустовъ. Они вышли изъ дому въ десять часовъ, а теперь уже была полночь. Тиффъ шелъ къ болотамъ, зная, что тамъ скрывается много бѣглецовъ; онъ имѣлъ скрытую надежду натолкнуться на какое-нибудь становище.

Около часа ночи они выбрались на небольшую полянку. Погода стояла тихая, луна ярко свѣтила, роса крупными каплями покрывала

траву. Тедди уже давно жаловался на усталость, и Тиффъ рѣшилъ остановиться. Онъ сѣлъ на землю, взялъ на руки Тедди и сказалъ Фани:

— Присядьте, миссъ Фани, Тедди усталъ и мы здѣсь ляжемъ спать. Мы ушли уже довольно далеко, и они насъ не найдутъ. Ну, засни, мой милый мальчикъ,—обратился онъ къ Тедди, укачивая его и напѣвая колыбельную пѣсню. Черезъ нѣсколько минутъ Тедди крѣпко заснулъ, Тиффъ завернулъ его въ свой длинный, сѣрый кафтанъ, и уложилъ подъ деревомъ.

— Слава Богу,—сказалъ онъ,—здѣсь нѣтъ водки, нѣтъ пьяницъ, которые разбудятъ его. И ваши глазки, миссъ Фани, слипаются. Вотъ ваша старая шаль, завернитесь въ нее, а я соберу въ кучу сухіе листья, и вы отлично заснете.

Въ теченіе долгихъ недѣль Фани спала на чердакѣ подъ раскаленной крышей, и ее постоянно будилъ шумъ пьяныхъ голосовъ. Теперь она лежала на мягкой постели изъ сухихъ листьевъ, надъ ея головой простиралась зеленая крыша изъ листьевъ, воздухъ былъ свѣжій и чистый, кругомъ царила тишина, и Фани крѣпко заснула.

Когда Фани и Тедди заснули, старый Тиффъ сталъ на колѣни и началъ молиться. Онъ не зналъ никакихъ молитвъ, но молился по своему.

— Милостивый Боже,—говорилъ онъ,—посмотри на этихъ дѣтей, я ихъ вывелъ изъ дому, какъ Ты мнѣ велѣлъ, но я не знаю, куда мнѣ идти и гдѣ мнѣ найти для нихъ ѣду. Но все въ твоихъ рукахъ, милостивый Боже, тебѣ легко намъ помочь и я вѣрю въ тебя. Благословенный Господи Иисусе, Ты, котораго спасли отъ Прода въ Египетской землѣ, посмотри на этихъ дѣтей, я ихъ увелъ отъ женщины, которая хуже Прода. Будь милостивъ и укажи намъ дорогу въ обѣтованную землю. Во вѣки вѣковъ. Аминь.

Послѣдними словами Тиффъ всегда заканчивалъ всѣ свои молитвы, предполагая, что этимъ онъ придаетъ своимъ молитвамъ форму настоящихъ молитвъ бѣлыхъ людей.

Окончивъ молитвы, Тиффъ получилъ увѣренность, что все, что нужно, онъ сказалъ Богу, и что тотъ исполнитъ его просьбу и поможетъ ему. И, подобно Якову, положивъ камень подъ голову, улегся между дѣтьми и уснулъ.

Въ эту ночь Дредъ относилъ въ одну изъ лавочекъ дичь въ обмѣнъ на порохъ и пули. На обратномъ пути онъ неожиданно наткнулся на спящихъ. Въ первый моментъ онъ, повидимому, удивился; но, присмотрѣвшись къ нимъ поближе, онъ ихъ узналъ. Онъ давно зналъ стараго Тиффа и не разъ обращался къ нему съ просьбой дать ему провизіи для бѣглецовъ, укрывавшихся въ болотахъ. Тиффъ также по порученію Дреда не разъ ходилъ туда, куда Дредъ не рѣшался пойти самъ. Какъ и другіе негры, Тиффъ держалъ въ строгомъ секретѣ свое знакомство съ Дредомъ, даже дѣти не знали объ этомъ.

Дрэдъ, до котораго доходили свѣдѣнія о томъ, что дѣлается кругомъ, зналъ о перемѣнѣ, происшедшей въ хозяйствѣ Тиффа. И потому, увидавъ его спящимъ вмѣстѣ съ дѣтьми въ глухомъ лѣсу, онъ тотчасъ же понялъ, въ чемъ дѣло. Онъ открылъ мѣшокъ, висѣвшій у него на боку, вынулъ оттуда три большія маисовыя лепешки и половину жареннаго кролика, которые были положены его женой для его собственнаго употребленія. Положивъ провизію около спящихъ, онъ пошелъ дальше, туда, гдѣ у него поставлены были силки для зайцевъ.

Вскорѣ послѣ восхода солнца Тиффъ проснулся, сѣлъ, протеръ себѣ глаза, потянулся и, осмотрѣвшись кругомъ, вспомнилъ, что произошло вчера вечеромъ, и сказалъ:

— Ну, теперь эта женщина не увидитъ дѣтей; она теперь, вѣроятно, кричитъ: Тиффъ, Тиффъ, куда ты дѣлся, старый дуракъ! Но Тиффъ ее теперь не слышитъ и дѣти также ее не услышатъ.

При этихъ словахъ онъ всталъ, и его взглядъ случайно упалъ на положенную Дредомъ провизію. Онъ отъ удивленія всплеснулъ руками и нѣкоторое время стоялъ неподвижно. Неужели въ самомъ дѣлѣ здѣсь былъ ангелъ?

— Господи, Боже мой! конечно, Богъ послалъ намъ пищу, о которой я просилъ его вчера ночью! Я зналъ, что Богъ не оставитъ насъ, но я не думалъ, что онъ такъ скоро придетъ къ намъ на помощь. Можетъ быть, намъ принесли эту провизію такіе же вороны, какіе приносили Плъ утромъ и вечеромъ мясо и хлѣбъ. Какъ это хорошо! Но я не буду будить дѣтокъ, пускай спятъ! И какъ здѣсь хорошо! Никто не ругается, нѣтъ пьянства, нѣтъ грязи. Ну, и утомила же она меня, все было не по ней. Пусть ей будетъ то же, что и Проду.

— Тиффъ, гдѣ мы?—раздался тоненькій голосокъ.

— Ты проснулся, мой мальчикъ? Вставай, не бойся, съ нами Богъ, Его ангелъ принесъ намъ завтракъ,—сказалъ Тиффъ, раскладывая провизію на большихъ виноградныхъ листьяхъ.

— Неужели это ангелъ намъ принесъ, дядя Тиффъ?—сказалъ Тедди.— Зачѣмъ ты меня не разбудилъ, мнѣ такъ хотѣлось видѣть его, я еще никогда не видѣлъ ангела.

— Я тоже никогда не видалъ ангела,—отвѣтилъ Тиффъ,—они обыкновенно приходятъ тогда, когда люди спятъ. Но подожди, голубчикъ, вотъ и миссъ Фани просыпается. Ну, какъ вы себя чувствуете, милая овечка? отдохнули?

— О, я очень крѣпко спала, дядя Тиффъ,—сказала Фани,—и такой хорошей сонъ видѣла!

— Расскажите намъ этотъ сонъ,—сказалъ Тиффъ.

— Мнѣ спилось,—начала Фани,—что я вмѣстѣ съ Тедди пошла въ пустынное мѣсто среди скалъ и никакъ не могли выбраться. Вдругъ къ намъ подошла наша мама. Она было совсѣмъ, какъ наша мама, но еще

гораздо красивѣе. На ней было бѣлое блестящее платье, спускавшееся до самыхъ ея ногъ, она взяла насъ за руки, скала раздвинулась, и мы по тропинкѣ вышли на зеленую лужайку, полную цвѣтовъ и земляники. Затѣмъ мама исчезла.

— Можетъ быть, это мама и принесла намъ завтракъ,—сказаль Тедди.—Посмотри, что здѣсь лежитъ.

Фани посмотрѣла, удивилась и обрадовалась, но, подумавъ, сказала:

— Я не думаю, чтобы это мама принесла намъ провизію; я не думаю, чтобы на небѣ пекли хлѣбъ и жарили мясо. Если бы это была манна, я бы еще повѣрила.

— Не важно, кто намъ принесъ,—сказаль Тиффъ,—хорошо, что у насъ она есть, и мы должны благодарить за это Бога.

И они съ большимъ аппетитомъ принялись за ѣду. Окончивъ завтракъ, Тиффъ сказалъ:

— Вы знаете, дѣти, что здѣсь гдѣ-то въ болотахъ есть становище бѣглыхъ негровъ, но я хорошенько не знаю, гдѣ оно. Если бы мы могли попасть туда, то остались бы тамъ, пока не нашлось бы чего-нибудь лучшаго. Но, что это такое?

Издали донесся звукъ выстрѣла. Дѣти перепугались.

— Не бойтесь,—сказаль Тиффъ,—мнѣ кажется, я знаю, кто это стрѣляетъ. Я слышу, кто-то идетъ къ намъ.

Въ это время они услышали чей то поющій голосъ: „если бы у меня были крылья, то я улетѣлъ бы на берегъ Ханаана“.

— Да,—сказаль Тиффъ,—это онъ, я узнаю его голосъ. Когда онъ подойдетъ къ намъ, не пугайтесь; онъ отведетъ насъ въ то становище, о которомъ я вамъ говорилъ. И Тиффъ разбитымъ голосомъ запѣлъ въ отвѣтъ пѣсню, которая, по всей вѣроятности служила сигналомъ: „наступила буря и холодъ, и я не знаю, гдѣ найду его“.

Незнакомецъ пересталъ пѣть и, очевидно, прислушивался. Затѣмъ слышался трескъ сучьевъ и приближающіеся шаги и, наконецъ, показался Діэдъ.

— Итакъ, ты убѣжалъ въ пустыню,—спросилъ онъ Тиффа.

— Да,—отвѣтилъ Тиффъ,—эта женщина такъ дурно обращалась съ дѣти мо.

— Ты могъ бы попасть въ худшее мѣсто,—сказаль Дрэдъ,—но, очевидно, Богъ милостивъ къ тебѣ. Скоро наступятъ лучшія времена, Господь Богъ разорветъ цѣпи и освободитъ людй отъ тѣхъ, которые теперь ихъ при- тѣсняють.

— И ты, дѣйствительно, вѣришь, что наступятъ лучшія времена?—спросилъ Тиффъ.

— Да,—отвѣтилъ Дрэдъ,—но раньше будетъ день мести.

— Я не хочу мести,—сказаль Тиффъ,—я хочу жить мирно.

Дрэдъ бросилъ на Тиффа взглядъ, въ которомъ выражалась жалость и презрѣнiе, и съ насмѣшкой сказалъ.

— Ты, какъ осель Исахаръ, хочешь оставаться вѣчнымъ слугою.

— Я готовъ быть осломъ, если, благодаря этому, смогу свести дѣтей куда-нибудь въ лучшее мѣсто.

— Во всякомъ случаѣ, ты помогаль бѣглецамъ и не выдавалъ ихъ, и поэтому можешь найти убѣжище среди насъ.

— Да, я хотѣлъ бы попасть въ ваше становище, и готовъ тамъ дѣлать все, что нужно.

— Дѣти слишкомъ малы, — сказалъ Дрэдъ, — и не смогутъ сами пройти туда; возьмемъ ихъ себѣ на плечи. — Говоря это, Дрэдъ подошелъ къ Тедди и протянулъ ему руки. Его угрюмое лицо освѣтилось простодушной улыбкой. Къ удивленiю Тиффа, ребенокъ охотно пошелъ къ Дреду.

— Я думалъ, что онъ испугается тебя, — сказалъ Тиффъ.

— Дѣти и животныя никогда не боятся меня, — сказалъ Дрэдъ; — держись, малышъ, крѣпко, — прибавилъ онъ, усаживая ребенка къ себѣ на плечо. — А ты, Тиффъ, посади къ себѣ на плечо дѣвоику, иди за мной и смотри, ступай по моимъ слѣдамъ; куда я поставлю ногу, туда и ты ставь, иначе можетъ случиться бѣда. — Сказавъ это, онъ двинулся въ путь и за нимъ послѣдовалъ Тиффъ.

XXIX. Совѣщанiе пресвитерiанскихъ священниковъ.

Клайтонъ уже нѣсколько дней гостилъ у своего дяди, достопочтеннаго доктора богословiя Кашинга.

Докторъ Кашингъ, человекъ средняго возраста, былъ весьма популярный священникъ. Его высоко цѣнили собратья священники, а его обширная паства просто обожала его. Онъ былъ добрымъ, отзывчивымъ человекомъ, его проповѣди были пронизаны глубокимъ чувствомъ и заставляли плакать слушателей. Онъ всегда игралъ роль примирителя и старался все устроить къ лучшему. Клайтонъ въ первую минуту былъ просто очарованъ горячимъ приѣмомъ, который ему оказалъ Кашингъ, и той симпатiей, которую онъ выказалъ къ его планамъ. Казалось, что онъ соглашался со всѣмъ, что говорилъ Клайтонъ. Кашингъ даже привелъ не мало анекдотовъ, иллюстрирующихъ положенiе негровъ. Въ концѣ концовъ онъ сказалъ:

— Ты, Клайтонъ, приѣхалъ во время. У меня на-дняхъ соберется изрядное количество священниковъ для совѣщанiя. Завтра приѣдутъ нѣкоторые священники изъ сѣверныхъ штатовъ, и ты сможешь изложить имъ свои планы.

На другой день, дѣйствительно, въ гостепріимный домъ Кашипа прибыло человекъ пять священниковъ, и среди нихъ нашъ старый знакомый, отецъ Диксонъ.

Среди прибывшихъ были, между прочимъ, Шубель Пектретъ, пользовавшійся обширнымъ вліаніемъ среди духовенства одного изъ сѣверныхъ городовъ. Онъ былъ очень способный человекъ и отличался любезностью и добродушіемъ въ частныхъ отношеніяхъ. Въ религиозныхъ же спорахъ онъ былъ очень опаснымъ противникомъ. Онъ умѣлъ искусно повернуть споръ въ свою пользу и не упускалъ случая воспользоваться малѣйшей ошибкой своего противника. Онъ былъ очень образованнымъ человекомъ и начитаннымъ богословомъ.

Отецъ Диксонъ былъ полной его противоположностью. Онъ былъ бѣденъ, какъ галлилейскій учитель. Теперь онъ жилъ въ маленькомъ одноэтажномъ домикѣ, въ которомъ не было почти никакой мебели; у него почти никогда не бывало денегъ. Онъ переживалъ еще худшія времена: не разъ его больная жена оставалась безъ медицинской помощи, и у него не было денегъ купить для нея лѣкарства. А самъ онъ цѣлые мѣсяцы зимою ѣздилъ безъ пальто по дѣламъ религиозной пропаганды. Но все это на него нисколько не дѣйствовало. Онъ былъ настоящимъ апостоломъ. Вся жизнь его была посвящена пропагандѣ лучшихъ сторонъ христіанства. Онъ былъ глубоко вѣрующимъ человекомъ и утѣшителемъ бѣдныхъ и угнетенныхъ. Его очень уважали собратья-священники и приглашали на все свои собранія. Но никто изъ нихъ не слушалъ его совѣтовъ, когда дѣло касалось практическихъ церковныхъ дѣлъ.

На другой день прибыло еще нѣсколько священниковъ, въ томъ числѣ нашъ старый знакомый, отецъ Бонни и докторъ богословія Калькеръ.

Докторъ богословія Калькеръ былъ безусловно преданъ душою и тѣломъ интересамъ пресвитеріанской церкви, и ко всемъ вопросамъ онъ относился такъ или иначе въ зависимости отъ того, какую это пользу могло принести его церкви; такъ какъ пропаганда противъ рабства вызвала расколъ среди пресвитеріанской церкви и могла возстановить противъ нея вліятельныхъ лицъ, то онъ всегда былъ противъ этой пропаганды.

Для читателей, не знакомыхъ съ исторіей американскихъ церквей необходимо сказать, что пресвитеріанская церковь по толкованію нѣкоторыхъ догматовъ подраздѣляется на двѣ части: на старую и новую. За нѣсколько лѣтъ до начала нашего разсказа произошло окончательное раздѣленіе, каждая изъ частей получила свою особую организацію.

Случилось такъ, что огромное большинство защитниковъ рабства и интересовъ рабовладѣльцевъ применили къ старой пресвитеріанской церкви. Все это, главнымъ образомъ, были священники изъ южныхъ рабовладѣльческихъ штатовъ. Къ новой церкви, главнымъ образомъ, принадлежали

убѣжденные противники рабовладѣнія. Но какъ въ той, такъ и въ другой части были лица, сочувствующія противоположному лагерю.

Раздѣленіе церкви нѣсколько ослабило силу пресвитеріанства, а потому съ самаго начала многіе изъ вліятельныхъ лицъ обоихъ лагерей постоянно мечтали о воссоединеніи церквей цѣною взаимныхъ уступокъ. Однимъ изъ наиболѣе горячихъ защитниковъ воссоединенія пресвитеріанской церкви былъ Калькеръ. Онъ на всѣхъ пресвитеріанскихъ собраніяхъ усиленно настаивалъ на томъ, чтобы пресвитеріанская церковь не выносила резолюцій противъ рабовладѣнія и вообще не поднимала этого вопроса на общихъ собраніяхъ, предоставляя каждому священнику дѣйствовать, сообразно мѣстнымъ обстоятельствамъ, къ наибольшей выгодѣ церкви. Когда же, несмотря на всѣ усилія Калькера, произошелъ расколъ, онъ со всей свойственной ему энергіей сталъ работать въ пользу воссоединенія.

Теперь у Кашинга собрались священники изъ сѣверныхъ и южныхъ штатовъ для того, чтобы потолковать о томъ, какимъ бы образомъ осуществить воссоединеніе обѣихъ половинъ церкви.

Клайтонъ первое время только слушалъ, что говорили кругомъ.

— По моему, братъ Кашингъ, не было причинъ для раскола,—говорилъ Калькеръ. А между тѣмъ, онъ ослабилъ силу нашей церкви. Наши раздоры идутъ на пользу только методистамъ и баптистамъ. Тѣ и другіе держатся вмѣстѣ, ведутъ успѣшно свое дѣло, а мы теряемъ подъ собою почву.

— Я знаю это,—отвѣтилъ Кашингъ,—и мы, южане, очень горюемъ по поводу этого раскола, увѣряю васъ. Вѣдь въ дѣйствительности нѣтъ большого принципиальнаго различія между нами. Вѣдь въ нашей старой школѣ есть лица, держащіеся во многомъ взглядовъ новой школы, и мы имъ не мѣшаемъ.

— То же самое и у насъ,—отвѣтилъ Калькеръ,—у насъ на сѣверѣ также есть не мало священниковъ, придерживающихся старой доктрины, и мы съ ними живемъ хорошо.

— Намъ слѣдовало бы,—сказалъ Пектретъ,—убѣдить крайнихъ представителей обѣихъ сторонъ держаться менѣе вызывающе, и тогда можно было бы придти къ соглашенію. Вотъ, напримѣръ, я принадлежу къ новой школѣ, а докторъ богословія Пайкъ—къ старой. Однако, онъ вполне одобрилъ написанную мною книгу по догматическимъ вопросамъ.

— Да,—сказалъ Кашингъ,—на религіозныхъ вопросахъ мы бы сошлись, но намъ поперекъ дороги стоятъ фанатики освобожденія негровъ. Споры о рабовладѣніи на генеральномъ собраніи были очень непріятны для насъ, южныхъ священниковъ. Люди не понимаютъ деликатности нашего положенія. Имъ слѣдовало бы не затрагивать этихъ вопросовъ и предоставить намъ свободу дѣйствія. Я убѣжденъ, что слово Божіе, проповѣдуемое нами, въ концѣ концовъ возымѣетъ свое дѣйствіе, и зло постепенно уничтожится.

— Братъ Кашингъ,—заговорилъ отецъ Диксонъ,—послѣ Генеральнаго Собранія въ 1818 году число рабовъ увеличилось въ четыре раза. Въ нѣкоторыхъ штатахъ, гдѣ прежде не было рабства, теперь оно разрѣшено. Въ настоящее время организована регулярная торговля неграми, и въ наши порта постоянно приходятъ суда, переполненные рабами, привозимыми изъ Африки. Это одно уже показываетъ, братъ Кашингъ, что ваша вѣра въ медленное воздѣйствіе Божьяго слова неосновательна. Въ вопросѣ объ освобожденіи негровъ мы ушли не впередъ, а назадъ въ сравненіи съ 1813 годомъ.

— Дѣлались ли попытки остановить торговлю неграми среди христіанъ, принадлежащихъ къ вашей церкви?—спросилъ Клайтонъ.

— Нѣтъ, но объ этомъ говорилось въ общахъ выраженіяхъ,—отвѣтилъ Кашингъ.

— Дѣлались ли попытки воспретить раздѣлять семьи при продажѣ?—спросилъ Клайтонъ.

— Нѣтъ, это мы предоставляемъ совѣсти каждаго отдѣльнаго чело-вѣка. Но нашъ синодъ всегда внушалъ своимъ послѣдователямъ обращаться со своими рабами согласно евангельскому духу.

— Пыталась ли церковь повліять на законодательные собранія, чтобы тѣ отмѣнили законъ, воспрещающій обученіе рабовъ?—спросилъ Клайтонъ.

— Нѣтъ, это сопряжено съ большими трудностями,—отвѣтилъ докторъ Кашингъ. — Если бы скверные аболиціонисты не мѣшали намъ, то мы, можетъ быть, сдѣлали бы попытку въ этомъ направленіи. Но они своими проповѣдями объ освобожденіи рабовъ приводятъ въ такое бѣшенство нашъ народъ и нашу паству, что мы ничего не можемъ подѣлать.

— О, эти молодцы совершенно съ ума сходятъ, они какіе-то бѣшеные, невмѣняемые,—воскликнулъ Калькеръ,—они настоящіе маніаки, они ничего не замѣчаютъ, что дѣлается кругомъ. Вотъ, напримѣръ, отецъ Рускинъ въ Огіо, съ нимъ просто нельзя разговаривать. Я пробовалъ съ нимъ толковать, но онъ цѣлыми часами тянетъ все одну и ту же ноту. И подобный чело-вѣкъ на генеральномъ собраніи будетъ содѣйствовать расколу.

— Въ теченіе многихъ лѣтъ,—сказалъ Пектретъ,—мы старались ихъ держать въ сторонѣ и не допускать до генеральнаго собранія. Для этого мы употребляли всевозможныя уловки, но послѣ 1818 и 1835 г.г. эти молодцы лѣзутъ повсюду и наполняютъ на сѣверѣ всѣ наши собранія; намъ стоитъ не малыхъ усилій устранять вопросы, которые такъ или иначе могутъ оскорбить нашихъ южныхъ братьевъ. Но намъ это очень трудно. Вотъ, на одномъ изъ собраній мы хотѣли провести резолюцію, что владѣніе рабами—только неодобрительный поступокъ съ нравственной стороны, и тѣмъ замѣнить вынесенную въ 1818 г. резолюцію о томъ, что владѣніе рабами грѣхъ. Этимъ мы хотѣли угодить нашимъ

южнымъ братьямъ и вмѣстѣ съ тѣмъ дать возможность умѣреннымъ изъ нашей среды вотировать эту резолюцію, которая все-таки хоть косвенно осуждаетъ рабство. Изъ этого ничего не вышло—крайніе съ обѣихъ сторонъ возстали противъ резолюціи.

— Я бы очень хотѣлъ, чтобы обѣ половины нашей церкви соединились. Но всѣхъ этихъ аболіціонистовъ я бы вымазалъ дегтемъ и вывѣлялъ въ перьяхъ,—сказалъ отецъ Бонни.

— Вы, конечно, такъ выражаетесь для образности,—замѣтилъ Пектретъ съ мягкой улыбкой.

— И образно и буквально,—отвѣтилъ отецъ Бонни.—Пусть они только показали бы свой носъ въ нашихъ мѣстахъ, я бы поднялъ противъ нихъ всю округу. И, по моему, мы теряемъ время, думая о примиреніи съ ними, они принесли намъ пользу только тѣмъ, что заставили внимательнѣе прочитать Евангеліе и, благодаря этому, мы убѣдились, что рабство не только дозволено, но и установлено. Я убѣдился, что чтеніе Евангелія въ этомъ случаѣ очень полезно.

— Такъ почему же не отмѣнить законъ, запрещающій обучать рабовъ?—замѣтилъ Клайтонъ. Если бы они были грамотны, вы дали бы имъ читать Евангеліе, и они убѣдились бы, что аболіціонисты неправы, ссылаясь на Священное Писаніе.

— О, это невозможно!—воскликнулъ Бонни,—тогда аболіціонисты наводнили бы наши штаты своей извращенной литературой.

— Я читалъ послѣднюю книгу доктора Карнеса и нахожу, что у него очень много ясныхъ ссылокъ на Евангеліе, говорящихъ противъ рабства,—замѣтилъ Кашингъ.

— Я бы хотѣлъ, чтобы книга доктора Карнеса провалилась къ чорту,—отвѣтилъ отецъ Бонни.

— Конечно, фигурально,—замѣтилъ Пектретъ.

— Докторъ Карнесъ зачитался до сумасшествія, онъ путаетъ и англійскій, и греческій, и латинскій языки, тогда какъ все очень просто. Вотъ, напримѣръ, посмотрите,—и онъ вынулъ изъ кармана Библию,—что я вамъ прочту: „Господа должны относиться къ рабамъ справедливо и какъ къ равнымъ“. Нѣтъ, нѣтъ, это я не то мѣсто хотѣлъ прочесть... Вотъ теперь я нашелъ: „рабы, повинуйтесь своимъ господамъ“. Вотъ, видите, чернымъ по бѣлому написано: рабы, повинуйтесь своимъ господамъ; а аболіціонисты не хотятъ насъ призвать господами.

— Можетъ быть, — замѣтилъ спокойно Клайтонъ, — рабы, читая Библию, придали бы больше значеніе той цитатѣ, которую вы прочли первой.

— Весьма возможно,—отвѣтилъ о. Бонни,—изъ корыстныхъ цѣлей они, конечно, старались бы исказить священное писаніе. Если бы не эта свойственная людямъ корыстность, я ничего бы не имѣлъ противъ того, чтобы рабы читали Евангеліе,—отвѣтилъ Бонни.

— Ну, а какъ вы думаете,—спросилъ Клайтонъ,—мы, господа, не будемъ корыстно переголковывать Евангеліе:

— Я совѣтую вамъ, Кашингъ, прочесть книгу Флетчера,—сказалъ Бонни, не обращая вниманіе на замѣчаніе Клайтона.—Въ ней есть ссылки и на Хризостома и на Тертуліана, на всѣхъ старыхъ пѣтуховъ; онъ ссылается также и на древнихъ философовъ. Я совѣтую вамъ, Клайтонъ, приобрести эту книгу, она вамъ доставитъ большое удовольствіе. — Что касается меня, я не люблю колебаній, я принимаю рѣшеніе разъ навсегда.

— Скоро намъ всѣмъ придется принять окончательное рѣшеніе и стать на ту или другую сторону,—замѣтилъ о. Диксонъ.

— Что вы на меня смотрите съ такимъ торжественнымъ видомъ?—сказалъ о. Бонни.—Я уже давно принялъ рѣшеніе.

— Я думаю, — замѣтилъ Пектретъ, — слѣдовало бы вмѣсто того, чтобы теоретически осуждать рабство, приложить свои усилія къ уничтоженію злоупотребленія.

— Что вы называете злоупотребленіемъ?—спросилъ Клайтонъ.

— Раздѣленіе семействъ, напримѣръ,—отвѣтилъ Пектретъ,—и запрещеніе обучать рабовъ.

— Такъ что, по вашему мнѣнію,—спросилъ Клайтонъ,—рабы должны имѣть законныя права по отношенію къ своей семьѣ?

— Конечно,—отвѣтилъ Пектретъ.

— Имъ должны быть предоставлены способы поддерживать свою семью?

— Конечно.

— Значитъ, они должны имѣть право обращаться къ суду, если бѣмъ-нибудь нарушены ихъ права, и давать показанія на судѣ?

— Конечно.

— Слѣдовательно, господинъ долженъ давать рабу то, что ему слѣдуетъ за работу въ видѣ жалованія?

— Конечно, въ томъ или другомъ видѣ,—отвѣтилъ Пектретъ.

— Значитъ, рабъ можетъ подавать искъ на своего господина, если тотъ не платитъ ему?

— Несомнѣнно.

— Слѣдовательно, рабъ имѣетъ право собственности?

— Конечно.

— Слѣдовательно, рабъ имѣетъ законное право получить образованіе, если онъ того желаетъ

— Конечно.

— Если рабъ будетъ имѣть право на собственность,—сказалъ Клайтонъ,—сможетъ защищать свои права передъ судомъ, будетъ имѣть законную семью и право защищать ее, и будетъ получать образованіе, тогда онъ перестанетъ быть рабомъ. Такъ какъ рабство заключается именно

въ томъ, чтобы лишить челоѣка всякихъ правъ, держать его въ невѣ-
жествѣ и сдѣлать его простымъ орудіемъ для черной работы. То, что вы
называете уничтоженіемъ злоупотребленій, фактически есть уничтоженіе
рабства. Я стремлюсь къ освобожденію рабовъ, и хорошо было бы, если бы
церковь взялась за это. Что сдѣлала церковь для уничтоженія того, что вы
называете злоупотребленіемъ?

Нѣсколько минутъ всѣ молчали. Наконецъ, Кашингъ замѣтилъ:

— Не разъ, дѣлались попытки устнаго обученія.

— О, да! — воскликнулъ Бонни, — я самъ обучалъ катехизису
цѣлый классъ.

— Не лучше ли было бы дать возможность рабамъ самимъ читать
Евангеліе? Развѣ не бессмысленно толковать мужьямъ о святости брака
и женамъ — о вѣрности мужьямъ и въ то же самое время поддерживать
законъ, по которому можно мужа и жену продавать отдѣльно, — сказалъ
Клайтонъ.

— Онъ говоритъ правду, — воскликнулъ съ горячностью Кашингъ, —
мы, священники, часто попадаемъ благодаря этому въ тяжелое положеніе.
Вотъ, на примѣръ, среди моихъ прихожанъ есть прекрасная, благочестивая
мулатка, она пришла ко мнѣ спросить совѣта. Ея господинъ рѣшилъ во
что бы то ни стало сдѣлать ее своей любовницей, а вмѣстѣ съ тѣмъ она
имѣетъ мужа. Что я могъ ей посоветовать? Ея господинъ — весьма влія-
тельный челоѣкъ и можетъ надѣлать намъ массу непріятностей. Да и
что она выиграетъ, если будетъ сопротивляться? ее продать другому,
можетъ быть, еще худшему челоѣку. Ужасно трудно въ этихъ случаяхъ
намъ, священникамъ. Если бы можно было что-нибудь сдѣлать, то я съ
удовольствіемъ бы сдѣлалъ, но стоитъ только заикнуться о чемъ-нибудь
въ этомъ родѣ, такъ тебя сейчасъ же назовутъ аболіціанистомъ, и ты
потеряешь всякое вліяніе. Это сумасшедшіе сѣверные фанатики поставили
насъ въ такое положеніе, озлобивъ всѣхъ своими проповѣдями.

— Совершенно вѣрно, — замѣтилъ Баскумъ, только что вышедшій
священникъ, — мы можемъ дѣлать только то, что въ нашихъ силахъ.
Намъ надо сосредоточиться на проповѣди слова Божія, тогда все придетъ
въ свое время; въ одинъ день свѣтъ не передѣлаешь.

— Конечно, — сказалъ Пектретъ, — есть разумный и неразумный спо-
собъ дѣйствія; мы должны сообразоваться съ положеніемъ вещей и дѣлать
только то, что въ настоящее время возможно.

Въ эту минуту отецъ Диксонъ поднялся съ своего мѣста и, обра-
тившись ко всему собранію, сказалъ:

— Я, съ своей стороны, пойду прямо впередъ, я буду говорить
народу все, что говорилъ Господь и буду указывать на зло. Теперь же я
хочу сказать нѣсколько словъ нашимъ сѣвернымъ братьямъ о положеніи
дѣлъ въ рабовладѣльческихъ штатахъ. У насъ общественное мнѣніе падаетъ.
Церковь развращается. Священники впадаютъ въ смертные грѣхи. Дѣла

и молодежь развращаются съ дѣтства, благодаря привычкѣ къ тираниі. Наша страна переполнена тюрьмами для рабовъ. Бѣдная часть бѣлаго населенія у насъ живетъ въ невѣжествѣ и развратѣ. А наши священники, какъ, напримѣръ, отецъ Бонни, защищаютъ этотъ порядокъ, ссылаясь на Библию. Братъ Калькеръ говоритъ о славѣ пресвитеріанской церкви. Увы, ея одежды замазаны кровью невинныхъ. Вы живете въ тѣхъ штатахъ, гдѣ этого зла нѣтъ. Ваши церкви и ваши школы развиваются въ то время, когда наши разрушаются, и вы не чувствуете того зла, которое охватываетъ насъ. Но берегитесь! Если одна часть государства впадаетъ въ развратъ, то развратъ проникаетъ и въ другую. Благодаря вашему равнодушію, въ концѣ концовъ то же зло одолѣетъ и васъ. Прощайте, братья, я долженъ идти своей дорогой. Вы меня не будете слушать, а моя совѣсть не позволяетъ мнѣ участвовать въ вашихъ совѣщаніяхъ.

Отецъ Диксонъ направился къ выходу.

— Не уходите, не уходите, братъ мой! Зачѣмъ вы все это принимаете близко къ сердцу, — воскликнулъ Кашингъ. — Переночуйте сегодня у меня, мы съ вами потолкуемъ по-христіански.

— Мнѣ надо уйти, — отвѣтилъ Диксонъ, — у меня назначено свиданіе. Я надѣялся, что выйду толкъ изъ сегодняшняго совѣщанія, но вижу, что все напрасно. Прощайте, братья, я буду молиться за васъ.

— Послушайте, отецъ Диксонъ, мнѣ очень хочется еще поговорить съ вами. Приходите ко мнѣ опять, пожалуйста, приходите — воскликнулъ Кашингъ.

Бѣдный докторъ Кашингъ постоянно бросался изъ стороны въ сторону. Онъ былъ любящимъ, великодушнымъ человѣкомъ, у него было много преданности и желанія сдѣлать добро, но не хватало только одного — силы воли.

Клайтонъ, убѣдившись, что изъ этого совѣщанія ничего не выйдеть, также всталъ, сказавъ, что ему тоже необходимо поѣхать по дѣлу, и онъ поѣдетъ вмѣстѣ съ Диксономъ.

— Какой славный малый этотъ Диксонъ, — сказалъ Кашингъ послѣ ихъ ухода.

— Онъ былъ бы прекраснымъ священникомъ, — сказалъ Калькеръ, — если бы только не былъ такимъ маниакомъ. Я никогда не слушаю, что онъ говоритъ, — онъ гсворитъ все одно и то же.

— Но мнѣ все-таки хотѣлось бы, чтобы мы хоть что-нибудь сдѣлали, — сказалъ Кашингъ.

— Кто этого не хочетъ, — отвѣтилъ Калькеръ, — но надо знать, что можно сдѣлать, а чего нельзя. Нельзя, такъ нельзя, и дѣлу конецъ. А теперь займемся нашими дѣлами.

— Вы знаете, — сказалъ Пектретъ, — что вамъ, южнымъ братьямъ, гораздо лучше, чѣмъ намъ. Такіе, какъ Диксонъ, у васъ составляютъ ничтожное меньшинство, и они не могутъ попасть ни на генеральное собраніе, ни послать петиціи, однимъ словомъ ни въ чемъ не могутъ мѣ-

шать вамъ. У насъ—совсѣмъ другое дѣло. Они насъ связываютъ и по рукамъ, и по ногамъ.

Возвратившись домой, Клайтонъ разсказалъ своимъ родителямъ о результатахъ своего совѣщанія со священникомъ.

— Надо признаться, — воскликнула миссисъ Клайтонъ, — что я этого не ожидала.

— Я, наоборотъ, былъ вполне въ этомъ увѣренъ, — сказалъ судья Клайтонъ. — Ты говорилъ съ пресвитеріанцами, попробуй поговорить съ епископами, методистами и баптистами, и ты отъ нихъ всѣхъ услышишь то же самое. Половина изъ нихъ самымъ отвратительнымъ и безсвѣтнымъ образомъ оправдываютъ существующее зло. Другая половина признаетъ, что зло существуетъ, но они такъ нерѣшительны и робки, что ничего не предпринимаютъ.

— Но неужели нѣтъ другихъ; которые бы относились къ этому иначе? — спросила миссисъ Клайтонъ.

— Нѣтъ, насколько мнѣ извѣстно, — отвѣтилъ судья Клайтонъ, — за исключеніемъ конвенантеровъ, квакеровъ и баптистовъ, признающихъ свободу воли. Но ихъ число такъ незначительно и вліяніе такъ ничтожно, что ихъ нельзя принимать во вниманіе. Правда, есть не мало отдѣльныхъ лицъ, нѣкоторые хотѣли бы сдѣлать что-нибудь, но они въ большинствѣ случаевъ, подобно мнѣ, потеряли вѣру въ успѣхъ. Со стороны же большинства общества ни на что нельзя рассчитывать.

XXX. Сестра Гарри.

Клайтонъ получилъ слѣдующее письмо отъ Гарри.

„Мистеръ Клайтонъ, теперь я внѣ закона и не могу куда показаться при дневномъ свѣтѣ, хотя я не совершилъ никакого преступленія.

Я пишу вамъ съ тѣмъ, чтобы обратиться къ вамъ съ просьбой. У меня есть сестра, отецъ которой, полковникъ Гордонъ, былъ и моимъ отцомъ. На ней женился ея бывший владѣлецъ и далъ ей свободу. У нея — двое дѣтей, и мужъ послѣ смерти оставилъ свое имѣніе ей и дѣтямъ. Но по закону наслѣдникомъ имѣнія оказался Томъ Гордонъ. Онъ выигралъ процессъ, и моя сестра и ея дѣти оказались собственностью этого ужаснаго чловѣка. Она бѣжала и извѣстила меня объ этомъ. Но теперь до меня дошли слухи, что ее поймали. Благочестивый мистеръ Дж-киль, вѣроятно, знаетъ въ подробности. Не можете ли вы разспросить его и сообщить мнѣ. Если вы адресуете письмо на имя Джемса Твигеля на почту близъ Канемы, то письмо дойдетъ до меня. Сдѣлавъ это, вы меня глубоко обяжете.

Гарри Гордонъ

Клайтонъ прочелъ это письмо съ удивленіемъ. Оно было написано на очень грубой бумагѣ, которая продается въ лавкахъ низшаго разбора. По-

лучивъ письмо, онъ счелъ своимъ долгомъ исполнить просьбу Гарри. Онъ велѣлъ осѣдлатъ лошадь и немедленно отпавился въ городъ Е., гдѣ жилъ мистеръ Джекиль.

Прійдя въ контору мистера Джекиля, онъ засталъ здѣсь этого благочестиваго дженглямена, завятаго приведеніемъ въ порядокъ документовъ Тома Гордона. Прежде всего Клайтонъ заявилъ ему, что прежняя владѣлица Канемы на смертномъ одрѣ просила его позаботиться о ея слугахъ. И вотъ, онъ заѣхалъ къ мистеру Джекилю, чтобы навести справки о Гарри.

— Мы еще не имѣемъ о немъ свѣдѣній, — сказалъ мистеръ Джекиль, — бѣ несчастью, наши плантаціи расположены близъ обширныхъ болотъ, въ которыхъ удобно скрываются рабамъ. По нашему расчету, тамъ со всѣхъ сосѣднихъ плантацій скрывается рабовъ на три милліона долларовъ. Мы ихъ объявляемъ внѣ закона, охотники преслѣдуютъ ихъ, иногда убиваютъ по два, по три человѣка въ день, но это мало помогаетъ.

— И вы думаете, — спросилъ Клайтонъ, — что Гарри тоже тамъ скрывается?

— Я въ этомъ не сомнѣваюся, — отвѣтилъ Джекиль, — я убѣжденъ, что негры на плантаціяхъ знаютъ, гдѣ скрываются бѣглецы, но отъ нихъ ничего не узнаешь, они страшно испорченный народъ.

— Мнѣ кажется, что у Гарри есть сестра, которая досталась мистеру Гордону вмѣстѣ съ новымъ помѣстьемъ. — спросилъ Клайтонъ.

— Да, да, — отвѣтилъ мистеръ Джекиль, и она доставила намъ много хлопотъ. Она убѣжала въ Цинцинати, я поѣхалъ разыскивать ее и употребилъ на это много труда и денегъ. И если бы не любезность мѣстныхъ чиновниковъ и адвокатовъ, то мнѣ было бы очень трудно. Тамъ много религіозныхъ обществъ, я всѣ ихъ посѣщалъ и сдѣлалъ тамъ всѣ нужныя мнѣ знакомства.

— Итакъ, вамъ удалось ее поймать, — сказалъ Клайтонъ, — я хотѣлъ бы знать, не согласится-ли мистеръ Гордонъ продать ее мнѣ.

— О, она уже продана, — сказалъ Джекиль, она теперь у Витена и Бернса.

— Ея дѣти также?

— Да, всѣ вмѣстѣ. И это благодаря мнѣ. Томъ ужасенъ, когда разсердится, и онъ былъ страшно золъ на нее. Я не знаю, что бы онъ съ нею сдѣлалъ, если бы я съ нимъ не поговорилъ. Я доказалъ, что необходимо уплатить нѣкоторые долги, а для этого надо продать ее вмѣстѣ съ дѣтьми. Вообще, я стараюсь имѣть на него хорошее вліяніе. Если вы хотите купить эту женщину, поѣжайте въ Александрію можетъ быть, эти Витенъ и Бернсъ ее еще не продали.

Клайтонъ, узнавъ все, что ему нужно, немедленно же отпавился въ Александрію. Когда онъ пріѣхалъ въ этотъ городъ, то зыталъ тамъ большое волненіе.

— Одна рабыня, — сказали ему, — которая должна была отпавиться съ партіей негровъ на слѣдующій день, убила двухъ своихъ дѣтей.

Когда Клайтонъ услышалъ эту новость, онъ инстинктивно понялъ, что это—не кто иной, какъ Кора Гордонъ. Онъ пошелъ въ судъ, гдѣ производилось дознаніе, тамъ стояла огромная толпа, и онъ съ трудомъ пробрался въ залу засѣданія суда. На скамьѣ подсудимыхъ сидѣла женщина, одѣтая въ черное, и ея блѣдное, искаженное волненіемъ, лицо носило на себѣ слѣды прежней красоты. Ея прекрасные, черные глаза свѣтились дикою страстью, у нея былъ какой-то торжествующій видъ, и она относилась безразлично ко всему, что дѣлалось въ судѣ. Наконецъ, она заговорила яснымъ, чистымъ голосомъ.

— Если вы, господа, позволите мнѣ дать показаніе, то это избавитъ васъ отъ необходимости разспрашивать свидѣтелей.

Ея слова вызвали движеніе любопытства во всей толпѣ. Судья сказалъ:

— Вы можете говорить.

Она встала, развязала ленты у своего чепчика, осмотрѣлась кругомъ и спокойнымъ голосомъ заговорила.

— Вы хотите знать, кто убилъ дѣтей? Я скажу вамъ,—и она посмотрѣла кругомъ съ вызывающимъ видомъ,—ихъ убила я.

Она на минуту пріостановилась, въ публикѣ произошло нѣкоторое волненіе. Она заговорила вновь.

— И вы знаете, почему я ихъ убила! Потому-что я ихъ любила такъ сильно, что готова была отдать за нихъ свою душу. Я слышала, какъ нѣкоторые утверждали, что я была не въ полномъ сознаніи, когда совершила убійство. Неправда. Я хорошо знала, что дѣлала, и благодарю Бога за то, что сдѣлала. Я родилась рабыней своего собственного отца. Ваша старая, виргинская кровь течетъ въ моихъ жилахъ такъ же, какъ она течетъ во многихъ изъ тѣхъ, кого вы бьете бичами и продаете на рынокъ. Я была законной женою благороднаго человѣка, который сдѣлалъ все, чтобы обойти вашъ жестокій законъ и дать мнѣ свободу. Мои дѣти родились свободными и воспитывались, какъ свободные люди, до тѣхъ поръ, пока сынъ моего отца не началъ процесса о томъ, чтобы вернуть насъ въ рабство. Судъ и присяжные стали на его сторону,—законъ и чиновники были на его сторонѣ и отняли все права у вдовы и сиротъ. Судья заявилъ, что мой сынъ—рабъ, и все мы были отданы въ руки Тома Гордона. Я не буду говорить вамъ, кто онъ,—здѣсь не мѣсто. Я бѣжала съ дѣтьми въ Цинцинати. Онъ послѣдовалъ за мною, и меня возвратили ему. Завтра я должна была отправиться съ партіей рабовъ, оставивши дѣтей здѣсь. Мой сынъ становился вѣчнымъ рабомъ, моя дочь тоже. Она посмотрѣла кругомъ, и ея взглядъ говорилъ болѣе ея словъ. Вечеромъ дѣти, по обыкновенію, помолились Богу, и, когда они заснули, я проводила ихъ въ другой міръ. Я пожертвовала своей душой, чтобы спасти ихъ. Теперь мнѣ все равно, что будетъ со мною, и куда я пойду; я ничего не боюсь и ни на что не надѣюсь. Во всякомъ случаѣ, дѣти спасены.

Она сѣла на свое мѣсто, скрестила руки и, устремивъ глаза на полъ, приняла видъ человѣка, не интересующагося ничѣмъ.

Слѣдственный судья рѣшилъ держать ее въ тюрьмѣ до суда. Клайтону хотѣлось сдѣлать для нея все, что возможно. Бя признаніе дѣлало приговоръ неизбѣжнымъ, но онъ все-таки рѣшилъ попытаться вызвать къ ней симпатію среди своихъ знакомыхъ въ этомъ городѣ.

На другой день онъ посѣтилъ ее съ однимъ священникомъ. Когда они вошли въ камеру, она спокійно встала и спросила Клайтона, который представлялъ ей священника Дентона:

— Этотъ господинъ имѣетъ какое-нибудь дѣло ко мнѣ?

— Мы пришли,—сказалъ священникъ,— затѣмъ, чтобы узнать, не можемъ ли мы быть вамъ чѣмъ-нибудь полезны.

— Нѣтъ, вы ничѣмъ не можете быть мнѣ полезны!—рѣзко отвѣтила она.

— Мой другъ,—началъ священникъ мягкимъ тономъ,—я хочу, поскольку это въ моихъ силахъ, успокоить вашу душу при помощи Евангелія.

— Я не хочу имѣть никакого дѣла со священниками,—отвѣтила она рѣзко,—со священниками, которые толкуютъ объ Евангеліи и вмѣстѣ съ тѣмъ поддерживаютъ, ссылаясь на Евангеліе, грабежъ и разбой. Ваши руки въ крови, не приходите больше ко мнѣ. Я—арестованная и потому не могу оказать сопротивленія, но я надѣюсь, разъ я говорю, что предпочитаю остаться одной, вы оставите меня въ покоѣ, не смотря на то, что я—рабыня.

Клайтонъ вынулъ письмо Гарри и подаль его ей, сказавъ:

— Прочитавъ это письмо, вы, можетъ быть, примете меня, если я завтра заѣду къ вамъ въ это же время.

На слѣдующій день Клайтонъ пріѣхалъ въ тюрьму, и надзиратель подвелъ его къ дверямъ камеры.

— Тамъ одна дама читаетъ съ нею,—сказалъ сторожъ.

— Я не буду мѣшать имъ,—сказалъ Клайтонъ.

Черезъ нѣсколько минутъ послышалось за дверью, какъ какой-то пріятный, нѣжный голосъ говорилъ:

— Позвольте мнѣ пріѣзжать къ вамъ каждый день, я сама знаю, что значатъ страданія.

Черезъ минуту отъкрылась дверь, и Клайтонъ увидѣлъ лицомъ къ лицу молодую женщину въ глубокомъ траурѣ. Проходя въ волненіи, она не замѣтила, что уронила перчатку. Клайтонъ поднялъ перчатку и, рассматривая ее, онъ былъ пораженъ тѣмъ, что она нашла такими же духами, которые обыкновенно употребляла Нина.

Когда Клайтонъ вошелъ въ камеру, то замѣтилъ, что заключенная находится въ болѣе мягкомъ настроеніи. На щекахъ ея были слѣды слезъ, открытая Библия лежала на постели. Но держала она себя по-прежнему спокойно и сдержанно.

— Вы меня извините, мистеръ Клайтонъ, за мою вчерашнюю рѣзкость. Но мы вѣдь не всегда можемъ владѣть собою. Я очень благодарна вамъ за вашу доброту къ намъ. Здѣсь есть много людей, хорошо расположенныхъ къ намъ, но они ничего не могутъ для насъ сдѣлать.

— Не желаете ли вы, чтобы я досталъ вамъ адвоката,—спросилъ Клайтонъ.

— Нѣтъ, мнѣ не нужно адвоката. Я не буду защищаться. Если вы когда-нибудь увидите Гарри, передайте ему мой привѣтъ. И, если сможете, помогите ему, я прошу васъ объ этомъ. Если вы имѣете вліяніе и у васъ есть лишніе деньги, то помогите ему попасть въ страну, гдѣ онъ будетъ пользоваться самыми обыкновенными правами всякаго человѣческаго существа. Вотъ все, о чемъ я могу васъ просить.

Клайтонъ всталъ и простился. Онъ исполнилъ порученіе. Онъ собралъ всѣ необходимыя свѣдѣнія. И теперь не зналъ, какъ быть,—написать объ этомъ Гарри, или нѣтъ. Онъ боялся, что это извѣстіе можетъ побудить Гарри въ минуту отчаянія совершить какой-нибудь необдуман- ный поступокъ и тѣмъ погубить себя самого. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ зналъ, что Гарри такъ или иначе получитъ тѣ же свѣдѣнія стороною. И потому рѣшился написать ему обо всемъ.

XXXI. Заговорщики.

Маленькая колонія Дрэда на островкѣ среди болотъ увеличилась. Тамъ поселился Гарри съ женою и старый Тиффъ съ дѣтьми. Послѣдніе поселились въ хижинѣ у вдовы убитаго негра, смерть котораго была описана нами въ одной изъ предыдущихъ главъ. Для Гарри и Лизеты была общими усилиями выстроена новая хижина.

Старый Тиффъ, поселившись на новомъ мѣстѣ, сейчасъ же принялся за хозяйственныя работы. Въ настоящую минуту онъ окапывалъ общественное картофельное поле. Дѣти бѣгали по полянкѣ взадъ и впередъ, собирая цвѣты.

Дрэдъ, который всю предыдущую ночь отсутствовалъ, теперь лежалъ въ тѣни и отдыхалъ. Около него лежала истрепанная Библія; это была Библія Денмарка Вессея. Отрывки изъ этой Библии онъ всегда читалъ на митингахъ.

Онъ лежалъ на животѣ, подперевъ руками свою огромную голову и устремивъ глаза на небо. Онъ наблюдалъ, какъ двигаются облака, принимая различныя формы; по своей натурѣ онъ былъ поэтъ. Онъ читалъ только одну книгу—Библию, и главнымъ образомъ пророковъ. Онъ и самъ нѣсколько походилъ на нихъ своими стремленіями и характеромъ, и вдох- появлялся ими.

Дрэдъ все происходящее объяснялъ текстами изъ пророковъ и Апокалипсиса. Во время холеры онъ страшно волновался, считая, что это есть начало бѣдствій, предсказанныхъ въ Апокалипсисѣ и долженствовав-

ших обрушиться на грѣшный родъ человѣческій; по его мнѣнію, это прозвучала труба перваго ангела. А затѣмъ должны были послѣдовать другія бѣдствія.

Въ минуты отдыха Дредъ любилъ приручать разныхъ мелкихъ животныхъ и птицъ, и въ этомъ отношеніи онъ обладалъ удивительнымъ даромъ. У него всегда въ карманѣ былъ запасъ зеренъ, которыми онъ прикармливалъ бѣлокъ и птицъ. Теперь, когда онъ лежалъ въ задумчивости. Тедди, стоявшій недалеко отъ него, закричалъ, обращаясь къ сестрѣ.

— Фани, посмотри, какая хорошенькая бѣлка.

Фани торопливо подбѣжала и воскликнула:

— Гдѣ она?

— О, она только что убѣжала за дерево,—грустно отвѣтилъ Тедди.

Дѣти въ своемъ волненіи не замѣтили, что они были совсѣмъ близко отъ Дреда; послѣдній повернулся къ нимъ и посмотрѣлъ на нихъ съ доброй улыбкой.

— Вамъ хочется посмотрѣть на бѣлку?—спросилъ онъ.

Онъ всталъ, подошелъ къ кусту и сыпалъ немножко зеренъ; затѣмъ, присѣвъ на корточки, началъ подражать голосу бѣлки, призывающей своихъ дѣтенышей. Вскорѣ показалась бѣлочка и начала ѣсть зерна. Дѣти наблюдали съ большимъ интересомъ и волненіемъ. Дредъ продолжалъ насвистывать. Вскорѣ появились еще двѣ бѣлочки. Дѣти пришли въ восторгъ, когда одна изъ бѣлокъ вскочила къ Дреду на руку, которую тотъ положилъ на землю. Дредъ взялъ бѣлочку слегка погладилъ ее и посадилъ въ мѣшокъ, гдѣ она принялась ѣсть зерна. Другіе бѣлки влѣзли къ нему на колѣни, обнюхивая ему карманы, и одна изъ нихъ даже залѣзла ему за пазуху.

Фани нерѣшительно протянула руку и спросила:

— Ко мнѣ она пойдетъ?

— Нѣтъ, дитя,—отвѣтилъ Дредъ съ улыбкой,—она тебя не знаетъ. Вотъ, когда наступитъ новое царство, тогда не будетъ вражды между животными.

Повидимому, Дреду доставляло большое удовольствіе развлекать дѣтей. Онъ рѣшилъ показать имъ еще одну штучку. Въ лѣсу раздавалось пѣніе птицъ. Дредъ сталъ подражать одной изъ нихъ; та, повидимому, поняла и отвѣчала ему. И между ними завязался какъ бы разговоръ.

— Вы видите, дѣти,—сказалъ Дредъ,—я понимаю языкъ птицъ. Послѣ Великаго Суда избранные будутъ говорить съ птицами и животными, въ новой землѣ. Грѣшники не могутъ понимать языка птицъ.

— Откуда ты все это узналъ?—спросила Фани.

— Мнѣ это открылъ Духъ Божій.

— Что такое Духъ Божій,—спросила Фани, ободренная ласковымъ топкомъ Дреда.

— Это—тотъ же Духъ Божій, который нисходилъ на пророковъ,—отвѣтилъ онъ,

— Онъ разсказаль тебѣ, о чемъ говорятъ птицы.

— Нѣтъ, я еще не довольно праведенъ,—отвѣтилъ Дрэдъ,—птицы летаютъ высоко, и до нихъ доходятъ голоса ангеловъ. Я никогда не убиваю птицъ.

— А что такое избранные?—спросила Фани.

— Ихъ сто сорокъ четыре тысячи, и они будутъ слѣдовать повсюду за агнцемъ, куда бы тотъ не пошелъ, на нихъ наложена печать.

Фани инстинктивно пощупала свой лобъ.

— Какъ вы думаете, на меня тоже наложить печать?—спросила она.

— Это тебѣ сказалъ Духъ?—спросилъ Тедди.

— Да, Духъ мнѣ все это открылъ,—отвѣтилъ Дрэдъ.

Фани съ сомнѣніемъ посмотрѣла на Дрэда, взяла свою корзиночку встала и пошла къ старому Тиффу съ намѣреніемъ разспросить его обо всемъ этомъ.

Въ эту минуту среди вѣтвей дуба, подъ которымъ лежалъ Дрэдъ, послышался шумъ, какъ будто кто-то пробирался между вѣтвями, и Гарри соскочилъ на землю. Дрэдъ вскочилъ и, поздоровавшись съ Гарри, спросилъ его.

— Что, они придутъ?

— Сегодня въ полночь они соберутся сюда,—отвѣтилъ Гарри.—Посмотри, что я получилъ,—сказаль онъ, вынувъ письмо изъ кармана и подавая Дрэду.

Это было письмо отъ Клайтона, въ которомъ послѣдній описываль все, что произошло съ сестрою Гарри. Дрэдъ взялъ письмо, сѣлъ на землю и сталъ читать, водя пальцемъ по строкамъ.

По временамъ онъ останавливался, какъ будто что-то обдумывая, и потомъ продолжалъ чтеніе: послѣднія строки письма, повидимому, сильно взволновали его, и онъ глухо протоналъ.

— Гарри,—сказаль онъ,—обратившись къ нему,—скоро наступить день, когда Богъ возьметъ чашу горечи и страха изъ нашихъ рукъ и вложитъ ее въ руки нашихъ притѣснителей. Наша душа уже переполнена страданіями. Ихъ собственныя злодѣйства погубятъ ихъ. Господь сказалъ, что не будетъ жалѣть обитателей этой страны...

Дрэдъ долго еще говорилъ, цитируя пророковъ, и закончилъ такъ:—Гарри, все это написано для нашего наставленія, и мы должны выступить на борьбу.

Дрэдъ помолчалъ съ минуту и потомъ заговорилъ опять.

— Гарри, я постился и молился всю ночь, павши лицомъ на землю, Богъ еще не обратилъ своего лица къ намъ. Агнецъ еще не двигается, и вторая печать еще не снята. Но Богъ внушилъ мнѣ, что мы должны быть готовы встрѣтить его, когда онъ придетъ. Богъ сказалъ мнѣ: поговори со старѣйшими и разумѣйшими людьми и укрѣпи ихъ сердца.

— Я боюсь за Гарка,—сказаль Гарри,—онъ привезъ мнѣ письмо,

запоздалъ и возвратился поздно на плантацію. Боюсь, что онъ попалъ въ бѣду. Томъ Гордонъ рветъ и мечетъ на плантаціи, наши люди привыкли къ мягкому обращенію, а теперь съ ними поступаютъ жестоко. Онъ взялъ въ надсмотрщицы стараго Гокума, извѣстнаго своей жестокостью и скарденностью, и далъ ему полную власть надъ людьми. Самъ Томъ пьянствуетъ, безобразничаетъ и заявилъ всѣмъ, что застрѣлить всякаго, кто придетъ къ нему съ жалобой. Гокумъ долженъ выплачивать ему опредѣленную сумму въ годъ, а все, что соберетъ больше, пойдетъ въ его пользу. Томъ Гордонъ купилъ для себя и для своихъ пріятелей въ качествѣ любовницъ двухъ дѣвушекъ. Раньше онъ хотѣлъ возложить эту роль на мою жену.

— Что-жъ, надо терпѣть, Гарри, это чисто по-христіански,—сказали Дрэдъ съ ироніей.

— Я боюсь за Гарка,—сказалъ Гарри,—онъ поразительно смѣлый малый и готовъ на все для насъ. Если его заподозрятъ, то ему не будетъ пощады.

Дрэдъ нѣкоторое время угрюмо смотрѣлъ въ землю и потомъ спросилъ:

— Гаркъ долженъ былъ придти сегодня сюда?

— Да,—отвѣтилъ Гарри, — и хорошо, если онъ придетъ.

— Гарри,—сказалъ Дрэдъ,—когда они сегодня ночью соберутся, ты прочти имъ декларацію о независимости Соединенныхъ Штатовъ и объясни имъ, чтобы каждый изъ нихъ понялъ все то, что терпимъ мы и что терпѣли отцы нашихъ притѣснителей передъ возстаніемъ, и пусть Богъ разсудитъ насъ. А теперь я долженъ пойти и обратиться къ Богу за совѣтомъ.

Дрэдъ всталъ и, подскочивши, схватился за вѣтку дуба, влѣзъ на нее и исчезъ въ гущѣ вѣтвей. Гарри въ свою очередь пошелъ по направленію къ хижинѣ. Тамъ онъ засталъ Лизету, занятую хозяйствомъ. Увидѣвъ его, она бросилась къ нему на встрѣчу и обхватила его шею руками.

— Я такъ рада, Гарри, что ты возвратился. Я все время страшно боялась, не случилось ли чего-нибудь съ тобою. Знаешь, Гарри, мы можемъ здѣсь жить счастливо. Посмотри, какую славную постель я устроила въ этомъ углу изъ листьевъ и мха. Обѣ здѣшнія женщины очень добры, и я такъ рада, что съ нами Тиффъ и его дѣти. Я сегодня гуляла съ ними послѣ обѣда, и посмотри, сколько мы собрали винограду. О чемъ ты толковалъ съ этимъ ужаснымъ человѣкомъ? Ты знаешь, я его боюсь. Говорятъ, что онъ пророкъ,—правда ли это?

— Не знаю, дѣточка,—отвѣтилъ Гарри съ разсѣяннымъ видомъ.

— Не разговаривай съ нимъ слишкомъ много,—сказала Лизета,—а то и ты сдѣлаешься такимъ же мрачнымъ, какъ и онъ.

— У меня и безъ него достаточно причинъ быть мрачнымъ,—отвѣтилъ Гарри.—Развѣ мы съ тобою теперь, Лизета, не находимся внѣ закона?

— Ну, намъ не такъ плохо,—отвѣтила Лизета,—здѣсь масса цвѣ-

товъ, винограда, и Богъ даетъ намъ все это, несмотря на то, что мы виѣ закона.

— Да, ты, можешь быть, права, дѣточка,—отвѣтилъ Гарри.

— Здѣсь такъ хорошо, солнце свѣтитъ, тепло, все такъ красиво кругомъ.

— Да,—отвѣтитъ Гарри,—но скоро начнутся холодные вѣтры, дожди и морозы.

— Ну, тогда мы и будемъ думать о томъ, что надо дѣлать, а теперь будемъ пользоваться тѣмъ, что имѣемъ.

Въ полночь Гарри всталъ съ постели, тихонько открылъ дверь и вышелъ на полянку. Кругомъ было тихо. Онъ стоялъ долго, прислушиваясь. Наконецъ, послышался тихій свистъ, онъ свистнулъ въ отвѣтъ. Вскорѣ послышался трескъ вѣтвей и сдержанный говоръ. Черезъ нѣсколько минутъ раздался шумъ вѣтвей надъ головою Гарри, и онъ окликнулъ:

— Кто тамъ?

— Люди изъ Божьяго лагеря,—послѣдовалъ отвѣтъ и темная фигура спрыгнула на землю.

— Это ты, Ганибаль?—спросилъ Гарри.

— Да, это я,—отвѣтилъ голосъ.

— Славу Богу,—сказалъ Гарри.

Одна за другою темныя фигуры непрерывно прыгали на землю, и каждый называлъ свое имя.

— Гдѣ пророкъ?—спросилъ одинъ изъ пришедшихъ.

— Его еще нѣтъ. Но не бойся, онъ придетъ во время.

Всѣ направились въ другую сторону поляны, шопотомъ разговаривая между собою по дорогѣ.

— Еще никю не пришелъ съ плантаціи Гордона?—спросилъ Гарри съ беспокойствомъ въ голосѣ.

— Они скоро придутъ,—отвѣтилъ одинъ изъ пришедшихъ.—Можетъ быть, еще Гокумъ не спитъ.

Они подошли къ тому высохшему дубу, который былъ описанъ нами раньше, и подъ которымъ хоронили умершихъ.

Гарри повѣсилъ фонарь, который бросалъ красноватый свѣтъ на стоящіе вокругъ темныя лица присутствующихъ. Всего собралось двѣнадцать человѣкъ: нѣсколько мулатовъ, пять кваттероновъ и одинъ негръ. Выраженіе лицъ у всѣхъ было серьезное, торжественное.

Первымъ дѣломъ всѣ сложили руки и произнесли торжественную клятву никогда не выдавать другъ друга. Когда клятва была произнесена, среди нихъ очутился Драдъ, вышедшій изъ темной чащи.

— Братья,—сказалъ онъ,—здѣсь могила одного изъ нашихъ братьевъ, женой котораго хотѣлъ завладѣть его притѣснитель. Онъ бѣжалъ, но его поймали, и собаки растерзали его, и я похоронилъ его здѣсь. Послушайте, братья, Богъ видитъ насъ всѣхъ. И руки того, кто насъ выдастъ, отсох-

нутъ. Эта могила будетъ нашей свидѣтельницей. Богъ слышитъ все, что мы говоримъ.

Всѣ произнесли: Аминь!

— Братья,—сказалъ Дрэдъ,—положивъ руку на плечо Гарри,—Богъ велѣлъ Моисею сдѣлаться сыномъ дочери фараона для того, чтобы онъ изучилъ всю мудрость египтянъ и вывелъ израильтянъ изъ Египта. Когда онъ убилъ египтянина, то убѣжалъ и скрывался въ пустынѣ, ожидая приказаній Господа. То же случилось и съ нашимъ братомъ Гарри. Онъ объяснитъ вамъ законы египтянъ, а я расскажу вамъ то, что внушилъ мнѣ Богъ.

Всѣ разсѣлись на могилахъ, расположенныхъ подъ дубомъ, и Гарри началъ свою рѣчь.

— Братья, кто изъ васъ былъ на празднованіи 4-го мая?

— Я былъ!—я былъ!—Всѣ мы были,—раздался хоръ голосовъ.

— Братья,—я хочу рассказать вамъ исторію этого праздника. Много лѣтъ тому назадъ здѣшній бѣлый народъ былъ малочисленъ и бѣденъ. Имъ управляли люди, послылавшіеся королемъ изъ Англіи. Управители презирали его и угнетали. Наконецъ, этотъ народъ рѣшилъ освободиться отъ гнета, для того, чтобы самому управлять собою и издавать для себя законы. Тогда ихъ называли бунтовщиками и заговорщиками, и если бы они потерпѣли неудачу, то всѣхъ ихъ вождей повѣсили бы. Когда они сговаривались между собою, то составили документъ и подписали его. Вы слышали, какъ эту бумагу читали подъ громъ барабановъ и при развѣвающихся флагахъ. Теперь я прочту вамъ ее здѣсь въ лѣсной тишинѣ, а вы слушайте, сидя на могилахъ тѣхъ, кого они убили.

И Гарри прочелъ декларацію независимости Соединенныхъ Штатовъ, которая впоследствии послужила основой при требованіи правъ всѣмъ другимъ освободившимся отъ гнета народамъ.

— Братья,—сказалъ, Гарри, прочитавъ документъ,—вы слышали, какія притѣсненія наши господа считали достаточной причиной для того, чтобы поднять кровавое возстаніе. Они возстали, король выслалъ противъ нихъ армію, они стрѣляли въ нее изъ оконъ, съ крышъ домовъ, изъ-за угла строеній и съ вершинъ деревьевъ, они такъ защищались до тѣхъ поръ, пока не собрали своей арміи, и тогда вступили въ открытый бой.

— Да,—сказалъ Ганибалъ,—я помню, какъ отецъ моего господина рассказывалъ объ этомъ,—онъ былъ однимъ изъ нихъ.

— Теперь—продолжалъ Гарри,—пусть Богъ разсудитъ насъ съ ними. Развѣ то положеніе, въ которое они поставили насъ, не ужаснѣе того, въ которомъ были ихъ отцы? Они жаловались на несправедливость суда, что же можемъ сказать мы, которые не имѣемъ права даже жаловаться въ судъ?

И Гарри рассказалъ присутствующимъ о томъ, какъ поступили съ Мили, о судебномъ разбирательствѣ этого дѣла и о рѣшеніи суда. Онъ

разсказаль также, какая судьба постигла контрактъ объ его освобожденіи, и какимъ образомъ его многолѣтняя служба въ семьѣ Гордоновъ пропала даромъ. Затѣмъ онъ разсказаль исторію своей сестры и разразился рыданіями. Окружающіе сидѣли молча и внимательно слушали, только изрѣдка кое-гдѣ раздавался невольный тяжелый вздохъ.

Когда Гарри окончилъ, всталъ Ганибалъ.

— У меня,—сказаль онъ,—въ Virginіи былъ господиномъ методистскій священникъ. Онъ продалъ мою жену и двухъ дѣтей въ Орлеанъ, а затѣмъ продалъ и меня. Мою вторую жену взяли у моего господина за его долги, и я ее больше никогда не увижу.

Всталъ молодой кватеронъ и сказалъ:—Моя мать принадлежала одному священнику въ Кентаркѣ. Мой отецъ былъ смиренный, хорошій работникъ. Но моя мать понравилась одному бѣлому, и тотъ сталъ приставать къ ней. Она пожаловалась своему господину и просила защитить ее. А тотъ взялъ да и продалъ ее насильнику. Она посѣдѣла съ горя и стала полусумасшедшей, въ такомъ состояніи и умерла.

— Я также могу кое о чемъ разсказать,—заявилъ широкоплечій, среднихъ лѣтъ негръ.

— Говори, Понедѣльникъ,—сказаль Гарри.

— Вотъ мы говорили о законахъ,—началь Понедѣльникъ;—я знаю эти законы. Мой братъ работалъ со мною вмѣстѣ на большой плантаціи въ Virginіи. У хозяина готовились къ свадьбѣ. Нужны были деньги, и нѣкоторыхъ изъ негровъ продали Тому Паркеру, въ томъ числѣ и моего брата. Паркеръ торговаль неграми. Онъ продалъ Сама Соусеру, бѣдному бѣлому, который жилъ въ лѣсу. Самъ все время голодалъ, и ему приходилось иногда кое-что продавать въ лавку Стона, чтобы купить себѣ ѣды. Соусерь сказалъ, чтобы онъ не смѣлъ ничего продавать. Однажды, когда у Соусера что-то пропало, онъ пришелъ вмѣстѣ со Стономъ и Черни; всѣ трое были пьяны, они начали пытать брата, привязавъ его къ дереву. Соусерь билъ его хлыстомъ и палкой, рѣзалъ его, поджигаль ему пятки, прикладываль къ его тѣлу горящія головешки и опшариваль кипяткомъ. Крики брата слышались на далекомъ разстояніи. Онъ былъ очень сильный человекъ, но они такъ долго мучили его, что онъ умеръ. Нашъ господинъ и нѣкоторые другіе господа говорили, что слѣдовало судить Соусера. Я ко всему прислушивался, такъ какъ дѣло касалось моего брата. Соусера, дѣйствительно, привлекли къ суду. И что же? Адвокатъ, который первымъ говорилъ на судѣ, утверждалъ, что рабъ—не человекъ, а потому и не было убійства. Адвокатъ съ другой стороны старался доказать, что негръ тоже человекъ. Тогда первый адвокатъ сказалъ, что Соусерь не хотѣлъ убивать, а только наказываль раба. Присяжные вынесли приговоръ, что—это убійство второй степени. Какъ вамъ это нравится? Второй степени!.. когда они замучили его. Соусерь долженъ былъ пойти на пять лѣтъ въ тюрьму, но онъ не пошелъ. Онъ подалъ жа-

лобу въ верховный судъ, и тамъ рѣшили, что онъ не виноватъ, что слѣдуетъ защищать господъ отъ рабовъ, даже если господа и очень жестоко обращаются съ ними.

— Ну, что вы думаете объ этомъ, братья?—спросилъ Гарри.

Въ эту минуту появилось новое лицо. Въ первый моментъ всѣ испуганно оглянулись, но вскорѣ испугъ перешелъ въ радость.

— Наконецъ, ты пришелъ, Генри,—сказалъ Гарри.

Въ это время пришедшій повернулся лицомъ къ огню. И всѣ были поражены мертвенной блѣдностью его лица.

— Господи, что съ тобою, Генри?—воскликнулъ Гарри,—и гдѣ Гаркъ?

— Умеръ,—отвѣтилъ Генри.

Гарри съ ужасомъ вскочилъ съ мѣста.

— Умеръ?—воскликнулъ онъ.

— Наконецъ, умеръ! Они цѣлую ночь убивали его.

— Я этого боялся!—воскликнулъ Гарри,—О Гаркъ! Гаркъ! Гаркъ!

Пусть со мною будетъ то же, если я когда-нибудь забуду объ этомъ.

Всѣ были взволнованы и съ любопытствомъ окружили Генри. Генри разсказалъ, какъ вчера вечеромъ Гаркъ поздно возвратился на плантацію и этимъ вызвалъ подозрѣніе въ томъ, что имѣетъ сношенія съ Гарри; о томъ, какъ Гокумъ, Томъ Гордонъ и его два пьяные пріятеля въ теченіе всей ночи пытали Гарка, стараясь узнать отъ него мѣстопробываніе Гарри; какъ, благодаря крикамъ Гарка, никто на плантаціи не могъ всю ночь сомкнуть глазъ, и о томъ, какъ Гаркъ умеръ, ничего не сказавъ.

Когда Генри закончилъ разсказъ, всѣ стояли молча, задумавшись. Дрэдъ въ теченіе большей части разсказа Генри сидѣлъ на могилѣ, подперши голову руками и какъ бы разговаривая самъ съ собою. Когда Генри кончилъ, Дрэдъ всталъ и заговорилъ

— Богъ разсудитъ насъ съ ними. Если они считали себя вправѣ возстать противъ гнета, то какъ же они смѣютъ осуждать насъ за возстаніе противъ сильнѣйшаго гнета? Время суда приближается, люди начинаютъ понимать истину, злые люди теряютъ разумъ, они перестали стыдиться и краснѣть, они хвастаютъ своими грѣхами, какъ нѣкогда хвастали въ Содомѣ, и не скрываютъ своихъ пороковъ. И Богъ говоритъ: „они не заслуживаютъ пощады, не щади ихъ“.

Дрэдъ остановился на минуту съ поднятой рукой. Онъ былъ похожъ на статую, изображающую собою метящее правосудіе. Онъ весь дрожалъ, капли пота выступали у него на лицѣ отъ волненія. Наконецъ, слова какъ бы сами собою стали вырываться изъ его груди.

— Слушайте, что говоритъ Господь: жатва созрѣла! Виноградная давальня переполнена, сокъ выливается черезъ край. Я, говоритъ Господь, соберу толпы людей и обрушу ихъ на долину Юсафата. И тамъ будетъ плачъ и опустошеніе. Я погублю ихъ, такъ какъ они обмѣняли мальчика на луковницу чеснока, а дѣвочку продали за мѣхъ вина, для того, чтобы напиться

пьяными... И онъ долго говорилъ, ссылаясь на пророковъ. Рѣчь текла сама собою и производила потрясающее впечатлѣніе на слушателей.

Онъ умолкъ, руки его опустились, нѣсколько минутъ онъ стоялъ съ поникшей на грудь головою. Потомъ, какъ бы вдохновившись вновь, обратился со слѣдующей молитвой къ Богу:

— О, Господи, зачѣмъ такъ долго? Пробудись! зачѣмъ Ты опочилъ? Отчего ты отнял отъ насъ свою руку? Мы не имѣемъ никакихъ знаменій отъ тебя! Среди насъ не появляются пророки! Неужели ты успокоился на вѣки? Обрати вниманіе на пролитую кровь, которая вызываетъ къ тебѣ! Посмотри, какъ они преслѣдуютъ насъ. Посмотри, какъ они нарушаютъ справедливость! наши жены становятся ихъ добычей! нашихъ дочерей продаютъ! Развѣ ты не судья міра? Развѣ ты не хочешь отмстить за своихъ избранниковъ, которые зываютъ къ тебѣ и днемъ и ночью? Посмотри на гордость и самонадѣянность притѣснителей! Посмотри, какъ они восхваляютъ угнетеніе! Какъ они оскорбляютъ своей рѣчью небеса и какъ ихъ слова распространяются по землѣ! Развѣ ты потерпишь все это?

Энергія, съ которой Дрэдъ говорилъ, постепенно стала изсякать. Онъ остановился, стоялъ нѣсколько минутъ молча и, казалось, собирался съ силами. Наконецъ, онъ заговорилъ своимъ обыкновеннымъ тономъ.

— Братья, печати еще не сняты, время еще не наступило. Въ настоящую минуту небеса еще молчатъ. Но приготовьтесь къ тому времени, когда наступитъ настоящій день, и къ тому, что за этимъ послѣдуетъ?

— Мы отплатимъ имъ за все! И воздадимъ имъ мѣрой за мѣру! — произнесъ сильный глубокой голосъ.

Это говорилъ Ганибалъ.

— Избави Богъ, — воскликнулъ Дрэдъ, избранники Бога не должны такъ поступать. Мы не будемъ ихъ мучить огнемъ. Мы не будемъ насиловать ихъ женщинъ! Мы ихъ уничтожимъ мечемъ и сотремъ ихъ съ лица земли.

Вскорѣ послѣ этого всѣ разошлись.

XXXII. Мнѣніе Франка Русселя.

Клайтонъ продолжалъ преслѣдовать свою цѣль. Онъ рѣшилъ подать въ законодательныя учрежденія петицію о томъ, чтобы рабамъ было предоставлено право жаловаться въ судъ на людей, причинившихъ имъ поврежденія, и чтобы они имѣли право давать показанія въ судахъ. Такъ какъ Франкъ Руссель былъ выставленъ кандидатомъ на слѣдующіе выборы въ законодательное собраніе, то Клайтонъ поѣхалъ къ нему съ намѣреніемъ попросить его подать эту петицію.

Мы перенесемся съ читателемъ въ небольшую комнату въ конторѣ Франка. Въ этой комнатѣ Клайтонъ велъ бесѣду съ Франкомъ и рассказывалъ ему о своихъ планахъ и о томъ, что онъ сдѣлалъ для ихъ осуществленія.

— Единственный способ постепенно освободить рабовъ,—говорилъ Клайтонъ,—это постепенное измѣненіе законодательства. Прежде всего надо дать право рабамъ искать защиты у суда. Всѣ остальные законы въ ихъ пользу безъ этого основного закона ни къ чему не приведутъ.

— Я самъ знаю,—сказалъ Франкъ,—что нѣтъ ничего ужаснѣе нашего закона о рабахъ. Никому это не можетъ быть лучше извѣстно, чѣмъ намъ, адвокатамъ. Но вопросъ въ томъ, что можно сдѣлать въ этомъ направленіи.

— Мнѣ кажется, ясно, что надо сдѣлать,—сказалъ Клайтонъ,—надо идти смѣло впередъ, выяснить обществу суть дѣла и добиться измѣненія законодательства. Вотъ что я поставилъ себѣ цѣлью. Ты, Франкъ, долженъ помочь мнѣ въ этомъ.

— Гм,—сказалъ Франкъ,—дѣло въ томъ, Клайтонъ, что если бы я носилъ крахмальныя галстукъ и передъ моимъ именемъ стояли бы буквы Д. Б. (докторъ богословія), то я отвѣтилъ бы тебѣ, что интересы церкви не позволяютъ мнѣ взяться за подобное дѣло, такъ какъ я могу подорвать свою репутацію и тѣмъ повредить церкви. Но такъ какъ я не имѣю счастья пользоваться этимъ преимуществомъ, то мнѣ приходится сказать просто и ясно, что я не хочу нарушать интересовъ Франка Русселя. Это невозможно. Наша партія не можетъ взять на себя защиту подобнаго дѣла, это страшно ослабитъ ее. А я долженъ идти со своей партіей, какъ ея представитель.

— Что же, Франкъ,—сказалъ Клайтонъ,—ты хочешь надѣть себѣ нашу петлю на всю свою жизнь и быть рабомъ своей партіи?

— Ну, только не я,—отвѣтилъ Франкъ,—петля перейдетъ съ моей шеи на другую, и не меня поведутъ, а я поведу партію, но раньше надо побѣдить.

— Неужели, Франкъ, ты цѣлью своей жизни ставишь погоню за своимъ личнымъ успѣхомъ? Неужели ты не имѣешь болѣе высокихъ цѣлей?

— Знаешь,—сказалъ Руссель, немного помолчавъ,—можетъ быть, и есть какія-нибудь высокія цѣли, но, на мой взглядъ, міръ—это поле, на которомъ каждый спѣшитъ захватить себѣ лакомый кусочекъ.

— Но не живетъ же человѣкъ однимъ хлѣбомъ,—замѣтилъ Клайтонъ.

— Во всякомъ случаѣ, хлѣбъ—очень хорошая вещь,—отвѣтилъ Франкъ, пожавъ плечами.

— Послушай,—сказалъ Клайтонъ,—я очень серьезно отношусь ко всему этому и хочу, чтобы ты не отдѣлывался только шутками, но отнесся къ дѣлу такъ же серьезно. Ты вѣдь хорошо знаешь, что наша система рабовладѣнія ведетъ къ тому, что самые корни нашего общества подгниваютъ.

— Я хорошо это знаю,—отвѣтилъ Франкъ,—и гниль проникла уже довольно глубоко.

— Поэтому,—продолжалъ Клайтонъ,—если не ради гуманнаго отношенія къ рабамъ, то въ интересахъ самого блага населенія мы обязаны вывести наше общество изъ того варварскаго состоянія, въ которомъ оно находится теперь. Виргинія совершенно разорилась и идетъ къ упадку, Сѣверная Каролина пользуется репутациею самаго невѣжественнаго и бѣднаго штата въ союзѣ. Я думаю, въ старой Европѣ нѣтъ такой деспотической страны, въ которой бѣднѣйшіе классы населенія были бы такъ распущены и невѣжественны, какъ у насъ. Наиболѣе способные люди изъ бѣднѣйшихъ классовъ населенія бѣгутъ изъ нашихъ штатовъ, сотни и тысячи лучшихъ людей бѣгутъ изъ Сѣверной Каролины въ западные штаты. Такъ или иначе, но намъ нужно уничтожить это зло.

— Слушай, Клайгонъ,—началъ Франкъ уже совершенно серьезнымъ тономъ.—Тѣ, которые имѣютъ власть въ рукахъ и стремятся удержать ее за собою, хорошо понимаютъ, что дѣлается кругомъ! Они не хотятъ сдѣлать перваго шага, потому что боятся потерять свою власть. Три пятыхъ голосовъ они получаютъ, благодаря рабовладѣльцамъ. А они скорѣе умрутъ, нежели откажутся отъ власти. Вѣдь тутъ идетъ вопросъ о собственности въ двадцать четыре милліона долларовъ. А что касается бѣдныхъ бѣлыхъ, то развѣ они ими интересуются? Бѣдняки могутъ идти къ чорту. Что касается разоренія государства, то это ихъ тоже мало интересуетъ: послѣ нихъ хоть потопъ. И ты, Клайтонъ, можешь сколько угодно воевать, ничего не добьешься. Если бы была хоть малѣйшая надежда на успѣхъ, я бы отъ всего сердца присоединился къ тебѣ, но это все такъ прочно установилось, что его не поколеблешь.

— Вовсе не такъ прочно—отвѣтилъ Клайтонъ,—Богъ и природа востаютъ противъ этого,

— Ну, имъ придется долго бороться,—сказалъ Франкъ.

— А я хочу быть на сторонѣ побѣдителей въ то время, когда я еще живу. Я согласенъ съ тѣмъ, что говоритъ Фридрихъ Великій: «Провидѣніе всегда на сторонѣ болѣе сильной арміи». Я—человѣкъ успѣха и хочу имѣть власть. Сохраненіе современнаго порядка вещей—обязательная политика для вождей нашего поколѣнія. Всѣ же разговоры о морали—ерунда. Въ настоящее время въ Сѣверныхъ Штатахъ кричатъ противъ рабства, но пусть только южные штаты получаютъ большинство въ законодательныхъ собраніяхъ, тогда будетъ введено рабство и тамъ. Въ настоящее время Англія противъ рабства. Но если рабовладѣльцы будутъ господами положенія во всей Сѣверной Америкѣ, тогда Англія станетъ очень ласковой къ нимъ. Ея глотка будетъ заткнута хлопкомъ, ей нужна торговля, а не война. И тогда движеніе противъ рабства прекратится повсюду. И позѣрь мнѣ, Клайтонъ, проявлять самоотверженіе въ пользу человѣчества очень глупо. Человѣчество не заслуживаетъ этого.

— Ты, Франкъ, высказался откровенно и говоришь, что человѣчество ничего не стоитъ; я—другого мнѣнія, я не преклоняюсь передъ успѣхомъ

и буду всегда защищать то дѣло, которое считаю справедливымъ; я готовъ умереть за него, есть ли надежда на успѣхъ или нѣтъ.

— Я уважаю такихъ людей, какъ ты, — сказалъ Франкъ, — они нѣсколько украшаютъ однообразіе жизни. А знаешь, что ты становишься страшно непопулярнымъ, благодаря своей дѣятельности. Это тебя не беспокоитъ?

— Нѣтъ, — отвѣтилъ Клайтонъ.

— Я боюсь, что не сегодня — завтра ты подвергнешься нападенію голлы.

— Я это знаю.

— Но отчего, Клайтонъ, ты хочешь подать петицію о томъ, чтобы рабы могли жаловаться въ судъ. Не лучше ли было бы, если бы ты подалъ петицію о томъ, чтобы не раздѣляли семей при продажѣ? Это могло бы имѣть успѣхъ.

— Ты знаешь, Франкъ, что безъ права отстаивать въ судѣ свои интересы все остальное будетъ мертвой буквой.

— Это, конечно, правда, но вотъ что: готовъ ли ты, Клайтонъ, ходить съ пистолетомъ въ карманѣ и съ кинжаломъ за поясомъ и застрѣлить перваго молодца, который нападетъ на тебя?

— Зачѣмъ мнѣ это? Я не настроенъ воинственно и не люблю драгъ.

— Тогда ты не можешь быть реформаторомъ въ южныхъ штатахъ. Вотъ, напримѣръ, ты на одномъ митингѣ въ городѣ Е. сдѣлалъ какое-то замѣчаніе; посмотри, какую статью сострипали по этому поводу въ газетѣ. Это, очевидно, дѣло Тома Гордона.

И съ этими словами Франкъ передалъ Клайтону номеръ газеты «Голосъ Свободы» и указалъ ему замѣтку. Вотъ что тамъ было написано:

«Прикрытый аболціонизмъ! Берегитесь, граждане!»

«Нѣсколько дней тому назадъ мы присутствовали на собраніи Вашингтонскаго земледѣльческаго общества, на которомъ Эдвардъ Клайтонъ говорилъ заключительную рѣчь; онъ уклонился отъ своего предмета для того, чтобы произнести зажигательную рѣчь о нашихъ законахъ, устанавливающихъ положеніе негровъ. Друзьямъ порядка необходимо быть восторожъ. Подобныя рѣчи могутъ подѣйствовать на невѣжественную толпу и повести къ беспорядкамъ и бунтамъ. Говорятъ, что этотъ ораторъ проникнуть идеями сѣверныхъ аболціонистовъ. Мы должны строго присматривать за подобными лицами для того, чтобы охранить нашу свободу. Мистеръ Клайтонъ принадлежитъ къ одной изъ наиболѣе уважаемыхъ фамилій нашего штата, и это тѣмъ менѣе для него простительно».

Клайтонъ пробѣжалъ эту замѣтку со свойственной ему улыбкой на устахъ.

— Я ничего не сказалъ особеннаго, — замѣтилъ онъ, — я говорилъ то, что извѣстно всѣмъ.

— Но этимъ ты даешь оружіе въ руки своимъ врагамъ, а у тебя есть опасный врагъ—Томъ Гордонъ, и онъ воспользуется случаемъ; ты долженъ быть остороженъ. Кто на твоей сторонѣ? Съ кѣмъ ты говорилъ уже?

— Я говорилъ кой съ кѣмъ изъ священниковъ,—отвѣтилъ Клайтонъ.

— Ну и что-же?—сказала Франкъ;—отцы церкви навѣрное, не разили желанія быть мучениками, они общали молиться за тебя въ тихомолку, а когда ты побѣдишь, тогда будутъ говорить проповѣди въ твою пользу. Знаешь что, Клайтонъ, если Томъ Гордонъ сдѣлаетъ на тебя нападеніе, то я подь тѣмъ или другимъ предлогомъ вызову его на дуэль и застрѣлю на мѣстѣ. Это я могу сдѣлать, не компрометируя своей партіи.

— Спасибо,—отвѣтилъ Клайтонъ,—я въ этомъ не нуждаюсь.

— А все-таки, Клайтонъ, тебѣ надо имѣть при себѣ пистолеты, безъ этого не обойдешься, потому что если люди знаютъ, что у тебя въ карманѣ пистолеты, то они будутъ держаться отъ тебя подальше, они не захотятъ получить пулю въ лобъ, а ты вѣдь хорошо стрѣляешь.

— По-твоему,—сказала Франкъ,—мы не имѣемъ правъ свободно обсуждать наши собственные дѣла. Въ какомъ же мы находимся положеніи?

— Ты не знаешь, а я знаю. Можешь свободно обсуждать все вопросы, кромѣ вопроса о рабствѣ. А этотъ послѣдній вопросъ можешь обсуждать только съ одной стороны. Развѣ они допустятъ, чтобы съ глазъ бѣдной части бѣлаго населенія была сдернута повязка. Да вѣдь и негры имѣютъ уши. А наши люди очень боятся ихъ возстанія. Вотъ въ этомъ и вся суть дѣла.

— Но лучшій способъ вызвать взрывъ это—наглухо завинтить предохранительный клапанъ. Вѣдь пары все равно будутъ подыматься. Какъ ни какъ, а негры постепенно развиваются, да и бѣдная часть бѣлаго населенія не будетъ же стоять все время на мѣстѣ. Аристократія въ странахъ Европы была низвергнута, она вполне сохранила свою силу только въ Англіи, благодаря тому, что умѣла уступать. Французская же погибла именно потому, что не уступала и не позволяла обсуждать своего положенія.

— Все это вѣрно,—сказала Руссели.—но войди, убѣди нашу аристократію. Она осѣдлала государство и хочетъ ѣхать на немъ. Мы присоединимъ Кубу, Саидвичевы острова и еще кое-что, и создастся огромная рабовладѣльческая имперія. Сѣверъ будетъ играть въ ней ту же роль, что Греція въ Римѣ. Мы будемъ имъ управлять, а онъ будетъ работать на насъ въ области ремеселъ и искусствъ. Южане умѣютъ управлять. Мы готовимся къ управленію съ колыбели, у насъ есть достаточно свободного времени, чтобы заниматься управленіемъ, намъ нечего больше дѣлать. Люди Сѣверныхъ Штатовъ заняты своими фабриками, школами, торговлей, и у нихъ нѣтъ лишняго времени, чтобы заниматься усердно политикой. Если мы умѣло поведемъ ихъ, то приведемъ туда, куда желаемъ.

— Пусть будетъ такъ,—сказаль Клайтонъ,—но ты забылъ принять въ расчетъ еще одну силу.

— Какую?—спросилъ Руссель.

— Бога,—сказаль Клайтонъ.

— Онъ мнѣ неизвѣстенъ,—отвѣтилъ Руссель.

— Тебѣ, можетъ быть, придется скоро узнать Его,—сказаль Клайтонъ,—я вѣрю въ Него.

XXXIII. Судъ Линча.

Томъ Гордонъ, вступивъ во владѣніе плантаціей Канема, ввелъ тамъ порядки, совершенно непохожіе на тѣ, которые господствовали при покойной Нивѣ. Для удовлетворенія его любви къ широкой жизни, кутежамъ и распутству, необходимо было имѣть много денегъ. И онъ не стѣснялся въ средствахъ добывать ихъ и готовъ былъ бы даже грабить по дорогамъ, если бы не боялся суда. Онъ ни во что не ставилъ общественное мнѣніе и, въ особенности, мнѣніе людей совѣстливыхъ.

Томъ Гордонъ былъ популяренъ въ своей округѣ среди людей низшаго разбора. Весь тотъ сбродъ бѣлыхъ людей безъ всякихъ профессій, который скоплялся въ рабовладѣльческихъ штатахъ, готовъ былъ слѣдовать за нимъ, содѣйствовать ему въ исполненіи его намѣреній и мстить его врагамъ.

Тома доводило до бѣшенства то, что всѣ его попытки поймать Гарри оканчивались неудачно. Онъ посылалъ цѣлыя партіи охотниковъ за неграми съ собаками. Тѣ бродили по болотамъ, но найти Гарри не могли. До его слуха дошло, что въ болотахъ живетъ негритянской заговорщикъ, обладающій большою силой и энергіей, котораго никто не можетъ поймать. Томъ рѣшилъ перевернуть небо и землю и найти этого опаснаго человѣка. Онъ подозрѣвалъ, что Гарри живеть тамъ же и поддерживаетъ сношенія съ рабами на плантаціи. И онъ рѣшилъ выслѣдить эти сношенія. Ради этого онъ подвергъ несчастнаго Гарка жестокой пыткѣ, которой тотъ не выдержаль и умеръ, ничего не сказавъ. Истерзанное тѣло было зарыто въ землю, и Томъ не чувствовалъ упрековъ совѣсти. Да и зачѣмъ ему было смущаться?—законъ былъ на его сторонѣ. Онъ только воспользовался своимъ правомъ наказать бунтующаго раба, а смерть произошла случайно.

— Ты знаешь, Кайтъ,—говорилъ однажды Томъ Гордонъ одному изъ своихъ собутельниковъ, сидя съ нимъ на верандѣ.—Я во что бы то ни стало хочу добыть этого молодца. Я сдѣлаю объявленіе и назначу хорошее вознагражденіе за его голову: это подѣйствуетъ. Я не остановлюсь и передъ очень большою суммой—все-таки лучше знать, что онъ убитъ.

— Жаль, что ты не можешь поймать его живымъ,—сказаль Кайтъ,—и показать на немъ примѣръ.

— Я самъ бы хотѣлъ этого,—сказаль Томъ,—я заставилъ бы его

долго страдать. Этотъ малый былъ занозой въ моемъ глазу; съ самаго моего дѣтства я полонъ злобы противъ него.

— Томъ,—замѣтилъ Кайтъ,—въ тебѣ, кажется, сидитъ самъ дьяволь.

— Конечно, сидитъ,—отвѣтилъ Томъ. — Мнѣ бы хотѣлось захватить жену этого молодца,—я заставилъ бы его помучиться. Такъ или иначе, а я ее добуду. Ты знаешь, Кайтъ, я увѣренъ, что кое-кто находится въ сношеніяхъ съ нимъ, и многіе знаютъ, гдѣ онъ скрывается. Вотъ, напримѣръ, длинноносый Скиффлитъ, который ведетъ торговлю съ неграми, скрывающимися въ болотахъ. Мнѣ это извѣстно. Но онъ такой ловкій лгунъ, что отъ него ничего не узнаешь. Въ одинъ прекрасный день я сожгу его старую берлогу и застрѣлю его самого, если онъ не поостережется. Джимъ Стоксъ разсказывалъ мнѣ, что когда онъ ночевалъ у Скиффлита, то слышалъ, какъ этотъ послѣдній ночью съ кѣмъ-то разговаривалъ. Онъ выглянулъ въ окно и увидѣлъ, какъ Скиффлитъ продавалъ порохъ какому-то негру.

— Но невозможно, чтобы это былъ Гарри,—сказалъ Кайтъ.

— Конечно, нѣтъ. Но это былъ одинъ изъ ихъ шайки. А затѣмъ этотъ Гаркъ. Джимъ сказалъ мнѣ, что онъ видѣлъ, какъ Гаркъ передалъ полученное письмо челоуѣку, который ускакалъ въ лѣсъ. Я думалъ выпытать у него правду, но онъ не выдержалъ и околѣлъ.

— Гокумъ не понимаетъ своего дѣла,—замѣтилъ Кайтъ,—не слѣдовало такъ быстро добивать его до конца.

— Гокумъ дуракъ,—сказалъ Томъ,—какъ и всѣ остальные. Гаркъ былъ рѣшительный парень и, конечно, хорошо, что онъ померъ,—онъ и другихъ подбивалъ къ возмущенію. Гокуму-же нравилась жена Гарка, а тотъ былъ ревнивъ.

— Настоящій романъ,—замѣтилъ Кайтъ со смѣхомъ.

— Я тебѣ разскажу еще одну вещь,—продолжалъ Томъ,—которой я хочу заняться. Здѣсь повсюду бродитъ старый священникъ, который обиваетъ съ толку людей, толкуя имъ о злѣ рабства и о страданіяхъ рабовъ. Я этого не хочу, и затѣну ему глотку. Я скажу ему, если онъ не уберется изъ этихъ мѣстъ, то я его вымажу дегтемъ и вывалю въ перьяхъ.

— Помогай тебѣ Богъ,—замѣтилъ Кайтъ.

— Мнѣ сказали, что сегодня ночью въ старой бревенчатой церкви, стоящей у перекрестка дорогъ, соберутся люди, желающіе учредить религіозную общину, которая будетъ отрицать рабство. Огвратительная сволочь, безъ копейки въ карманѣ! Грязные, потные, замасленные слесаря и машинисты, съ большимъ количествомъ дѣтей и безъ куска хлѣба на завтрашній день. И, подумаешь, они имѣютъ наглость выносить резолюціи противъ рабовладѣльцевъ.

— Развѣ они дѣйствительно хотятъ образовать общину?

— Объ этомъ толкуютъ,—сказалъ Томъ,—но они рѣшили безъ хо-

зяяна, мнѣ кажется. Я уже сдѣлалъ намекъ Джиму Стоксу. Я сказалъ ему: «послушай, Джимъ, не нужно-ли устроить имъ сегодня музыку»? Джимъ взялся за это. Онъ обѣщалъ придти туда съ парой собакъ и притащить туда старыя кастрюли. Мы имъ устроимъ концертъ, помани мое слово. Кое-кто изъ нашей компаніи тоже поѣдетъ туда. Тамъ будутъ: Биллъ Акерсъ, Бобъ Стори, Симъ Декстонъ,—пріѣзжай и ты. Мы всѣ вмѣстѣ поѣдемъ вечеромъ.

Подъ вечеръ отецъ Диксонъ ѣхалъ по лѣсу и пѣлъ псалмы. Становилось все темнѣе и темнѣе и, когда онъ подъѣзжалъ къ грубо построенной церкви, было уже почти совсѣмъ темно. Подъѣхавъ къ церкви, отецъ Диксонъ былъ удивленъ, заставъ тамъ цѣлую толпу людей, вооруженныхъ дубинами и пистолетами. Одинъ изъ толпы выступилъ впередъ, подалъ священнику письмо и сказалъ:

— Вы должны прочесть это письмо.

Отецъ Диксонъ спокойно взялъ письмо, положилъ его въ карманъ и сказалъ:

— Я прочту его послѣ службы.

Человѣкъ схватилъ его лошадь за узду.—Пойдемте отсюда,—сказалъ онъ,—мнѣ надо поговорить съ вами.

— Я потолкую съ вами, мой другъ, когда окончится митингъ, мнѣ пора начинать службу.

— Дѣло въ томъ,—сказалъ другой человѣкъ грубоватаго вида, выходя изъ толпы,—что мы не хотимъ дозволить устраивать здѣсь ваши проклятые абolicіонистскіе митинги.

— Послушайте, друзья мои,—сказалъ мягко Диксонъ,—какое право имѣете вы препятствовать мнѣ собирать митингъ?

— По нашему мнѣнію, вы нарушаете законы.

— Есть ли у васъ предписаніе отъ властей прекратить нашъ митингъ?

— Послушай, ты, старый пѣтухъ,—заговорилъ грубымъ тономъ второй человѣкъ,—намъ наплевать на мѣстныя власти, мы не хотимъ, чтобы здѣсь проповѣдывали абolicіонизмъ и набивали имъ головы нашихъ негровъ, и не о чемъ больше толковать.

Эта рѣчь была поддержана цѣлымъ хоромъ голосовъ обружившей священника Диксона толпы.

— Задай ему хорошенько. Прогони къ чорту этого волка.

— Задай ему еще!

— Друзья мои,—сказалъ Диксонъ,—я пріѣхалъ сюда, чтобы исполнить свой долгъ передъ Господомъ, и вы не имѣете права препятствовать мнѣ.

— Ну, что ты можешь подѣлать съ нами, старая ворона?

— Не забудьте, друзья мои, что мы будемъ стоять рядомъ на страшномъ судѣ и мы должны будемъ дать тамъ отчетъ въ своихъ поступкахъ. Что вы тогда отвѣтите Богу?

Толпа разразилась громкимъ, насмѣшливымъ хохотомъ и раздался голосъ Тома Гордона.

— Онъ хитритъ съ вами, ребята.

— Слушай,—сказалъ одинъ изъ толпы,—ты съ нами не хитри, намъ нѣтъ никакого дѣла до страшнаго суда, а что касается Бога, то мы его никогда не видали. Онъ, вѣроятно, не заходитъ въ наши мѣста, а путешествуетъ гдѣ-нибудь далеко.

— Божій взоръ видитъ все и всюду, и онъ замѣчаетъ добро и зло,—отвѣтилъ Диксонъ.

При этихъ словахъ одинъ изъ толпы замыкалъ, какъ кошка, другой залаялъ, какъ собака, и толпа еще громче захохотала.

— Я уже говорилъ тебѣ,—сказалъ первый изъ говорившихъ,—что мы не хотимъ твоихъ митинговъ и твоихъ проповѣдей, это вызоветъ возстаніе среди нашихъ негровъ. У меня у самого есть негры, и я не хочу, чтобы проклятый священникъ вмѣшивался въ мои дѣла, и никто изъ насъ этого не хочетъ. Не хотятъ и тѣ, у кого нѣтъ негровъ, вѣдь они могутъ ихъ когда-нибудь купить. Не правда ли, ребята?

— Вѣрно, вѣрно, задай ему хорошенько!—закричала толпа.

— Мы имѣемъ право владѣть неграми и будемъ ими владѣть.

— Кто же вамъ далъ это право?—спросилъ отецъ Диксонъ.

— Кто? Конечно, конституція Соединенныхъ Штатовъ. А ты думалъ, кто? У насъ—самое свободное правительство въ мірѣ. А если насъ будутъ лишать причастія, потому что мы владѣемъ неграми, то намъ наплевать на причастіе. И вотъ что я тебѣ скажу, старая ворона, ты попался къ намъ въ руки и долженъ обѣщать, что не будешь ничего говорить противъ рабства.

— Я никогда не дамъ подобнаго обѣщанія,—отвѣтилъ Диксонъ мягкимъ, спокойнымъ тономъ.

Послѣдовало минутное молчаніе, и затѣмъ раздался голосъ изъ толпы:

— Подумай хорошенько, если хочешь себѣ добра.—А одинъ изъ стоявшихъ подъ деревомъ молодыхъ людей крикнулъ:

— Не уступайте, ребята!

— Не бойся за насъ,—отвѣтилъ человѣкъ, игравшій, повидимому, руководящую роль,—мы съ нимъ расправимся.—Послушай, старина,—сказалъ онъ священнику, ты съ нами ничего не можешь подѣлать, насъ десять противъ одного. И, если ты не дашь намъ обѣщанія, то мы съ тобою расправимся.

— Друзья мои,—отвѣтилъ Диксонъ,—подумайте о томъ, что вы дѣлаете. Вы сами знаете, что дурно поступаете и нарушаете всѣ божескіе и человѣческіе законы. Вы знаете, что тѣ люди, которые ввергли Данила въ львиный ровъ, сами были ввергнуты туда.

— Какого Данила?—спросилъ одинъ изъ толпы, а молодые люди, стоявшіе подъ деревьями, расхохотались.

— Почему вы боитесь моихъ проповѣдей?—сказаль отецъ Диксонъ;— вѣдь если я сегодня вечеромъ скажу ложь, то вы сможете меня опровергнуть. Только для защиты неправого дѣла нужно занимать ротъ противникамъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, мы не хотимъ этихъ митинговъ, и ты долженъ подписать торжественное обѣщаніе, что ты больше не раскроешь рта по этому вопросу, иначе тебѣ будетъ плохо.

— Я никогда не дамъ подобнаго обѣщанія. Вы напрасно мнѣ угрожаете, меня это нисколько не пугаетъ, и вамъ легче убить меня, чѣмъ заставить замолчать.

— Чортъ васъ побери, старикъ,—сказаль Томъ Гордонъ, подѣзжая къ Диксону,—слушайте, что я вамъ скажу. Вы сейчасъ же подпишите обязательство въ теченіе трехъ дней покинуть Сѣверную Каролину и забрать все свое добро, или же вы будете наказаны за ваше нахальство. Берегитесь: вы говорите съ людьми, выше васъ стоящими. Что за невыносимая дерзость! Какъ вы смѣете высказывать свои взгляды о поведеніи людей, принадлежащихъ къ родовитымъ семьямъ? Вы должны быть счастливы, что васъ отпускаютъ въ дѣлности послѣ всѣхъ вашихъ дерзостей.

— Мистеръ Гордонъ, мнѣ очень грустно васъ слушать,—сказаль отецъ Диксонъ спокойно.—По своему происхожденію вамъ бы слѣдовало говорить такъ, какъ подобаетъ джентльмену. А вы говорите такимъ языкомъ, который совершенно не соответствуетъ вашему положенію и произносите угрозы, которыхъ не сможете привести въ исполненіе

— Ну, мы это посмотримъ!—отвѣтилъ Томъ Гордонъ.—Эй, ребята!—онъ махнулъ рукой двумъ главарямъ шайки, и, когда они подошли къ нему, онъ что-то тихо сказалъ имъ. Одинъ изъ нихъ, какъ будто не соглашался и отвѣтилъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, это было бы ужъ слишкомъ сѣверно.

Другой же воскликнулъ:

— Такъ и слѣдуетъ ему! Мы это сдѣлаемъ. Ну, ребята, проводимъ пастора домой и поможемъ ему развести огонь,

Раздались общія одобренія. Вся толпа окружила Диксона, лошадь его схватили за узду и всѣ направились по дорогѣ къ избушкѣ, въ которой онъ жилъ въ лѣсу.

Томъ Гордонъ со своими товарищами ѣхали впереди и пѣли безобразныя пѣсни, которыя совершенно заглушали голосъ отца Диксона, пытавшагося нѣсколько разъ заговорить. Передъ тѣмъ, какъ тронуться съ мѣста, Томъ, не скупясь, угостилъ всѣхъ водкой, которая окончательно лишила ихъ разсудка.

Отецъ Диксонъ, въ то время, когда его по тропинкѣ вела обезумѣвшая толпа, пѣлъ и молился. Когда они подошли къ хижинѣ, онъ сдѣлалъ еще одну попытку заговорить съ толпою.

— Братья,—сказаль онъ.

— Здѣсь нѣтъ твоихъ братьевъ!—воскликнулъ Томъ Гордонъ.—Погодите, ребята, кричать!—обратился онъ къ толпѣ.

— Дайте мнѣ сказать одно слово,—воскликнулъ отецъ Диксонъ,—моя жена больна и очень слаба теперь. И я надѣюсь, вы не нанесете никакой обиды больной женщинѣ, которая никогда никому не сдѣлала никакого зла.

— Такъ, слушай же,—сказалъ Томъ Гордонъ, смотря ему въ лицо.— Если ты такъ заботишься о своей женѣ, то можешь легко избавить ее отъ непріятности. Дай намъ обѣщаніе, которое мы отъ тебя требуемъ, и мы оставимъ тебя въ покоѣ. Если же ты не дашь этого обѣщанія, то, клянусь тѣбѣ Богомъ, мы по бревнышкамъ растащимъ твою берлогу. Ты еще не знаешь, съ кѣмъ вмѣешь дѣло, старикъ.

— Я не могу дать обѣщанія прекратить проповѣдь.

— Такъ ты долженъ дать обѣщаніе, что уѣдешь изъ нашего штата. Можешь отправляться къ своимъ сѣвернымъ братьямъ и тамъ каркать и мяукать сколько тебѣ угодно, но мы не хотимъ, чтобы ты былъ здѣсь. И самъ отношусь съ большимъ уваженіемъ къ приличнымъ священникамъ, которые занимаются только тѣмъ, что соотвѣтствуетъ ихъ званію. Тѣ же изъ нихъ, которые вмѣшиваются въ наши дѣла, должны знать, что мы будемъ поступать съ ними, не стѣняясь, и ихъ черная сутана не защититъ ихъ. Не правда ли, ребята?—обратился онъ къ толпѣ.

Пьяная толпа громкими криками выразила свое одобреніе. Въ эту минуту открылась дверь хижины, и изъ нея вышла блѣдная, худая, болѣзненная женщина.

— Мой другъ,—сказала она, и голосъ ея былъ спокоевъ,—не уступай ни на волосъ, ради меня. Я могу столько же вынести, сколько и ты. Я готова умереть за правду. Господа!—обратилась она къ толпѣ,—у насъ въ хижинѣ ничего нѣтъ цѣннаго, тамъ лежатъ только двое больныхъ дѣтей. Если вамъ это доставитъ удовольствіе, то вы можете ихъ выбросить вонъ.— Мужъ мой,—обратилась она къ Диксону,—будь твердъ, не отступай ни на шагъ.

Одно изъ неизбѣжныхъ золь рабства—это то, что оно уничтожаетъ въ человѣкѣ всякое уваженіе къ женщинѣ. Тѣ, которые сбьютъ своихъ рабынь, конечно, не могутъ чувствовать того уваженія къ женщинѣ, которе чувствуетъ свободный мужчина къ свободной женщинѣ. Они уважаютъ только тѣхъ женщинъ, которыя богаты и принадлежатъ къ избранному обществу. Они съ презрѣніемъ относятся къ бѣднымъ и беззащитнымъ женщинамъ.

— Ты глупая баба,—воскликнулъ Томъ Гордонъ,—не думай подѣйствовать на насъ своей болтовней и не думай, что ради тебя мы уступимъ. Мы сдѣлаемъ то, что хотимъ.

— Господь тоже сдѣлаетъ то, что захочетъ,—отвѣтила женщина,—посмотрѣвъ на него взглядомъ, полнымъ энергіи. Послѣдовала минута молчанія. Затѣмъ Томъ разразился градомъ проклятій и воскликнулъ:

— Надо копчаты дѣло, ребята! Схватите его, привяжите къ этому дереву и дайте ему тридцать шесть ударовъ бичемъ! Онъ очень любитъ негровъ: пускай попробуетъ то же, что и они.

Звѣрь пробудился въ толпѣ.

— Валий его! Прoberи его хорошенько! Чортъ его побери! — орала толпа.

Отецъ Диксонъ стоялъ спокойно. Его лицо свѣтилось ангельской чистотой. Толпа скрежетала отъ злости, смотря на него. Въ нѣсколько минутъ его раздѣли и привязали къ дереву.

— Ну, теперь ты общаешь? — спросилъ Томъ Гордонъ, — я тебѣ даю еще пять минутъ на размышленіе.

Дѣти проснулись, выбѣжали изъ хижины и съ плачемъ смотрѣли на то, что дѣлается кругомъ. Жена Диксона подбѣжала и прикрыла собою мужа.

— Убирайся прочь, старая баба! — закричалъ Томъ Гордонъ.

— Я не отойду, — воскликнула она, обхвативъ руками мужа, — вы доберетесь до него только черезъ мое тѣло.

— Бевъ Гіатъ, уברי ея! — воскликнулъ Томъ.

Одинъ изъ толпы подошелъ къ ней и насильно оторвалъ ее отъ мужа; она упала въ обморокъ.

— Положи ее въ сторону! — приказалъ Томъ Гордонъ. — Ну, теперь пять минутъ прошли, что ты скажешь?

— Я не покорюсь вашимъ требованіямъ.

— Ладно, — сказалъ Томъ Гордонъ, — значитъ, теперь дѣло кончено.

Онъ отбѣжалъ въ сторону и, обратившись къ человѣку, который держалъ въ рукахъ бичъ, сказалъ:

— Ну, начинай!

Удары посыпались. Диксонъ не издалъ ни одного стога; толпа кругомъ хохотала и надсмѣхалась надъ нимъ.

— Какъ тебѣ это нравится? Что ты объ этомъ скажешь? Ну, скажи-ка намъ проповѣдь! Приведи какой-нибудь текстъ.

— У него теперь на спинѣ американскій флагъ съ полосами и звѣздами, — замѣтилъ одинъ.

— У него и въ глазахъ теперь звѣзды сверкаютъ, — замѣтилъ другой.

— Стой! — воскликнулъ Томъ Гордонъ. — Ну, вотъ вы видите, мой другъ, что мы доводимъ дѣло до конца. И никто васъ не пожалѣетъ, и никто васъ не поддержитъ. Ни одинъ священникъ въ штатѣ не станетъ на вашу сторону. Они слишкомъ благоразумны, чтобы вмѣшиваться въ наши дѣла.

Въ эту минуту выѣхали изъ лѣса пять человѣкъ верхомъ на лошадахъ. Во главѣ ихъ былъ Клайтонъ.

— Что это? — воскликнулъ Клайтонъ съ ужасомъ. — Что это значитъ? Я ничего не понимаю.

— Убирайтесь къ чорту! Никто не интересуется, что вы понимаете или не понимаете. Это не ваше дѣло! Убирайтесь прочь!—закричалъ Томъ Гордонъ.

— Нѣтъ, это мое дѣло,—отвѣтилъ Клайтонъ и, повернувшись къ одному изъ своихъ спутниковъ, сказалъ:

— Мистеръ Броунъ, вѣдь вы представитель мѣстной судебной власти.

Мистеръ Броунъ, цвѣтушій, толстенькій пожилой человекъ, выѣхалъ впередъ.

— Боже мой, это ужасно!—воскликнулъ онъ.—Мистеръ Гордонъ, прекратите это! Какъ вы осмѣлились на это? Ребята опомнитесь!

Въ это время Клайтонъ быстро соскочилъ съ лошади, подбѣжалъ къ дереву и обрѣзалъ веревки, которыми Диксонъ былъ привязанъ къ дереву. Отецъ Диксонъ упалъ безъ чувствъ.

— Какъ вамъ не стыдно!—воскликнулъ съ негодованіемъ Клайтонъ, оглядывая толпу.—Какое позорное дѣло! Вы—здоровые, сильные люди и цѣлой толпой нападаете на бѣднаго священника, зная прекрасно, что онъ не будетъ защищаться, и нападаете на женщинъ и дѣтей, которыя не могутъ защищаться.

— Ваше замѣчаніе относится и ко мнѣ?—спросилъ Томъ Гордонъ.

— Болѣе, чѣмъ къ кому другому,—отвѣтилъ Клайтонъ, смотря на него и выпрямляясь во весь свой высокій ростъ.

— Сэръ, это замѣчаніе требуетъ удовлетворенія.

— Вы можете получить удовлетвореніе, на какое имѣете право,—отвѣтилъ спокойно Клайтонъ.

— Такъ мы встрѣтимся съ вами, и вы отвѣтите за свое дерзкое замѣчаніе.

— Я вообще не дерусь на дуэляхъ,—сказалъ Клайтонъ,—но, если бы мнѣ и пришлось выйти на дуэль, то я согласился бы драться только съ равнымъ мнѣ человекѣмъ. Человекъ же, опустившійся до того, что производитъ насиліе надъ слабыми, женщинами и дѣтьми, этимъ самымъ исключаетъ себя изъ категоріи джентльменовъ. Что же касается васъ,—обратился онъ къ толпѣ,—то ваше поведеніе болѣе понятно: вы были такъ воспитаны. Я вамъ совѣтую разойтись, иначе всѣхъ васъ я привлеку къ суду.

Очень часто появленіе спокойнаго и сильнаго человекъ среди бушующей толпы производитъ магическое вліяніе. Смущенная толпа стояла въ нерѣшительности.

— Да, да,—сказалъ мистеръ Броунъ,—мистеръ Гордонъ, я вамъ совѣтую ѣхать домой; никто изъ насъ не долженъ нарушать порядка. А вы, ребята, достаточно пошумѣли. Оставьте старика въ покоѣ и разойдитесь. Вотъ возьмите и выпейте по рюмочкѣ въ лавкѣ Скинфлита.

— Ыдемъ, Томъ,—сказалъ Кайтъ, потянувъ Гордона за рукавъ,—будетъ съ насъ.

Томъ Гордонъ угрюмо отъѣхалъ въ сторону вмѣстѣ съ двумя своими собутыльниками. Но, отъѣзжая, онъ крикнулъ Клайтону:

— Мы скоро съ вами встрѣтимся опять!

Послѣ ихъ отъѣзда Клайтонъ со своими спутниками занялись несчастной семьей священника. Они внесли его жену въ комнату и положили ее на кровать. Отецъ Диксонъ скоро пришелъ въ себя и могъ уже сидѣть на стулѣ. Онъ пользовался широкой извѣстностью; многіе его уважали и пріѣзжіе выражать ему свои горячія симпатіи и сожалѣнія. Одинъ изъ нихъ, церковный староста той церкви, въ которую приглашали служить отца Диксона, захотѣлъ воспользоваться случаемъ для того, чтобы указать справедливость тѣхъ взглядовъ, которые онъ когда-то ему высказывалъ.

— Видите, отецъ Диксонъ, все случившееся доказываетъ, что я говорилъ вамъ правду. Вашъ способъ дѣйствія не годится, и вы теперь сами въ этомъ убѣдились. Если бы вы, какъ я вамъ говорилъ, удовольствовались только проповѣдью Евангелія и не затрагивали бы опасныхъ вопросовъ, то ничего бы не произошло. А вѣдь вся суть въ Евангеліи. Евангеліе постепенно окажетъ свое дѣйствіе и люди исправятся. Вѣдь мы живемъ въ особенной обстановкѣ; мы такъ же, какъ и вы сознаемъ зло рабства, оно тяготитъ наши души. Но что жъ дѣлать? Пока Провидѣніе допускаетъ это, мы должны быть терпѣливы и ждать, когда Господь внесетъ свѣтъ во тьму и установитъ здѣсь лучшій порядокъ.

— Но развѣ вы не знаете, — отвѣтилъ Диксонъ, — что ваша проповѣдь слова Божья до сихъ поръ не принесла никакой пользы и не уменьшила зла? Очень плохой признакъ, когда проповѣдь не вызываетъ протестовъ. Когда апостолы приходили куда-нибудь, то тамъ говорили о нихъ: «Эти люди перевернули здѣсь все вверхъ дномъ».

— Но вы должны обратить вниманіе на то, — сказалъ мистеръ Брунъ, — что нашъ штатъ находится въ особомъ положеніи. Наши негры совершенно невѣжественный народъ, легко воспламеняющійся, и всякая неосторожная проповѣдь можетъ привести къ ужаснымъ послѣдствіямъ. Все, что такъ или иначе затрагиваетъ вопросъ о неграхъ, возбуждаетъ страсти. Вотъ, напримѣръ, недавно въ Натвинѣ слушалось дѣло Дреслера; онъ ничего не говорилъ — даже не открывалъ рта, но слылъ аболіціонистомъ; когда же обыскали его чемоданы то нашли кое-какія рукописи, въ которыхъ высказывались взгляды о необходимости освобожденія негровъ. И что же? Какъ священники, такъ и церковные старосты присутствовали при томъ, какъ его били бичемъ, и всѣ находили, что такъ и слѣдуетъ. Я лично считаю, что они зашли слишкомъ далеко. Но у насъ такъ обстоитъ дѣло. Въ подобныхъ случаяхъ люди обыкновенно не разсуждаютъ, и трудно требовать, чтобы они оставались при этомъ спокойными. Помните, что царство Христово не отъ міра сего. И священникамъ надо помнить это. Развѣ вы не знаете, что за человѣкъ Томъ Гордонъ? Это ужасный человѣкъ, я бы не хотѣлъ придти съ нимъ въ столкновеніе. Если вы хотите проповѣдовать свои

доктрины, мистеръ Диксонъ, вы должны уѣхать изъ нашего штата. Конечно, мы не хотимъ стѣснять свободу слова и насиловать чью-нибудь совѣсть, но мы не можемъ дозволить, чтобы произносились зажигательныя проповѣди.

— Да,—сказалъ мистеръ Корнетъ, церковный староста, — главнымъ образомъ мы должны заботиться о мирѣ и спокойствіи.

— Развѣ вы не видите, господа,—сказалъ Клайтонъ,—что такимъ образомъ вы отдаете наше право на свободу слова въ руки уличной толпы. И Томъ Гордовъ будетъ предписывать, что можно говорить, а чего нельзя. И та палка, которая сегодня поднялась надъ головой отца Диксона, потомъ поднимется и надъ нашей головой. Правъ или неправъ отецъ Диксонъ, но вы должны поддержать его во имя свободы слова.

— Но вѣдь въ писаніи сказано,—замѣтилъ мистеръ Карнетъ,—если васъ преслѣдуютъ въ одномъ городѣ, потрясите прахъ отъ ногъ своихъ и идите въ другой городъ.

— Это было сказано,—замѣтилъ Клайтонъ,—о тѣхъ странахъ, гдѣ господствовалъ деспотизмъ и не было свободы слова. Но, чтобы законъ отступалъ передъ толпою—это ужасно. Мы подчинимъ себя болѣе страшному деспотизму, чѣмъ какой когда-либо существовалъ на свѣтѣ.

Но слова Клайтона пропадали даромъ; его слушатели ужъ слишкомъ сильно заботились о своемъ спокойствіи и боялись всякаго шума. Они встали и заявили, что имъ пора ѣхать.

Клайтонъ рѣшилъ остаться ночевать у отца Диксона, чтобы ободрить и утѣшить его смѣю и быть подъ рукою, если что-нибудь случится ночью.

На другой день Клайтонъ всталъ очень рано. И, къ своему удивленію, увидѣлъ, что Диксонъ и его семья, не смотря на все вынесенное прошлой ночью, имѣли бодрый и спокойный видъ.

— Меня удивляетъ,—сказалъ онъ,—что ваша жена была въ состояніи сегодня такъ рано встать.

— Тѣ, которые служатъ Господу, всегда имѣютъ въ себѣ достаточно силъ,—отвѣтилъ отецъ Диксонъ.—Намъ съ женою не разъ приходилось переживать тяжелыя времена. Но Богъ не покидалъ насъ, и мы не теряли бодрости.

Клайтонъ вспомнилъ своихъ блестящихъ городскихъ друзей, въ томъ числѣ и Франка; онъ сравнилъ ихъ съ этимъ добродушнымъ, простымъ человѣкомъ, и невольно подумалъ:

— Ибѣтъ, не слѣдуетъ терять вѣру въ человѣческую природу. Есть настоящіе люди, которые не гонятся за успѣхомъ и не покоряются неправдѣ.

— Что вы будете дѣлать дальше?—спросилъ Клайтонъ священника.— Вы прекратите проповѣдь въ этомъ штатѣ?

— Можетъ быть, если приду къ убѣжденію, что никто меня не

слушаетъ,—отвѣтилъ о. Диксонъ; но я не уйду изъ этого шгата, пока не потеряю окончательно надежды. Здѣсь все-таки есть люди, которые хотять меня слушать. Правда, они бѣдные и не видные люди, но я не покину ихъ.

Сердце каждаго человѣка въ рукахъ Божьихъ. Правда, зло велико, но мы должны съ нимъ бороться, и мой долгъ не уступать тираніи. И я ни за что не дамъ обѣщанія, связывающаго мои дѣйствія. Я останусь здѣсь, пока не приду къ убѣжденію, что Богъ не желаетъ этого.

— Какъ грустно,—сказалъ Клайтонъ,—что Сѣверная Каролина не оказываетъ вамъ должнаго покровительства. Но я надѣюсь, что, когда станутъ извѣстны всѣ подробности дѣла, то онѣ вызовутъ всеобщее порицаніе. Я поговорю съ моимъ дядей и вашимъ другомъ священникомъ Кашингомъ. Онъ теперь какъ разъ пріѣхалъ въ гости къ отцу своей жены въ городъ Е. Я сегодня же съѣзжу къ нему и поговорю обо всемъ. А теперь,—продолжалъ Клайтонъ, вставая,—позвольте мнѣ оставить кое-что на религиозную пропаганду, которую вы ведете.

Клайтонъ пожалъ руку Диксона и его жены и, оставивъ имъ довольно значительную сумму денегъ, сѣлъ на лошадь и отправился по направленію къ городу Е., куда и прибылъ черезъ нѣсколько часовъ. Пріѣдя къ Кашингу, онъ разказалъ ему всѣ обстоятельства дѣла.

— Это ужасно!—воскликнулъ Кашингъ,—куда мы идемъ? Намъ надо много, много молиться Богу. Когда наступаетъ врагъ, тогда нужно поднять высоко знамя Господа.

— Мнѣ кажется, милый дядя, что знамя Господа уже поднято тѣмъ человѣкомъ, надъ которымъ только что надругалась грубая толпа,—отвѣтилъ Клайтонъ.

— Меня удивляетъ, мой милый, что ты такъ волнуешься.

— Волнуюсь!..—воскликнулъ Клайтонъ,—и долженъ волноваться и вы должны волноваться. Честный человѣкъ мирно проповѣдуетъ необходимыя для насъ реформы, и его топчетъ толпа. А вы говорите, что нужно молиться. Что бы вы сказали о человѣкѣ, у котораго загорѣлся домъ, и онъ вмѣсто того, чтобы тушить пожаръ, сѣлъ бы и сталъ молиться Богу.

— Это не подходящее сравненіе,—отвѣтилъ Кашингъ.

— Нѣтъ, вполне подходящее. Нашему штату грозитъ опасность, что въ немъ будетъ господствовать законъ толпы. Мы всѣ должны бороться противъ этого, а не возлагать надежды на Бога. Если бы всѣ ваши священники возстали противъ этого, то они повліяли бы на свою паству—и зло могло бы быть остановлено.

— Я, конечно, готовъ сдѣлать что-нибудь для бѣднаго отца Диксона. Онъ такой хорошій человѣкъ. Но какъ онъ не остороженъ! Я предупредалъ его послѣдній разъ, когда писалъ ему. Сегодня же я напишу Баркеру и попрошу его, нельзя ли помѣстить статью объ этомъ ужасномъ дѣлѣ въ „Христіанскомъ свидѣлѣ“. Конечно, не надо будетъ упоминать именъ, но написать статью просто о правѣ свободы слова.

— Вы, дядя, напоминаете мнѣ,—отвѣтили Клайтонъ,—человѣка, который бросаетъ губку въ акулу, желая ее прогнать. Меня очень беспокоитъ судьба Диксона. Нѣтъ ли здѣсь въ городѣ церкви, въ которой онъ могъ бы служить?

— О, прихожане очень многихъ церквей желали бы имѣть его священникомъ,—отвѣтилъ Кашингъ,—если бы только онъ не проповѣдывалъ своихъ идей. Тогда бы онъ могъ обратить много душъ на правый путь.

— Какъ же бы онъ могъ обратить людей на правый путь, умалчивая о главномъ злѣ.

— Я не хочу сегодня вступать съ тобою въ споръ,—сказалъ Кашингъ,—я съѣзжу къ брату Диксону, я его очень люблю. Я бы хотѣлъ что-нибудь для него сдѣлать, но я боюсь, что это можетъ быть ложно истолковано.

Подъ вечеръ Клайтонъ, боясь за безопасность Диксона, рѣшилъ подъѣхать къ нему в еще разъ переночевать у него. Онъ взялъ съ собою пару пистолетовъ и отправился въ путь. Онъ выѣхалъ поздно вечеромъ, такъ что тьма захватила его по дорогѣ.

Проѣзжая по тропинкѣ близъ болота, онъ услышалъ за собою стукъ лошадиныхъ копытъ. Сзади къ нему подъѣхали три человѣка. Фхавшій впереди нанесъ ему резиновой тростью такой ударъ, что онъ свалился съ лошади. Но въ ту же минуту онъ вскочилъ на ноги и схватилъ лѣвой рукой свою лошадь за поводъ.

— Кто вы? И что вамъ нужно?—воскликнулъ Клайтонъ. Несмотря на наступавшую тьму, онъ замѣтилъ, что всѣ трое были въ маскахъ.

— Мы,—отвѣтилъ ему голосъ, который онъ не узналъ,—знаемъ, какъ слѣдуетъ расправляться съ людьми, оскорбляющими джентльменовъ и не дающихъ удовольствія.

— И мы умѣемъ,—заговорилъ другой голосъ,—расправляться съ измѣнниками-аболиціонистами, которые подкапываются подъ наши учрежденія.

— И,—сказалъ Клайтонъ, спокойнымъ голосомъ,—вы умѣете быть трусами, такъ какъ только трусы могутъ нападать втроемъ на одного и наносить ему ударъ сзади. Ну, что же, господа, продолжайте. Благодаря вашему первому удару, я не могу владѣть правой рукой. Но что же? Если вамъ нужны мой кошелекъ и мои часы, то воспользуйтесь случаемъ, поступайте подобно придорожнымъ разбойникамъ.

Оскорбительное презрѣніе, сквозившее въ тонѣ Клайтона, повидимому, привело въ бѣшенство третьяго человѣка, который до сихъ поръ ничего не говорилъ. Онъ произнесъ страшное проклятіе и ударилъ Клайтона палкой.

— Бейте человѣка, который не можетъ защищаться,—воскликнулъ Клайтонъ.—Такъ можетъ поступать только подлый трусъ, подобный вамъ, Томъ Гордонъ. Вы смѣлы только при нападеніи на беззащитныхъ женщинъ, на дѣтей и на проповѣдниковъ слова Божія!

Клайтонъ получилъ еще одинъ ударъ, который повергъ его на землю.

Томъ Гордонъ соскочилъ съ сѣдла и съ благородствомъ, свойственнымъ аристократамъ южной Королины, поднявъ палку, собираясь нанести еще ударъ. Въ это время ударъ, нанесенный чьей-то неизвѣстной рукой, сломалъ ему правую руку. Обезумѣвъ отъ боли, Томъ сталъ изрыгать проклятія, которыхъ мы можемъ не передавать нашимъ читателямъ. Въ это время послышался глухой голосъ, раздавшійся изъ кустовъ.

— Горе кровавому, лживому человѣку!

Раздался выстрѣлъ и пуля пролетѣла надъ головами замаскированныхъ людей, а изъ чащи раздался голосъ, который Томъ призналъ за голосъ Гарри.

— Берегись Томъ Гордонъ! Помни Гарка! И въ то же время надъ ихъ головами пролетѣла вторая пуля.

— Ёдемъ, идемъ скорѣе!—говорили замаскированные: ихъ тутъ цѣлая шайка, намъ лучше убраться по добру-по здорову. Къ тому же, у васъ сломана рука.

Они помогли Тому сѣсть на лошадь и бысто усаkali.

Какъ только они уѣхали, Гарри и Дрэдъ вышли изъ чащи. Послѣдній кое-что повималъ въ медицинѣ и хирургіи. Онъ немного приподнялъ Клайтона и, осмотрѣвъ его, воскликнулъ:

— Онъ не умеръ!

— Что мы будемъ съ нимъ дѣлать?—спросилъ, Гарри?—Не отвезти ли его въ хижину священника?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Дрэдъ. Тамъ его найдутъ филистимляне.

— Но до города Е. больше трехъ миль,—сказалъ Гарри,—и туда рискованно ѣхать.

— Незачѣмъ его туда везти,—сказалъ Дрэдъ,—мы возьмемъ его къ себѣ въ Энгеди, наши женщины будутъ ухаживать за нимъ, а когда онъ поправится, тогда пусть ѣдетъ, куда захочетъ.

XXXIV. Энгеди.

У читателей можетъ явиться вопросъ: какимъ образомъ убѣжище Дрэда, въ которое могли приходиться многіе негры изъ сосѣднихъ плантацій, не было до сихъ поръ открыто охотниками за неграми?

Во всѣхъ деспотическихъ странахъ угнетенная часть населенія изощряется въ искусствѣ хранить въ секретѣ свои дѣла. Кромѣ того, хотя и угнетенная, но работающая часть населенія обладаетъ большей физической силой, большей ловкостью и выносливостью, нежели господствующая часть, которая проводитъ свою жизнь въ праздности. И, конечно, въ южныхъ штатахъ преимущество физической силы было на сторонѣ угне-

тенной расы. Помимо того, жители болота прекрасно знали всѣ особенности его расположенія и умѣли пользоваться этимъ такъ же, какъ горные жители умѣютъ пользоваться особенностями своей горной мѣстности. Къ этому нужно прибавить, что тѣ, которые защищаютъ свою жизнь, всегда проявляютъ больше энергіи и находчивости, нежели тѣ, которые дѣйствуютъ только ради денегъ. Все это вмѣстѣ давало большое преимущество бѣглымъ неграмъ надъ охотниками за ними.

Становище Дрэда, какъ мы уже говорили, было окружено почти непроходимой топью сажень въ десять-пятнадцать шириною, и только въ одномъ мѣстѣ можно было пройти ее по поясъ въ водѣ. Это именно тамъ, гдѣ пробирался къ себѣ Дрэдъ, какъ было у насъ описано въ одной изъ предыдущихъ главъ.

Охотники за неграми обыкновенно изслѣдовали только окраины болотъ, а вглубь ходить не рисковали, и мѣсто, гдѣ было становище Дрэда, могло быть открыто только въ томъ случаѣ, если бы нашелся предатель среди лицъ, пользовавшихся довѣріемъ Дрэда. Но Дрэдъ обладалъ способностью распознавать людей, и всѣ люди, которымъ онъ оказывалъ довѣріе, были людьми вполне надежными.

Его религиозный энтузіазмъ и безусловная вѣра въ то, что онъ вдохновленъ самимъ Богомъ, внушала къ нему безусловное довѣріе со стороны тѣхъ негровъ, съ которыми онъ имѣлъ дѣло, и онъ вполне господствовалъ надъ ихъ умомъ и совѣстью. Онъ жилъ, какъ аскетъ, никогда не пилъ никакихъ крепкихъ напитковъ, ѣлъ очень мало и очень часто постился, по цѣлымъ днямъ не принимая никакой пищи.

Послѣ описаннаго нами собранія, когда заговорщики разошлись, Дрэдъ цѣлую ночь молился, прося Бога поспѣшить на помощь угнетеннымъ рабамъ.

Гарри также провелъ эту ночь безъ сна. Смерть Гарка страшно угнетала его. Онъ зналъ Гарка много лѣтъ, и тотъ былъ его совѣтникомъ и другомъ. Гарри было тяжело думать, что этотъ благородный и честный малый умеръ отъ пытки ради него. Гарри былъ въ такомъ настроеніи, что могъ бы сейчасъ принять участіе въ возстаніи. И онъ настаивалъ бы на томъ, чтобы произвести насколько возможно скорѣе какую-нибудь попытку въ этомъ родѣ, если бы надѣялся, что Дрэдъ послушаетъ его. Но Дрэдъ руководствовался только своимъ внутреннимъ голосомъ, онъ ждалъ знаменія Божія.

Товарищи Дрэда по заговору готовили на своихъ плантаціяхъ умы къ возстанію, а онъ самъ цѣлые дни бродилъ по болотамъ изъ одного конца въ другой для того, чтобы присутствовать на собиравшихся тамъ въ разныхъ мѣстахъ митингахъ. На этихъ митингахъ онъ горячо и энтузіазмомъ опровергалъ тѣ доводы въ пользу рабства, которые приводились церковной кафедрой нѣкоторые изъ священниковъ въ южныхъ штатахъ.

Однажды въ сумерки Гарри, выйдя изъ своей хижины, встрѣтилъ Дрэда, и тотъ сказалъ ему:

— Я думалъ о томъ, не начать ли дѣло скорѣе, какъ ты хочешь, но время еще не пришло. Намъ нужно подождать того дня, когда Богъ намъ дастъ приказаніе. Когда Господь Богъ предастъ ихъ въ наши руки, тогда каждый изъ насъ погонитъ передъ собой цѣлую тысячу враговъ, а двое обратятъ въ бѣгство десять тысячъ.

— Въ концѣ концовъ,—сказалъ Гарри,—надо признаться, что наше дѣло всплѣнъ безнадежно. Нѣсколько несчастныхъ человѣкъ, поставленныхъ внѣ закона, не имѣющихъ гдѣ преклонить свою голову, думаютъ выступить противъ тѣхъ, которые обладаютъ силой и властью. Кто во всемъ обширномъ государствѣ станетъ на нашу сторону? Кто не скажетъ: такъ и надо, когда насъ потащатъ на висѣлицу? Сѣверъ не лучше Юга. На Югѣ насъ убиваютъ, а Сѣверъ даетъ на это свое согласіе. Противъ насъ направлена ихъ сила, ихъ оружіе и ихъ религія. Мы—тѣ, которыми всякій готовъ пожертвовать. Любая церковная партія, любая политическая партія пожертвуетъ нами, если ей это будетъ нужно, и не задумается надъ этимъ. И когда я вижу, какъ они ѣздятъ въ великолѣпныхъ экипажахъ, когда я смотрю на ихъ дома, переполненные всякой роскошью, когда я встрѣчаю ихъ элегантныхъ и изящныхъ, топчущихъ ногами нашъ несчастный народъ, то я теряю вѣру въ Бога.

— Остановись!—воскликнулъ Дрэдъ, положивъ ему руку на плечо,—ихъ земля полна серебра и золота, ихъ богатства неисчислимы, у нихъ много лошадей и экипажей. Но придетъ время, говоритъ Господь, и гордый будетъ униженъ, и тотъ, кто былъ наверху, будетъ внизу. Когда Господь произнесетъ свое слово, тогда земля будетъ потрясена.

Помолчавъ нѣсколько минутъ, Дрэдъ заговорилъ снова:—Господь скрывается теперь и не даетъ намъ никакихъ указаній. Можетъ быть, не маѣ уждено вывести народъ изъ пустыни къ берегамъ Гордана. Можетъ быть, я сложу свои кости въ пустынѣ, но придетъ день, и Сынъ Человѣческой появится на небесахъ, и наступитъ Страшный Судъ. Я видѣлъ чернаго и бѣлаго духовъ, сѣжавшихся между собою въ воздухѣ. Громъ гремѣлъ, кровь текла рѣкою, и голосъ съ неба сказалъ: «Вы должны претерпѣть это!» Я много лѣтъ несъ на своихъ плечахъ возложенное на меня Богомъ бремя, Господь открылъ мнѣ глаза, и я видѣлъ все.

Въ это время надъ ихъ головами пролетѣлъ красивый бѣлый голубь, и, подымаясь къ небу, исчезъ въ солнечномъ свѣтѣ.

Дрэдъ замолчалъ и внимательно слѣдилъ за полетомъ голубя. На минуту угрюмое выраженіе его лица смѣнилось мягкимъ, нѣжнымъ, и онъ воскликнулъ:

— О, если бы я имѣлъ крылья голубя, я улетѣлъ бы туда, гдѣ вашель бы себѣ покой! Я скрылся бы отъ бурь и урагана! Я бы леталъ по пустынямъ!

Затѣмъ лицо Дрэда приняло снова суровое выраженіе, и онъ еще долго говорилъ, подражая пророкамъ. Гарри невольно поддавался чарующему вліянію его рѣчи; когда Дрэдъ кончилъ, Гарри, нѣсколько пріободрившись, пошелъ медленно на ту сторону поляны, гдѣ старый Тиффъ, Фани, Тедди и Лизета развели костеръ и приготовляли ѣду.

На слѣдующій день, возвращаясь послѣ охоты домой, Гарри и Дрэдъ случайно проходили мимо того мѣста, гдѣ было произведено нападеніе на Клайтона.

Клайтонъ, какъ мы уже сказали, получивъ ударъ по головѣ, упалъ безъ чувствъ.

Очнувшись, онъ почувствовалъ легкое дуновеніе вѣтра, увидѣлъ надъ собою синее небо, услышалъ пѣніе птицъ, перекликавшихся другъ съ другомъ, и чувствовалъ, какъ чья-то нѣжная рука перевязываетъ ему голову. Какъ въ туманѣ, видѣлъ онъ движущіяся фигуры женщинъ, которыхъ не могъ распознать.

Вскорѣ онъ опять на долгое время потерялъ сознаніе.

Гарри и Лизета освободили для него свою хижину, но такъ какъ въ это время стояла чудная октябрьская погода, то на цѣлые часы они выносили его на свѣжій воздухъ.

— Посмотри,—говорилъ Дрэдъ, обращаясь къ Гарри, когда они стояли и смотрѣли на лежавшаго безъ сознанія Клайтона,—посмотри, какъ Господь исполняетъ Свое слово. Онъ предастъ всякаго человѣка въ руки его сосѣда.

— Это такъ,—отвѣтилъ Гарри,—но вѣдь Клайтонъ хорошій человѣкъ и стоитъ за наши права. Если бы зависѣло отъ него, то мы бы давно уже давно свободны.

— Да,—сказалъ Дрэдъ,—но развѣ ты не знаешь, что говорилъ Господь: я пошлю къ вамъ пророковъ и мудрыхъ людей, и вы убьете ихъ. И вотъ, ты видишь, они хотѣли убить его, и Господь обрушится на это поколѣніе, покрытое кровью невинныхъ.

XXXV. Во имя закона.

Въ теченіе двухъ-трехъ дней послѣ полученія раны Томъ Гордонъ былъ въ такомъ же бѣшенствѣ, какъ раненая гiena. Онъ рвалъ и металъ. У него были тысячи капризовъ, смѣнявшихся каждую минуту. Несчастная дѣвушка, которая должна была ухаживать за нимъ, не знала ни минуты покоя.

Мили послѣ смерти своей госпожи отъ холеры попала въ составъ прислуги Тома. И теперь ее ежеминутно отрывали отъ работы, призывая наверхъ для того, чтобы она сдѣлала то или другое. Приказанія отдавались съ проклятіями.

Несмотря на нетерпѣніе и раздражительность, несмотря на презрѣніе, съ которымъ Томъ относился къ предписаніямъ доктора, онъ все-таки сталъ поправляться. Лежа въ бездѣйствіи, онъ обдумывалъ планъ, какъ бы отомстить всеѣмъ тѣмъ, противъ кого онъ былъ возстановленъ. Между прочимъ, онъ вспомнилъ объ Абиджѣ Скинфлитѣ, который продавалъ порохъ бѣглымъ неграмъ и тѣмъ былъ косвенной причиной несчастья, стрясагося надъ Томомъ. Было-ли это вѣрно или нѣтъ, этимъ не интересовались при примѣненіи закона Линча. Человѣка обвиняли, судили и приговаривали, согласно желанію сильнѣйшаго. Достаточно было Тому подумать, что Абиджи виновать—и дѣло было кончено.

Томъ Гордонъ зналъ, что Джимъ Стоксъ питаетъ вражду къ Абиджѣ, и онъ рѣшилъ этимъ воспользоваться. Первымъ выѣздомъ Тома изъ дома, когда онъ поправился, была поѣзда къ хижинѣ Абиджи Скинфлита, гдѣ онъ руководилъ разграбленіемъ имущества послѣдняго. Безъ всякой церемоніи разнесли по бревнамъ избушку и все разграбили. Толпа, выпивъ виски, находившуюся въ лавкѣ Абиджи, пришла въ веселое настроеніе, вымазала самого торговца дегтемъ, вывалила его въ перьяхъ, долго издѣвалась и насмѣхалась надъ нимъ, и, наконецъ, взявъ съ него подписку, что онъ въ теченіе трехъ дней выѣдетъ изъ штата Сѣверной Каролины, съ побѣдоносными криками разошлась по домамъ.

Черезъ нѣсколько дней въ газетѣ «Голосъ Свободы» появилась замѣтка по этому поводу подъ заглавіемъ: «Быстро осуществленное правосудіе».

Конечно, никто не жалѣлъ Абиджу. Да и Абиджа самъ съ удовольствіемъ продѣлалъ бы то же самое съ кѣмъ-нибудь изъ своихъ соперниковъ. Люди общества заявляли, что не слѣдуетъ допускать толпу расправляться такимъ образомъ съ отдѣльными гражданами, но въ душѣ многіе изъ нихъ были довольны. Толпа торжествовала, не понимая, что она воюетъ сама противъ себя. Ободренный первымъ успѣхомъ, Томъ Гордонъ рѣшилъ воспользоваться воинственнымъ настроеніемъ мѣстнаго сброда и устроить въ обширныхъ размѣрахъ облаву въ болотахъ—и тѣмъ удовлетворить свое чувство мести.

Первымъ дѣломъ онъ опубликовалъ объявленіе о томъ, что Гарри ставится внѣ закона. Приведемъ здѣсь это объявленіе:

„Штатъ Сѣверная Каролина, графство Шаванъ.

«Намъ, мировымъ судьямъ здѣшняго графства, принесена Томомъ Гордономъ жалоба, подтвержденная присягой, что принадлежащій ему рабъ, по имени Гарри, по профессіи столяръ, тридцати пяти лѣтъ, пяти футъ четырехъ дюймовъ ростомъ, крѣпкаго сложенія, съ синими глазами, съ широкимъ лбомъ, ушелъ со службы своего господина и теперь шатается по болотамъ, совершая тѣ или другія преступленія. Мы, нижеподписавшіе судьи, предписываемъ вышеозначенному рабу немедленно возвратиться къ своему господину, вмѣстѣ съ тѣмъ, на основаніи существующихъ законовъ,

мы объявляемъ, что, если вышеозначенный рабъ Гарри не возвратится къ своему господину немедленно же по опубликованіи этого постановленія, то предоставляется всѣмъ и каждому право убить и уничтожить вышеозначеннаго раба тѣмъ способомъ, который они найдутъ подходящимъ. Лицо или лица, уничтожившія этого раба, не должны подвергаться никакой отвѣтственности».

Подписали: *Джемсъ Т. Миллеръ.*

Т. Бетеркортъ.

Томъ Гордонъ рѣшилъ собрать возможно большую толпу сброда и охотниковъ за неграми для своей облавы. Онъ зналъ, что Джимъ Стоксъ пыталъ ненависть къ Гарри, а потому сообщилъ ему свой планъ и Стоксъ съ большимъ удовольствіемъ принялъ порученіе собирать людей для поимки Гарри.

И вотъ однажды утромъ у дверей дома Тома Гордона въ Кавендиш собралась толпа людей, которымъ въ настоящее время даютъ общее названіе „пограничныхъ разбойниковъ“. Всѣ были наполовину пьяны, ругались и произносили непечатныя проклятія.

Томъ Гордонъ самъ былъ похожъ на нихъ, онъ имѣлъ передъ ними преимущество, только благодаря своему богатству и большому образованію.

Онъ вышелъ на крыльцо, рука его еще лежала на перевязкѣ. Толпа передъ дверями въ эту минуту смѣялась, ругалась и пила виски, которое подавалось въ изобиліи. Здѣсь были и собаки, которыя предназначались для охоты за неграми. И нужно отдать справедливость, собаки вели себя лучше, чѣмъ ихъ хозяева. Томъ Гордонъ, стоя на верандѣ, посматривалъ на толпу съ видомъ генерала, осматривающаго свое войско передъ началомъ боя. Наконецъ, онъ обратился къ ней съ рѣчью:

— Слушайте, ребята, ваши имена уже начинаютъ приобрѣтать въ эту минуту известность. Вы уже порядочно поработали, вы хорошо проработали эту старую ворону Диксона и показали ему, какъ надо вести себя въ будущемъ. Вы показали также длинноносому Скинфлиту, что онъ шель по ложному пути.

Въ отвѣтъ раздался дружный хохотъ.

— Ха-ха-ха! Ха-ха-ха! — Мы ему показали! — Онъ не забудетъ.

— Да, вы дѣйствительно показали, — продолжалъ Томъ Гордонъ. Намъ не нужно было зажигать свѣчей въ эту ночь, чтобы обсуждать его грѣхи. Свѣтло горѣла его старая берлога. Было довольно свѣта, чтобы видеть все, что нужно. Не правда ли, мы устроили ему теплую одежду? Онъ ее не продастъ, она къ нему прилипла.

Разразился новый смѣхъ пьяной толпы и послышался голосъ.

— Жаль, что мы не подожгли эту одежду спичкой.

— Ну, на этотъ разъ мы сдѣлали вполне достаточно.

А вотъ теперь, если мы поймаемъ этихъ проклятыхъ волковъ въ болотѣ, вы сдѣлаете съ ними все, что угодно, никто вамъ не помѣшаетъ,

ни люди, ни законъ. Эти хитрыя лисицы уже давно надоѣдаютъ намъ, воруя все, что могутъ въ то время, когда мы спимъ. Мы заставимъ ихъ поплясать, когда поймемъ. А мы ихъ поймемъ навѣрное. Нѣтъ двухъ дорогъ изъ болота. Мы ихъ всѣхъ окружимъ, ребята, и заставимъ ихъ вылѣзти изъ болота, будьте въ этомъ увѣрены. Теперь, слушайте ребята, постарайтесь поймать Гарри живымъ. Но если это будетъ невозможно, тогда застрѣлить его, собаку,—я плачу полтораста долларовъ за его голову.

Въ отвѣтъ раздались радостные и одобрительные крики. Томъ съѣлъ верхомъ на лошади и во главѣ толпы отправился на охоту за неграми.

XXXVI. Смерть Дрэда.

Благодаря своей здоровой организаціи, свѣжему воздуху и внимательному уходу Лизеты и другихъ женщинъ, дня черезъ три Клайтонъ настолько оправился, что могъ уже сидѣть и наслаждаться окружающимъ его покоемъ и тишиной.

Клайтонъ заинтесовался Дрэдомъ, какъ особымъ психологическимъ типомъ. Сначала Дрэдъ мало говорилъ съ Клайтономъ и былъ очень сдержанъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ выказывалъ вниманіе и любезность по отношенію къ своему гостю. Но постепенно онъ сталъ вступать въ бесѣды съ Клайтономъ и многое ему рассказывалъ. Иногда онъ приходилъ и ложился около него въ тѣни и цѣлыми часами говорилъ то своимъ пророческимъ тономъ о будущемъ, то переходилъ на обыкновенный тонъ и говорилъ о болѣе обыденныхъ вещахъ.

Дрэдъ много путешествовалъ на своемъ вѣку. Онъ бродитъ по тѣмъ мѣстамъ, которыя мало доступны для человѣка. Онъ исходилъ не только всѣ обширныя болота, лежація недалеко отъ берега Атлантическаго океана, но не мало времени пробылъ въ лѣсахъ Флориды съ ихъ оригинальной тропической растительностью.

Онъ обошелъ также огромные пески, примыкающіе къ Атлантическому океану на югѣ Соединенныхъ Штатовъ. По этимъ мѣстамъ очень опасно путешествовать, такъ какъ временами наталкиваешься на выбучіе пески. Онъ цѣлые недѣли проводилъ въ пескахъ въ самодѣльныхъ шалашахъ, молился и постился, и въ завываніяхъ вѣтра ему слышались голоса, отвѣчавшіе на его вопросы.

Въ настоящую минуту онъ лежалъ на травѣ близъ хижины Гарри и велъ бесѣду съ Клайтономъ; Фани, Лизета и другія женщины на отдаленной части поляны собирали виноградъ, а Гарри съ другимъ бѣглецомъ ушли за провизіей, которую имъ должны были приготовить ихъ соучастники въ отдаленной части болотъ. Старый Тиффъ окапывалъ картофель невдалекѣ отъ хижины Гарри и, повидимому, со вниманіемъ прислушивался къ разговорю.

— Да, — говорилъ Дрэдъ, съ блескомъ въ глазахъ, свойственнымъ энтузіастамъ, — день славы еще не наступилъ, но онъ приближается. Теперь пока еще время воплей и стонровъ. Мнѣ это открыто было въ видѣніи въ то время, когда я въ теченіе трехъ недѣль жилъ въ выброшенномъ на берегъ кораблѣ, весь экипажъ котораго погибъ.

-- Довольно оригинальное убіжище, — замѣтилъ Клайтонъ, чтобы что-нибудь сказать.

— Духъ Божій привелъ меня туда, — отвѣтилъ Дрэдъ, — я молилъ Бога указать мнѣ будущее, и Богъ повелѣлъ мнѣ удалиться изъ мѣстъ, обитаемыхъ людьми, въ пустыню на берегу моря и жить въ разбитомъ кораблѣ, изображающемъ собою судьбу, которая постигнетъ людей. Я пошелъ туда и поселился тамъ. Богъ далъ мнѣ имя Амрафалъ и сказалъ мнѣ, что, какъ погибъ этотъ корабль отъ морской волны, такъ погибнетъ и нація угнетателей.

— Какимъ образомъ Господь указалъ тебѣ это? — спросилъ Клайтонъ.

— Мое ухо уловило въ ночной тиши все, что было нужно, — сказалъ Дрэдъ. Кромѣ того, Богъ установилъ, какъ знаменіе, приливы и отливы.

— Я не понимаю, — сказалъ Клайтонъ, — при чемъ тутъ приливы и отливы?

— Дѣло въ томъ, — отвѣтилъ Дрэдъ, что какъ каждый день приливъ несетъ воду на берегъ, и потомъ она стекаетъ обратно въ море, такъ и работа всѣхъ поколѣній уходитъ обратно до тѣхъ поръ, пока не наступитъ указанное время. При новой землѣ и небесахъ не будетъ моря.

— Итакъ, — сказалъ Клайтонъ, — ты вѣришь, что нынѣшніе небо и земля будутъ передѣланы наново.

— Я въ этомъ увѣренъ, — отвѣтилъ Дрэдъ, и тогда царь будетъ царствовать справедливо, онъ будетъ помогать нуждающемуся и бѣдному, онъ будетъ возсѣдать на бѣломъ облакѣ, и радуга будетъ увѣнчивать его, а избранные Богомъ будутъ королями и священниками на землѣ.

— И ты будешь однимъ изъ нихъ? — спросилъ Клайтонъ. Дрэдъ тяжело вздохнулъ и сказалъ:

— Не всякій, пророчествующій во имя Его, оказывается достойнымъ. Я спрашивалъ объ этомъ Господа, но онъ не далъ мнѣ отвѣта. Я не болѣе, какъ жезлъ Господа, которымъ онъ хочетъ отмстить своимъ врагамъ. Развѣ топоръ можетъ возвеличивать себя передъ тѣмъ, кто имъ владѣетъ?

Въ эту минуту разговоръ былъ прерванъ появленіемъ Гарри, который, соскочивъ съ дерева, торопливо подбѣжалъ къ нимъ, страшно взволнованный.

— Дьяволъ вырвался на свободу! — воскликнулъ онъ, — Томъ Гордонъ со всей своей шайкой производятъ облаву въ болотѣ. Болѣе безобразнаго, пьянаго сброда я никогда не видалъ. Они напали на слѣдъ Джима и гонятся за нимъ безнащадно.

— Голосъ Господень слышенъ въ пустынѣ, я пойду и спасу Джима.

Онъ схватилъ ружье и мѣшокъ съ патронами и черезъ нѣсколько минутъ скрылся изъ виду; Гарри инстинктивно сдѣлалъ движеніе слѣдовать за нимъ; Лизета съ плачемъ бросилась къ нему на шею.

— Не уходи, не уходи! воскликнула она, — что будетъ съ нами безъ тебя? Тебя навѣрное убьютъ, а ты не можешь тамъ принести никакой пользы.

— Обрати вниманіе, — замѣтилъ Клайтонъ, — что ты мало знакомъ съ болотомъ и не обладаешь нечеловѣческой силой, какъ Дрэдъ.

Въ этотъ день время проходило медленно и тоскливо. По временамъ преслѣдователи, очевидно, приближались къ ихъ мѣстамъ, были слышны выстрѣлы, лай собакъ и ругань людей. Затѣмъ все опять смолкало, и ничего не было слышно, кромѣ пѣнія птицъ, весело перекликавшихся между собою и не знавшихъ, въ какую бездну жестокости и преступленія иногда впадаетъ человѣкъ.

Незадолго до заката солнца послышался шумъ вѣтвей на дубѣ и внизъ соскочилъ Дрэдъ мокрый, перемазанный, измученный. Всѣ съ волненіемъ окружили его.

— Гдѣ Джимъ? — спросилъ Гарри.

— Убить, — отвѣтилъ Дрэдъ.

— Послышались восклицанія ужаса. Дрэдъ попытался сѣсть на землю, но потерялъ равновѣсіе и упалъ. Тогда всѣ замѣтили то, на что раньше не обратили вниманія — изъ его груди сочилась кровь. Его жена со стономъ упала рядомъ съ нимъ. Онъ приподнял свою руку и сдѣлалъ знакъ, чтобы она удалилась.

— Тише, — сказалъ онъ, — довольно, я иду свидѣтельствовать передъ Богомъ.

Всѣ стояли вокругъ него, охваченные ужасомъ и удивленіемъ. Клайтонъ первый пришелъ въ себя, сталъ на колѣни и попытался остановить кровь. Дрэдъ посмотрѣлъ на Клайтона, глаза его блестящими неестественнымъ свѣтомъ.

— Все кончено, — сказалъ онъ.

— Гарри, — обратился онъ къ послѣднему, положи меня тамъ, подъ высохшимъ дубомъ, и пусть Богъ ихъ отцовъ разсудитъ насъ съ ними.

Смерть Дрэда поразила, какъ громомъ, маленькую колонію бѣглецовъ въ болотѣ. Съ его смертью, какъ бы погибли всѣ ихъ надежды.

Несмотря на произведенную Томомъ Гордономъ облаву, на похороны Дрэда собрались многіе изъ тѣхъ, которые приходили къ нему ночью на совѣщаніе, такъ-что у могилы собралась небольшая толпа.

Среди присутствующихъ никто, казалось, не былъ такъ пораженъ горемъ, какъ Ганибалъ, съ которымъ мы познакомили читателя въ главѣ о заговорщикахъ. Ганибалъ былъ высокаго роста, смѣлый, умный негръ. Онъ принадлежалъ одному небогатому необразованному бѣлому, который его

эксплоатировалъ насколько только могъ. Ганибаль большею частью служилъ въ качествѣ перевозчика на паромѣ, принадлежащемъ его хозяину. Часы досуга онъ употреблялъ на то, чтобы пополнить свои знанія.

Ганибаль самъ выучился читать и писать, но хранилъ въ секретѣ свои познанія, такъ какъ зналъ, что если бы его хозяинъ узналъ о томъ, что онъ учится, то немедленно продалъ бы его, боясь, что негръ, ставъ умнѣе, сдѣлается строптивымъ,—и Ганибалу пришлось бы разстаться со своею семьей.

Тѣ, которые всегда имѣютъ подъ руками книги и могутъ читать ихъ, когда имъ угодно, не могутъ представить себѣ эту страстную любовь къ печатному слову, питаемую угнетеннымъ человѣкомъ, стремящимся къ знанію, добиваться котораго ему приходится украдкой.

Въ небольшомъ шалашѣ около парома были самымъ тщательнымъ образомъ запрятана Библия, Робинзонъ Крузо и нѣсколько номеровъ газетъ, случайно выпавшихъ изъ кармановъ переѣзжавшихъ на паромѣ пассажировъ. И вотъ, по ночамъ, заперевъ наглухо дверь, онъ при свѣтѣ лучины углублялся въ чтеніе. Онъ восхищался свободой, господствовавшей на необитаемомъ островѣ Робинзона, и мечталъ о томъ, какъ бы онъ тамъ жилъ со своей женой и дѣтьми. Онъ въ своемъ воображеніи охотился за козами, дѣлалъ изъ ихъ шкуръ одежды себѣ и своей семьѣ, обрабатывалъ почву и чувствовалъ себя свободнымъ человѣкомъ.

На душу такого человѣка Дрэдъ имѣлъ чарующее вліяніе, а чтеніе Библии пробуждало въ немъ высокое религиозное чувство и надежду на болѣе свѣтлое будущее. Онъ вѣрилъ, что Богъ, спасшій Израиля изъ Египта, въ лицѣ Дрэда послалъ пророка, который освободитъ негровъ изъ рабства. Дрэдъ былъ для него свѣтлымъ факеломъ надежды. И теперь этотъ пророкъ лежалъ холодный, бездыханный, потерявшій всю свою силу.

Приступили къ похоронамъ Дрэда. Изъ толпы вышелъ старикъ, часто замѣнявшій для негровъ священника, и запѣлъ любимый неграми гимнъ: «Вы живые люди подите сюда и посмотрите, какъ коротка человѣческая жизнь»...

Въ началѣ пѣнія Ганибаль стоялъ молча со скрещенными руками и упорно смотрѣлъ на безжизненное лицо Дрэда. Но мало по малу религиозное чувство охватило его, онъ поднялъ голову и принялъ участіе въ пѣніи. «Князья—эта глина будетъ вашей постелью, несмотря на то, что вы могучи и имѣете замки. И сильный и мудрый, и благочестивый—всѣ пойдутъ туда же»...

— Да, братья,—воскликнулъ Ганибаль,—теперь они торжествуютъ, но ихъ торжество окончится могилой, и мы слышимъ звонъ лопатъ, бросающихъ землю въ могилу. Ихъ поѣдятъ черви. А когда мы всѣ возстанемъ изъ гроба, то Богъ разсудитъ насъ съ нашими угнетателями, это должно служить намъ утѣшеніемъ. А теперь, братья, положимъ его въ

могилу и пусть его судить только тотъ, кто осмѣлится сказать, что онъ больше и лучше могъ сдѣлать, чѣмъ нашъ погибшій братъ.

Они подняли его тѣло, положили его въ могилу, которая скоро сравнялась съ землею. И всѣ разошлись съ грустными мыслями о предстоящемъ имъ будущемъ.

XXXVII. Приготовленія къ побѣгу.

Клайтонъ не былъ вполнѣ безучастнымъ зрителемъ всего, что происходило вокругъ него.

Правда, онъ не былъ посвященъ въ планы заговорщиковъ и не зналъ, существуетъ заговоръ или нѣтъ, но, наблюдая, что дѣлается кругомъ и прислушиваясь къ разговорамъ, онъ понялъ, что многіе изъ рабовъ, посѣщавшихъ Дреда и присутствовавшихъ на его похоронахъ, были въ крайнемъ возбужденіи и задумывали какое-то грандіозное и опасное дѣло. Онъ понималъ, что всѣ они неизбѣжно погибнутъ, если ихъ не остановить во-время. На другой день послѣ похоронъ онъ долго разговаривалъ съ Гарри, разговаривалъ съ нимъ мягко, какъ равный съ равнымъ. Онъ ему ясно доказалъ всю невозможность и бесполезность, при настоящихъ обстоятельствахъ, добиться силой какого-нибудь измѣненія въ положеніи рабовъ. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ совѣтовалъ Гарри бѣжать вмѣстѣ со своими товарищами въ свободные штаты и обѣщалъ оказать имъ содѣйствіе въ этомъ.

Человѣку, незнакому съ положеніемъ дѣлъ въ южныхъ штатахъ, трудно оцѣнить благородство и силу характера, которыми долженъ былъ обладать Клайтонъ, чтобы давать подобныя обѣщанія и подобныя совѣты. Ни одно преступленіе въ рабовладѣльческихъ штатахъ не преслѣдовалось такъ сурово, какъ оказаніе помощи побѣгу рабовъ и укрывательство ихъ. Того, кто обвинялся въ этомъ преступленіи, судили какъ за покражу негровъ и приговаривали къ долгому заключенію въ исправительной тюрьмѣ.

За оказаніе самой малѣйшей помощи бѣглымъ, за то, что человѣкъ пріютилъ даже на одну ночь бѣжавшаго раба или далъ ему пищи, многіе цѣлые годы томилась въ сырыхъ, нездоровыхъ тюрьмахъ и выходили оттуда съ разбитымъ на всю жизнь здоровьемъ. Въ этомъ случаѣ ничто не спасало: ни безупречная репутація, ни положеніе.

Но Клайтонъ, хотя и самъ рабовладѣлецъ, жившій все время среди рабовладѣльцевъ, обладалъ такимъ яснымъ умомъ и благороднымъ характеромъ, что не могъ не понять несправедливости положенія рабовъ. Въ немъ глубоко жила вѣра въ право каждаго человѣка на свободное существованіе. Кромѣ того, онъ понималъ, что въ настоящее время всякое возстаніе приведетъ только къ болѣе печальнымъ послѣдствіямъ, и потому гораздо полезнѣе было удалить изъ штата лицъ, которыя были склонны къ

возстанію, и которыя, благодаря энергіи и энтузіазму, могли произвести какую-нибудь отчаянную попытку въ этомъ направленіи.

Вскорѣ было рѣшено приготовить побѣгъ значительному количеству рабовъ. Гарри, по виду совершенно не отличавшійся отъ бѣлыхъ, взялъ на себя вести переговоры и сдѣлать нужныя приготовленія для побѣга. Деньги для этого были даны Клайтономъ.

Каждый годъ въ болотахъ жили большія партіи рабочихъ, рубившихъ лѣсъ. Они проводили тамъ цѣлые мѣсяцы. Большая часть этихъ рабочихъ были рабы, которыхъ нанимали у господъ лѣсопромышленники. Они пользовались относительной свободой. Они были обязаны въ определенное время заготавливать определенное количество лѣса, и работали безъ надсмотрщика. Благодаря этому, они были болѣе развитыми и самостоятельными людьми, нежели большинство рабовъ. Бѣглецы негры, жившіе въ болотѣ, поддерживали сношенія съ лагеремъ рабочихъ лѣсопромышленниковъ. Въ тяжелыя минуты они отъ нихъ получали провизію, а нѣкоторые изъ болѣе смѣлыхъ и развитыхъ лѣсопромышленныхъ рабочихъ посѣщали митинги, на которыхъ говорилъ Дрэдъ. Было рѣшено завести переговоры съ однимъ изъ рабовъ, управлявшимъ маленькимъ судномъ, на которомъ возили лѣсъ въ Норфолкъ и убѣдить его помочь бѣглецамъ.

Но послѣ нѣкотораго размышленія пришли къ убѣжденію, что такъ какъ число желающихъ бѣжать велико, то слѣдуетъ раздѣлиться на двѣ партіи.

Мили также рѣшила бѣжать ради своего маленькаго внука Томтита. Онъ оставался единственнымъ представителемъ ея потомства. Если бы не онъ, она бы и не подумала бѣжать, а терпѣливо переносила бы все, считая это выполненіемъ христіанскаго долга. Мили на все смотрѣла съ христіанской точки зрѣнія и она менѣе придавала значенія суровости режима, введеннаго Томомъ Гордономъ на плантаціи, нежели тому разврату и распущенности, которые начали господствовать при немъ среди населенія плантаціи.

Томтитъ веселый, красивый мальчикъ, сдѣлался любимцемъ своего новаго господина. Томъ Гордонъ всегда держалъ его при себѣ, баловалъ его и забавлялся имъ, какъ балуютъ и забавляются любимой собачкой. Для забавы онъ заставлялъ его пить и ругаться самыми ужасными ругательствами, что, конечно, окончательно могло погубить мальчика.

Напрасно Мили, которая свободнѣе разговаривала съ Томомъ Гордономъ, чѣмъ кто-либо другой изъ слугъ, протестовала по этому поводу. Томъ Гордонъ въ отвѣтъ или смѣялся, или ругалъ ее, смотря по настроенію. Тогда Мили рѣшила бѣжать, ради своего дорогого мальчика. Ей, можетъ быть, не удалось бы уговорить ребенка покинуть своего господина, если бы не произошла временная перемѣна въ судьбѣ мальчика. Томъ впалъ въ немилость. За какую то шалость Томъ Гордонъ жестоко избилъ его и бѣдный мальчикъ, дрожащій, избитый и обреченный, согласился на все.

Бъ всеобщему удивленію въ числу желающихъ бѣжать присоеди- нился любимый и довѣренный слуга Гордона, Джимъ. Характеръ этого челоуѣка представлялъ смѣсь смѣлости, ловкости, хитрости и комизма. Томъ Гордонъ его очень любилъ и баловалъ за то, что никто не умѣлъ такъ развлекать Тома, какъ Джимъ. У Джима въ карманѣ всегда были деньги и онъ могъ покупать все, что ему угодно. Онъ пользовался пра- вомъ говорить Тому все, что ему вздумается, въ комической формѣ, свой- ственной придворнымъ шутамъ.

Одинъ изъ заговорщиковъ выразилъ удивленіе, какъ это Джимъ, пользующійся такими обширными привилегіями, рѣшается бѣжать. На это Джимъ далъ такой своеобразный отвѣтъ:

— Дѣло въ томъ, братья, что мнѣ наскучило постоянно быть съ господиномъ. У меня теперь съ нимъ все общее, а мнѣ хотѣлось бы имѣть что-нибудь свое. Я не могу имѣть жепы, которая принадлежала бы мнѣ, а это очень неприятно.

Заговорщики повременамъ собирались по ночамъ въ лѣсу, около бслота для того, чтобы выработать необходимыя детали побѣга.

Джимъ пользовался свободой ходить, куда ему угодно, и не боялся, что его въ чемъ-нибудь заподозрятъ, такъ какъ у него всегда былъ наго- товѣ ловкій отвѣтъ; онъ былъ совершенно невѣрующимъ челоуѣкомъ, но часто ходилъ на религіозные митинги съ единственной цѣлью, чтобы потомъ въ комическомъ видѣ въ лицахъ изображать своему господину и его собу- тыльникамъ все, что тамъ происходило. И когда Томъ его спрашивалъ, гдѣ онъ былъ сегодня ночью, онъ обыкновенно отвѣчалъ, что ходилъ на рели- гіозный митингъ.

— Послушай, Джимъ,—сказалъ однажды утромъ Томъ, бывший въ особенно дурномъ настроеніи,—ты, повидимому, въ послѣднее время ничего не дѣлаешь, а только шляешься на религіозные митинги, мнѣ это не нра- вится, я этого не хочу, ты занимаешься какими-то пакостями и я положу этому конецъ: не смѣй больше ходить, или я тебѣ дамъ...

Мы не будемъ передавать, что обѣщалъ дать Томъ Гордонъ Джиму.

Несчастный Джимъ былъ въ затрудненіи. Сегодня ночью необходимо присутствовать на совѣщаніи въ лѣсу. Джимъ напрягъ всѣ свои усилія, чтобы, по возможности, развлечь своего господина. Никогда онъ еще не былъ такъ забавенъ, какъ сегодня—онъ пѣлъ, танцевалъ, пародиро- валъ проповѣди, изображалъ въ лицахъ, что дѣлается на митингахъ, осмѣи- валъ все святое и т. п. Для челоуѣка, неимѣющаго никакого дѣла, сидя- щаго цѣлый день сложа руки, такой челоуѣкъ былъ чистая находка.

Вечеромъ, лежа на кушеткѣ на верандѣ съ сигарой въ рукахъ, Томъ невольно подумалъ, какъ необходимъ для него Джимъ и что безъ Джима ему было бы тяжело жить, такъ какъ только тотъ одинъ умѣетъ развле- кать его. Джимъ съ своей стороны, замѣтивъ доброе расположеніе своего господина, попросилъ у него разрѣшенія отлучиться на часъ, и отпра-

вился въ лѣсъ на митингъ. Это былъ очень смѣлый шагъ, въ виду полученнаго имъ положительнаго запрещенія уходить въ лѣсъ. Но Джимъ рассчитывалъ на свою находчивость и, торопливо возвращаясь домой, чтобы успѣть къ тому времени, когда Томъ ложится спать, придумывалъ подходящія отвѣты на возможные вопросы своего господина.

На сегодняшнемъ совѣщаніи было рѣшено, что вся партія бѣглецовъ двинется сегодня ночью, между двумя и тремя часами для того, чтобы пройти первый этапъ.

На окраинѣ лѣса Джимъ, къ своему удивленію, очутился лицомъ къ лицу съ Томомъ Гордономъ.

— Ну, Господи, выручай меня, если ты только есть на свѣтѣ, — пробормоталъ Джимъ. — Надо выкручиваться.

И, набравшись смѣлости, онъ пошелъ на встрѣчу своему господину со свойственной ему комической важностью и увѣренностью.

— А, это ты, Джимъ! — сказалъ Томъ, — гдѣ ты пропадалъ? Я тебя искалъ.

— Господи благослови, мистеръ Томъ, я былъ на митингѣ.

— Развѣ я не сказалъ тебѣ, собака, — произнесъ Томъ, изрыгая проклятія, — чтобы ты не смѣлъ больше ходить на митинги.

— Помилуй Боже, господинъ Томъ, я все помню, что вы мнѣ сказали, — отвѣтилъ Джимъ, — но тамъ было такъ забавно и смѣшно, такая потѣха была тамъ.

Все это Джимъ говорилъ съ такими гримасами и такимъ комическимъ тономъ, что Томъ чуть не разсмѣялся, но, сдержавшись, продолжалъ сурово на него смотрѣть. Но лукавый негръ уже замѣтилъ благопріятное впечатлѣніе, произведенное имъ на своего господина, и продолжалъ уже съ большей самоувѣренностью:

— Я чуть не умеръ. Старый Помпъ говорилъ проповѣдь и столько нагналъ на меня святости, что если я не сдѣлаю теперь какой-нибудь пакости, то меня возьмутъ на небо, какъ взяли Илью. И кто тогда будетъ ухаживать за вами, мистеръ Томъ?

— Я не вѣрю, что ты былъ на митингѣ, — сказалъ Томъ, поглядывая на него съ дѣланною подозрительностью. Ты гдѣ-нибудь пьянствовалъ.

— Помилуй Богъ, мистеръ Томъ, вы оскорбляете мои лучшія чувства. Развѣ вы не видите, какъ лучи святости окружаютъ меня? Весь вечеръ меня набивали ею. Старый Помпъ такъ святъ, что подымается на воздухъ.

— Ты, конечно, не помнишь ни слова о томъ, что говорили? — спросилъ Томъ. На какой текстъ была проповѣдь?

— Я помню текстъ, — съ увѣренностью отвѣтилъ Джимъ, — шестнадцатый параграфъ двадцать четвертой главы Іерусалима.

— Ну, что тамъ говорится?

— Очень хорошо помню, — и онъ бросилъ на Тома лукавый взглядъ, —

ты будешь исцать меня утромъ и не найдешь, вотъ, на какой текстъ была проповѣдь,—сказалъ онъ многозначительнымъ тономъ.

На слѣдующее утро Тому припомнился этотъ текстъ, когда онъ съ ругательствами и проклятіями оборвалъ звонокъ, призывая Джима. Но Джимъ не появлялся.

Неблагодарная собака, которую онъ такъ баловалъ, которая имѣла все, что ей нужно, рѣшилась бѣжать отъ него.

Томъ поднялъ всю округу для преслѣдованія бѣжавшихъ рабовъ. На многихъ сосѣднихъ плантаціяхъ также не хватало многихъ рабовъ. Газета „Трибуна Свободы“ написала по этому поводу грозную статью, озаглавленную „Послѣдствія пропаганды аболиціонистовъ“. Въ этой статьѣ предлагалось произвести розыскъ лицъ, такъ или иначе сочувствующихъ аболиціонистамъ, и немедленно же принять противъ нихъ мѣры для того, чтобы принудить ихъ покинуть штатъ.

Для этого организовался комитетъ. Члены этого комитета посѣтили двухъ пользовавшихся уваженіемъ лицъ, получившихъ газету „Национальная Эра“ и предложили имъ немедленно же прекратить выписку этой газеты или покинуть штатъ. Когда же эти господа заявили, что они свободные граждане и будутъ отстаивать свою свободу, тогда имъ отвѣтили, что ихъ принудятъ покориться, а для этого сожгутъ ихъ амбары съ хлѣбомъ, угонятъ скотъ. А если и послѣ того они не покорятся, то можетъ случиться пожаръ, который уничтожитъ все ихъ имущество.

Томъ Гордонъ былъ организаторомъ и лидеромъ во всѣхъ этихъ дѣлахъ, онъ сильно подозрѣвалъ Клайтона въ томъ, что тотъ содѣйствовалъ побѣгу рабовъ и старался выслѣдить его сношенія съ бѣглецами съ усердіемъ хорошей ищейки.

Томъ Гордонъ не только не стыдился своего разбойничьяго нападенія въ лѣсу на Клайтона, но открыто хвасталъ этимъ. Онъ повсюду развѣзжалъ съ рукой на повязкѣ, какъ герой, пострадавшій за благородное дѣло, и получалъ комплименты отъ знакомыхъ дамъ за свое мужественное поведеніе.

Когда онъ убѣдился, что не сможетъ поймать бѣжавшихъ рабовъ, то вся его злоба направилась на Клайтона и онъ рѣшилъ направить всѣ усилія къ тому, чтобы возбудить негодованіе противъ Клайтона у сосѣднихъ съ Магноліей Гровъ плантаторовъ. Этого не трудно было достигнуть. Какъ мы видѣли выше, среди этихъ плантаторовъ уже проявлялось довольно сильное недовольство противъ нововведеній Клайтона и его сестры.

У Тома Гордона былъ товарищъ по школѣ, старшій сынъ одного изъ сосѣдей Клайтона. Этотъ молодой человекъ по своему характеру и привычкамъ вполне походилъ на Тома.

Узнавъ, что Клайтонъ поселился въ Магноліи Гровъ, Томъ Гордонъ успѣшилъ принять приглашеніе своего товарища погостить у него. Это какъ разъ соответствовало его цѣлямъ и планамъ.

XXXVIII Еще судъ Линча!

Клайтонъ поселился въ Магноліи Гровъ, гдѣ надѣялся возстановить свое разстроенное здоровье и немного набраться бодрости для дальнѣйшей борьбы за свои идеи. Съ нимъ поѣхалъ туда Франкъ Руссель.

Очевъ часто въ жизни любовь и привычка другъ къ другу двухъ друзей бываютъ настолько прочны, что дружба между ними нисколько не нарушается и тогда, когда жизненные ихъ пути расходятся. Франкъ Руссель ни за что не порвалъ бы своей дружбы съ Клайтономъ, онъ цѣнилъ и уважалъ въ немъ именно то, чего не хватало у него самого. Когда онъ услышалъ о томъ, что Клайтонъ боленъ, то пріѣхалъ къ нему и предложилъ сопровождать его на плантацію и всю дорогу ухаживать за нимъ съ пѣжностью и мягкостью преданнаго друга.

Клайтонъ со смерти Нины еще не видался со своею сестрою Анной. Они и теперь избѣгали говорить другъ съ другомъ о томъ, что тяготило ихъ души, не желая растревлять своихъ ранъ. Они оба искали покоя, но имъ не удалось найти его.

Присутствіе Тома Гордона на одной изъ сосѣднихъ плантацій стало оказывать свое вліяніе. Онъ содѣйствовалъ тому, чтобы скрытое, глухое недомогство Клайтонами вылилось въ опредѣленную форму. Онъ ѣздилъ въ гости на сосѣднія плантаціи и много говорилъ о вредѣ затѣи Клайтона. Онъ писалъ въ мѣстной газетѣ о необходимости наблюдать за тѣмъ, чтобы въ страну не проникалъ аболіціонизмъ. И уже черезъ нѣсколько недѣль ему удалось организовать наблюдательный комитетъ, поставившій себѣ цѣлью розыски скрытыхъ аболіціонистовъ.

Анна и ея братъ скоро убѣдились, что отношеніе сосѣдей къ нимъ измѣнилось: къ нимъ перестали ѣздить въ гости и не оказывали имъ прежняго вниманія.

Однажды Клайтону доложили, что къ нему пріѣхали четыре джентльмена, которые желаютъ съ нимъ поговорить. Спустившись внизъ, онъ засталъ въ гостиной своего ближайшаго сосѣда, судью Оливера, красиваго пожилого человѣка, принадлежащаго къ очень вліятельному семейству. Съ нимъ былъ мистеръ Бредшау, съ которымъ мы познакомили читателя въ одной изъ предыдущихъ главъ. Третьимъ былъ мистеръ Кнаппъ, очень богатый плантаторъ. Это былъ очень богатый, энергичный человѣкъ, бывший въ теченіе многихъ лѣтъ представителемъ своего штата на конгрессѣ.

По смущенному виду гостей было видно, что они пріѣхали по очень неприятному дѣлу.

Не такъ то легко приступить къ неприятному разговору со своимъ старымъ знакомымъ, который привялъ васъ очень любезно. Первое время гости вели самый обыкновенный разговоръ о погодѣ, о нынѣшнемъ урожаѣ и т. п., но вмѣстѣ съ тѣмъ постоянно переглядывались другъ съ другомъ, какъ бы въ нерѣшительности, кому изъ нихъ первому приступить къ

непріятному разговору. Наконецъ, судья Оливеръ, послѣ нѣкотораго колебанія, заговорилъ:

— Мистеръ Клайтонъ, намъ очень тяжело, что мы обязаны сообщить вамъ непріятную для васъ вещь, мы всё трое относимся съ большимъ уваженіемъ къ вашему семейству и къ вамъ. Я давно знаю и уважаю вашего отца и былъ очень радъ, когда узналъ, что вы тутъ поселитесь. Я не желалъ бы сказать вамъ что-нибудь непріятное, но все-таки я вынужденъ сказать вамъ, что въ вашихъ отношеніяхъ къ своимъ рабамъ вы нарушили законъ нашего штата. Вы хорошо знаете, что закономъ строго воспрещено обучать рабовъ чтенію и письму и это подъ страхомъ очень строгихъ наказаній. Мы всегда относились снисходительно къ нарушенію этого закона въ отдѣльных частныхъ случаяхъ. Но вы устроили правильную систему обученія въ обширныхъ размѣрахъ. Этого мы не можемъ допустить и мы рѣшили, если вы не прекратите обученіе и не закроете своихъ школъ, примѣнить законъ во всей его строгости.

— Я думаю,—сказалъ Клайтонъ,—что въ моемъ родномъ штатѣ этотъ варварскій законъ не болѣе, какъ устарѣлая реликвія и не примѣняется у насъ, считающихъ себя христіанами. Я началъ составлять свои планы въ полной увѣренности, что не вызову неудовольствія своихъ сосѣдей.

— Вы глубоко ошибались,—сказалъ мистеръ Кнаппъ рѣшительнымъ тономъ,—когда предполагали, что этотъ законъ можетъ стать у насъ мертвой буквой. Этотъ законъ необходимъ для охраненія нашего имущества и для безопасности нашихъ семействъ. Если негритянское населеніе получить нѣкоторое образованіе, то разрушится вся наша система хозяйства. Они и такъ уже, благодаря непосредственнымъ сношеніямъ съ нами, настолько развились, что съ ними довольно трудно управляться. И я совершенно несогласенъ съ судьей Оливеромъ, что можно относиться снисходительно къ отдѣльнымъ случаямъ обученія довѣренныхъ слугъ. Обратите вниманіе на возстаніе въ Чарльстонѣ, когда рабы чуть не вырѣзали все населеніе города. Кто возбудилъ это возстаніе? Именно эти наиболее развитые и благонравные изъ рабовъ, которымъ хозяева, по обыкновенію, даютъ образованіе. Мой отецъ былъ тогда однимъ изъ судей и онъ говорилъ, что среди вождей возстанія не было ни одного, который не пользовался бы безупречной репутаціей. Кромѣ того, всё вожди умѣли писать и читать. Они умѣли хранить всё секреты и отъ нихъ нельзя было добиться выдачи соучастниковъ. Они всё умерли, никого не выдавъ. И это должно показать, на что они способны.

— Неужели, господа, вы думаете,—сказалъ Клайтонъ, что люди, обладающіе такой энергіей и такими способностями, не сумѣютъ сами научиться тому, чему вы запрещаете ихъ учить? И, конечно, тогда они свои знанія употребятъ противъ васъ. Вы должны принять во вниманіе, господа, какъ совершенно вѣрно указалъ мистеръ Кнаппъ, что, приходя ежедневно

лъ соприкосновеніе съ нами, они невольнo кой-что отъ насъ заимствуютъ и развиваются. И въ нихъ все болѣе и болѣе возрастаетъ стремленіе къ дальнѣйшему развитію. И всякія препятствія, которыя мы будемъ ставить имъ въ достиженіи знанія, будутъ только бесполезно раздражать ихъ. Лучшимъ средствомъ противъ возстанія, по моему мнѣнію, это всеобщее систематическое обученіе рабовъ; тогда, благодаря нашей высшей культурѣ, мы приобрѣтемъ вліяніе на ихъ умы. Когда же они достаточно разовьются, то мы должны дать имъ человѣческія права.

— Нѣтъ,—воскликнулъ мистеръ Кнаппъ,—стукнувъ тростью по полу, мы не откажемся отъ своей власти, мы должны се держать твердо въ своихъ рукахъ и не должны допускать, чтобы рабы подняли свою голову. Съ своей стороны я не допускаю даже устнаго религіознаго обученія, это заставляетъ ихъ думать и стремиться къ дальнѣйшему. Я противъ чтенія имъ Библіи, такъ какъ Библія очень опасная книга, она вызываетъ очень опасныя стремленія.

— Вы сами не замѣчаете,—сказалъ Клайтонъ,—какую ужасную систему управленія вы предлагаете.

— Ничего не подѣлаешь,—отвѣтилъ мистеръ Кнаппъ,—здѣсь идетъ вопросъ о милліонахъ и милліонахъ собственности, и нужно держаться той системы, которая обезпечивала ее. Но я еще хотѣлъ спросить васъ, мистеръ Клайтонъ, правда ли, что вы получаете по почтѣ зажигательныя брошюры? Этого мы не можемъ допустить.

Краска бросилась въ лицо Клайтону, глаза его загорѣлись и онъ откинулся на спинку кресла.

— По какому праву, кто бы это ни былъ, смѣетъ наблюдать за тѣмъ, что я получаю по почтѣ, развѣ я не свободный человѣкъ!

— Нѣтъ, сэръ,—сказалъ мистеръ Кнаппъ,—вы не пользуетесь свободой ставить въ опасное положеніе вашихъ сосѣдей, вы не имѣете право складывать у себя взрывчатый матеріалъ, когда рядомъ съ вами живутъ другіе люди. Мы считаемъ, что государство обязано наблюдать, чтобы подозрительныя лица не имѣли секретныхъ сношеній съ опасными людьми въ штата.

— Мнѣ кажется,—вмѣшался судья Оливеръ,—что мистеръ Кнаппъ въ своемъ увлеченіи зашелъ слашкомъ далеко. Я увѣренъ, что мистеръ Клайтонъ самъ убѣдится въ разумности нашей просьбы и не будетъ выписывать зажигательныхъ брошюръ.

— Я никакихъ зажигательныхъ брошюръ не получаю,—отвѣтилъ мистеръ Клайтонъ,—я дѣйствительно выписываю газету, ратующую противъ рабства, издающуюся въ Вашингтонѣ, но я считаю своимъ долгомъ выслушать обѣ стороны въ этомъ вопросѣ.

— Вотъ видите,—сказалъ Кнаппъ,—всю невыгоду обучать своихъ рабовъ грамотѣ. Если бы они не могли читать получаемыхъ вами газетъ, то намъ было бы все равно, что вы выписываете. Но разъ они могутъ

прочеть ваши газеты и распространить опасныя идеи среди нашихъ рабовъ, то мы этого не желаемъ допустить.

— Вы должны обратить вниманіе, — сказалъ судья Оливеръ, — что иногда приходится поступиться кое-какими личными правами для общаго блага. Я самъ просматривалъ эту газету, о которой вы говорите, и долженъ признаться, что она ведется очень добросовѣстно, но въ нашемъ особомъ положеніи чтеніе ея рабами очень опасно и поэтому я никогда не держу ее у себя въ домѣ.

— Зачѣмъ же тогда, — сказалъ Клайтонъ, — вы не закроете всѣ ваши собственныя газеты. Вѣдь въ нихъ печатаются рѣчи, которыя говорятся по поводу 4 июля, дня провозглашенія независимости штатовъ. Тамъ печатаются рѣчи сенаторовъ, весьма зажигательнаго характера. Да и вся наша исторія есть не болѣе, какъ стремленіе къ освобожденію, и вамъ слѣдовало бы уничтожить всю литературу для того, чтобы мысль о свободѣ не могла проникнуть къ рабамъ.

— Вотъ вы видите, — воскликнулъ мистеръ Кнаппъ, — какъ опасно обучать рабовъ грамотѣ.

— Дѣйствительно, опасно, — сказалъ Клайтонъ, — если предполагать, что рабы должны на вѣки остаться рабами.

— Они вѣчно должны остаться рабами! — воскликнулъ съ волненіемъ мистеръ Кнаппъ, — и мы не допустимъ даже разговоровъ объ ихъ свободѣ.

— Въ такомъ случаѣ, — сказалъ Клайтонъ, — вы будете бороться съ самимъ Богомъ.

— Нѣтъ, — воскликнулъ мистеръ Кнаппъ, — тутъ не затрогивается вопросъ о человѣческой свободѣ, они не люди, они низшая раса, предназначенная служить другимъ.

— Зачѣмъ же вы не научите ихъ тогда читать Библію? — спросилъ Клайтонъ.

— Оставимъ споръ, мистеръ Клайтонъ, — сказалъ мистеръ Кнаппъ, — мы пріѣхали къ вамъ, какъ друзья, предупредить васъ, и если вы насъ не послушаете, мы не отвѣчаемъ за послѣдствія. Если вы не думаете о себѣ, то подумайте о вашей сестрѣ.

— Меня это удивляетъ, — сказалъ Клайтонъ, — я думалъ, что здѣсь уважаютъ дамъ и моей сестрѣ нечего бояться.

— Возбужденіе и озлобленіе такъ велико, и такъ легко можетъ перейти въ открытое нападеніе, — сказалъ судья Оливеръ, — что съ этимъ нельзя не считаться. И мы, въ случаѣ чего, не будемъ въ состояніи сдержать выраженіе негодованія толпы.

— Послушайте, мистеръ Клайтонъ, — сказалъ Бредшау, который до сихъ поръ не произнесъ ни слова, — если бы вы перестали выписывать аболиціонистскую газету и обѣщали закрыть свои школы, то намъ, можетъ быть, удалось бы постепенно успокоить общественное мнѣніе.

— Господа, — отвѣтилъ Клайтонъ, — вы спрашиваете у меня слишкомъ

много, но если я нарушаю законъ и этотъ законъ остается въ силѣ, то я не вижу другого выхода, какъ выѣхать со всѣми своими рабами, передъ которыми я несу нравственную отвѣтственность, въ другую мѣстность, гдѣ я смогу продолжать свое дѣло.

— Намъ будетъ очень жаль, если вы будете вынуждены такъ поступить. Во всякомъ случаѣ, я увѣренъ, что вы понимаете, что мы руководствовались въ данномъ случаѣ самыми лучшими мотивами и дѣйствовали по необходимости.

— Необходимость—доводъ тираніи,—сказалъ Клайтонъ улыбувшись.

— Но очень сильный доводъ,—сказалъ судья Оливеръ,—во всякомъ случаѣ я очень радъ, что мы поняли другъ друга, и, можетъ быть, мнѣ удастся успокоить нашихъ болѣе молодыхъ сосѣдей и они не исполнять своихъ угрозъ.

Поговоривъ немного о постороннихъ вещахъ, гости уѣхали, а Клайтонъ пошелъ посоветоваться съ сестрой и Франкомъ Русселемъ.

Анна пришла въ страшное негодованіе, услышавъ рассказъ брата, и она была готова продолжать то, что начала, не обращая ни на что вниманіе, она не боялась за себя. Но за нее боялся Клайтонъ: онъ уже видѣлъ, какъ толпа справлялась съ нежелательными ей людьми, и не могъ безъ ужаса подумать, что нѣчто подобное могли бы продѣлать съ его сестрой.

— Если такъ, — сказала Анна съ негодованіемъ,—то лучше уже открыто признать, что у насъ нѣтъ ни свободы печати, ни свободы слова, ни свободы совѣсти.

— Дѣло въ томъ,—сказалъ Франкъ,—что въ нашей республикѣ, какъ и въ древней Венеціи, правитъ не демократія, а олигархія. А толпа изображаетъ грубую силу. За нами всѣми наблюдаютъ такъ же, какъ въ Венеціи наблюдалъ Совѣтъ Десяти. Мы пользуемся свободой до тѣхъ поръ, пока дѣлаемъ только то, что имъ нравится. Если же мы идемъ противъ нихъ, то тогда намъ грозитъ петля на шею. Эти господа пріѣхали вамъ заявить, что они не отвѣчаютъ за послѣдствія, къ которымъ можетъ привести озлобленіе толпы. Но это озлобленіе они же вызываютъ, потому что только ихъ и интересуетъ то, что вы дѣлаете—вы затрагиваете интересы только крупныхъ землевладѣльцевъ. Толпа—орудіе въ ихъ рукахъ. И когда они говорятъ объ озлобленіи толпы, то они этимъ хотятъ сказать: «Если вы, милостивый государь, не будете осторожныѣе, то я выпущу на васъ своихъ собакъ, и не отвѣчаю за послѣдствія».

— И вы называете это свободой?—спросила Анна съ негодованіемъ.

— О!—воскликнулъ Руссель,—свобода—это пустое слово. Мы говоримъ о свободѣ потому, что это пріятно звучитъ. Но въ дѣйствительности мы всегда являемся рабами чего-нибудь или кого-нибудь. Никто не былъ свободенъ, кромѣ Робинзона Крузе на необитаемомъ островѣ. И Робинзонъ Крузе разрывалъ свое платье на куски, чтобы поднять сигналъ,

призывая приходящія суда къ себѣ на помощь для того, чтобы они опять свезли его туда, гдѣ онъ вновь станетъ рабомъ того общества, въ которомъ жилъ.

— Нѣтъ,—горячо возразила Анна,—я вѣрю, что есть свобода, которая возбуждала благородный энтузіазмъ у всѣхъ народовъ во всѣ времена.

— Это не болѣе, какъ красивая легенда,—сказалъ Руссель,—а если посмотришь поближе, то всякій понимаетъ свободу по-своему. Онъ признаетъ свободу только для себя, для своей націи,—для своего класса. Свобода хороша для тѣхъ, которые въ данную минуту находятся наверху, и очень непріятна для тѣхъ, которые находятся внизу.

— Такъ невозможно говорить, это невѣроятно,—воскликнула Анна,—со слезами на глазахъ.—Я знаю, что есть благородныя души, которыя стремятся добиться свободы не для себя, а для всѣхъ и видятъ въ каждомъ человѣкѣ своего брата, который долженъ пользоваться тѣми же правами, какъ и они. Они борются не за свою свободу, не за нашу свободу, а за самый принципъ свободы.

— Если это довести до логическаго конца,—отвѣтилъ Руссель,—то придется уничтожить всю прошлую работу всего міра. Но оставимъ это. Меня теперь больше интересуетъ ваше положеніе. Томъ Гордонъ въ настоящее время гдѣ-то здѣсь по сосѣдству и я боюсь, чтобы не было произведено какого-нибудь насилія. Каждую минуту онъ можетъ привести сюда буйную толпу. И чтобы они здѣсь не продѣлали, вы не получите удовлетворенія. Ваши пріятель, очень приличные господа, будутъ сидѣть сложа руки и приговаривать: «Бѣдный малый, вѣдь мы его предупреждали!» А другіе будутъ очень довольны и скажутъ: «Такъ ему и надо».

— Я думаю,—сказалъ Клайтонъ,—что въ настоящую минуту намъ гсчего бояться насилія. Эти господа обѣщали мнѣ.

— Если Томъ Гордонъ что-нибудь предпринимаетъ,—то они скоро убѣдятся, что рѣшили безъ хозяина. Здѣсь есть нѣсколько молодыхъ людей, которые повсюду пойдутъ за нимъ; и всегда можно собрать какую угодно толпу изъ босяковъ, напоивъ ихъ пьяными.

Событія показали, что Руссель былъ правъ. Спальня Анны была расположена на задней сторонѣ дома и противъ ея оконъ какъ разъ находилась школа.

Около часу ночи ее разбудилъ сильный свѣтъ. Она вскочила съ постели, подбѣжала къ окну и увидѣла, что школа объята пламенемъ. И въ то же время до нея донеслись крики грубыхъ голосовъ и странный смѣшанный шумъ, производимый стучомъ другъ о друга сквородъ, кастрюль, трубныхъ звуковъ и т. п. По временамъ раздавался веселый хохотъ пьяной толпы и слышались проклятія и ругательства.

Нѣсколько пріидя въ себя, Анна быстро одѣлась, и въ это же время раздался стукъ въ дверь, вошли Клайтонъ и Руссель. Оба были нѣсколько блѣдны.

— Не бойся,—сказалъ Клайтонъ, обнявъ сестру рукою,—я пойду поговорю съ ними.

— Ты этого не сдѣлаешь,—сказалъ рѣшительно Франкъ Руссель,—теперь не время проявлять героизмъ. Эти люди обезумѣли отъ водки и злобы. Ихъ специально вооружили противъ тебя и твое появленіе еще больше раздражитъ ихъ. Я пойду. Я знаю ихъ языкъ и умѣю съ ними говорить. Бромъ того, моя совѣсть не помѣшаетъ мнѣ сказать все, что придетъ мнѣ въ голову. И вы увидите, какъ вся эта толпа пойдетъ за мною, куда я ее поведу. Ты, Клайтонъ, оберегай Анну до моего возвращенія, я, можетъ быть, возвращусь не ранѣе утра. Я ихъ всѣхъ увлеку къ Мугенсу и они тамъ такъ перепьются, что часа четыре не смогутъ стоять на ногахъ.

Говоря это, Франкъ быстро переодѣвался. Онъ надѣлъ старое, потерятое пальто, повязалъ шею краснымъ платкомъ, надѣлъ на голову старую шляпу, принадлежащую одному изъ слугъ, которую онъ нашелъ въ передней и, тихонько выскользнувъ изъ дверей, пробрался въ самую гущу толпы, окружавшей горящее зданіе. Онъ вскорѣ, къ своему удовольствію, убѣдился, что Тома Гордона не было тамъ.

— Это хорошо,—сказалъ онъ самъ себѣ,—и, вскочивъ на широкій пень дерева, обратился съ рѣчью къ окружавшей толпѣ. Онъ умѣлъ говорить на жаргонѣ, понятнымъ толпѣ. Онъ обладалъ талантомъ развлечь и разсмѣшить какихъ угодно людей и вскорѣ вся толпа собралась вокругъ него и покатывалась со смѣху. Онъ похваливалъ ихъ храбрость, ловко льстилъ имъ и въ мѣстѣ съ тѣмъ смѣшилъ ихъ. И вскорѣ они совершенно подчинились ему и съ криками торжества подъ его предводительствомъ отпраздновали свою побѣду въ кабакъ Мугенса, находившіяся верстахъ въ двухъ отъ плантаціи Клайтона. Вѣрный своему слову, Франкъ оставался съ ними до тѣхъ поръ, пока они окончательно не перепились.

Франкъ возвратился домой около девяти часовъ утра и засталъ Анну и Клайтона за утреннимъ завтракомъ.

— Послушай, Клайтонъ,—сказалъ онъ, садясь рядомъ съ нимъ,—я хочу поговорить съ тобою серьезно,—ты разбить на всѣхъ пунетахъ. Твои планы о постепенномъ освобожденіи рабовъ и объ улучшеніи ихъ положенія—безнадежны. Если ты хочешь освободить своихъ рабовъ, то долженъ послать ихъ въ Либерию или въ сѣверные штаты. Лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ еще можно было мечтать о чемъ-нибудь въ этомъ родѣ. Теперь совѣмъ другое время. Въ настоящее время открылись новыя области, въ которыхъ мѣжеть быть примѣненъ рабскій трудъ: цѣна на рабовъ повысилась. И никто не согласится ихъ откупать.

— Глотка сѣверянь,—продолжалъ Франкъ послѣ минутнаго молчанія,—заткнута хлопкомъ, и они довольны своимъ положеніемъ и спокойно спятъ на своихъ подушкахъ. Точно такъ же и добродушные господа на югѣ спокойно почиваютъ. Если кто-нибудь нарушитъ ихъ сонъ, то они меланхолически замѣчаютъ ему: «сэръ, не вмѣшивайтесь въ чужія дѣла». Но

есть и фанатики на югъ—мы имъ не мѣшаемъ. Они работаютъ за насъ. Они собираютъ пьяные толпы для того, чтобы усмирить безпокойнаго священника или выжать изъ города неприятнаго редактора. Въ конгрессъ мы посылаемъ такихъ людей, которые умѣютъ выполнить для насъ грязную работу.

— Если бы на сѣверѣ,—сказалъ въ заключеніе Франкъ,—сильное общественное мнѣніе высказалось бы въ твою пользу, тогда, можетъ быть, несмотря на всѣ препятствія, ты достигъ бы чего-нибудь. Но этого нѣтъ. Большинство и тамъ имѣетъ общіе интересы съ нами, за исключеніемъ нѣсколькихъ фанатиковъ, похожихъ на тебя. И ты долженъ ясно понять, что ничего не добьешься, а только потопишь самъ себя.

— Хорошо,—сказала Анна,—пусть будетъ такъ. Уѣдемъ изъ этого штата куда-нибудь въ другое мѣсто. Но я буду продолжать то, что начала и вѣрю въ успѣхъ.

XXXIX Побѣгъ.

Какъ мы уже сказали выше, бѣглецы должны были раздѣлиться на двѣ партіи. Гарри, Лизета и Тиффъ съ дѣтьми бѣжали вмѣстѣ. Они ѣхали, какъ одно зажиточное семейство. Гарри изображалъ отца, Лизета—няньку, а Тиффъ—слугу. Благодаря полученнымъ отъ Клайтона деньгамъ, они могли обставить свою повздку довольно прилично, нигдѣ не вызвавъ ни малѣйшаго подозрѣнія къ себѣ.

Въ Норфолькѣ они сѣли на небольшой корабль, идущій въ Нью-Йоркъ.

Никогда Гарри не чувствовалъ себя такимъ счастливымъ, какъ въ то время, когда онъ на кораблѣ подъ распущенными парусами несся по направленію къ Нью-Йорку.

Но недалеко отъ Нью-Йорка совсѣмъ перемѣнилась погода. Синее небо почервѣло, море покрылось высокими волнами, и маленькій корабль бросало изъ стороны въ сторону.

Когда начался сильный вѣтеръ, вскорѣ перешедшій въ бурю, Лизета и дѣти, перепуганные, плакали отъ страха. Старый Тиффъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы утѣшить ихъ. Усѣвшись на полу каюты и раздвинувъ для устойчивости ноги, онъ обнялъ обоихъ дѣтей и напоминалъ имъ о томъ, что миссъ Нина читала имъ о штормѣ на озерѣ Генисаретскомъ, о томъ, какъ Иисусъ спалъ на кормѣ лодки и его не хотѣли разбудить, какъ Онъ проснулся и усмирилъ бурю; такъ будетъ и съ нами,—закончилъ Тиффъ.

— О, пусть его скорѣе разбудятъ,—воскликнулъ маленькій Тедди съ плачемъ.—Я ужасно боюсь этого шума и треска. Почему Онъ не усмиряетъ бурю?

Къ ночи буря еще усилилась и страшно свирѣпствовала. Ужасы подобной ночи могутъ быть понятными только тѣми, кто ихъ переживалъ.

Корабль бросало, какъ щепку. Слышался трескъ дерева, волны со страшной силой ударили въ борта корабля, который каждый разъ вздрагивалъ. Эта ночь наводила ужасъ на опытныхъ матросовъ, что же сказать о нашихъ бѣглецахъ.

Наступило утро и всѣ убѣдились въ своемъ отчаянномъ положеніи. Корабль несло къ берегу, пользовавшемуся дурной репутаціей среди моряковъ. Вскорѣ раздался страшный трескъ, корабль наскочилъ на подводный камень и каждую минуту волны переливали черезъ него. Всѣ выбѣжали наверхъ, спускали одну лодку за другой и всѣхъ ихъ перевертывало. Наконецъ, удалось спустить послѣднюю лодку, тогда всѣ бросились на нее, какъ на единственное средство спасенія. Въ этомъ случаѣ людьми руководствуетъ чувство самосохраненія, и они забываютъ обо всемъ остальномъ. Лодка быстро наполнилась матросами, которые, какъ сильнѣйшіе и наиболѣе ловкіе, первые успѣли занять мѣста. На палубѣ остались только Гарри, Лизета и Тиффъ съ дѣтьми.

— Садитесь! — крикнулъ торопливо капитанъ, схвативши за руку Лизету, стоящую возлѣ него. Лизета попала въ лодку.

— Ради Бога! возьмите дѣтей! — воскликнулъ Тиффъ, мнѣ тамъ не хватить мѣста, но это ничего не значитъ, ты, Гарри, позаботишься о нихъ, продолжалъ онъ, толкая Гарри къ шлюпкѣ.

Гарри инстинктивно прыгнулъ въ шлюпку, за нимъ туда попали дѣти, капитанъ соскочилъ послѣдній — шлюпка была переполнена.

— О, возьмите Тиффа! — кричали дѣти, протягивая руки къ своему старому другу.

— Отчаливай, ребята, шлюпка переполнена, — закричала дюжина голосовъ.

Шлюпка отвалила и понеслась среди, какъ бы кипящей, воды, то подымаясь наверхъ, то опускаясь внизъ.

Тѣ, которые смотрѣли назадъ, видѣли, какъ огромныя зеленыя волны ударили въ покинутый корабль, который долженъ былъ въ концѣ концовъ разбиться въ дребезги.

Наконецъ, шлюпка благополучно пристала къ берегу. На берегу ихъ ждала огромная толпа народу, которая приняла большое участіе въ несчастныхъ измокшихъ и иззябшихъ путешественникахъ. Ихъ отвели въ ближайшіе домики, тамъ ихъ согрѣли, накормили и дали сухую одежду.

Больше всего симпатіи и вниманія вызывали къ себѣ дѣти. Многочисленныя матери приносили разныя принадлежности одежды, и скоро ихъ гардеробъ былъ переполненъ, но ничто не могло ихъ утѣшить въ потерѣ своего друга. Напрасно ихъ старались успокоить, предлагая имъ кѣки и и разныя лакомства. Они сидѣли обнявшись и горько плавали.

Тиффъ былъ такъ преданъ дѣтямъ и такъ безпрерывно заботился о

нихъ, что емъ не предствлялось возможнымъ прожить одинъ день безъ него.

Они вскочили и ничѣмъ нельзя было ихъ удержать. Они бѣгали по берегу, надѣясь встрѣтить его, но ихъ поиски были тщетны. Наконецъ, Гарри, который ихъ сопровождалъ, удалось привести ихъ обратно въ комнату.

— Слушай, Фани,—сказалъ Тедди, когда они лежали въ постели,— какъ ты думаешь, Тиффъ попалъ на небеса?

— Конечно, онъ тамъ,—отвѣтила Фани,—кто же будетъ тамъ, если не Тиффъ.

— Какъ ты думаешь, онъ скоро придетъ за нами?—спросилъ Тедди,— онъ вѣдь не захочетъ тамъ быть безъ насъ.

— Не знаю, право, — отвѣтила Фани, — но я бы хотѣла пойти туда, на этомъ свѣтѣ такъ грустно.

Поговоривъ такимъ образомъ, дѣти, наконецъ, з.снули со слезами на глазахъ. Но въ давномъ случаѣ оправдалась старая поговорка «вечеромъ слезы, утромъ радость». Рано утромъ Тедди вскочилъ на своей постели и разбудилъ свою сестру. Съ радостнымъ крикомъ Фани вскочила черезъ тонкую перегородку, отдѣлявшую комнату отъ кухни, до нея донесся знакомый смѣхъ Тиффа.

Дѣти быстро одѣлись и выбѣжали въ кухню.

— Господи, благослови; вотъ они, мои милые! Хо-хо-хо,—не помня себя отъ радости, хохоталъ Тиффъ. Дѣти съ радостнымъ крикомъ бросались къ нему на шею.

— О, Тиффъ, какъ мы рады, что ты пришелъ. Мы боялись, что ты утонулъ, и думали объ этомъ всю ночь.

— Нѣтъ, нѣтъ, Господь благословилъ. Вы не избавитесь отъ Тиффа такъ скоро; онъ все время будетъ съ вами, пока вы не подрастете.

— Какъ ты спасся, Тифъ?

— Господи Боже мой, я и самъ не знаю. Я обратился къ Богу и сказалъ ему: „Господи, я не забочусь о себѣ, но я не могу оставить дѣтей однихъ, они такіе маленькіе“. Онъ, вѣроятно, послушалъ меня и помогъ мнѣ. Когда обрушилась на корабль большая волна, она смыла меня и выбросила прямо на берегъ; но я потерялъ дыханіе и ничего не помню. Люди нашли меня на берегу и взяли къ себѣ въ домъ. Они были очень добры ко мнѣ и ухаживали за мной, согрѣвали меня, давали мнѣ пить; я заснулъ и проснулся только сегодня утромъ. И вотъ, пришелъ къ вамъ, дѣтки. И замѣтите, дѣтки, Богъ выручилъ насъ уже семь разъ изъ бѣды, и теперь наступитъ для насъ счастливое время.

Пророчество Тиффа отчасти оправдалось, такъ какъ вскорѣ добрые люди пріютили ихъ у себя въ Нью-Йоркѣ. Тамъ они могли отдохнуть и возстановить свои силы.

Черезъ нѣкоторое время прибыла въ Нью-Йоркъ и другая партія бѣглецовъ, во главѣ которой стоялъ Ганибалъ.

Гарри, благодаря покровительству друзей, скоро нашелъ себѣ хорошее мѣсто, обеспечивающее его съ женой. Мили со своимъ внукомъ и старый Тиффъ наняли вмѣстѣ маленькій домикъ. Мили получила мѣсто въ кондитерской въ качествѣ пирожницы и зарабатывала достаточно, чтобы обеспечить существованіе всей компаніи, а Тиффъ взялъ на себя всѣ домашнія работы.

Года черезъ два произошло событіе, совершенно измѣнившее положеніе дѣтей. У Фаниной матери была тетка, старая дѣва, по фамилии Пейтонъ, очень богатая и скупая. Она перессорилась незадолго до смерти со всѣми своими родными и, на зло имъ, сдѣлала духовное завѣщаніе въ пользу дѣтей своей племянницы, матери Фани и Тедди.

Адвокатъ, въ рукахъ котораго было это дѣло, производилъ розыскъ наслѣдниковъ и, между прочимъ, написалъ Клайтону. Клайтонъ немедленно принялъ всѣ мѣры, чтобы удостовѣрить личность дѣтей, и они вскорѣ были введены во владѣніе. Фани въ это время было уже двѣнадцать лѣтъ, и она выбрала своимъ попечителемъ Клайтона. Клайтонъ помѣстилъ Фани въ женскій пансіонъ, а Тедди былъ помѣщенъ въ мужскую школу.

Тиффъ былъ на верху блаженства. Я всегда зналъ, — говорилъ онъ, — что дѣти миссъ Сю добьются счастья, что Богъ имъ поможетъ.

Самъ Клайтонъ, послѣ долгихъ соображеній, наведя тщательныя справки, купилъ обширный кусокъ земли въ той части Канады, гдѣ климатъ болѣе мягокъ, перевезъ туда своихъ рабовъ и основалъ тамъ небольшое поселеніе ¹⁾.

Клайтонъ такъ хорошо повелъ свое дѣло, что мѣстные фермеры, относившіеся съ недовѣріемъ къ его затѣямъ и боявшіеся, что онъ навезетъ къ нимъ массу нежелательнаго народа, вскорѣ убѣдились, что, благодаря предпріятіямъ Клайтона, цѣны на ихъ продукты почти удвоились.

Школы, основанныя Клайтономъ и его сестрой, приобрѣли большую популярность, и мѣстные фермеры посылали туда своихъ дѣтей, гдѣ бѣлые и черные дѣти учились вмѣстѣ.

Анна Клайтонъ во время одной изъ своихъ поѣздокъ въ Нью-Гемпширъ встрѣтилась съ Ливіей Рей, о которой слышала много отъ Нины. Она съ нею очень сдружилась, и онѣ часто ѣздили другъ къ другу въ гости. Клайтонъ въ первый же пріѣздъ къ нимъ Ливіи Рей узналъ въ ней ту даму, которую онъ встрѣтилъ въ тюрьмѣ въ Александріи. Онъ очень съ нею подружился. И чѣмъ эта дружба кончилась, мы представляемъ каждому изъ читателей рѣшить по-своему.

Среди фермъ, устроенныхъ Клайтономъ, наиболѣе другихъ процвѣтала ферма Ганибала. Его старшій сынъ уже переводитъ Цезаря и иногда чи-

¹⁾ Этотъ фактъ взятъ изъ дѣйствительной жизни. Нѣкто мистеръ Кинчъ перевезъ всѣхъ своихъ рабовъ въ Южную Канаду и устроилъ тамъ цвѣтущее поселеніе.

таеть отрывки своихъ переводовъ отцу, который въ большѣмъ отъ этого восторгѣ.

Нашъ старый пріятель Джимъ, не утративъ ничего изъ своей веселости, усердно занимается хозяйствомъ на своей фермѣ, женился на хорошей, работающей женщинѣ, и его дѣла процвѣтають. Онъ съ негодованіемъ вспоминаеть о томъ времени, когда разыгрывалъ роль шута у Тома Гордона.

XL Эпилогъ.

Какъ-то, много лѣтъ спустя, Клайтону пришлось быть въ Нью-Йоркѣ.

Клайтонъ никогда не пріѣзжалъ въ Нью-Йоркъ безъ того, чтобы не зайти къ Мили и не передать ей маленькихъ посылокъ отъ ея друзей, жившихъ въ устроенныхъ Клайтономъ поселеніяхъ въ Канадѣ.

Мили, по ея словамъ, видѣла такъ же ясно, какъ и прежде, и силы ея не уменьшились.

На этотъ разъ Клайтонъ нашелъ ее въ маленькомъ чистенькомъ домикѣ на окраинѣ города. Она была окружена цѣлой дюжиной дѣтей, среди которыхъ были черные и бѣлые, американцы и иностранцы. Всѣхъ этихъ дѣтей она подобрала на улицѣ, пріютила у себя и заботилась о нихъ съ нѣжностью матери.

— Господь, благослови васъ, сэръ,—воскликнула Мили, увидя входящаго Клайтона.—Какъ я рада, что мнѣ пришлось еще разъ повидать васъ. Какъ поживаетъ миссъ Анна?

— Очень хорошо, Мили. Она послала тебѣ эту маленькую посылочку. Тамъ ты найдешь кое-что отъ Гарри, Лизеты и отъ кой-кого изъ другихъ нашихъ общихъ друзей, которые живутъ въ нашихъ мѣстахъ. А что это? Откуда у тебя всѣ эти дѣти? Неужели это все твои?

— Да, сэръ, мои и Божьи. Это моя вторая дюжина. Первую дюжину я уже хорошо размѣстила, и они славно поживаютъ. Я иногда обхожу ихъ всѣхъ для того, чтобы посмотреть на нихъ и порадоваться.

— Ну, а что, Томтитъ? Какъ онъ поживаетъ?

— О, Томтитъ хорошо устроился. Благодарю васъ, сэръ,—отвѣтила Мили.—Онъ сталъ совсѣмъ христіаниномъ и присоединился къ церкви. Теперь онъ служить въ конторѣ антирабовладѣльческой лиги и работаетъ очень хорошо.

— Я вижу,—сказалъ Клайтонъ,—что у тебя здѣсь и бѣлые, и черные дѣти живутъ вмѣстѣ. Ты пріютила тѣхъ и другихъ.

— Господи, Боже мой,—воскликнула Мили, поглядывая съ веселымъ видомъ на дѣтей.—Я не дѣлаю различія между дѣтьми по цвѣту ихъ кожи. Я не вѣрю въ то, что одни отличаются отъ другихъ. Бѣлые дѣти, если ихъ не портятъ, нисколько не хуже черныхъ. И я тѣхъ и другихъ люблю одинаково.

— Но тебѣ, должно быть, очень тяжело такъ много работать на старости лѣтъ.

— Господи, Боже мой, я хочу пользоваться деньгами, которыя зарабатываю. А ихъ я зарабатываю много. У меня силъ еще хватить,—прибавила она, засмѣявшись.

— Я надѣюсь устроить не только эту дюжину, но выкормить и слѣдующую. Это утѣшаетъ мое сердце. Я знаю, какъ тяжело было моимъ бѣднымъ дѣтямъ, когда ихъ отнимали у меня. Мнѣ такъ тяжело было думать о нихъ. И чѣмъ старше я становлюсь, тѣмъ тяжелѣе вспоминать объ этомъ. Вотъ я и начала воспитывать другихъ дѣтей—и мнѣ стало легче. Я всѣхъ ихъ зову своими дѣтьми. Теперь у меня очень много дѣтей ¹⁾.

Надо сказать читателю, что Мили, поселившись въ Нью-Йоркѣ, подбирала заброшенныхъ уличныхъ дѣтей и воспитывала ихъ на свой скудный заработокъ поденщицы. Когда дѣти подростали, она находила имъ подходящія мѣста. Такимъ образомъ она воспитала до сорока человекъ дѣтей.

Когда Клайтонъ пріѣхалъ по дѣлу въ Бостонъ, то онъ вскорѣ получилъ письмо, написанное красивымъ женскимъ почеркомъ. Это письмо было отъ Фани. Она благодарила его за все то, что онъ сдѣлалъ для нея и для ея брата и просила его пріѣхать къ нимъ провести у нихъ нѣсколько дней. Они жили недалеко отъ города.

На другой день Клайтонъ въ восемь часовъ утра выѣхалъ изъ города, направляясь къ своимъ старымъ друзьямъ. Ѣхать ему пришлось среди красивой мѣстности мимо полей, усѣянныхъ цвѣтами, по прекрасной дорогѣ, по сторонамъ которой возвышались высокіе тополи.

Подѣхавъ къ станціи **, онъ спросилъ, какъ ему проѣхать въ имѣніе Фани, и вскорѣ уже подѣзжалъ къ небольшому коттеджу въ готическомъ стилѣ, окруженному цвѣтущими деревьями. Портикъ впереди дома опирался на кедровые столбы, вокругъ которыхъ красовались чудные кусты розъ въ полномъ цвѣту. Отъ портика шелъ мостикъ черезъ небольшую канаву, а тамъ почти сейчасъ же начинались оранжереи, примыкавшія къ дому.

Одѣтая въ бѣлое, легкая, женская фигурка выбѣжала на мостикъ въ ту минуту, какъ Клайтонъ вступилъ на него.

Можетъ быть, читатели узнаютъ въ этомъ лицѣ, обрамленномъ темными волосами, большіе голубые глаза нашего стараго друга маленькой Фани. Но, если они не узнаютъ ее, то, навѣрное, узнаютъ веселый смѣхъ—Хо—хо—хо!—стараго Тиффа, который, одѣтый въ черный сюртукъ, слѣдовалъ за своей госпожей.

— Господи благослови, мистеръ Клайтонъ, какъ радуются мои глаза,

¹⁾ Этотъ фактъ взятъ авторомъ изъ жизни. Въ тѣ времена въ Нью-Йоркѣ хорошо знали негритянскую женщину, называвшуюся теткой Кетя, которая въ молодости была рабыней, а потомъ, освободившись, поселилась въ Нью-Йоркѣ и устроила тамъ первую воскресную школу для заброшенныхъ уличныхъ дѣтей.

что вновь смотрятъ на васъ. И такъ, вы пріѣхали навѣстить миссъ Фани въ ея собственномъ имѣніи. Она теперь занимаетъ то мѣсто, которое ей слѣдовало по праву. Старый Тиффъ зналъ это всегда. Тиффъ предвидѣлъ, что Богъ постоитъ за ея права. И онъ постоялъ за нее. Хо-хо-хо!

— Да,—сказала Фани,—но мнѣ иногда кажется, что я и на половину такъ не радуюсь всему происшедшему, какъ дядя Тиффъ. Да, ему пора немножко отдохнуть. Онъ довольно поработалъ на насъ. Не правда ли, дядя Тиффъ.

— Поработалъ, Благослови Господь вашу душу. Конечно, поработалъ,—сказалъ Тиффъ, заливаясь веселымъ смѣхомъ.—Да, поработалъ. За то теперь у меня мало дѣла, и я дожилъ до того, что вижу плоды своей работы. Развѣ это неправда? мистеръ Тедди сталъ высокимъ, красивымъ молодымъ человѣкомъ и учится въ университетѣ. Только подумать объ этомъ. Господи, Боже мой, какъ онъ ловко умѣетъ читать по-латыни. Здѣсь хорошо—кругомъ живутъ приличныя семьи, по большей части принадлежащія къ старымъ виргинскимъ фамиліямъ. Миссъ Фани со всѣми ими знакома и за панибрата.

Фани привела Клайтона въ домъ и, оставивъ его въ столовой, ушла наверхъ переодѣться.

Тиффъ возился съ подносомъ, устранивая на немъ фрукты и кѣби. Очевидно, это служило только предлогомъ, чтобы остаться въ комнатѣ.

Какъ только Фани ушла, Тиффъ съ таинственнымъ видомъ подошелъ къ двери, заглянулъ въ нее и, убѣдившись, что дѣвушка уже поднялась наверхъ, подошелъ къ Клайтону и тронулъ его за рукавъ съ такимъ видомъ, какъ будто бы онъ хотѣлъ сообщить ему глубочайшую тайну.

— Объ этомъ не слѣдуетъ гозорить громко,—началъ онъ,—я страшно беспокоился послѣднее время, но все, благодаря Бога, окончилось благополучно. Я убѣдился, что онъ вполне подходящій человѣкъ. Онъ настоящій джентльменъ и принадлежитъ къ одной изъ лучшихъ и наиболѣе старыхъ фамилій штата. А эти фамиліи ничѣмъ не хуже старыхъ виргинскихъ фамилій. Она сможетъ за него выйти замужъ.

— Какъ его фамилія?—спросилъ Клайтонъ.

— Руссель,—отвѣтилъ Тиффъ, для предосторожности приерывъ ротъ рукою, когда онъ громкимъ шепотомъ произносилъ имя.—Онъ сегодня будетъ здѣсь, такъ какъ мистеръ Тедди пріѣзжаетъ сегодня домой и привезетъ его съ собою. Пожалуйста, мистеръ Клайтонъ, не показывайте виду, такъ какъ миссъ Фани, какъ и ея покойная мама, сейчасъ же сконфузится и покраснѣетъ, какъ маковъ цвѣтъ, если замѣтитъ что кто-нибудь на нее смотреть. Посмотрите мистеръ Клайтонъ на это,—продолжалъ Тиффъ вытаскивая изъ кармана футляръ съ очками. Раскрывъ футляръ, онъ торжественно вынулъ большіе очки въ золотой оправѣ и показалъ ихъ Клайтону.

— Это онъ подарилъ мнѣ. Я надѣваю ихъ по воскресеньямъ, когда сажусь читать Библію.

— Какъ!—воскликнулъ Клайтонъ,—неужели ты научился читать?

— Нѣтъ, мистеръ Клайтонъ, я не могу сказать, чтобы я научился читать по настоящему,—отвѣтилъ Тиффъ,—но я научился узнавать лучшія слова въ Библии: Христосъ, Господь, Богъ и другія. И когда они толсто напечатаны, я ихъ хорошо узнаю.

Мы не будемъ утомлять читателя подробнымъ описаніемъ, какъ прѣшелъ этотъ день въ уютномъ домикѣ Фани, какъ прѣхалъ Тедди изъ колледжа—высокій, красивый малый,—какъ онъ, чтобы сдѣлать удовольствіе Тиффу, произносилъ греческія и латинскія фразы. Тиффъ приходитъ въ неописанный восторгъ и считалъ, что Тедди самый ученый человѣкъ на свѣтѣ.

Не будемъ говорить и о томъ, какъ вмѣстѣ съ Тедди прѣхалъ высокой, красивый, молодой человѣкъ, только что окончившій университетъ. И о томъ какъ Фани, покраснѣвъ, дрожащимъ голосомъ рассказала своему бывшему попечителю свой маленькій секретъ, и какъ она, подобно всѣмъ другимъ молодымъ дѣвушкамъ, спросила у него совѣта по тому дѣлу, которое ею уже было рѣшено раньше.

Не будемъ рассказывать и о томъ, какъ черезъ три мѣсяца послѣ того Клайтонъ, Анна и Ливія Рей присутствовали на свадьбѣ и видѣли торжество Тиффа.

Въ послѣдній разъ мы видѣли Тиффа во всемъ его величіи. Онъ торжественно и важно шелъ съ золотыми очками на носу и везъ маленькую дѣтскую колясочку, въ которой лежала маленькая, розовая миссъ Фани. И онъ всѣмъ и каждому, кто только хотѣлъ слушать, заявлялъ, что это настоящая Пейтонъ.

К о н е ц ъ .

Приложенія.

I.

Авторъ г-жа Бичеръ-Стоу въ доказательство того, что ея романъ основанъ на дѣйствительно жизненныхъ фактахъ, приводитъ нѣсколько документовъ въ концѣ книги. Между прочимъ, выдержки изъ показаній, данныхъ Натомъ Тернеромъ, бывшимъ однимъ изъ вождей во время возстанія въ 1831 году въ графствѣ Саусъ Гемптонъ. Часть этихъ выдержекъ мы приведемъ здѣсь и читатель увидитъ нѣкоторое сходство между Дредомъ и Натомъ Тернеромъ.

«Мнѣ минулъ тридцать одинъ годъ въ октябрѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года. Я родился рабомъ Бенжамена Тернера, живущаго въ этомъ графствѣ.

Въ дѣтствѣ произошло со мною небольшое приключеніе, которое имѣло огромное вліяніе на всю мою жизнь. Я былъ еще совсѣмъ маленькимъ ребенкомъ, мнѣ тогда было не болѣе четырехъ лѣтъ. И вотъ, однажды, играя съ дѣтьми, я началъ рассказывать какую-то исторію. Моя мать слышала, какъ я рассказываю и пришла въ изумленіе. Она сказала, что то, о чемъ я рассказываю, произошло нѣсколько лѣтъ до моего рожденія. Она стала спрашивать меня. Я дополнилъ свою исторію нѣкоторыми подробностями, которыя вызвала еще большее изумленіе.

Моя мать позвала другихъ слугъ. Они заставили меня повторить рассказъ. Я повторилъ его со всѣми подробностями. И всѣ пришли къ убѣжденію, что я непременно буду пророкомъ, такъ какъ Богъ открываетъ мнѣ то, что происходило до моего рожденія. Я и теперь не знаю, какъ объяснить всю эту исторію. Мой отецъ и мать съ тѣхъ поръ постоянно внушали мнѣ, что я созданъ для великаго дѣла.

Моя бабушка, которая была очень религіозна и которую я очень любилъ, также замѣтила, что я очень умный и не по лѣтамъ развитой мальчикъ. То же самое говорилъ нашъ хозяинъ и нѣкоторые изъ его гостей. И всѣ они приходили къ убѣжденію, что меня не слѣдуетъ учить, такъ какъ, благодаря ученію мой умъ разовьется, и я буду негоднымъ рабомъ.

Но у меня былъ слишкомъ живой умъ, чтобы я могъ ничѣмъ не

интересоваться. Я самъ не знаю, какъ я выучился читать. Я не помню, чтобы учился азбукѣ. Къ удивленію всей семьи, однажды, когда мнѣ дали въ руки книгу, чтобы меня развлечь, я началъ читать слова. Когда, гдѣ и какимъ образомъ я научился читать, ни я и никто изъ моихъ родныхъ не помнилъ. Это произошло на всѣхъ очень сильное впечатлѣніе и еще болѣе укрѣпило всеобщее мнѣніе среди прислуги, что я буду пророкомъ.

Когда я подростъ, то меня послали на работу. Я работалъ усердно, но не упускалъ ни одной свободной минуты, чтобы не заглянуть въ книгу. Даже во время работы я постоянно о чемъ-нибудь размышлялъ. Въ свободное время я молился или производилъ всевозможные опыты: пытался приготовить порохъ, писчую бумагу и т. п.

Я самъ никогда въ дѣтствѣ не воровалъ, но взрослые негры такъ глубоко вѣрили въ мои необычныя способности, что часто брали меня съ собою, когда производили грабежи для того, чтобы я выработывалъ для нихъ наиболѣе подходящій планъ дѣйствія.

Я росъ среди негровъ, которые съ дѣтства вѣрили въ мое предназначеніе совершить великія дѣла. Мало-по-малу я и самъ повѣрилъ въ это. Однажды, когда я молился, мнѣ показалось, что Духъ сказалъ мнѣ: «Ищи царства небеснаго, все остальное придетъ само собою».

Одинъ изъ судей спросилъ Тернера: «О какомъ Духѣ ты говоришь?»

Тернеръ отвѣтилъ такъ: «Со мной говорилъ Тотъ же Духъ, который говорилъ въ былые дни съ пророками». Я былъ этимъ страшно пораженъ, и въ теченіе двухъ лѣтъ все свое свободное время проводилъ въ молитвахъ. Затѣмъ, у меня опять было видѣніе, подтвердившее мое убѣжденіе въ томъ, что я предназначенъ Всевышнимъ совершить великое дѣло.

Прошло много лѣтъ, въ теченіе которыхъ произошло не мало событій, укрѣпившихъ мою вѣру въ то, что я предназначенъ совершить нѣчто великое. Я былъ рабомъ, и, конечно, прежде всего все мое вниманіе было обращено на рабство. И я считалъ, что великое дѣло, для котораго я призванъ, было дѣло освобожденія рабовъ. Я зналъ силу своего вліянія на умы моихъ сотоварищей по рабству. Они вѣрили, что черезъ меня говорить Духъ Божій; я началъ готовить ихъ къ возстанію, говоря, что скоро случится нѣчто, долженствующее повести къ тому, что исполнится великое обѣщаніе, данное мнѣ Богомъ.

Около этого времени я бѣжалъ съ плантаціи въ лѣсъ, скрывался тамъ тридцать дней и, къ удивленію всѣхъ, возвратился обратно. Я возвратился обратно потому, что слышалъ голосъ Божій, приказывавшій мнѣ возвратиться къ моему хозяину. Около этого же времени я имѣлъ видѣніе: я видѣлъ, какъ бѣлый Духъ и черный Духъ дрались между собою, солнце померкло, громъ гремѣлъ на небесахъ, и кровь текла ручьями. Я слышалъ голосъ, раздавшійся съ неба: «это то, что тебѣ предназначено увидѣть».

На нѣкоторое время я отдалился, насколько позволяло мое положеніе, отъ моихъ сотоварищей по рабству, и все свое свободное время употреблялъ

послуженіе Богу. И Духъ Божій подтвердилъ мнѣ все то, что открылъ прежде, и сказалъ, что Онъ откроетъ мнѣ всю глубину знанія, составъ звездъ, движеніе планетъ, приливы и отливы, и измѣненія временъ года. Однажды духъ Божій сказалъ мнѣ: «смотри на небеса». Я посмотрѣлъ и увидѣлъ на небѣ массу людей, стоящихъ въ разныхъ положеніяхъ. Небѣ сверкали лучи свѣта, представлявшіе собою отблескъ руки Божьей, направленной къ востоку. Это чудо произвело на меня сильное впечатаніе, и я умолился, прося дать мнѣ его разъясненіе.

Вскорѣ послѣ этого, когда я работалъ надъ уборкой пшеницы, я вдругъ замѣтилъ капли крови на колосьяхъ пшеницы. Объ этомъ я разсказалъ и бѣлымъ и чернымъ. Затѣмъ, на листьяхъ въ лѣсу я видѣлъ рисунки, изображавшіе числа и разныя фигуры людей, нарисованныя кровью. Въ этихъ фигурахъ я узналъ то, что видѣлъ на небесахъ. И я тогда началъ видѣніе: кровь Христа была пролита на землѣ, затѣмъ она поднялась къ небу, ради спасенія грѣшниковъ. Теперь она опять возвращается въ видѣ росы на землю. Этимъ Господь хотѣлъ сказать, что приближается день Страшнаго Суда.

Духъ опять явился ко мнѣ и сказалъ, что Спаситель велѣлъ намъ встать. И, если бѣлые не захотятъ насъ крестить въ церкви, то мы должны всѣ вмѣстѣ войти въ рѣку, и тамъ насъ окреститъ Самъ Духъ Божій. Я страшно обрадовался этому и благодарилъ Бога за обѣщанную милость.

Двадцатаго мая 1828 года я услышалъ громкій шумъ на небесахъ, и Духъ Божій сказалъ мнѣ, что Змѣй получилъ свободу, что Христосъ снялъ съ своихъ плечъ бремя грѣховъ человѣческихъ, что я долженъ приготовиться вступить въ бой со Змѣемъ, и что приближается то время, когда первые будутъ послѣдними, а послѣдніе первыми.

Одинъ изъ судей спросилъ: «Теперь ты сознаешь свою ошибку?»

— Развѣ Христосъ не былъ распятъ? Знаменія на небесахъ показали мнѣ, что я начну великую работу. Мнѣ было приказано убивать враговъ ихъ же оружіемъ. Объ этомъ я сообщилъ четыремъ изъ своихъ товарищей, которые заслуживали большаго довѣрія (Генри, Гаркъ, Нельсонъ и Самъ). Было рѣшено начать избіеніе 4-го іюля. Мы составляли много различныхъ командъ и промъ отбрасывали ихъ. Время шло, и мы не принимали никакого рѣшенія. Это меня очень угнетало. И я рѣшилъ не ждать больше».

Далѣе мѣръ Тернеръ даетъ показаніе о заговорѣ, составленномъ имъ съ товарищами-неграми. Заговорщики рѣшили безпощадно истребить своихъ угнетателей. Былъ образованъ значительный отрядъ изъ негровъ, и по ихъ повелѣнію въ ночь 4 іюля 1830 г. началось поголовное избіеніе рабовладельцевъ и всѣхъ бѣлыхъ.

Мы не будемъ повѣдать всѣхъ подробностей избіенія людей на планетѣ. Огромныя яды выдержкѣй, показывающей, насколько негры освобождены противъ рабовладельцевъ.

Затѣмъ, я пошелъ къ Жону Гаррау, но тамъ уже были наши и

убили его. Я поѣхалъ за ними къ капитану Гаррису, тамъ я нашелъ ихъ человѣкъ около сорока, уже верхомъ на лошадяхъ, они соблагоулю уѣзжать дальше. Увидѣвъ меня, они прокричали: ура! Мы съезжали, капитанъ Гаррисъ и его семья успѣли уѣзжать, домъ же его мы разрушили. Я велѣлъ ѣхать на плантацію мистера Леви Вальтера... Мы убили миссъ Вальтеръ и десять человѣкъ ея дѣтей и поѣхали къ мистеру Вальтеру. Тамъ мы убили его и двухъ его сыновей, а миссъ Вильямсъ оставили живыми. Но мы ее догнали, привели назадъ и застрѣлили».

II.

Приводится также копія судебного разбирательства, происшедшаго въ городѣ Граталь въ 1851 году. Вотъ отрывокъ изъ нея съ разсказомъ о томъ, какъ мучили рабовъ. Очевидно, разсказъ Понедѣльника о гдѣ «Заговорщики» взятъ изъ этого судебного разбирательства.

«1-го Сентября 1851 года обвиняемый привязалъ своего раба Сэмъ къ дереву. Сначала онъ билъ его бичемъ, затѣмъ сталъ бить его палкою, а когда усталъ, то велѣлъ бить своимъ двумъ рабамъ, женщиною и мужчиною. Привязаннаго раба били по всѣмъ частямъ тѣла, и въ головѣ по лицу. Затѣмъ, къ его тѣлу прикладывали раскаленные уголья. Потомъ его тѣло обмыли горячей водою съ перцемъ...»

Авторъ даетъ еще нѣсколько подобныхъ же выдержекъ изъ судебныхъ процессовъ того времени, но мы не будемъ ими утомлять читателя.

III.

Бичеръ-Стоу приводитъ также нѣсколько объявленій о бѣглыхъ рабахъ. Вотъ одно изъ нихъ:

«Сто двадцать пять долларовъ вознагражденія дается тому, кто приведетъ ко мнѣ въ Тоснотъ бѣглаго раба Гарри, или доставитъ его въ государственную тюрьму, откуда я смогу его получить. Сто пятьдесятъ долларовъ тому, кто доставитъ мнѣ его голову... Подписано: Галфордъ Корнъ 29 іюня 1850 года.»

IV.

Въ оригиналѣ цитируются, кромѣ того, интересные документальные отношенія церкви къ рабству. Сначала авторъ даетъ перечень нѣкоторыхъ церковныхъ постановленій по поводу рабства.

1) Рабство—вполнѣ законное невинное учрежденіе, въ которомъ отношеніе родителей къ дѣтямъ, жены къ мужу и т. п.

2) Оно представляетъ собою братское отношеніе къ рабу, а не же блага.

3) Не слѣдуетъ порицать господина, если онъ продастъ раба по его согласію.

4) Право имѣть рабовъ, покупать и продавать ихъ дано непосредственно Господомъ.

5) Законъ, запрещающій давать образование рабамъ, вполне справедливъ и одобренъ всей мыслящей частью христіанскаго общества.

Эти пять постановленій были сдѣланы пресвиторіанской церковью. Но и другія церкви не отставили отъ нея.

6) Вопросъ о рабствѣ не относится къ вопросамъ морали, а къ чисто политико-экономическимъ. (Постановленіе общества баптистовъ).

7) Право господина вполне распоряжаться временемъ своего раба признано самимъ Создателемъ міра. (Постановленіе общества баптистовъ).

8) Если при продажѣ рабовъ раздѣляются семьи, то въ этомъ случаѣ, какъ и при смерти мужа или жены, каждый изъ членовъ семьи можетъ вновь выйти замужъ или жениться. (Общество баптистовъ).

9) Рабство, какъ оно существуетъ въ Соединенныхъ Штатахъ, не должно считаться грѣхомъ. (Постановленіе собранія методистовъ).

10) Свидѣтельство цвѣтныхъ противъ бѣлыхъ не должно приниматься во вниманіе. (Постановленіе методисткой церкви).

Подобныя постановленія дѣлались церквями въ концѣ первой половины прошлаго столѣтія.

FIRST POPULAR
PUBLIC LIBRARY
27 ROUTE PAUL HENRY

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе. — Гарріать Вичеръ-Стоу	2
I. Нина	3
II. Клайтонъ	8
III. Семейство Гордоновъ	17
IV. Гарри и его жена	24
V. Дилемма	30
VI. Совѣщаніе	32
VII. Старый Тиффъ	34
VIII. Приготовленіе	43
IX. Поклонники	51
X. Объясненіе	51
XI. Томъ Гордонъ	51
XII. Мистеръ Джекиль	51
XIII. Исторія Мили	87
XIV. Дрэдъ	91
XV. Приготовленія къ лагерному религ. митингу	96
XVI. Религіозный лагерный митингъ	103
XVII. Въ болотахъ	117
XVIII. Въ семейномъ кругу Канемы	121
XIX. Возвращеніе Мили	129
XX. Судъ	155
XXI. Магнолія Гровъ	137
XXII. Нина у себя дома	151
XXIII. Апелляціонный судъ	157
XXIV. Роза разразилась	161
XXV. Катастрофа	166
XXVI. Цѣпь оборвана	170
XXVII. Планы Клайтона	171
XXVIII. Бѣгство въ Египетъ	177
XXIX. Совѣщаніе пресвитеріанскихъ священниковъ	18
XXX. Сестра Гарри	192
XXXI. Заговорщики	196
XXXII. Мнѣніе Франка Русселя	20
XXXIII. Судъ Линча	204
XXXIV. Эпгеди	221
XXXV. Во имя закона	227
XXXVI. Смерть Дрэда	27
XXXVII. Приготовленіе къ побѣгу	231
XXXVIII. Еще судъ Линча	231
XXXIX. Побѣгъ	232
XI. Эпилогъ	247
Приложенія	251

ПУБЛИКАЦИОННОЕ
 ОТДѢЛЕНІЕ
 С. ПЕТЕРБУРГА

UNIVERSITY OF CALIFORNIA LIBRARY
Los Angeles

This book is DUE on the last date stamped below.

PS Stowe-
2954 Dred.
D81R

UCLA-Young Research Library

PS2954 .D81R

yr

L 009 603 994 6

PS
2954
D81R

UC SOUTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY

AA 001 221 479 7

THE LIBRARY
UNIVERSITY OF CALIFORNIA
LOS ANGELES

